

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

На правах рукописи

Колесник Вероника Вячеславовна

**КОНЦЕПЦИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В
ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ, УСКОРЕННЫХ И СОГЛАСИТЕЛЬНЫХ
ПРОЦЕДУРАХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени

доктора юридических наук

Научный консультант:

доктор юридических наук, доцент,

Пастухов Павел Сысоевич

Пермь – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Теоретические основы реализации договорных отношений в уголовном судопроизводстве	40
§ 1.1 Концепция уголовно-процессуальных договорных отношений: основные направления и задачи по ее разработке и развитию	40
§ 1.2 Конвергенция частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства	79
§ 1.3 Договорные уголовно-процессуальные отношения: понятие, сущность, структура	112
Глава 2. Система процессуально-правовых форм договорных отношений сторон в современном уголовном судопроизводстве России	145
§ 2.1 Примирительные уголовно-процессуальные производства по окончанию уголовных дел	145
§ 2.2 Ускоренные процедуры применения мер уголовно-правового воздействия	191
§ 2.3 Современные согласительные уголовно-процессуальные производства	254
Глава 3. Реализация концепции договорных отношений в уголовно-процессуальном праве России	323
§ 3.1 Договорное уголовно-процессуальное право, как подотрасль российского уголовно-процессуального права	323
§ 3.2 Принципы договорного уголовно-процессуального права	356
§ 3.3 Перспективы развития договорных уголовно-процессуальных отношений и договорного уголовно-процессуального права	382
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	424
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	446
ПРИЛОЖЕНИЯ	518

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена назревшей потребностью в признании и научном объяснении феномена договорных уголовно-процессуальных отношений, который неразрывно связан с упрощением общей уголовно-процессуальной формы, присущей типу уголовного процесса государства.

Развитие упрощенных производств является общемировой тенденцией и соответствует международно-правовым процессуальным стандартам. Россия, как и другие современные государства, нарастила систему упрощенных производств по уголовным делам для организации более гибкого противодействия преступности, экономии бюджетных средств, гуманизации уголовной политики, развития партнерских отношений государства с обществом.

В России на большую часть совершаемых преступлений правовая реакция происходит через упрощенную уголовно-процессуальную форму: до 70% уголовных дел рассматривалось в особом порядке¹, около 20% уголовных дел судами прекращается². Превращение упрощенного порядка применения мер уголовно-правового и уголовно-процессуального воздействия в обычный – это необратимый факт правовой действительности³.

---

¹ Так, если в 2012 году особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ, был применен по 575 292 уголовным делам (51,5% от рассмотренных уголовных дел), то в 2017 году в таком порядке было рассмотрено 598 695 дело (70,09%), в 2018 – 558 110 дел (68,74%), а в 2019 – 434 631 дел (57,53%), в 2020 – 351 975 дел (49,83%), в 2021 – 314 445 дел (43,33%), в 2022 – 292 788 дел (40,37%). См. : Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.08.2023).

² По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ: в 2012 году судами прекращено 23,35% от рассмотренных уголовных дел, в 2013 – 23,63%, в 2014 – 23,31%, в 2015 – 23,73%, в 2016 – 22,9%, в 2017 – 21,12%, в 2018 – 21,75%, в 2019 – 23,25%, в 2020 – 24,85%, в 2021 – 21,94%, в 2022 – 20,25%. См.: Судебный департамент при Верховном Суде РФ : [сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 29.08.2023).

³ Количество исходов уголовных дел в обычной форме составляет менее 20% с тенденцией к дальнейшему сокращению. См. : Шклярук, М. Траектория уголовного дела

Между тем, если явление уголовно-процессуального упрощения получило официальное объяснение через концепцию дифференциации уголовно-процессуальной формы, то признание неразрывной связи упрощения с развитием договорных уголовно-процессуальных отношений дается нелегко уголовно-процессуальному отечественному правосознанию. Этому противятся как классическая правовая традиция, воспроизводящая утверждения о публично-правовой природе уголовного процесса и императивном методе уголовно-процессуального регулирования; а также следственная идеология, призывающая к национальной самобытности российского уголовного судопроизводства.

Договорные отношения всегда присутствовали в уголовном процессе, хотя по большей части неформально. Знаком наличия договорных уголовно-процессуальных отношений стало появление в российском законодательстве термина «досудебное соглашение о сотрудничестве». В уголовном процессе России, как и в большинстве стран, происходит конвергенция публичного и частного права. Непоследовательно, с временными отступлениями, но неуклонно осуществляется усиление состязательного начала в смешанном типе современного российского уголовного процесса.

В справедливом уголовном процессе правового государства развитие договорных уголовно-процессуальных отношений между сторонами защиты и обвинения неизбежно. Этому объективно способствуют экономический, технологический и гуманитарные факторы. Так, нарастание технических возможностей фиксации массовых нарушений налогового, таможенного, экономического законодательства, формально подпадающих под действие

в официальной статистике на примере обобщенных данных правоохранительных органов : публикация от 26.02.14. – Текст : электронный //Институт проблем правоприменения : [сайт]. URL : <https://enforce.spb.ru/products/papers/6265-traektoriya-ugolovnogo-dela-v-ofitsialnoj-statistike>(дата обращения: 28.08.2023).

уголовного закона, делает целесообразным избирательный, компромиссный договорной подход к уголовно-правовому реагированию на них.

Упрощение процедуры без согласия сторон защиты и обвинения, как показывает советский опыт «процессуального упрощенчества» – это путь к правоприменительному произволу и потому упрощение на договорной основе позволяет сохранить в правовом поле «процедурное упрощение», не подрывать справедливость уголовно-процессуальной системы.

Неготовность теории к признанию договорного феномена в упрощенной уголовно-процессуальной модели, отсутствие надлежащей научной основы привело к неудачным попыткам создания оптимальных сокращенных досудебных производств, в которых нуждается российская правоохранительная система.

Дополнительную злободневность теме исследования придает появление эксклюзивного договорно-упрощенного порядка освобождения от уголовной ответственности лиц за совершение преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Актуальным является предложение общего для всех граждан договорного уголовно-процессуального механизма разрешения уголовно-правовых конфликтов на возмездной, компенсаторной основе.

Усиливает актуальность темы и необходимость уравновесить наметившийся консервативный подход по отношению к договорно-упрощенным процедурам. Он отразился в резких изменениях проводимой уголовной политики по применению процедуры, предусмотренной главой 40 УПК РФ¹. В связи с этим, в правовой культуре должна укрепиться позитивная оценка договорного элемента в механизме уголовно-процессуального регулирования.

---

¹ См.: Доклад Генерального прокурора России Ю.Я. Чайки на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 15 февраля 2018 года // Прокурор. 2018. № 1. С. 19; Доклад Генерального прокурора России И.В. Краснова на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 17 марта 2020 года // Прокурор. 2020. № 1. С. 17.

Еще одним фактором, свидетельствующим об актуальности темы исследования, является принятие Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Данным правовым актом введены правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих в них военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное время¹.

Актуальным является необходимость разработки дополнительного уголовно-процессуального примирительного механизма процедуры освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки. Полагаем, что этот механизм мог бы стать составной частью сложносоставного уголовно-процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности (но также и от отбывания наказания) в связи с деятельным раскаянием, под которым можно понимать участие в боевых действиях по защите суверенитета России.

Таким образом, накопившийся в уголовно-процессуальной теории и практике круг вопросов делает актуальным исследование развития договорных уголовно-процессуальных отношений в отечественном уголовном судопроизводстве.

Степень научной разработанности темы исследования представлена в богатом, хотя и противоречивом, опыте развития договорных уголовно-процессуальных отношений в отечественном уголовном судопроизводстве и поиска объяснения феноменов уголовно-процессуального упрощения, установления договорных отношений сторон.

---

¹ Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.06.2023.

Во время действия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. теме упрощенного производства по уголовным делам посредством проведения полицейского дознания и рассмотрения мировым судьей были посвящены работы К.Д. Анциферова, Н.А. Неклюдова, Н.Н. Полянского, Поппе, Л.Я. Таубера, И.Я. Фойницкого, И.Г. Щегловитова и других. В период расцвета либерального направления русской уголовно-процессуальной науки был развит ряд концепций, в числе которых: теория процесса как процессуального отношения (П.И. Люблинский, Н.Н. Розин и др.); теория тождества процесса и предмета иска (А.Х. Гольмстен); исковая концепция обвинения (А.И. Елистратов, Н.Н. Розин, В.А. Рязановский, Н.Н. Полянский и др.). Все эти концепции объединяла идея о развитии процесса благодаря воле сторон, которая, в том числе и через договор, приобретает свойство регулятивного воздействия на правоотношения.

В советский период, благодаря работам П.Ф. Пашкевича, М.Л. Якуба и др., сформировалось учение о дифференциации уголовно-процессуальной формы, в рамках которого осмысливался феномен уголовно-процессуального упрощения. В новейшее время это учение применительно к позитивно-правовым реалиям, порожденным УПК РФ, и в свете понимания смысла «упрощения», «ускорения», «сокращения», «поощрения», развили В.А. Азаров, А.М. Баранов, А.С. Барабаш, А.В. Боярская, Б.Б. Булатов, Н.А. Власова, С.В. Власова, Б.Я. Гаврилов, Л.В. Головкин, В.Н. Григорьев, О.В. Гладышева, К.Ф. Гуценко, А.А. Давлетов, Ю.В. Деришев, В.В. Дорошков, К.Б. Калиновский, М.С. Кесаева, Н.Н. Ковтун, С.Л. Лонь, О.А. Малышева, Н.С. Манова, Е.В. Марковичева, О.В. Мичурина, Е.Н. Рахманова, Г.С. Русман, М.К. Свиридов, А.В. Смирнов, А.В. Пиюк, В.Т. Томин, Т.В. Трубникова, С.С. Цыганенко, В.С. Шадрин, С.А. Шейфер, Г.П. Химичева, Ю.К. Якимович и др.

Теория дифференциации уголовно-процессуальной формы остается доминирующей в научном пространстве. В этой связи надо особо следует отметить попытки теоретического осмысления феномена уголовно-

процессуального упрощения, которые были предприняты с использованием этой теории О.В. Качаловой, М.К. Свиридовым, А.В. Пиюком, сопряженные с отрицанием или умалчиванием договорного аспекта упрощенных уголовно-процессуальных производств.

Важное значение имеют разработки, посвященные протокольному производству в советском уголовном процессе, среди авторов которых можно назвать В.И. Баскова, И.Ф. Демидова, Т. П. Захарову, Л.И. Карнееву, С.Л. Лоня, С.С. Цыганенко, Л.Т. Ульянову, В.Т. Томина, Ю.К. Якимовича и др.

Особое место занимает теория уголовно-процессуальных отношений, в развитие которой внесли вклад многие выдающиеся ученые, в том числе В.П. Божьев, А.Д. Бойков, В.Г. Даев, П.С. Элькинд, М.С. Строгович и др.

Значительное влияние на разработку темы имеют исследования Г.В. Абшилавы («Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации» (2012)¹, Д.А. Маткиной («Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития» (2009)²; Ю.В. Кувалдиной («Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России» (2011)³; И.А. Александровой, И.В. Круглова, А.Ф. Кучина, А.Г. Смолина («Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска» (2007)⁴.

---

¹ Абшилава, Г. В.Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.09 / [Место защиты: НГОУ "Московская академия экономики и права"]. Москва, 2012. 551 с.

² Маткина, Д. В. Конвенциональная форма судебного разбирательства : история, современность и перспективы развития : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. Оренбург, 2009. 210 с.

³ Кувалдина, Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / [Место защиты: Сам. гос. ун-т]. Самара, 2011. 284 с.

⁴ Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска / М-во внутренних дел Российской Федерации, Нижегородская акад. ; [И. А. Александрова и др.]. Нижний Новгород : Нижегородская акад. МВД России, 2007. 224 с.

В основу разрабатываемой темы исследования была положена и теория правовой (процессуальной) конвергенции, вклад в развитие которой внесли С.С. Алексеев, Н.М. Коршунов, О.Д. Третьякова и другие ученые. В значительной степени на разработку темы исследования оказали идеи сторонников этой теории из числа ученых-процессуалистов: Г.В. Абшилавы, О.А. Зайцева, И.Л. Петрухина, А.Х. Шариповой, С.Д. Шестковой и др.

Теоретическая степень разработанности темы исследования определяется уже достаточно высоким уровнем разработки тем о диспозитивности в методах уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования, который достигнут в трудах А.С. Александра, О.И. Андреевой, И.С. Дикарева, Л.Н. Масленниковой, В.В. Хатуаевой, Э.Л. Сидоренко, А.В. Сумачева, иных представителей уголовно-правовых наук.

Развитию темы исследования способствовали научные разработки, посвященные отдельным современным производством, квалифицируемым автором как договорно-упрощенные. К ним относятся научные исследования, посвященные особому порядку судебного разбирательства, регулируемому главой 40 УПК РФ (Н.Н. Апостоловой, Ю.В. Астафьева, О.Я. Баева, В.М. Быкова, Д.П. Великого, А.Г. Волеводза, Л.А. Воскобитовой, Н.А. Громова, М.В. Головизнина, М.А. Днепровской, Н.П. Дубовика, А.А. Иванова, И.В. Килиной, О.В. Качалова, Н.А. Колоколова, Н.Н. Ковтуна, Ю.В. Кувалдиной, И.Б. Михайловской, К.А. Рыбалова, А.В. Смирнова, А.Г. Смолина, Д.А. Степаненко) и др.

Разработке темы диссертации способствовали научные труды, посвящённые досудебному соглашению о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), К.Ф. Багаутдинова, Г.Я. Борисевич, Е.А. Бравиловой, Л.В. Брусницына, О.В. Волынской, И.В. Головинской, М.М. Головинского, С.В. Зуева, А.А. Иванова, Е.В. Корчаго, Н.С. Костенко, М.Е. Кубриковой, В.А. Лазаревой, Ю.К. Орлова, Я.В. Лошкобановой, А.Г. Маркелова, Д.А. Маткиной, А.В. Пиюка, О.Н. Тисен, О.А. Тертышной, Т.В. Топчиевой, А.Г. Халиулина, В.В. Хатуаевой и др.

Существенный вклад в исследование процедур, урегулированных нормами главы 32.1, главы 51.1, ст. 25.1 УПК РФ, внесен О.И. Андреевой, А.А. Алимйрзаевым, А.В. Боярской, В.М. Быковым, С.В. Власовой, Б.Я. Гавриловым, В.М. Герасенковым, В.Н. Григорьевым, А.В. Гриненко, А.А. Давлетовым, И.С. Дикаревым, Е.А. Долей, В.В. Дорошковым, А.С. Закотянским, О.А. Зайцевым, В.В. Кальницким, О.В. Качаловой, М.С. Кесаевой, Н.Н. Ковтуном, Н.А. Колоколовым, Ж.К. Коняровой, В.А. Лазаревой, М.В. Лапатниковым, Н.С. Мановой, Ю.Л. Никифорова, Н.К. Панько, В.А. Семенцовым, Л.Г. Татьяниной, А.Г. Халиулиным, В.В. Ченцовым, Я.А. Шараевой, С.П. Щербой, С.М. Якубовой и др.

Особое место занимают творческие наработки, относящиеся к тематике прекращения уголовных дел по основаниям, которые получили наименование «примирительных», «согласительно-компенсаторных», «договорно-штрафных», авторами которых являются Х.Д. Аликперов, Н.Н. Апостолова, С.В. Бажанов, Х.В. Бопхоев, А.А. Варяник, Л.А. Воскобитова, М.А. Галимова, Л.В. Головка, А.П. Гуськова, И.С. Дикарев, А.В. Ендольцева, З.Д. Еникеев, С.П. Ефимичев, Н.Н. Ковтун, Ю.В. Корневский, Р.В. Костенко, В.А. Лазарева, А.М. Ларин, О.В. Левченко, Е.В. Марковичева, К.В. Муравьев, А.В. Победкин, А.Д. Прошляков, А.В. Савкин, В.В. Сверчков, В.А. Семенцов, А.В. Смирнов, А.М. Смирнов, А.Б. Соловьев, А.А. Чувилев, Ю.Ю. Чурилов, В.С. Шадрин, В.Б. Шерстнев, Л.А. Шестакова, а также другие.

Существенное влияние на формирование концепции договорных отношений оказали работы П.С. Пастухова по модернизации уголовно-процессуального доказывания («Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества» (2015), («Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества» (2015), («Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества» (2014). Автор работ

предлагает модернизировать уголовно-процессуальное доказывание посредством свободы выбора способов фиксации хода и результатов действия по получению доказательственной информации. Ключевое значение П.С. Пастухов придает отказу от чрезмерно заформализованной следственной формы производства по уголовным делам с предоставлением прав сторонам собирать фактические материалы и пересмотром правовых стандартов допустимости доказательств.

Несмотря на обилие подходов и точек зрения для современного состояния разработки темы исследования, характерно отсутствие единой концепции, дающей всестороннее, полное и объективное понимание договорно-упрощенных производств и договорных уголовно-процессуальных отношений.

Не отрицая наличие признаков упрощения, сокращения, ускорения, поощрения в производствах, которые стали темой исследования, автор впервые предлагает усматривать в них в качестве основы договорной атрибут. В отличие от других исследователей диссертант в своей авторской концепции постарался объединить противоречивые подходы к пониманию сложной правовой природы договорно-упрощенных производств в уголовном процессе.

Объект и предмет диссертационного исследования. *Объект исследования* образовали уголовно-процессуальные договорные отношения, складывающиеся между участниками современных позитивно-правовых договорно-упрощенных примирительных, ускоренных и согласительных производств в их настоящем состоянии и перспективном развитии. Исследование направлено на выявление объективных закономерностей договорных уголовно-процессуальных отношений примирительных, ускоренных и согласительных производств.

Предметом исследования выступают положения Конституции Российской Федерации, нормы уголовно-процессуального права и иных отраслей отечественного законодательства, регулирующие договорные

уголовно-процессуальные отношения; правовые стандарты, выработанные следственно-судебными органами при реализации данных норм, а также относящиеся к теме исследования концептуальные положения уголовно-процессуальной науки и иных юридических наук.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке авторской концепции, включающей комплекс обобщённых теоретических положений о договорных уголовно-процессуальных отношениях в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства; выработке на этой основе частных теоретических положений по отдельным институтам нормативного обеспечения этих отношений; обосновании положений, направленных на повышение эффективности современных позитивно-правовых договорно-упрощенных производств по уголовному делу, а также формулирование предложений по совершенствованию действующего законодательства, включая разработку структурного раздела Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)¹.

Выбранная цель исследования обусловила постановку и решение соответствующего круга **задач**:

– создание теоретической основы авторского подхода к сложившейся проблемной ситуации, порожденной феноменом договорных отношений в уголовно-процессуальной сфере;

– творческая переработка теоретического наследия отечественной уголовно-процессуальной науки для нахождения преодоления существующих противоречий и формирования объединительного подхода к пониманию договорно-упрощенных производств;

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921 ; 2024. № 1 (часть I). Ст. 53.

- определение авторской позиции по ключевым дискуссионным вопросам дифференциации уголовно-процессуальной формы в связи с типологическими особенностями российского уголовного судопроизводства;
- выработка понятийного аппарата, призванного выразить новизну авторского подхода к объяснению правовой природы договорно-упрощенных производств по уголовным делам;
- создание авторских определений понятий и сущности «договорное «материально-процессуальное отношение», «договорное уголовно-процессуальное право», «договорно-упрощенные производства»;
- выявление основных направлений и результатов конвергенции частного и уголовного права в сфере уголовного судопроизводства;
- выявление принципиального ядра договорной (договорно-упрощенной) подотрасли современного российского уголовно-процессуального права;
- объективная оценка опыта создания и применения договорно-упрощенных производств в отечественном уголовном процессе, включая современный этап правового развития;
- определение меры «договорного» в связи с балансом частного и публичного начал в механизме уголовно-процессуального регулирования;
- предложение мер по совершенствованию правового регулирования отдельных существующих договорно-упрощенных производств;
- проверка возможности распространения договорной модели на системные институты уголовно-процессуального права, включая обвинение и доказывание;
- обоснование авторского проекта развития договорных уголовно-процессуальных отношений в виде раздела «Договорно-упрощенные производства» в УПК РФ.

Методология и методика диссертационного исследования базируются на методе диалектического материализма, который позволил понимать исследуемый феномен во всей его полноте и сложности, а при

выработке авторской концепции договорных уголовно-процессуальных отношений снять противоречия в многочисленных мировоззренческо-познавательных подходах в понимании договорно-упрощенных уголовно-процессуальных производств, выйти на качественно новое объяснение их правовой природы как формы существования комплексного договорного материально-процессуального отношения, а также определить разумную меру договорного начала в уголовно-процессуальном механизме.

При исполнении диссертационного исследования практиковался логический метод, который позволил создать целостную последовательную научную концепцию, сделать ряд последовательных ходов логического рассуждения от определения проблемной ситуации до выхода из нее с предложением конкретного договорного уголовно-процессуального инструмента воздействия на правоотношения, складывающиеся в сфере уголовного судопроизводства.

Использование аналитического метода позволило вычлнить в правовой уголовно-процессуальной реальности признаки договорных уголовно-процессуальных отношений, выявить и исследовать договорные свойства уголовно-процессуальных производств и различить отдельные уголовно-процессуальные договорные производства.

Метод синтеза позволил объединить договорно-упрощенные производства в систему и выйти на понятие договорного уголовно-процессуального права. Благодаря дедукции из общего допущения о возможности сторонам в уголовном процессе вступать в договорные отношения были выведены суждения о предмете, содержании, субъектах договорных уголовно-процессуальных отношений. С помощью индуктивного метода отдельные положения о присутствии договорного аспекта в уголовно-процессуальных производствах суммировались с выходом на общую авторскую концепцию о договорных уголовно-процессуальных отношениях.

Формально-юридический метод позволил истолковывать законодательство и выявлять правильный смысл норм, регулирующих договорные уголовно-процессуальные отношения. С помощью исторического и сравнительно-правового метода удалось проследить генезис российских договорно-упрощенных производств до их современных моделей. Статистический и социологический методы позволили получить эмпирическую основу для разработки аргументации, предложения мер по разрешению проблем правового регулирования современных договорно-упрощенных производств и разработки проекта договорного уголовно-процессуального права. Метод моделирования позволил обосновать новые, перспективные модели договорно-упрощенных уголовно-процессуальных производств.

Теоретической базой проведенного диссертационного исследования стали достижения отечественных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и иных юридических наук. Важной частью теоретической основы авторской концепции договорных уголовно-процессуальных отношений являются теория правовой конвергенции, теория процесса как прогрессирующего правоотношения, а также иные учения, проникнутые состязательной идеологией: концепции тождества предмета процесса и иска, субъективных публичных прав, исковая теория обвинения, учение о судебной истине.

Эмпирическую базу исследования составили:

- результаты изучения 456 уголовных дел в целях обобщения судебно-следственной практики по вопросам диссертационного исследования;
- результаты анкетирования и интервьюирования 250 прокуроров, 318 сотрудников органов предварительного расследования, 218 адвокатов и 142 судей;
- опубликованные материалы судебной-следственной практики по уголовным делам, а также официальные статистические данные о

результатах деятельности правоохранительных органов в сфере уголовного судопроизводства за 2013-2023 гг.;

Сбор эмпирического материала осуществлялся в период с 2013 по 2023 г. во Владимирской, Волгоградской, Воронежской, Нижегородской, Самарской, Рязанской, Ростовской, Тульской и Ярославской областях, Краснодарском, Пермском и Ставропольском краях, а также в гг. Москва и Санкт-Петербург.

Нормативную базу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, международно-правовые акты, федеральные конституционные законы, уголовно-процессуальное, уголовное и иное законодательство, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство отдельных зарубежных стран, правовые акты Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации по теме диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационного исследования. Впервые с учетом межотраслевых связей уголовно-правовых наук, на основе установленной объективной закономерности развития уголовно-процессуального права, творческого переосмысления научных исследований по сходной проблематике и собранного эмпирического материала, разработана авторская концепция договорных уголовно-процессуальных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства России; на этой основе выработаны частные теоретические положения по отдельным институтам нормативного обеспечения этих отношений; обоснованы положения, направленные на повышение эффективности современных позитивно-правовых договорно-упрощенных производств по уголовному делу, а также сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства, включая разработку структурного раздела Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Автором создано новое направление в науке уголовно-процессуального права, в котором объективному и всестороннему исследованию подвергнута важнейшая часть дифференциации современного уголовно-процессуального механизма, на основе чего сформированы полноценные процедуры примирительных, ускоренных и согласительных производств. Впервые разработаны основы теории договорного уголовно-процессуального права, выделены принципы договорно-упрощенных производств, обоснованы перспективы развития законодательства в рассматриваемой сфере деятельности судебно-следственных органов.

Новизна диссертационного исследования определяется включением в предлагаемую концепцию договорных уголовно-процессуальных отношений в уголовном судопроизводстве России ряда альтернативных господствующему нормативитскому подходу научных концепций, что позволило ослабить монополию учения о дифференциации уголовно-процессуальной формы и сделать это учение более объективным.

Предложенная концепция договорных уголовно-процессуальных отношений позволила по-новому измерить допустимость и разумность развития договорных уголовно-процессуальных производств в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

Основные положения, выносимые на защиту.

I. Теоретические положения о договорном уголовно-процессуальном правоотношении

1. Договорные уголовно-процессуальные отношения – это особая разновидность уголовно-процессуальных отношений, регулируемых диспозитивными уголовно-процессуальными правовыми нормами, между субъектами которых (несмотря на то, что один из них является «компетентным государственным органом») выдерживается правовое равенство. Выравнивание асимметричности «обычного» уголовно-процессуального отношения, возникшего после возбуждения уголовного дела публичного обвинения, и превращение его в договорное происходит по

решению участника процесса, осуществляющего предварительное расследование или судебное разбирательство.

Договорные отношения относятся к условно диспозитивному типу правоотношений, потому что их процессуальная судьба (возникновение, развитие и окончание) зависит от усмотрения – добровольного акта самоограничения государства, частичным отказом от полновластия на обязательное применение уголовного закона к виновнику преступления.

Императивно-правовое основание этого отношения, представляющее собой преступление, обуславливает свободу выхода из него органа, в производстве которого находится уголовное дело. В этом свойстве обратного хода договорного, равноправного отношения сторон в одностороннее уголовно-процессуальное отношение проявляется непостоянство и условность договорного уголовно-процессуального отношения.

Предметом договорных уголовно-процессуальных отношений являются желаемые обеими сторонами процессуальные и материально-правовые «блага»: процессуальные решения отдельных вопросов, окончательное решение по делу о виде и мере уголовно-правового воздействия.

Субъектами договорных уголовно-процессуальных отношений выступают сторона обвинения и сторона защиты. Прокурору надлежит быть субъектом всех договорных уголовно-процессуальных отношений, которые возникают между сторонами в деле; ему должна принадлежать решающая процессуальная роль во всех договорно-упрощенных производствах. Не следует наделять органы предварительного расследования правом самостоятельного вхождения в договорные уголовно-процессуальные отношения; они должны выступать только в роли процессуальных «помощников» прокурора как субъекта диспозитивного права на вхождение в договорные уголовно-процессуальные отношения со стороной защиты.

2. Правовым основанием перехода уголовно-процессуального отношения из обычного в договорное является уголовно-процессуальный

договор, который представляет собой соглашение стороны обвинения и стороны защиты об изменении или прекращении прав и обязанностей, и даже, возможно, об установлении таковых, включая материально-правовые¹.

Уголовно-процессуальный договор имеет целью упрощение достижения целей участников судопроизводства, являющимися сторонами в деле, что укладывается в основное назначение процесса. Не может быть правового упрощения без договора, который первичен, а упрощение – вторично (а не наоборот). Через договор могут решаться как отдельные вопросы, возникающие по ходу уголовного процесса, так и судьба уголовного дела, а значит и определение виновнику преступления меры уголовно-правового воздействия.

Уголовно-процессуальный договор способен быть дополнительным процессуальным средством обеспечения правовой определенности, гарантией достижения уголовным судопроизводством своего назначения по конкретному делу.

3. Договорные уголовно-процессуальные отношения сторон присутствуют в следующих современных процедурах: особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ); досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ); дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ); замена наказания судебным штрафом как альтернатива уголовному преследованию (ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ); прекращение уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, ст. 25, пунктом 3 части 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1, 427 УПК РФ. Мера договоренности, заложенная в них законом, различна, отсюда и степень развитости договорных уголовно-процессуальных отношений при их реализации.

Договорные отношения неравномерно представлены в системе уголовно-процессуальных отношений и наибольшую тенденцию к росту демонстрируют в «экономическом уголовном судопроизводстве», где

---

¹ Этот пункт перспективного уголовно-процессуального договора возможен в контексте обвинительного процесса, но не современного российского уголовного судопроизводства.

опережающими темпами происходит развитие партнерских отношений государства с субъектами предпринимательской деятельности. Отсюда особое развитие договорных отношений в рамках процедуры, регулируемой статьей 28.1 УПК РФ.

4. Конвергенция частного и публичного права утверждается как объективная закономерность общеправового развития, включая развитие уголовно-процессуального права. Она служит главным источником формирования договорных отношений в уголовно-процессуальной сфере, что можно расценить как разумную степень «приватизации» отдельных институтов уголовно-процессуального права, унификации гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных правовых стандартов в определении предмета, субъектов, способа развития и разрешения уголовного дела.

Развитие договорных уголовно-процессуальных отношений является показателем процессуальной свободы, меры состязательности, возможности влияния воли равноправных сторон на процесс. Поскольку основой всего правового является договор, постольку увеличение договорного начала в уголовно-процессуальном праве является возвращением к исходной – частно-исковой судебной модели, что в современный период времени может быть представлено в виде уголовно-исковой самозащиты лиц своих прав, нарушенных преступлением, при посредничестве прокурора и суда.

В свете конвергенции частного и публичного права, увеличения доли частного начала в публично-правовой уголовно-процессуальной сфере может быть пересмотрен концептуальный предел уступчивости обвинительной власти государства (прокуратуры), готовности субъекта публичного обвинения вступать в договорные отношения с участниками уголовно-правового конфликта по всему кругу юридических и иных вопросов, представляющих интерес для сторон. Знаковым является распространение договора на два важных института уголовно-процессуального права:

обвинение и доказывание. В свете конвергенции частного и публичного права допустимо распространение договорной модели на оба эти института.

Теория конвергенции частного и публичного права создает задел для конструирования центрального звена авторской концепции – договорного уголовно-процессуального отношения, как средства превзойти доктринальное ограничение в определении меры развития договорных уголовно-процессуальных отношений.

5. Сформирован взаимообусловленный подход к пониманию договорного уголовно-право-процессуального отношения как идеального совмещенного «материально-процессуального отношения», все элементы которого из договорной природы, мыслится в контексте состязательного (обвинительного) процесса. Слияние уголовно-правового и уголовно-процессуального отношений в комплексное материально-процессуальное отношение, триединое в своей фактической, материальной (уголовно-правовой) и процессуальной составляющих, позволяет рассуждать о разумной и действительной мере договорных уголовно-процессуальных отношений в механизме уголовно-процессуального регулирования и возможности их увеличения.

6. Объектом материально-правового отношения мыслится преступление в совокупности с обвинением, а также основывающие доказательства, получаемые в ходе уголовного процесса. Данный объект и определяемое им в желаемом сторонами итоговом процессуальном решении по делу средство материально-процессуального воздействия может быть предметом договора. Это означает включение в материально-процессуальное соглашение между прокурором и стороной защиты предмета обвинения, в том числе уголовно-правовую квалификацию, размер и вид возможного наказания, а также замены его альтернативной юридической ответственностью. При этом утверждается, что изменение обвинения допускается только в пользу обвиняемого в обмен на его позитивные

посткриминальные действия. Процессуальная фикция превращается в правовую реальность по договоренности сторон.

7. Вывод о том, что ограничения на возможность заключения соглашения с любым обвиняемым по любым вопросам должны быть сняты, если это выгодно не только обвинительной власти, потерпевшему, обвиняемому, но и не идет против фундаментальных интересов правосудия.

Согласно авторской концепции двуединого материально-процессуального отношения, средства уголовно-правового воздействия являются производными от процесса и потому могут образовываться уголовно-процессуальным соглашением сторон.

9. Авторское понятие «средство материально-процессуального воздействия» как (а) содержание договорного уголовно-процессуального отношения; (б) предмет соглашения сторон; (в) правовой результат реализации договоренности сторон о судьбе обвиняемого и уголовного дела.

II. Теоретические положения о позитивно-правовом воплощении договорных отношений в современных уголовно-процессуальных производствах

1. В обобщенном понятии «договорно-упрощенные производства» соединены две взаимосвязанные сущностные черты этих производств: договорность и упрощенность. Первым атрибутом этих процедур является договор, который позволяет определить сущность многообразных, различающих между собой альтернативных общему порядку ведения уголовных дел процедур производства по несложным уголовным делам, в отсутствие спора сторон, согласных на принятие определенного процессуального решения. Вторым атрибутом указанных процедур является их упрощение ввиду избыточности некоторых элементов процессуальной (следственной) деятельности по выяснению фактических обстоятельств бесспорного дела и установлению основания для применения альтернативной меры уголовно-правового воздействия к лицу, согласившему с обвинением и на такой исход.

2. Договорно-упрощенные производства – это различные упрощенные производства, имеющие договорную природу, которая в той или иной мере затрагивает доказывание и уголовное преследование. Помимо договорно-упрощенных производств по уголовному делу могут быть бездоговорные упрощенные производства, в которых бесспорность вызвана не отказом стороны защиты от оспаривания обвинения, а очевидность преступления, не требующая собирания дополнительных доказательств.

Современные договорно-упрощенные производства по мере развитости в них договорных отношений можно расположить в следующей последовательности: (а) ускоренные производства; (б) примирительные производства; (в) согласительные производства.

Под понятие ускоренного договорно-упрощенного или «суммарного» производства¹ подпадают две современные процедуры: дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), предполагающее рассмотрение дела судом в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, и производство по замене уголовного наказания мерой уголовно-правового характера в виде штрафа (ст. 25.1, глава 51.1 УПК РФ).

В первой позитивно-правовой модели ускоренного производства суммированы два сокращенных производства: досудебное и судебное. Итоговым эффектом данной модели является ускорение разрешения уголовного дела по существу. Вторая позитивно-правовая форма ускоренного производства также включает в себя досудебную и судебную составляющие. Досудебную составляющую могут представлять сокращенное дознание, так и дознание или даже следствие, ход которого на определенном этапе прерывается (прекращается) решением органа предварительного расследования о возбуждении ходатайства перед судом о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу судебного штрафа (ч. 2 ст. 446.2

---

¹ Это, разумеется, не суммарные производства в чистом виде, но наиболее близкие к нему модели, созданные на данном этапе правового развития.

УПК РФ). Судебная часть данного ускоренного производства представляет собой процедуру, предусмотренную частями 4–8 ст. 446.2, ст. 446.3 УПК РФ.

Им присущи базовые свойства всех договорно-упрощенных производств: договорность и упрощенность. К ним плюсятся в качестве видовых еще два качества: ускорение и правоусмотрение. Ускорение есть эффект суммирования, сложения отдельных элементов процедуры в более простые сущности. Суть ускорения – срочность, то есть возможно более быстрое применение меры уголовно-правового воздействия к нарушителям уголовного закона, которая выражена в этих двух ускоренных производствах умеренно. Другое качество ускоренной процедуры – это преобладание правоусмотрения государственного компетентного органа над двусторонней диспозитивностью, договорной моделью, как при переходе на ускоренную процедуру, так и при окончательном разрешении дела.

В перспективе более приемлемой является национальная модель суммарного производства в виде полицейского дознания, как досудебного производства, и рассмотрения уголовного дела мировым судьей с участием в качестве публичного обвинителя – представителя органа полицейского дознания.

3. Авторская теоретическая модель современной конструкции ускоренного производства и ее структурных элементов. Она включает в себя:

- уголовно-правовую ее составляющую в двух проявлениях: (а) преступления небольшой или средней тяжести («уголовные проступки») и (б) смягченный вариант уголовно-правового воздействия, вплоть до замены наказания судебным штрафом или освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию;

- двухсоставную структуру, состоящую из досудебной и судебной части, где суммирование происходит за счет упрощения досудебного и судебного производства;

- согласительную позицию обвиняемого как минимум по следующим пунктам позиции сторон относительно предмета процесса: во-первых, согласие с утверждением о том, что им совершено преступление, сформулированное в подозрении или обвинении; во-вторых, согласие с решением органа предварительного расследования о переводе дела в режим ускоренного производства и предполагаемым им исходом дела, в-третьих, признание обвиняемым (подсудимым) своей вины в совершении инкриминируемого ему преступления в суде, в-четвертых, согласие с окончательным решением по делу;

- фактическая составляющая этой процессуально-правовой конструкции, которая состоит в очевидности преступления, обуславливающей бесспорность дела и установление главного доказываемого факта, что делает возможным суммирование доказывания по усмотрению органа, в чьем производстве находится уголовное дело;

- субъектный состав, образуемый со стороны защиты обвиняемым, его защитником, а со стороны обвинения - прокурором, субъектами дознания или предварительного следствия; участие потерпевшего – субсидиарное и становится значимым по решению органа, ведущего уголовное дело;

- обвинительная составляющая представлена «свернутой процедурой» выдвижения обвинения вплоть до замены ее привлечением к уголовному преследованию подозреваемого без предъявления обвинения;

- обязательное участие прокурора в судебной части ускоренного судебного разбирательства.

4. К примирительным процедурам отнесены процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, статьей 25, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ. Вместе с уголовно-правовыми нормами (ст. 75-76.1 УК РФ) они образуют материально-процессуальный механизм разрешения уголовных дел через достижение сторонами примирения, которое утверждается решением правоприменительного органа об освобождении от уголовной ответственности.

Примирительные договорно-упрощенные производства – это различные упрощенные производства, имеющие средне-выраженную, сдержанную договорную природу, включающие ту или иную разновидность согласия сторон и реализуемые в режиме упрощения к освобождению от уголовной ответственности наряду с подтверждением факта совершения преступления обвиняемым и вытекающими из этого неблагоприятными для него правовыми последствиями.

5. Авторская позиция относительно квалифицирующих признаков примирительных договорно-упрощенных производств.

Главным квалифицирующим признаком примирительных договорно-упрощенных производств является то, что они служат инструментом досрочного, в том числе досудебного, разрешения уголовного дела (спора) по существу, без вынесения приговора судом. Ограниченность ее договорной сущности состоит в решающем значении дискреционного правоусмотрения органа предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело.

Отличительными чертами примирительных договорно-упрощенных производств являются следующие материально-правовые и процессуальные аспекты:

- такой исход уголовного дела уместен только тогда, когда предметом выдвинутого обвинения является преступление небольшой или средней тяжести (уголовный проступок);

- основой данной процедуры служит примирение между потерпевшим и обвиняемым, представляющее собой правовое ядро диспозитивного уголовно-процессуального отношения между частными лицами, воля которых для органа, в чьем производстве находится уголовное дело, не является обязательной;

- субъектом примирения со стороны обвинения выступает частное лицо, а именно потерпевший или частный обвинитель, но не «государство» в лице правоохранительных органов;

- примирение сторон создает возможность для прекращения уголовного дела, но не обязывает к такому решению правоприменителя;

- возмещение вреда, причиненного преступлением, является важным, а иногда и главным условием прекращения уголовного дела;

- примирительная процедура обязательно включает согласие обвиняемого с (а) обвинением и (б) прекращением дела по данному основанию;

- судебная составляющая является факультативной, не обязательной конструктивной частью этих производств, которые состоятельны и в рамках предварительного расследования.

б. Авторская теоретическая модель современной конструкции примирительных договорно-упрощенных производств, базирующаяся на их разделении на медиационные и компенсаторно-штрафные производства. Сообразно выделенной двучленной модели примирительных производств, предлагается выстраивать и их перспективную модель.

К медиационной разновидности примирительных производств надо отнести процедуры, предусмотренные ч. 2 ст. 20, ст. 25 УПК РФ. Вторая разновидность примирительных уголовно-процессуальных производств – «компенсаторно-штрафная» – близка к модели деятельного раскаяния. Ядром этой разновидности примирительных производств являются процедуры, регулируемые статьями 28, 28.1 УПК РФ. К ним примыкают процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 427 УПК РФ.

Отличительными ее признаками являются:

- необязательность примирения сторон;
- возможность ее применения по делам, в которых нет потерпевшего;
- главным условием прекращения дела (уголовного преследования) является возмещение вреда в денежно-материальном выражении;

- наряду с возмещением вреда на обвиняемого могут быть наложены штрафные санкции во внесудебном порядке;

- раскаяние, как минимум, должно проявиться в признании вины по предъявленному обвинению, как максимум – развернуться (по решению правоприменителя) в юридический состав полного «деятельного раскаяния».

Необходимо обеспечить общедоступность компенсаторно-штрафной процедуры, регулируемой статьей 28.1 УПК РФ, для всех лиц, уголовно-преследуемых за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

7. Авторская трактовка согласительных договорно-упрощенных производств двух видов: (а) «простое» соглашение о признании вины» (глава 40 УК РФ) и (б) «сложное» или «большое» согласительное производство, основанное на заключении соглашения о сотрудничестве, регулируемое нормами глав 40.1 и 40 УПК РФ.

Материально-фактическим основанием соглашения сторон (и большого-сложного и малого-простого) является факт совершения преступления, представленный участникам в процессуальной оболочке обвинения и доказательств. Вся остальная правовая конструкция, выстраиваемая на нем, в той или иной мере договорная, то есть «творится» сторонами – в соответствии с предписаниями закона.

В основе обоих производств заложена модель договора между обвинительной властью государства и обвиняемым в совершении преступления лицом. В обоих случаях складываются договорные уголовно-процессуальные отношения между сторонами обвинения и защиты.

«Простое соглашение сторон» имеет предметом желаемое сторонами решение, каковым является обвинительный приговор суда с назначением наказания не выше максимума, указанного в части седьмой статьи 316 УПК РФ. Иные варианты исхода дела варьируются в пределах запрета на поворот к худшему. «Сложное соглашение» имеет своим предметом сотрудничество, которое должен осуществить обвиняемый с органом предварительного следствия и в суде – с государственным обвинителем для изобличения иных лиц в совершении преступлений.

По смыслу статьи 317 УПК РФ, в системной связи с п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, пунктом соглашения является признание обвиняемым, подозреваемым факта совершения им определенного преступления, хотя согласие по данному пункту является второстепенным.

Главное, что объединяет, но и различает данные производства – это мера «согласительности» в уголовно-процессуальных отношениях непосредственно между государством в лице прокурора и обвиняемым. Данная мера наибольшая в «сложном» уголовно-процессуальном договоре и в процедурной конструкции «досудебное соглашение плюс особый порядок судебного разбирательства». Причина большей «согласительности» сложной согласительной процедуры обусловлена прагматикой ее назначения – нахождение через договор средства противодействия наиболее тяжким преступлениям, организованной преступности.

Обусловленные главным различием различия второго порядка состоят в следующем: а) ограниченностью малого соглашения уголовно-правовым фактором (часть 1 ст. 314 УПК РФ) и отвязку от него большого, б) обязательное участие потерпевшего в малом соглашении и его субсидиарное участие во втором, в) более ярко выраженную решающую роль прокурора в полной согласительной процедуре.

8. Вывод об относительной добровольности вхождения сторон в соглашение. Мера добровольности вхождения обвиняемого как в малое (простое), так и большое (сложное) соглашение с прокурором обусловлена фактом совершения им преступления. Обе стороны относительно свободны в заключении соглашения, хотя обвиняемый делает это в своих частных интересах, а прокурор - в публичных. Нельзя принудить к заключению сделки ни одну из сторон уголовного процесса. Обвиняемый является субъектом диспозитивного права на заявление ходатайства как о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 315 УПК РФ), так и о рассмотрении уголовного дела в особом порядке (ст. 317.1 УПК РФ). Само заявление ходатайства о заключении соглашения со стороной обвинения

исходит из презумпции совершения этим лицом преступления. Поэтому вступление в соглашение со стороны обвинения надо трактовать как способ распоряжения обвиняемым своим правом на защиту. Для прокурора свобода заключения досудебного соглашения, а шире – вступление в любое соглашение со стороны защиты, обусловлена его положением должностного лица в органе прокуратуры.

Со стороны государства субъектом уголовно-процессуального договора выступает прокурор, остальные органы публичного уголовного преследования выступают вспомогательными – содействующими прокурору субъектами. Следователь, равно как и руководитель следственного органа, не являются субъектами договорных отношений со стороны защиты.

9. Вывод о необходимости соблюдения запрета на поворот к худшему при проведении «полной» согласительной процедуры. Изменение обвинения в худшую сторону является изменением договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения положения одного из участников соглашения по сравнению с зафиксированными в соглашении условиями, что противоречит юридической природе соглашения о сотрудничестве как договора и потому недопустимо. Соглашение о сотрудничестве должно содержать то обвинение, которое было окончательно сформулировано по делу, направленному прокурором в суд. Изменение обвинения в худшую сторону влечет за собой перезаключение соглашения о сотрудничестве или отказ от него.

Несмотря на то, что закон не предусматривает процедуру пересоставления досудебного соглашения, прокурор должен сделать это в случае, если следователем было обвинение отягчено. В случае предъявления следователем нового обвинения, прокурор должен быть поставлен об этом в известность¹. Прокурор должен вынести постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения. В случае вынесения прокурором постановления об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве

---

¹ Оптимальным было бы предварительное согласование следователем этого решения с прокурором.

составляется новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, предусмотренном статьей 317.3 УПК РФ.

Редакцию части 5 ст. 317.4 УПК РФ следует изложить с учетом того принципиального положения, что окончательная формула обвинения должна быть идентичной той, что зафиксирована в досудебном соглашении о сотрудничестве, которое прокурор представляет суду в качестве предложения для проведения судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

III. Теоретические положения о развитии уголовно-процессуальных отношений в новых позитивно-правовых процессуальных формах

1. Авторская позиция, согласно которой последовательное и системное развитие договорных уголовно-процессуальных отношений возможно в виде системного образования – подотрасли права. Договорное уголовно-процессуальное право определяется как совокупность диспозитивных уголовно-процессуальных правовых норм, относящихся к заключению и приведению в исполнение соглашений между сторонами в деле: следственно-обвинительной властью, а также потерпевшим, и обвиняемым, его защитником, для достижения назначения уголовного судопроизводства. Его методом является диспозитивный метод правового регулирования, объектом – договорные диспозитивные уголовно-процессуальные отношения сторон.

Нормы договорного уголовно-процессуального права регулируют процессуально-правовые обязательства сторон обвинения и защиты, других участников процесса, возникающие из различного вида договоров, заключаемых сторонами в деле в рамках договорно-упрощенных производств.

Юридиком-техническим оформлением состоявшегося договорного уголовно-процессуального права должен стать отдельный раздел УПК «Договорно-упрощенные производства», включающий три главы сообразно трем видам договорно-упрощенных производств.

2. В контексте договорного уголовно-процессуального права находит завершение трактовка понятия «средство материально-процессуального воздействия», а именно: как средства, вырабатываемого сторонами в ходе договорно-упрощенного производства на основе норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Договорной уголовно-процессуальный механизм служит дополнением к общему порядку производства по уголовным делам. Его назначением выступает достижение на договорной основе общих целей уголовного судопроизводства в ускоренном, упрощенном правовом режиме, экономией сил и средств публичной власти, а также гуманизация уголовно-правового воздействия.

3. В авторской трактовке будущее договорное уголовно-процессуальное право должно иметь следующую структуру: (а) приказное – суммарное производство по очевидным преступлениям небольшой и средней тяжести, (б) примирительные (медиационные) производства, (в) соглашения о признании вины: простое и сложное, включающее соглашение о сотрудничестве обвиняемого с органом публичного уголовного преследования – прокурором.

4. Основное ядро договорного уголовно-процессуального права составляют: принцип обвинения, формальная (процессуальная) истина, диспозитивность, целесообразность, запрет на поворот к худшему, защита от самоизобличения, быстрота. Эти принципы образуют подсистему альтернативных, дополнительных принципов, определяющих сущность только договорно-упрощенных производств. Они являются принципами второго ряда по отношению к принципам «общего» уголовного процесса, осуществляемого по уголовным делам в общем порядке, являются дополнением к ним и не подрывают их приоритета. В «свернутом виде» они присутствуют в смешанном типе российского уголовного процесса, смягчая крайности его следственной природы и оправдывая особые уголовно-

процессуальных форм применения мер альтернативного уголовно-правового воздействия.

5. Разработанный проект создания ускоренных (суммарных) производств основывается на имевшейся в советском прошлом протокольной форме, а также существующих производств об административных правонарушениях.

Исходный посыл состоит в том, что суммарное производство может состояться как правовое явление только в справедливом – обвинительном уголовном процессе. Предметом российского упрощенного – суммарного производства должны будут выступать «уголовные проступки» и преступления средней тяжести.

Основными условиями создания современной модели ускоренного производства предложены следующие:

- отказ от стадии возбуждения уголовного дела и всех сопровождающих ее процессуальных атрибутов;
- замена «уголовного дела» одним «протоколом об уголовном проступке (преступлении)»;
- отказ от производства следственных действий при досудебной подготовке материалов¹;
- опора на технические средства фиксации преступного события и субъективное отношение подозреваемого к нему, результаты которых прилагаются к протоколу в виде электронного носителя информации;
- сведение общего срока ускоренного производства к трем суткам через введение временных ограничений каждой из его слагаемых, ведущие которых должны руководствоваться указаниями закона: «немедленно», «не позднее ...» и пр.;

---

¹ Однако этот отказ не носит характер категорического запрета. В случае крайней необходимости следственные действия могут быть проведены: из числа тех, что перечислены в части первой статьи 144 УПК РФ.

- поручение прокурором поддержания государственного обвинения представителю органа дознания;

- введение обвинительной камеры на уровне районного суда, как особой инстанции, которой будут подсудны материалы ускоренных уголовных производства;

- совмещение стадии назначения судебного заседания и судебного разбирательства; выдвижение обвинения одновременно с возбуждением уголовного дела в судебном заседании;

- наделение прокурора решающими дискреционными полномочиями при решении вопросов, возникающих при осуществлении производства (в том числе, предложение подозреваемому реально выполнимых мер по смягчению меры уголовно-правового воздействия в обмен на признание вины в суде);

- вынесение судом приговора в приказном порядке;

- пересмотр приговора, вынесенного в приказном порядке, только в кассационном порядке при обнаружении фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть уголовного правосудия и подрывающих конституционные права и свободы человека и гражданина.

6. Авторская модель трех разновидностей ускоренного производства:

- по очевидным уголовным проступкам, в том числе, при отрицании правонарушителем своей вины;

- по очевидным бесспорным преступлениям средней тяжести;

- в отношении задержанных по подозрению в нарушении уголовного закона, к которым прокурор требует применение меры уголовно-правового воздействия, связанного с лишением или ограничением свободы.

Законопроект суммарных производств представлен в виде отдельной главы УПК РФ (Приложении № 5 к диссертации).

7. Предлагаемый проект развития согласительных производств, который строится на идее о наиболее полном раскрытии их договорной

сущности и освобождения от тех ограничений, которые наложила на них следственная традиция. В основу каждой из этих разновидностей договорно-упрощенных производств заложено соглашение о признании вины обвиняемым и наступлении предусмотренных законом уголовно-процессуальных и уголовно-правовых последствий.

Главными уголовно-процессуальными результатами, к достижению которых стремятся стороны уголовного судопроизводства – это признание установленным главного доказываемого факта и отказ от судебного следствия. Уголовно-правовой результат соглашения, в котором заинтересован обвиняемый, состоит в смягчении меры уголовно-правового воздействия к нему на одну треть или не менее, чем на половину максимального вида и размера наказания, которое должно быть назначено виновному в общем порядке.

Общий замысел проекта состоит в том, чтобы, во-первых, расширить пределы соглашения сторон по всему комплексу процессуальных и материально-правовых вопросов при поиске и нахождении оптимального выхода из уголовно-правового конфликта, во-вторых, ограничить активность суда и его полномочия по прекращению согласительного производства по своей инициативе, в-третьих, усилить регулятивное, обязательное значение соглашения, связать обязанностью его выполнения прокурора и исключить произвольный выход его из соглашения со стороной защиты.

8. Предлагается внедрить в отечественное уголовно-процессуальное право три вида согласительных производств: (а) соглашение об отказе от проведения судебного следствия в связи с признанием подсудимым вины, предполагающее смягчение уголовной ответственности подсудимого; (б) простое соглашение о признании вины обвиняемым и вынесении обвинительного приговора в особом порядке со смягчением на одну треть максимально возможного наказания; (в) большое или сложное соглашение о досудебном сотрудничестве и смягчении наказания не менее, чем на половину или об освобождении от уголовной ответственности.

Законопроект новых согласительных производств в виде отдельной главы УПК РФ изложен в Приложении № 5 к диссертации.

9. Предложенный проект новых примирительных договорно-упрощенных производств состоит из двух базовых моделей: (а) примирение обвиняемого с потерпевшим и (б) деятельное раскаяние. На их основе могут быть смоделированы два уголовно-процессуальных примирительных механизма разрешения уголовных дел, в которые должны быть включены и процедуры прекращения уголовных дел в отношении специальных субъектов: субъектов предпринимательской деятельности и несовершеннолетних. При том, что специфика этих двух категорий лиц и их преступных деяний должна быть учтена.

К упорядочиванию и развитию примирительных процедур должно привести создание прокурорской и судебной моделей их реализации. В прокурорской модели примирительных процедур прокурор наделяется решающими полномочиями по их инициированию, так и завершению. Судебная модель примирительных процедур реализуется, во-первых, когда уголовное дело находится в производстве суда, во-вторых, когда уголовное дело после прекращения передается прокурором в суд (следственному судье) для применения к нарушителю уголовного закона уголовно-право-процессуальное воздействия – судебного штрафа.

10. Последние события, отмеченные проведением специальной военной операцией на Украине, породили потребность в создании еще одного правового инструмента, который необходим нам на обозримую перспективу организации материально-процессуального противодействия криминальным угрозам – внутренним и внешним.

Данный материально-процессуальный механизм следует включить в общую уголовно-процессуальную модель освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, но придав ему черты исключительности, оправданной изменением обстановки, которая декриминализирует совершенное деяние и ведет к утрате общественной

опасности обвиняемого или осужденного. Единственным и решающим фактором данных позитивно-правовых преобразований является участие данного лица в военных действиях по защите суверенитета России.

В этой связи предлагается создание двух новых процедур:

- прекращение уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, в связи с утратой им общественной опасности при участии в военных действиях по защите России;

- условное освобождение от отбывания наказания лица, осужденного за совершение любого преступления, в связи с заключением им контракта о прохождении военной службы и участии в военных действиях по защите России, с последующим полным освобождением как от наказания, так и всех прочих правоограничений, включая снятие судимости, после выполнения контракта. Под действие указанного уголовно-процессуального механизма предлагаем подвести две категории лиц: во-первых, привлекаемых к уголовному преследованию на любой стадии процесса, и во-вторых, осужденных к (а) лишению свободы, (б) иной мере наказания, связанной с ограничением свободы.

Законопроект главы о примирительных договорно-упрощенных производствах изложен в Приложении № 5 к диссертации.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. *Теоретическая значимость* исследования состоит в разработке авторской концепции развития договорных уголовно-процессуальных отношений и создании основ теории договорного уголовно-процессуального права. *Практическая значимость* диссертационных результатов состоит в выработке предложений по совершенствованию существующих договорно-упрощенных уголовно-процессуальных производств и созданию проекта системы новых договорно-упрощенных уголовно-процессуальных производств.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования подтверждается:

– продолжением автором классических традиций отечественной науки уголовно-процессуального права, а также других уголовно-правовых наук по вопросам оптимизации уголовно-процессуального механизма противодействия преступности на договорной основе, а также другим вопросам, относящимся к развитию договорных отношений в уголовно-процессуальной правовой сфере, дифференциации уголовно-процессуальной формы;

– связью авторской позиции, а также предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства с основами российского законодательства, правовыми позициями, сформированными Конституционным Судом Российской Федерации, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, судами общей юрисдикции – по уголовным делам, Генеральной прокуратурой России;

– представленными в диссертации результатами эмпирических изысканий автора, ставшими частью его авторской концепции, качественно и обоснованно совпадающих с результатами, полученными другими авторами, работавшими над сходной тематикой.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные теоретические положения, итоговые выводы, рекомендации и предложения, изложенные в работе:

– докладывались на заседании кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, где диссертация была выполнена, прошла рецензирование, обсуждение и рекомендована к защите;

– отражены в 72 научных работах, среди них 2 индивидуальные и 2 коллективные монографии, а также 68 научных статьях, из которых 34 в рецензируемых научных журналах, входящих в Перечень Высшей

аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ для опубликования результатов диссертационных исследований;

– докладывались и обсуждались на 30 международных, всероссийских и региональных конференциях и семинарах, прошедших в период с 2010 по 2023 год (Казань, Краснодар, Москва, Нальчик, Нижний Новгород, Омск, Ростов-на-Дону, Ульяновск, Чебоксары);

– внедрены в учебный процесс кафедры уголовно-процессуального права им. Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия; кафедры уголовного процесса и криминалистики Пермского государственного национального исследовательского университета, уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета; кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета; кафедры уголовного и уголовно-процессуального права и правоохранительной деятельности Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности процесс юридического факультета Удмуртского государственного университета.

– внедрены в практическую деятельность Четвертого кассационного суда общей юрисдикции; прокурору Алтайского края.

Структура диссертации, обусловленная целью и задачами исследования, включает введение, три главы, разделенные на девять параграфов, заключение, список нормативных источников и юридической литературы; а также пять приложений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

1.1 Концепция уголовно-процессуальных договорных отношений: основные направления и задачи по ее разработке и развитию

Наличие проблемной ситуации, которая будет рассмотрена в настоящем параграфе, подтверждается активным обсуждением в юридической науке того круга явлений, которые стали предметом нашего исследования. Она осознается многими учеными и существует достаточно много предложений по ее разрешению¹.

Причина возникновения проблемной ситуации состоит в появлении и развитии в отечественном уголовном процессе следующих уголовно-процессуальных производств:

- особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ);
- досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ);
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ);
- производство о назначении меры уголовно-правового характера при освобождении от уголовной ответственности (ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ);
- прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25, пунктом 3 части 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1, 427 УПК РФ.

---

¹ Определенное представление о готовности профессионального сообщества к восприятию концепции договорных отношений в отечественном уголовном судопроизводстве дают результаты проведенных нами социологических опросов судей и представителей правоохранительных органов.

См., напр.: ответы на вопросы №№ 1-7 Приложение №1, ответы на вопросы №№ 1-7 Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 1-7 Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 1-7 Приложение № 4.

Первоначально выдвинем гипотезу о существовании договорных уголовно-процессуальных отношений в этих производствах, которые будем называть договорно-упрощенными отношениями.

Соответственно, правовые отношения, предположительно являющиеся договорными, будут объектом нашего исследования, а сами приведенные производства – предметом наших изысканий и частью авторской концепции уголовно-процессуальных договорных отношений. Можно сказать, что причина проблемной ситуации, требующей концептуального разрешения, кроется в появлении некоего качественно нового образования из числа ранее неизвестных в российском уголовно-процессуальном праве производств, которое не укладывается в догму и требует принципиально нового научного объяснения.

Выступаем за признание договорной сущности в указанных правовых уголовно-процессуальных феноменах¹ и считаем их проявлением общей закономерности правового развития государства и общества – конвергенции частного и публичного права, которая будет предметом авторского специального исследования в следующем параграфе.

Современная наука в целом имеет и другое мнение на этот счет: она не желает и не может признать феномен «договорности» в уголовно-процессуальных отношениях, как системное и естественное явление. В этом противоречии нашего подхода с господствующей доктриной и традицией, состоит основа проблемной ситуации.

Изначально, как представляется, теоретической платформой для объяснения нового, необычного стала выработанное еще советской доктриной учение о единстве и дифференциации уголовно-процессуальных форм. Именно в свете понятий формы и ее дифференциации изначально объяснялась природа вышеуказанных явлений. Это объяснение не выходило

---

¹ Предложим авторское их наименование: «договорно-упрощенные производства». В дальнейшем прояснится смысл, который вкладывается в данное наименование.

и не может выйти за рамки следственной формы – позитивно-правовой реальности в ее следственной интерпретации.

В постсоветском уголовно-процессуальном праве после появления таких институтов, как особый порядок вынесения обвинительного приговора (глава 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), для объяснения их природы использовалось нейтральное учение о дифференции уголовно-процессуальной формы. Таким образом, непривычные явления получили научное объяснение и своего рода адаптацию. Хотя их договорная природа оставалась под вопросом.

Аналогичная ситуация сложилась и с объяснением в теории правовой природы ряда оснований прекращения уголовных дел, включая те из них, что предусмотрены статьями 25, 25.1, 28, 28.1 УПК РФ.

Суть учения о дифференциации процессуальной формы, в том числе и такой ее разновидности как учения о дифференциации форм досудебного производства, сводится к тезису об «упрощении» или «сокращении» базовой модели «предварительного следствия»¹. При этом игнорируется вопрос об их договорной составляющей в их правовой природе.

Можно говорить о нескольких подходах, которые сформировались в русле традиционной отечественной правовой доктрины, и к которым в последующем будем обращаться по ходу развития темы и изложения материала².

Таковыми производными от учения о дифференциации уголовно-процессуальной формы являются, по нашему мнению, концепции: (1) об упрощенных производствах, в которой центральным элементом является «упрощение» и (2) о сокращенных производствах, (3) об ускоренных

---

¹ См.: Власова С. В., Кесаева М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. С. 12 и след.

² Их подробный разбор будет сделан применительно к каждому из выделяемых видов договорно-упрощенных производств в третьей главе диссертации.

производствах, и, наконец, (4) о поощрительных уголовно-процессуальных производствах.

Одним из наиболее развитых подходов к объяснению интересующего нас объекта является концепция «упрощенных производств». Она претендует на его правильное познание¹ и соответственно – может оцениваться в качестве конкурирующей с авторской концепцией.

Использование понятия «упрощенные производства»² – один из самых распространенных в современном российском уголовно-процессуальном праве приемов объяснения сути явления, являющегося предметом авторского внимания.

Как вытекает уже из значения термина «упрощение» создатели данной концепции полагают, что все эти производства являются упрощением полной формы, а само упрощение делается для более эффективного достижения целей и решения назначения уголовного процесса (его задач), более целесообразно, менее затратным образом. То есть помимо формализма в таком подходе отмечается утилитаризм и прагматизм.

Полагаем этого недостаточно, чтобы понять и увидеть то настоящее своеобразие в этих процессуальных явлениях, которое выходит за рамки обычного юрико-позитивистского понимания уголовно-процессуальных сущностей.

Упрощение – это только одна, притом скорее формальная и внешняя, чем сущностная черта всех тех уголовно-процессуальных институтов,

---

¹ См., напр.: Свиридов, М. К., Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019; Боярская, А. В. Упрощенное уголовно-процессуальное производство: понятие и способы образования // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2021. № 2. С. 99–108; Кищенко, А. В. Упрощённые производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Владивосток, 2010. С. 8.

² Его аналогом является понятие «сокращенные производства». Различие между ними, на наш взгляд, является терминологическим в виду смыслового сходства упрощения и сокращения.

которые стали предметом нашего познания, и которые мы хотим, так же как наши партнеры дать всеобъемлющее – концептуальное объяснение.

Еще один подход к объяснению правовой природы имеющих в законодательстве ряда альтернативных общему порядку производств состоит в необходимости «ускорение». Учение об «ускоренных производствах» является одним из наиболее набирающих обороты в уголовно-процессуальной науке¹.

Авторы, оперирующие понятием «ускоренные производства»,² относят к ним все те процедуры, которые станут предметом исследования в третьей главе нашей диссертации, включая и примирительные производства, которые были выделены в качестве предмета исследования в первом параграфе.

В понятии «ускоренные производства» также проявляется познавательная ограниченность: объединить по формальному признаку – временному – в одно целое все то, что не укладывается в рамки обычного производства. Хотя это, очевидно, достаточно различные феномены.

Существуют и другие разработки, претендующие на научное объяснение правовой природы того круга процессуальных феноменов, в той или иной мере игнорирующие или отрицающие договорной фактор.

Есть точка зрения, что «сущность упрощения состоит в том, что закон допускает целесообразность минимизации деятельности сторон и суда по установлению фактического основания итогового правоприменительного акта»³. Здесь также упрощение отождествляется с ускорением и к этому

---

¹ См.: Качалова, О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. 242 с. ; Качалова, О.В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам : перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. №4 (89). С. 121-129 ; Качалова, О. В., Герасенков В М. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей // Правосудие. 2022. №1. С. 103–121.

² См.: Качалова, О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 122–152; Качалова, О. В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. №4 (89). С. 121-129.

³ Никифорова, Ю. Л. К вопросу о возможной модели суммарного производства по уголовному делу для уголовного процесса России // Проблемы юридической науки в

сводится сущность производств, являющихся предметом настоящего исследования.

Близкой к вышеназванным концепциям по набору методов выступает концепция «сокращенные производства»¹.

Авторы, оперирующие понятиями «ускоренные производства», «упрощенные производства», «сокращенные производства» относят к ним все те процедуры, которые были ранее нами указаны в предмете исследования.

По мнению некоторых авторов, термины «ускоренное производство», «сокращенное производство» и «упрощенное производство» являются синонимами и обозначают один институт². С нашей точки зрения, это не так. Общим обозначением мыслимого нами института является термин «договор». Впрочем, это утверждение нуждается в дополнении и обосновании, которое будет сделано далее.

Наконец, в последнее время стало популярным для объяснения интересующего нас круга явлений использовать понятие «поощрение»³: процедуры, которые нас интересуют, именуются «поощрительными». Научная версия о поощрительных производствах с энтузиазмом была встречена научным сообществом. Признается поощрение в примирительных процедурах⁴. При этом по своему объему понятие «поощрительные

исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей : сборник научных трудов / под ред. М. П. Полякова, Д. В. Наметкина. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2016. Вып. 22. С. 128–132.

¹ См.: Гусева, И. И. Сокращенные производства в российском уголовном процессе: генезис, становление и пути оптимизации на современном этапе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. №1 (19). С. 32–40.

² См.: Качалова О.В., Герасенков В.М. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей // Правосудие. 2022. №1. С. 107 и след.

³ Поощрение как метод уголовно-процессуального регулирования : заседание Всероссийского круглого стола с международным участием : публикация от 07.02.2023. Текст : электронный //Международная Ассоциация содействия правосудию : [сайт]. URL : <https://www.iaaj.net/node/3193> (дата обращения: 29.08.2023).

⁴ См.: Русман, Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства и правоприменительные проблемы их реализации : тезисы доклада: публикация от

производства» совпадает с производствами «упрощенными», «сокращенными»¹. Значит, речь идет об одном и том же феномене, понимаемом одинаково, но через различные названия.

Не отрицая конструктивности и «поощрительного подхода», заметим, что он не полностью раскрывает, а главное ограничивает возможности развития этих институтов. С нашей точки зрения, понятие «поощрение» охватывает только один и вдобавок не самый главный признак процедур, альтернативных общему, обычному порядку производства по уголовному делу.

Представители вышеназванных концепций развивают научное знание о предмете нашего исследования в привычном русле сложившей традиции – учения о процессуальной дифференциации. Они имеют в виду примерно одинаковый круг явлений, но дают им разные названия, маркируют их в соответствии с определенной позицией, чтобы избежать идеологического выбора. Заметим, что вместе с тем делается и консервативный выбор в трактовке их сущности и определения перспективы их дальнейшего развития в русле следственной правовой традиции и не признания их договорной природы.

То же самое можно сказать и о многих других научных проектах, предметом которых стали отдельные части предмета нашей концепции. Так, в связи с появлением в отечественном праве медиации это понятие нашло прочную прописку и в уголовно-процессуальной науке, а вместе с ним укоренилось и определение «примирительная» к соответствующим процедурам прекращения уголовных дел. Примирительно-медиационными процедурами стали именовать производства по прекращению уголовных дел, имеющих основания, предусмотренные ч. 2 ст. 20, ст. 25, а также и ч. 2 ст. 28, 427 УПК РФ, в которых предполагалось примирение, а значит и соглашение

07.02.2023. Текст : электронный //Международная Ассоциация содействия правосудию : [сайт]. URL : <https://www.iauaj.net/node/3193> (дата обращения: 29.08.2023).

¹ См.: Русман Г.С. Указ. Соч.

между потерпевшим и обвиняемым¹. Эта позиция уже более близка к признанию договорной модели в отношениях сторон обвинения и защиты, хотя в ограниченном виде: уголовно-процессуального договора о примирении между потерпевшим и обвиняемым.

Наконец, в российскую юридическую науку перешло понятие «транзакция», которое уже подразумевает включение в число договаривающихся сторон и представителей государства орган предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело, прокурора, суд². Особо способствовало укреплению мнения о договорной сущности некоторых процедур прекращения уголовных дел работа законодателя над редакцией статьи 28.1 УПК РФ. Под впечатлением от законодательных новаций с этой статьей кодекса некоторыми учеными делается вывод о договорной природе оснований, предусмотренных этой статьей³.

Несмотря на отдельные допущения и оговорки о возможном наличии договорного начала в целом ряде достаточно разнообразных производств, процессуальных форм, их авторы, как правило, не выходят за рамки «обычного» уголовно-процессуального знания, в основе которого лежит аксиома о невозможности вступления государства в договорные отношения с преступником⁴.

---

¹ См.: Апостолова, Н.Н. Освобождение от уголовной ответственности по дискреционным основаниям // Закон и право. 2010. № 24. С. 76–78; Кувалдина, Ю. В. Новое основание прекращения уголовного дела (ст. 25.1 УПК РФ): последствия введения // Библиотека криминалиста. 2017. № 1 (30). С. 93–99.

² См.: Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2022. С. 12–14.

³ См.: Алаев, Р. С. Прекращение уголовного преследования обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных статьями 199, 199² УК РФ, в связи с амнистией // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 182–186; Александров, А. С. Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (ст. 28¹ УПК) // Уголовное право. 2010. № 2. С. 97–102.

⁴ Она является обратной стороной аксиомы о неотвратимости уголовной ответственности преступника за совершенное преступление.

Ни упрощение, ни поощрение, ни ускорение, каждое в отдельности и все они в совокупности не объясняют полностью правовой природы этих производств.

Характерным для всех перечисленных подходов является, если не отрицание, то умолчание о феномене договорности при анализе их понятия и сущности.

В силу традиции отечественные уголовно-правовые науки мало расположены к использованию слова «договор» для объяснения природы феноменов, относящихся к их ведению, исходя из того, что оно имеет гражданское происхождение. В силу аксиомы о неуклонном привлечении к уголовной ответственности каждого, совершившего преступление, какой-либо «торг с преступником» представляется неприемлемым¹.

Очевидно, непросто признать феномен договора в уголовно-процессуальной сфере, где традиционно доминирует публично-правовая идеология, императивно-правовой метод правового регулирования.

В некоторых современных научных разработках развивались договорная тема, но она получала ограниченное развитие в рамках отдельной темы, вроде, например, создания особой разновидности частного-публичного обвинения и особого – договорно-штрафного метода разрешения частного-публичного уголовно-правового спора (ст. 28.1 УПК РФ), как воплощение партнерства государства и бизнеса в сфере противодействия экономической преступности².

---

¹ См.: Петрухин, И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Часть. I. Москва : ТК Велби, 2004. С. 83–85.

² См.: Аширбекова, М. Т. О расширении частного-публичного обвинения // Вопросы правоуедения. 2013. № 1. С. 233–238; Горюнов, В. Ю. Об оптимизации частного-публичного порядка уголовного преследования субъектов преступлений против собственности в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 99-103; Сычёв, П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : монография. Москва : Юрлитинформ, 2020. С. 17–19 и след.

Отдельные авторы, признают наличие договорной модели в таких процедурах как особый порядок судебного разбирательства¹, досудебное соглашение о сотрудничестве². Эту позицию, применительно к институту досудебного соглашения о сотрудничестве, разрабатывали в свое время и мы³. Теперь хотелось бы ее развить и сделать всеобъемлющим способом объяснения правовой природы объекта нашего исследования.

На данном начальном этапе нашего исследования важно сделать предположение, что понятия «упрощение» и «договор» в своем сочетании могут стать обозначением сложной, комплексной природы интересующих нас явлений.

Наиболее продуманной в плане обобщения можно назвать концепцию «согласительных производств» применительно к институтам, включающим нормы глав 40-40.1 УПК РФ, которую разработал и обосновал В.Г. Абшилава⁴. Однако, и она отличается ограниченностью и не претендует на желаемую нами всеобщность⁵.

Таким образом, суть проблемной ситуации проясняется еще более. Она состоит не только в том, что есть некие спорные по своей правовой природе уголовно-процессуальные производства, но и в том, что доминирует их одностороннее объяснение, игнорирующее их договорную природу. Можно зафиксировать главную теоретико-методологическую составляющую проблемной ситуации. Она состоит в неспособности традиционной юридической науки дать объяснение и предложить научную основу для

---

¹ См.: Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : монография. Москва: Юрлитинформ, 2012. С. 20–22; Александров, А. С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 43–52.

² См.: Александрова, И. А., Круглов И. В., Кучин А. Ф., Смолин А. Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Нижний Новгород, 2007. С. 159.

³ См.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации : доктрина, законодательная техника, толкование и практика : диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2014.

⁴ См.: Абшилава, Г.В. Указ. соч. С. 20-37.

⁵ Впрочем, понятие «согласительные процедуры» – наиболее близко к нашему подходу.

развития нового направления в развитии отечественного уголовно-процессуального права.

Большинство ученых не без основания считают, что главным препятствием для развития уголовно-процессуально-правовой парадигмы является ряд положений, унаследованных из советской эпохи, которые препятствуют развитию новых идей, отражающих тенденции глобализации, конвергенции, универсализации, происходящие в правовом пространстве по ряду причин, включая воздействие цифровых технологий¹.

Мы присоединяемся к этому мнению, но предлагаем не разрушать традиционное теоретическое знание, а дополнить, обновить его. Такова наша общая теоретико-методологическая и этическая установка – не разрушая, не отрицая сложившуюся теоретическую основу дополнить ее рядом новых положений, снять или ослабить запреты, которые отечественная научная доктрина наложила на некоторые темы, а именно: договорные отношения между сторонами в уголовном деле.

Обозначим круг вопросов, с решением которых намечен концептуальный сдвиг и выход из проблемной ситуации, также и наиболее сильный разрыв с представителями вышеуказанных подходов.

Наиболее остро стоит вопрос о пределах (границах) распространения в уголовно-процессуальном пространстве договорных отношений. Он может быть сформулирован так: возможно ли в нашей правовой системе допустить договорной способ установления, равно как и изменения, основания уголовной ответственности или даже – декриминализации преступления. Могут ли быть предметом соглашения сторон, предметом договорных отношений: обвинение, доказательства, факты, как это признано в доктрине

---

¹ См.: Александров, А. С., Власова С. В. Антидогматика: новое понимание уголовного процесса и права // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1. С. 59.

некоторых государств¹? Этот вопрос, очевидно, не может не стать одним из центральных в нашей концепции договорных отношений².

Решение этого вопроса составит центральную часть разрабатываемой концепции договорных уголовно-процессуальных отношений³, что сопряжено с выходом на философско-правовой, теоретико-методологический уровень, на котором предполагается сделать несколько шагов. Они позволят, как думается, найти выход из проблемной ситуации⁴.

Российская доктрина уголовно-процессуального права ограничена рядом устоявшихся взглядов в условиях доминирования следственного учения об уголовном процессе, которые мешают сделать это.

Фундаментальный теоретико-мировоззренческий вопрос состоит в их объективности или материальности (что, как уже указывалось, часто смешивается) и мере в них искусственного, созданного участниками процесса, а соответственно – возможности влияния на них договорным путем. Пока такая возможность на доктринальном уровне в принципе исключается, но полагаем возможным ее обсуждение – на теоретическом уровне и в виде концепции.

Основным препятствием для наступления этого является господствующая в российском правоведении и в уголовно-правовых науках доктрина, которую можно назвать «материалистической».

---

¹ См.: Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 44–46.

² Ни учение о дифференциации уголовно-процессуальных форм, ни другие родственные ей учения, не могут дать удовлетворительный ответ на вопрос, можно ли публичному обвинителю по должности - прокурору, заключать сделки от имени государства с обвиняемым в отношении предмета и оснований публичного обвинения, и таким образом определять исход уголовного дела.

³ Будем развивать наш ответ на этот вопрос во всех трех параграфах настоящей главы и в окончательном виде намечаем завершить этот ответ при окончании третьей главы.

⁴ Наша задача облегчается тем, что такие шаги уже сделаны отдельными учеными-исследователями (Г.В. Абшилаевой, А.С. Александровым, С.В. Власовой, В.Б. Шерстневым, другими).

Ключевым постулатом господствующей доктрины является то, что уголовный процесс, его предмет и исход детерминированы событием преступления, а потому предмет процесса менять сторонам нельзя.

Согласно воззрениям, унаследованным из советского периода времени¹, уголовный процесс порождается фактом совершения преступления, который объективно порождает уголовно-правовые последствия. Предметом уголовного процесса является факт объективной реальности, который детерминирован им и не может быть изменен участниками процесса. Уголовно-правовая реальность также обусловлена фактом совершения преступления и не зависит от процесса и воли его участников. Процесс представляет собой оформление объективной уголовно-правовой реальности через познание объективной истины, которая выступает процессуальной составляющей между объективной и уголовно-правовой реальностями.

Господствующее учение об обвинении исключает возможность какого-либо договора между сторонами. Принято считать, что обвинение является утверждением, соответствующим действительности, истинность которого в окончательном виде устанавливается судом; предмет обвинения отражает реальное преступление и не может быть изменен по воле обвинителя, по соглашению сторон; в ходе доказывания обвинения устанавливается объективная истина; доказывание истины по предмету выдвинутого обвинения, но и за его пределами, является солидарной обязанностью как прокурора, так и суда².

---

¹ См.: Барабаш, А. С. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета. Москва : Изд-во Юрлитинформ, 2022. С. 5–7; Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1963. С. 16, 23–25.

² См.: Даев, В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе // Правоведение. 1970. № 1. С. 76–86; Гаврилов, Б. Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. проф. В. А. Лазаревой. Самара : Изд-во «Самарский университет», 2010. Вып. 5. С. 329–335; Ковтун, Н. Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и

В силу принципов публичности, законности, объективной истины изменение обвинения находится в прямой причинной связи с доказанностью фактических обстоятельств, составляющих его основание. Изменение обвинения происходит только в силу материальной причины, а не в результате договора сторон.

Примыкает к вышеуказанным элементам материалистического учения об обвинении и его основаниях классическое положение о свободе оценки доказательств правоприменителем (в первую очередь, судом). Этот принцип доказательственного права, закрепленный в статье 17 УПК РФ, порождает запрет, указанный в части второй статьи 77 УПК РФ: обвинять и привлекать к уголовной ответственности на основании одних только признательных показаний обвиняемого. В свою очередь, данный запрет при его догматическом толковании означает запрет разрешать уголовное дело в результате признания обвинения обвиняемым, то есть как проявление свободы распоряжения одной из сторон своим материально-диспозитивным (исковым) правом на обвинение. Согласно классической доктрине, такая свобода исключена – государство в лице публичного обвинителя обязано активно доказать обоснованность обвинения, а в лице суда – как минимум «субсидиарно» проверять, оценивать доказанность обвинения – независимо от позиции обвиняемого (защиты).

Подобный подход делает в принципе невозможным допущение «торга» сторон по предмету обвинения (который учеными «материалистами»¹ неразрывно увязывается с понятием «действительно совершенного преступления»), по исходу уголовного процесса. Это выглядит как торговля «истиной» (которая объективна), объективной реальностью (которая, по мнению большинства отечественных авторов, является предметом

содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1. С. 98–105.

¹ То есть сторонниками традиционной теоретико-правовой доктрины.

процесса¹), то есть не только незаконно, но и просто невозможно в силу объективной причины.

Креативное значение процесса как по отношению к факту преступления, так и материально-правовому последствию, при таком видении правовой реальности исключается. Служебная роль процесса сводится к установлению правовой связи между преступлением и наказанием, и эта связь утверждается как неизменная. «Материалистическое», оно же «классическое», правопонимание не оставляет места для проявления воли участников процесса по сотворению уголовно-правовой реальности договорным путем. Материалистический подход исключает проявление частной воли, договорного элемента в развитие объективной закономерности в виде привлечение к уголовной ответственности за действительно совершенное преступление – объективно доказанное общественно опасное деяние.

Из работ некоторых ученых² можно заключить, что к числу главных препятствий для укоренения в теории и в позитивном праве договорного способа разрешения уголовно-процессуальных и уголовно-правовых вопросов, как полноценного элемента механизма правового регулирования, относятся следующие положения уголовно-процессуального учения:

---

¹ Фактические обстоятельства, о которых говорится, например, в статье 73 УПК РФ, отождествляются большинством авторов с самой «объективной реальностью (см., напр.: Агутин, А. В. Основы уголовно-процессуального доказывания в российском уголовном судопроизводстве : монография / под ред. д.ю.н., профессора В. Н. Григорьева. Москва : МАЭП, 2010. С. 58, 61, 133). Противоположная точка зрения, согласно которой «фактические обстоятельства» — это сведения, развиты в некоторых авторских концепциях (См.: Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : диссертация ... доктора юридических наук. Нижний Новгород, 2010. С. 9 и след.).

² См., напр.: Александров, А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207; Александров, А. С., Зайцев О. А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право : сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / ред. кол.: В. М. Жуйков, О. В. Гутников, С. А. Сеницын, М. Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва : ИД «Юриспруденция», 2021. С. 236–245.

- уголовный процесс порождается событием преступления, как фактом объективной реальности, который требует порождения правовых последствий;

- предметом уголовного процесса (уголовно-правового спора) является данный факт объективной реальности, он детерминирован им, а потому объективен (материален) и не может быть изменен участниками процесса;

- уголовно-правовая реальность в виде преступления и наказания также обусловлена фактом совершения преступления и не зависима от процесса и воли его участников;

- процесс является оформлением этой объективной уголовно-правовой реальности через познание объективной истины;

- объективная истина выступает процессуальным переходом между объективной и уголовно-правовой реальностями. Примером может служить понятие «механизм уголовно-правового регулирования» в трактовке ведущих специалистов уголовно-правовой науки¹.

С этими и другими идеями связан идеал неотвратимости уголовной ответственности всех преступников², который стимулирует и оправдывает активность государства, в единстве его судебно-следственных, правоохранительных органов в противодействии преступности.

Такое материалистическое мировоззрение, при котором все процессуальное и уголовно-правовое однозначно детерминировано объективной реальностью, не оставляет места для проявления воли участников процесса по сотворению правовой реальности договорным путем. Отсюда вытекают последствия для главной детали уголовно-процессуального механизма: обвинения, в его (а) процессуальной, предметной, фактической, и (б) уголовно-правовой (материальной) составляющих.

---

¹ См.: Благов, Е. В. Теория применения уголовного права : автореферат диссертации ... доктора юридических наук. Санкт-Петербург, 2005. С. 7–11.

² См.: Кропачев, Н. М. Принципы применения мер ответственности за преступление // Правоведение. 1990. № 6. С. 72.

Итак, основным препятствием для усиления состязательного, а вместе с ними и договорного начала в уголовно-процессуальном механизме выработки средств уголовно-правового воздействия является исходный «материалистический» постулат о детерминированности результата процесса событием преступления. Им проникнуты правовые концепты уголовной ответственности, основания уголовной ответственности, механизма правового (уголовно-правового, уголовно-процессуального) регулирования, которые определяют видение правового мира юристами-процессуалистами. Концепция объективной истины скрепляет все эти понятия в единый теоретико-методологический конгломерат – материалистическую уголовно-процессуальную парадигму. В контексте этой парадигмы сама идея сделки сторон относительно предмета процесса, вызванного объективной реальностью, выглядит невозможной во всех отношениях¹. Превратившись в догму подобный подход, по мнению ряда ученых², к которому мы присоединяемся, нельзя считать конструктивным, что ярко проявляется в попытках объяснить природу уголовно-процессуальных производств с классических позиций через понятия «упрощение», «поощрение», «альтернатива» и пр.

К настоящему времени фундамент данной когда-то незыблемой доктрины, освещенной светом объективности и нравственности, стал подтачиваться различными течениями. Во-первых, это гуманистический подход, путь на декриминализацию, смягчение карательности уголовной политики. Это направление стало популярным в период слома советской правовой доктрины, с ее аксиомой бескомпромиссной борьбы с преступностью и строительства правового государства. В постсоветской криминологической науке возобладала концепция контроля над преступностью, а не полного искоренения ее. Данная концепция

---

¹ См.: Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве : в 2 ч. Часть 1. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2017. С. 10.

² См.: Александров, А.С., Власова С.В. Указ. соч. С. 59–61.

компромисса с преступностью¹ создает определенную предпосылку для перемены понимания явления, которое является «другим», не обычным, а именно: договорным уголовно-процессуальным отношением не по вторичным вопросам, а по основному вопросу уголовного процесса.

Морально-этический аспект проблемной ситуации, очевидно, состоит в том, насколько нравственна и этически состоятельна концепция в том, что через договор, через соглашение сторон можно разрешить не только текущие вопросы уголовно-процессуальной деятельности, но и главные вопросы, связанные с разрешением уголовного дела по существу.

Впрочем, помимо доктринального, есть еще экономический, технический факторы. Экономический – техногенный аспект проблемной ситуации, немаловажен в плане понимания актуальность перемен в сторону признания возрастания регулятивной роли договора в уголовно-процессуальной сфере.

Заслуживает внимания идея, которая достаточно настойчиво проводится в научных разработках последнего времени: о беспредельно выросших, благодаря умным технологиям возможностях государства по контролю за поведением людей и вытекающей из этого потенциальной возможности выдвижения обвинения против члена общества. Если раньше речь шла о нехватке ресурсов государственного обвинения для сдерживания преступности. То теперь, наоборот, прогнозируется избыточность ресурсов для возможного выдвижения обвинения публичной обвинительной властью или частным обвинителем против гражданина². Отсюда отказ от тотального уголовного преследования за каждое совершенное преступление. Выход

---

¹ См.: Аликперов, Х. Д. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики // Советское государство и право. 1991. № 12. С. 79-86; Маткина, Д. В. Договорная (конвенциональная) форма достижения социального умиротворения сторон уголовно-правового конфликта // В мире научных открытий. 2010. № 2-2(8). С. 118-120.

² См.: Aleksandrov, A. S., Zaytsev O. A., Muraev P. P., Ruchkin V. A. (2021) The Institutional Basis for Implementing “Smart Technologies” in the Legal System of Fighting Crimes // In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) "Smart Technologies" for Society, State and Economy : Lecture Notes in Networks and Systems. ISC 2020. Vol 155. Springer, Cham. Pp 1195-1203. https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_130.

некоторыми учеными видится в своем роде приватизации механизма выдвижения обвинения по значительной массе уголовно-правовых нарушений и увеличение правовых механизмов разрешения уголовно-правовых конфликтов не через наказание, а через иные, правовые, компенсаторные средства воздействия, концентрации обвинительно-карательной власти на борьбе с наиболее опасными преступлениями¹.

В последние годы в уголовно-правовых науках все настойчивее проявляется тенденция к созданию новой теоретической основы для обоснования гуманизации уголовной политики, придания большего разнообразия и гибкости средствам уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления незначительной общественной опасности, можно сказать «простительные преступления».

Идея о возможности и даже желательности достижения компромисса в сфере противодействия преступности, особенно экономической, получила поддержку руководства государства. Наиболее ярким воплощением новой модели урегулирования уголовно-правовых конфликтов как раз и являются некоторые из производств, включенных нами в круг договорных, а именно: производства по применению оснований, предусмотренных статьей 28.1 УПК РФ, статьей 76.1 УК РФ, а также статьями 25.1, главой 51.1 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ. По крайней мере, в последних научных рефлексиях на их счет идея об их договорной сущности прослеживается достаточно определенно².

В настоящее время многие актуальные темы, включая вопрос о введении категории уголовного проступка в отечественное уголовное право, разрушают монолитную доктрину о том, как привлекать преступников к уголовной ответственности. Все это предвестники наступления новой эпохи в уголовно-правовой сфере, носящие пока эксклюзивный характер.

---

¹ См.: Александров, А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

² См.: Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. С. 182 и след.

Гуманизация привела к представлениям о большей простительности предпринимательских преступлений по сравнению с общеуголовными. Именно это утверждение лежит в основании комплексного правового института, включающего уголовно-правовые и уголовно-процессуальные нормы, образующие особый порядок привлечения к уголовной ответственности субъектов предпринимательских преступлений. В современной уголовной политике, антикриминальных науках идея возможности, и даже желательности компромисса в сфере противодействия преступности, особенно экономической¹, стала вполне уважаемой, получившей официальное одобрение. Как минимум в этой сфере создалась благоприятная среда для концепции договорных отношений между обвинителем и обвиняемым.

Вместе с гуманизацией уголовной политики, допущения компромисса в борьбе с преступностью в уголовно-правовых науках, на уголовно-политической уровне подводят к идее допустимости «соглашения» с обвиняемым в процессе². Однако, пределы компромисса – соглашения оговаривались достаточно узкие, а именно: применение альтернативных мер уголовной ответственности. Учение о механизме уголовно-процессуального, уголовно-правового регулирования под сомнение не ставится.

Классический подход к уголовной ответственности и механизму ее реализации не может быть единственным средством объяснения того, как

---

¹ См.: Бабаев, М. М., Пудовочкин Ю. Е. Проблемы российской уголовной политики. Москва : Проспект, 2014. С. 8, 9, 11 и след.; Жалинский, А. Э. Уголовная политология и уголовная политика: необходимость нового подхода // Уголовная политика и право в эпоху перемен : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля. Владивосток : Издательство Владивостокского университета, 2010. С. 20–21. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия. Москва : Юридический центр, 2004 С. 275; Лопашенко, Н. А. Уголовная политика Москва : Wolters Kluwer Russia, 2009; Лесников, Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы) : диссертация ... доктора юридических наук. Москва : Акад. управления МВД России, 2005. С. 9, 11.

² См.: Аликперов, Х. Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью: диссертация ... доктора юридических наук. Москва : Академия МВД России, 1992. С. 5–8, 11 и след.

должно быть организовано противодействие преступности в свете появления новых форм выдвижения обвинений и механизмов их реализации.

Обозначим основные направления на теоретическом уровне, которые предстоит сделать для выхода из проблемной ситуации, и которые следует реализовать в разрабатываемой авторской концепции развития договорных уголовно-процессуальных отношений.

1. Освобождение от диктата «вульгарного материализма»¹ состоит в признании того, что человек сам создает реальность вокруг себя и что воля человека наряду с волей государства есть источник развития процесса (права)².

Это принципиальное допущение о свободе воли человека – участника процесса как организатора правового и фактического вместе, в диалоге с представителем официальной власти. Заметим, что истоки подобной позиции находятся в теории процесса как правоотношения³, учения о тождестве процесса⁴, согласно которой воля сторон, включая их соглашение о ходе и исходе дела, определяют предмет и развитие процесса.

В теории процесса как правоотношения, развитой в свое время рядом представителей отечественной юридической науки, о чем пойдет речь далее⁵, усматривается одна из теоретических основ для разработки авторского понятия договорного уголовно-процессуального отношения.

Если изначально преступление создает возможность процесса и выдвижения обвинения, то исход дела зависит от воли сторон⁶, которой

---

¹ См.: Александров, А. С. Босов А. Е. О «гармонизации российского права» и преодолении «конвенционно-конституционных коллизий» средствами риторики // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 84–93.

² См.: Власова, С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 98.

³ См.: Гольмстен, А. Х. Принцип тождества в гражданском процессе : исследование Гольмстена А.Х. Санкт-Петербург: типография В. С. Балашева, 1886. С. 23 и след.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Она будет развита в третьем параграфе первой главы нашей диссертации.

⁶ В осторожной форме признание фактора воли обвиняемого, в том числе, в договорном виде, делается некоторыми современными учеными.

подвластны интерпретация текста уголовного закона, события преступления и исход дела, то есть процессуальные, фактические, материально-правовые производные от процесса.

2. Второе направление на теоретическом уровне для выхода из проблемной ситуации – в опоре на теорию договора.

Следует исходить из общеправового значения института договора, которое выходит за рамки гражданских отраслей права и распространяется в определенной мере на криминалистические правовые отрасли.

В дальнейших теоретических построениях в ходе настоящего исследования будем исходить из общего понятия договора как соглашения двух или нескольких лиц¹ об установлении, изменении или прекращении прав и обязанностей, направленное на достижение определенного правового результата².

Основной признак договора — это соглашение лиц, согласование их воли, что подразумевает свободу волеизъявления. В этом смысле договор представляет собой общий волевой акт его сторон³.

Уголовно-процессуальный договор – это соглашение стороны обвинения и стороны защиты об изменении или прекращении прав и

См., напр.: Артамонова, Е. А. Волеизъявление обвиняемого в системе правовых категорий и основных начал уголовного судопроизводства : автореферат диссертации ... доктора юридических наук. Саратов, 2019. С. 13, 15.

¹ Иногда утверждают о соглашении воли двух или нескольких лиц (см., напр.: Мейер, Д.И. Русское гражданское право. Москва : Статут, 1997. С. 156; Синайский, В. И. Русское гражданское право. Москва : Статут, 2002. С. 309). Этот волевой момент очень важен для понимания не только уголовно-процессуального договора, но и для нужной нам трактовки сущности процесса.

² См.: Халфина, Р.О. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. С. 18; Брагинский, М. И., Витрянский, В. В. Договорное право. Общие положения. Москва : Статут, 1997. С. 9; Забоев, К.И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2003. С. 12; Иванов, В.В. Общие вопросы теории договора. Москва : Эдиториал УРСС, 2001; Корецкий, А. Д. Теоретико-правовые основы учения о договоре. Санкт - Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. С. 44.

³ См.: Гражданское право : учебник / под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. 2-е изд. Ч. 1. Москва : Проспект, 1997. С. 472-474.

обязанностей, и возможно – об их установлении¹. Через договор могут решаться как отдельные вопросы, возникающие по ходу уголовного процесса, так и исход уголовного дела, а значит и определение виновнику преступления меры уголовно-правового воздействия за совершенное им преступление.

3. Пересмотр трактовки обвинения, причем как в его уголовно-процессуальной, так и материальной – уголовно-правовой составляющей.

На наш взгляд, концепция договорных уголовно-процессуальных отношений должна иметь выход на учение об обвинении – формы его выдвижения и изменения, в том числе в результате сделки сторон, ибо, что как не обвинение и обозначаемое им преступление составляет предмет такого отношения. В учении об обвинении содержатся выходы на тему о подключении договорных элементов к механизму его выдвижения, изменения и отказу: по субъектам, но и по предмету и основаниям.

Предварительно выскажем несколько соображений об обвинении, отношении которого в договорной модели будет сквозной темой нашего исследования.

Институт обвинения имеет ключевое значение для правовой организации не только уголовного процесса, но и всей правовой системы противодействия преступности. Поэтому любые сколько-нибудь значимые в теоретико-методологическом отношении построения не могут не затрагивать этот институт.

В официальном отечественном учении об обвинении не произошло существенных изменений. Показательно и то, что порядок выдвижения обвинения при ведении предварительного следствия остается неизменным с советских времен.

---

¹ Это самый спорный аспект уголовно-процессуального договора. В ходе дальнейшего исследования попытаемся доказать возможность наличия и такого аспекта в уголовно-процессуальном договоре.

Неизменность позитивно-правовой модели обвинения (глава 23 УПК РФ) подтверждает следственную природу правовой организации применения уголовного законодательства, а вместе с тем и предопределяет и маргинальное значение свободы воли сторон в управлении процессом. Вместо воли сторон утверждается воля закона, принцип публичности¹.

Такая стабильность является не случайной. Это верный показатель неизменности устройства процессуально-правового механизма осуществления уголовно-правового воздействия на преступность.

Выступаем за то, чтобы на доктринальном уровне была, во-первых, признана относительной связь обвинения с событием преступления, во-вторых, допущена возможность соглашения сторон о предмете обвинения, об его изменении на условиях, выработанных участниками процесса.

Менять предмет обвинения, а вместе с ним и предмет процесса допустимо только с соблюдением запрета на поворот к худшему². Согласно с мнением, высказанным в юридической литературе³, что этот запрет не только принцип, но и конструктивная идея процедуры выдвижения-изменения обвинения и разрешения на этой основе уголовного дела. В результате сделки сторон возможно только изменение к лучшему для обвиняемого предмета обвинения в сравнении с ранее выдвинутым и доказанным обвинением. Такое изменение обвинения является поощрением за позитивные посткриминальные действия обвиняемого, совершаемые по соглашению сторон.

Запрет на поворот к худшему ослаблен публично-правовой концепцией активности суда в доказывании объективной истины. Доказывание истины по предмету обвинения является согласно традиционным научным

---

¹ См.: Барабаш, А. С. Указ. соч. С. 52 и след.

² См.: Будылин, Н. В. Действие запрета на поворот к худшему при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 52–58; Принципиальное значение запрета на поворот к худшему для уголовно-процессуальной системы / К. Д. Ванян, Н. Н. Лысов, М. Т. Тащилин [и др.] // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 212-223.

³ См.: Будылин Н.В. Указ. соч. С. 55, 56.

представлениям солидарной обязанностью, как прокурора, так и суда¹. Институт доказательств и доказывания, скрепленный учением об объективной истине, является следующей целью разрабатываемой концепции.

4. Развитие концепции правовой самозащиты посредством, во-первых, иска – уголовного иска (обвинения), а во-вторых, доказательств, получаемых субъектом иска.

Следует поддержать позицию, согласно которой институты обвинения и доказывания определяют тип процесса; при этом исковое обвинение выступает универсальным правовым инструментом самозащиты субъектом своих прав в состязательном процессе².

Господствующее учение об обвинении не допускает заключения каких-либо договоров между сторонами относительно обвинения. Предмет обвинения отражает реальное преступление и не может быть изменен по желанию обвинителя или в результате соглашения сторон. Согласно принципам законности и объективной истины, изменение обвинения происходит только при наличии «материальной причины», а не в результате договора между сторонами. Мы опять наталкиваемся на концептуальное препятствие для развития договорных отношений в уголовном процессе.

Согласно преобладающему мнению³, государство ведет процесс с целью правильного применения уголовного закона на основе установления объективной истины⁴; в силу принципов публичности, законности правоохранительные органы публичной власти в ходе процесса обеспечивают неотвратимость уголовной ответственности. Свобода

---

¹ См.: Там же. С. 53, 57.

² См.: Полянский, Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва : Кооп. изд-ское т-во "Право и жизнь", 1927. С. 7 и след.

³ См.: Головкин, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство. Москва : Издательство ИД «Городец». 2022. 458 с.

⁴ См.: Боруленков, Ю. П. Юридическое познание и судебное доказывание (риторическая модель) : монография /под ред. проф. В.Н. Карташова. Москва : Юрлитинформ, 2023. С. 18, 20, 298–321.

распоряжения одной из сторон своим материально-диспозитивным правом на обвинение в таком случае исключается.

В целом разделяем подход¹, согласно которому следственную парадигму надо менять на состязательную, которая постулирует относительность процессуальной истины – от позиции сторон. Это необходимая составляющая перехода от материального к процессуальному детерминизму.

Полагаем вероятным допустить для начала в ограниченных пределах возможность сторон в рамках ряда договорно-упрощенных процедур, выделенных нами, менять предмет обвинения в сторону смягчения².

5. Пятое направление предстоит сделать в области теории доказательств в сторону признания договорного способа установления фактов по делу. С близкими к этому идеями выступал ряд авторов³. Однако, в целом отечественная теория доказательств выступает против идеи допущения замены истины объективной истиной договорной. Здесь затрагиваются очень чувствительные вопросы этики, справедливости, самой сущности правосудия. Есть все основания полагать, что отечественное юридическое сообщество не готово к этому⁴.

Поэтому этот шаг самый трудноосуществимый. Тем не менее, хотя бы на уровне научного обсуждения, в рамках авторской концепции полагаем возможным обсудить эту тему.

---

¹ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / [исполн. : А. С. Александров и др.]. Москва : Юрлитинформ, 2015. 299 с.

² Результаты опросов практиков показывают, что в правовом сознании укоренены представления о невозможности соглашения сторон относительно обвинения, доказательств. В большей степени к этому склоняются адвокаты.

См.: ответы на вопросы №№ 8,9 в Приложении № 1, ответы на вопросы №№ 8,9 в Приложении № 2, ответы на вопросы №№ 8,9 в Приложении № 3, ответы на вопросы №№ 8,9 в Приложении № 4.

³ См.: Маркелов, А. Г. Идея доказательственного компромисса при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник ННГУ. 2019. №2. С. 90–95.

⁴ Это показывают данные проведенных социологических исследований.

См.: ответы на вопросы №№ 5-10 в Приложении № 1, ответы на вопросы №№ 5-10 в Приложении № 2, ответы на вопросы №№ 5-10 в Приложении № 3, ответы на вопросы №№ 5-10 в Приложении № 4.

Классическая объективно-материалистическая парадигма враждебна к договорной модели, как в доказывании, так и в определении предмета обвинения. Она исключает в принципе возможность сделки сторон по поводу обвинения: его предмета и оснований.

И наконец, на наш взгляд, концептуальный сдвиг должен привести к признанию и разработке системы принципов, таких как принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности, формальной (юридической) истины и развитие искового учения обвинения¹. Без этого доктринального сдвига создание договорной концепции выработки средств уголовно-правового воздействия невозможно.

При формально-процессуальном подходе, практикуемом нами, снимается запрет на изменение предмета обвинения – по сравнению с тем преступлением, которое доказано в уголовном деле. Главное условие, как можно предложить, состоит в том, что любое «договорное» уголовно-правовое воздействие должно быть в рамках правовой определенности и не должно нарушать права и свободы личности. Мыслимые нами договорные уголовно-процессуальные способы формирования средств уголовно-правового воздействия должны строиться на принципах состязательности, запрета на поворот к худшему. Изменение обвинения в рамках согласительной процедуры возможно исключительно в сторону смягчения обвинения, а вот поворот к худшему в рамках согласительной процедуры, включая процедуру, предусмотренную главой 40.1 УПК РФ, недопустим.

Итак, в разрабатываемой концепции договорных уголовно-процессуальных отношений полагаем сосредоточиться на понимании двух ключевых уголовно-процессуальных институтов: обвинения и доказывания. А это в свою очередь, возможно, повлечет перемену во взглядах на целый ряд концептов теории уголовно-правовых наук. Полагаем, что эти перемены состоят в необходимой связи с новой оценкой регулятивного значения договора в уголовном процессе: не как исключительного, а как обычного

---

¹ См.: Маркелов, А. Г. Указ. соч. С. 41-44, 46 и след.

способа разрешения, как основного, так и вторичных вопросов уголовного дела.

В развитие тезиса о регулятивном значении договора выступаем за перемены на уровне доктрины по следующим пунктам: (а) обвинение и его связь с событием преступления, (б) основание уголовной ответственности, (в) доказательства, (г) средство уголовно-правового воздействия. Полагаем, что все эти пункты могут быть предметом соглашения (уголовно-процессуальной сделки) сторон в рамках различных процедур. Важно снять доктринальный запрет на включение в состав соглашения предмет обвинения, а вместе с тем, и средства уголовно-правового воздействия.

Важно пояснить, что мы понимаем под средством уголовно-правового воздействия. В трактовке данного понятия исходим из тезиса о производности уголовно-правовых средств процессом, а это в, свою очередь, связано с новым типом правопонимания – «права как процесс». Право творится из текста закона участниками судопроизводства. Средство уголовно-правового воздействия является продуктом интерпретации текста уголовного закона в контексте уголовного дела, который имеет форму процессуального акта¹.

Такова теоретическая и, отчасти, философско-правовая составляющие проблемной ситуации, требующая, на наш взгляд, создания концепции договорных отношений в отечественном уголовном судопроизводстве.

Остановимся подробнее на предмете разрабатываемой концепции.

В систему договорных уголовно-процессуальных производств, охватываемой разрабатываемой концепцией, входят достаточно сильно различающиеся процедуры, примерный перечень которых уже был обозначен в начале работы. Однако, всех их объединяет, на наш взгляд, договорной элемент, который в различной мере выражен в каждой из них. Это проявляется в том, что в основе каждой из них лежит согласие

---

¹ Александров, А. С., Александрова И. А. Судебный процесс – источник права и справедливости // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1 (67). С. 1-29.

обвиняемого с обвинением, то есть в них присутствует элемент договорного начала. Все они вместе, и каждое в отдельности, противоречат части второй статьи 17 УПК РФ, то есть входят в расхождение с канонами теории доказательств, который всегда представлялся гарантией (публично-правовой, процессуальной) невозврата в репрессивное прошлое. Однако теперь он конкурирует с другим положением – свободой человека самостоятельно распоряжаться своей судьбой и концепцией исковой самозащиты субъектом своих прав и свобод. Возникает идеологический выбор между публично-правовой, государственной гарантией защиты прав личности или предоставления ей права защищаться самостоятельно, который должен быть сделан на доктринальном уровне.

Здесь снова затрагивается идеологический аспект проблемной ситуации: насколько допустима мера договорного в урегулировании уголовно-правового конфликта. Как уже отмечалось, она должна вырасти, но не до такой степени, чтобы исказить публично-правовую природу уголовного судопроизводства и уголовного права.

В названных уголовно-процессуальных производствах мера договорности различна, и договорная модель проявляется в них по-разному. И, соответственно, о развитии и реализации в них договорных отношений можно говорить также не в общем, а применительно к каждой конкретной форме.

Предполагаемое в данных уголовно-процессуальных производствах договорное свойство проявляется в следующих моментах¹.

1. Согласие обвиняемого с обвинением, что делает возможным развитие соглашения сторон, вплоть до решения вопроса об исходе дела по договорному сценарию.

---

¹ Сразу оговоримся, что не всем из указанных нами производств присущи все нижеприводимые свойства, могут быть их различные комбинации от минимальных, до максимальных.

Наличие согласия обвиняемого, полного или частичного, с выдвинутым обвинением, понимаемым в широком смысле¹, это первичный исходный элемент уголовно-процессуального договора сторон. Несогласие с обвинением (подозрением) может быть частичным, по второстепенным вопросам, например, по размеру причиненного вреда и готовности к его компенсации, по квалифицирующим признакам.

Отрицание факта совершения преступления делает какие-либо договоренности сторон, тем более относительно судьбы процесса, невозможным. Поэтому во многих процедурах, о которых мы ведем речь, предполагается получение признательных показаний обвиняемого (подозреваемого), в которых он не только соглашается с утверждением о совершении им преступления, но и выражает элементы раскаяния и готовности возместить причиненный вред (в полном объеме, если это потребует сторона обвинения).

Официальное заявление о согласии с подозрением или обвинением, а тем более признательные показания образуют намерение, готовность стороны защиты вступить в договорные отношения с обвинением.

2. Добровольность вступления в договорные отношения сторон, которая актуальна, разумеется, прежде всего, для обвиняемого: отсутствие возражений со стороны защиты по обвинению и его доказательствам; пассивность по отношению к уголовному преследованию вплоть до самоизобличения.

Вступление в соглашение со стороной обвинения является проявлением свободы распоряжения обвиняемым своим правом на защиту – в виде отказа защиты – путем опровержения обвинения.

Добровольность отказа стороны защиты оспаривать обвинение и опровергать обвинительные доказательства должна обеспечиваться

---

¹ То есть под это положение попадает и согласие подозреваемого с формулой подозрения, по которому он привлекается к уголовному преследованию.

обязательным участием защитника, но также и независимым медиатором – посредником в некоторых договорно-упрощенных процедурах.

3. Бесспорность уголовного дела, с точки зрения обеих сторон, но и суда, как некая фактическая определенность, данная не только в признательных показаниях, заявлениях о согласии с утверждением о совершении преступления, но и другими доказательствами по делу¹, в том числе, полученными в ходе посткриминального сотрудничества.

4. Проявление обвиняемым в той или иной мере деятельного раскаяния, прежде всего, в виде возмещения причиненного преступлением вреда.

Компенсаторно-восстановительный элемент является важным, но не всегда обязательным конструктивным элементом. Но в некоторых производствах он является определяющим, самым главным: например, в процедуре, предусмотренной статьей 28.1 УПК РФ.

5. Согласие обвиняемого, возможно прямо выраженное – в форме ходатайства или подразумеваемое, на применение предусмотренного уголовным законом средства правового воздействия.

6. Смягчение меры уголовной ответственности в виде размера и вида наказания или замены его альтернативной мерой юридической ответственности: в виде договорного средства правового (уголовно-правового) воздействия.

Со стороны государства обязательство смягчения или модификации ответственности за совершенное преступление является своего рода офертой на заключение соглашения.

7. Наличие гарантий соблюдения договора и процессуальная ответственность за невыполнение его условий, правда, носящие односторонний характер – только в отношении обвиняемого.

---

¹ В современный период времени таковым является фиксация события преступления техническими средствами, исключающими вероятность ошибки в идентификации личности правонарушителя.

8. Наличие свободы выхода из договора, государственного органа со стороны обвинения – ведущего уголовное дело, и возможность перехода на общий порядок не только по воле стороны, но и по воле суда, в том числе вышестоящего суда – в виде отмены решения по делу.

Полагаем, что современное правовое развитие России подошло к такому этапу, когда требуется пересмотреть концептуальные основы уголовной политики и признать договорной способ улаживания уголовно-правовых конфликтов миром обычным исходом уголовного дела. Важно отметить, что такой исход наиболее целесообразен и полезен по делам о преступлениях, совершаемых в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

Разработка концепции договорных отношений в уголовном судопроизводстве является важной задачей современной уголовно-правовой науки. Это сопряжено с имеющимся сдвигом в понимании ключевых понятий, в том числе таких, как «уголовно-правовое воздействие», его основание, способ формирования и пр. Важно признать допустимой и полезной определенную меру «соглашательства» в обвинении, доказывании, результате процесса – меры уголовно-правового воздействия.

В этой связи актуальным видится проект унифицированной формы досудебного разрешения дела на договорной основе в общем контексте поощрения возникновения и развития договорных уголовно-процессуальных отношений между обвинительной властью государства и нарушителем уголовного закона.

Разумеется, необходимо учитывать возможные негативные последствия договорной уголовно-процессуальной формы и потому должны быть одновременно разработаны и гарантии от злоупотреблений при использовании сделки сторонами, которые могут иметь негативные результаты для общества и государства.

Важно помнить, что договорная уголовно-процессуальная форма не может заменить традиционную судебную процедуру, а должна

рассматриваться как дополнительный правовой процессуальный инструмент достижения назначения уголовного судопроизводства, хотя бы на практике применяемый чаще, чем основная форма.

При разработке договорной концепции разрешения вопросов, возникающих при ведении и разрешения дела, необходимо учитывать международный опыт и законодательство других стран, чтобы сделать максимально эффективной и справедливой договорную уголовно-процессуальную модель.

В рамках авторской концепции договорных уголовно-процессуальных отношений можно выделить и развивать следующие направления по выходу из обозначенной проблемной ситуации:

1. Обоснование наличия и необходимости увеличения меры договорного в механизме уголовно-процессуального регулирования.

2. Доктринальное оправдание «договорной модели» как естественного явления в уголовно-процессуальном праве, наличие системы договорно-упрощенных производств.

3. Признание не исключительными (альтернативными), а обычными договорно-упрощенные формы разрешения уголовных дел.

4. Создание отдельной подотрасли уголовно-процессуального права – договорного права и предложение его юридико-технического исполнения – в виде проекта отдельной главы УПК РФ.

5. Формирование принципиально ядра договорного уголовно-процессуального права – в виде системы принципов, выступающих дополнениями к принципам, официально закрепленным в законе¹.

---

¹ Предварительно можно сказать, что принципиальное ядро договорного уголовно-процессуального права составляют принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности, формальной (юридической) истины. Процессуальную или судебно-исковую самозащиту гражданином своих субъективных прав и законных интересов надо видеть в качестве идеологического ядра «общепроцессуальных» правовых стандартов, о которых пишут современные авторы.

См., например: Шарипова, А. Р. Концепция конвергенции уголовно-процессуального права с иными отраслями процессуального права // Legal Concept. 2022. №1. С.57-63.

Очевидно, при разработке концепции не избежать критики или попыток найти сосуществование с принципами и положениями следственной процессуальной идеологии: объективной истины, вариации публичности и пр.

6. В области теории правоотношения – уголовно-процессуального, уголовно-правового отношения – внедрить понятие договорного уголовно-процессуального отношения, определив его структурные составляющие.

7. Усиление договорного начала в двух уголовно-процессуальных институтах – обвинения и доказывания, которое, очевидно, удобнее всего будет через исковое учение об обвинении, в котором имеются положения об обвинении как уголовном иске, право на которое трактуется как диспозитивное «субъективное публичное право», о правомочиях сторон по распоряжению уголовным иском и др. положения, укладываемые в договорную модель.

Как представляется, теоретическое обоснование договора сторон по предмету обвинения и его фактическим основаниям – то есть доказательствам и основываемых на них фактах, возможно в свете, как искового права, так и теории о тождестве иска в процессе.

8. Разработка на уровне понятия «средство уголовно-правового воздействия» представления о договорном способе создания такового в рамках некоторых договорно-упрощенных производств.

Здесь уместно доктринальное оправдание того, что подбор и истолкование уголовного закона, подлежащего применению, может быть предметом соглашения сторон, которым связывается усмотрение правоприменителя при разрешении дела по существу. Концептуальное обоснование того, что в договорно-упрощенных производствах фактические основания доказательств могут быть предметом соглашения сторон.

Таков общий уровень разрабатываемой авторской концепции развития договорных отношений в уголовном судопроизводстве. Переходя на

конструктивный уровень, полагаем в своей концепции решить следующие задачи:

1. Обоснование того, что обвинение, прежде всего публичное, может быть предметом соглашения между прокурором и обвиняемым, которое должно связывать судью запретом на поворот к худшему при принятии окончательного решения по делу. Разработка положений о договорном предмете соглашения включает в себя определение пунктов не только по вопросам уголовно-процессуального сотрудничества, но и решение уголовно-правовых вопросов по делу, в том числе обязательства со стороны обвинения и гарантии их соблюдения.

2. Минимализация признаков произвола со стороны обвинения в уголовно-процессуальных сделках обвинения и защиты, снижение рисков для вступления в соглашение обвиняемого. Введение в закон требований относительно оснований и порядка выхода из соглашения стороны; определение последствий разрыва уголовно-процессуального соглашения сторон.

Лишение уголовно-процессуального договора произвола предполагается через (а) закрепление обязательств обвинителя не изменять обвинение к худшему, (б) гарантирование соблюдения условий судебным органом (следственным судьей), но также иным лицом, включая независимого медиатора – института гражданского общества.

3. Аргументирование того, что субъектом обвинения должен быть только прокурор, которого признать единственным полномочным представителем государства в качестве стороны в уголовно-процессуальных договорных отношениях. Трактовка правового положения прокурора в договорных уголовно-процессуальных отношениях как субъекта диспозитивности, а согласие прокурора (обвинителя) на изменение обвинения в лучшую сторону как проявление материальной диспозитивности.

4. Разработка форм распоряжения субъектами обвинения своими материальными и процессуальными правами на обвинение при заключении и реализации соглашения.

Формулирование запрета о том, что «торговаться» можно только в пределах доказанного и потому предполагаемого как действительно совершенного обвиняемым преступления.

5. Предложение процессуальных форм взаимодействия между субъектами обвинения для выработки солидарной позиции при заключении соглашения со стороной защиты.

6. Обсуждение и проектирование мер по возможному устранению последствий преступления как предпосылки к заключению соглашения и пункт договора, включающий взаимные права и обязанности сторон.

7. Развитие запрета на поворот к худшему применительно к договорной уголовно-процессуальной форме. В том числе определение пределов правомерного изменения обвинения в худшую сторону – как средства побуждения стороны защиты к заключению соглашения о сотрудничестве или завершению уголовно-правового конфликта.

Таков примерный и не полный перечень направлений и задач, подлежащих развитию в авторской концепции, которые надо считать усилиями по выходу из констатируемой нами проблемной ситуации.

Реализация концепции договорных отношений в уголовном судопроизводстве должна будет выгодна для гражданского общества и каждого отдельного гражданина Российской Федерации, которым предлагается новый правовой статус в отношениях с государством, возникающих в связи с совершением преступления в наиболее острой из возможных конфликтных ситуаций. Разумеется, правильно понятые интересы частного лица не могут входить в неразрешимое противоречие с государственными, публичными интересами. Поэтому выгодоприобретателем от договорной уголовно-процессуальной концепции является и публичная власть, государство.

Выводы по параграфу.

Развитие уголовно-процессуального законодательства России в постсоветский период привело к созданию ряда производств с новой, спорной сложной правовой природой. К числу этих производств надо отнести особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ); досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ); дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ); замена наказания судебным штрафом (ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ); прекращение уголовных дел по основаниям, предусмотренным ст. 25, пунктом 3 части 1 ст. 27, ст. 28, ст. 28.1, 427 УПК РФ.

В юридической науке делались и продолжают делаться попытки их объяснения в русле традиционной познавательной парадигмы уголовно-правовых наук. Однако, объяснение природы этих производств как результата дифференциации основной – следственной формы, сведение их сущности единственно или к «упрощению», или к «сокращению», или к «поощрению», равно как и простое определение их как «альтернативных», «других», не позволяет полностью охватить их суть.

Определенное развитие, но только применительно к отдельным из этих производств, получил и договорной подход.

Противоречия между этими подходами, неразвитость системного подхода, игнорирование договорного аспекта, не позволяют получить полное и всестороннее представления о сложной, комплексной сущности этих производств. Это создает правовую неопределенность, лишает научного обоснования в уголовно-процессуальной политике концепций по созданию оптимальной уголовно-процессуальной системы противодействия преступности, которая бы включала эффективную систему договорно-упрощенных производств, которые существуют в большинстве развитых уголовно-процессуальных порядках.

В этом состоит проблемная ситуация как в теоретико-методологическом, философско-идеологическом, но также и в моральном,

этическом плане, не говоря уже о позитивно-правовом, прагматическом ее аспекте.

На разрешение данной проблемной ситуации и направлено создание авторской концепции уголовно-процессуальных договорных отношений, а если конкретнее – общей теории договорных уголовно-процессуальных производств, которые должны быть признаны подотраслью современного российского уголовно-процессуального права.

Автором выдвигается гипотеза о том, что эти уголовно-процессуальные производства имеют в своей основе модель договора сторон: стороны обвинения в лице прокурора (следователя), представляющего государство и стороны защиты, обвиняемого.

Мера договоренности в отдельных из приводимых производств различна, но, тем не менее, модель договора высвечивается в следующих моментах, присутствующих в них: (а) согласие обвиняемого с обвинением, как базовое условие для торга сторон относительно дальнейшего развития и исхода процесса; (б) бесспорность уголовного дела; (в) очевидность преступления; (г) отказ стороны защиты от противодействия уголовному преследованию, оспаривать обвинение и опровергать обвинительные доказательства; пассивность в доказывании; (д) согласие обвиняемого понести уголовную ответственность, вид и мера которой, предполагаются смягченными по закону и др.

Таковы главные проявления общей схемы договора в позитивно-правовых моделях некоторых уголовно-процессуальных производств, которым автор дает название «договорно-упрощенных», указывая тем самым на их сложную, комплексную и даже противоречивую природу, обусловленную всем общим строем отечественного уголовного процесса, и в том числе, формой досудебного производства.

В теории уголовно-правовых наук назрела потребность в осмыслении опыта правового строительства договорных производств и в выработке

концепции, позволяющей подвести их все на единую теоретико-методологическую и новую категориальную платформу.

В рамках намеченного теоретического проекта предполагается пересмотреть традиционные представления об основании уголовной ответственности, о механизме привлечения к уголовной ответственности, обвинении, доказывании, других ключевых положениях, на которых строится современная уголовно-правовая наука.

Утверждение о договорной природе этих производств порождает комплекс вопросов, имеющих выходы на различные элементы уголовно-процессуальной конструкции. В их числе, вопросы о пределе и формах внедрения договорной модели в институты обвинения и доказывания, которые укоренены в доктрине, а главное в позитивно-правовом материале. Наиболее, острые из этих вопросов – вопросы о возможности распоряжения предметом обвинения, равно как и его основаниями. Их решение имеет ограничения, как на доктринальном, теоретико-идеологическом уровне, так и в позитивно-правовой модели.

Для выхода в новый – договорный контекст осмысления существующих и мыслимых (задумываемых) договорно-упрощенных производств требуются усилия как на теоретико-методологическом, так юридико-техническом уровнях, которые намечены в данном параграфе и будут реализованы в ходе дальнейшего исследования.

На уровне доктрины необходимо поступательное движение по ряду фундаментальных вопросов о субъектах и предмете такого рода уголовно-процессуальных договоров, но равно – договорных правоотношений, который предполагается совершить в ходе дальнейшего исследования в рамках первой главы диссертации.

Предлагаемая нами концепция уголовно-процессуальных договорных отношений нацелена на совершенствование уголовного судопроизводства и в целом – правовой системы противодействия преступности¹.

1.2 Конвергенция частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства

Одной из важнейших объективных детерминант концепции договорных отношений в уголовном судопроизводстве выступает явление конвергенции частного и публичного в сфере уголовного процесса. В современном правоведении, равно как и в науке по специальности 5.1.4, существует потребность в осмыслении феномена проникновения частного начала в базовые позитивно-правовые и теоретико-правовые конструкции.

Цель автора состоит в выявлении произошедших и перспективных преобразований как теоретико-правовых представлений относительно уголовного процесса, так и базовых институтов уголовно-процессуального права обвинения, доказывания, которые определяют правовую организацию противодействия преступности в свете теории конвергенции.

Полагаем, что данная теория позволяет преодолеть предубеждение против увеличения меры частно-договорного в уголовно-процессуальной сфере и если не снять, то ослабить многие из концептуальных запретов, налагаемых официальной правовой доктриной на развитие идей, чуждых традиционной следственной идеологии.

На межотраслевом уровне эта тенденция отразилась в проекте создания обще-процессуальных правовых стандартов¹.

---

¹ В тексте параграфа использованы ранее опубликованные статьи автора: Колесник, В. В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48; Колесник, В. В. Теоретико-доктринальный аспект договорных уголовно-процессуальных форм по производству «альтернативных» средств уголовно-правового воздействия // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 2. С. 223-228.

В теории права возникло учение о конвергенции частного и публично права, в которой обосновывается увеличение меры частного в уголовном, уголовно-процессуальном правовом регулировании.

Термин «конвергенция» (от лат. *convergere* – сближаться, сходиться) в свое время введенный в научный оборот гуманитарных наук социологом Питиримом Сорокиным применительно к социализму и капитализму², снова получил широкое распространение в современных условиях.

Идея о смешении, взаимопроникновении элементов неблизкородственных явлений (организмов) без утраты последними своей самоидентичности оказалась близка и российским юристам. Спрос на нее среди отечественных правоведов был особенно велик в период, когда глобализация в правовой сфере воспринималась позитивно, а приведение российского законодательства в соответствие с общепризнанными нормами и принципами международного права было официальной позицией³. Тогда же и темы о частных отношениях как образце правоотношений⁴, их близости к идеалу правоотношений также получили особое распространение⁵.

Объясняется феномен конвергенции и исходным, приоритетным значением частного права в правовой системе⁶, а также усилением антропоцентризма современного права⁷.

---

¹ См.: Шарипова, А. Р. Конвергенция в процессуальных отраслях права: перспективы судебного права и уголовного процесса // Государство и право. 2021. № 7. С. 115–124.

² См.: Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар : ООО «Анбур», 2018. 640 с.

³ См.: Третьякова, О. Д. Юридическая конвергенция : диссертация ... доктора юридических наук. Владимир : Владимирский юридический институт, 2012. С. 188 и след.

⁴ См.: Иванов, В.И. Частные отношения : постановка вопроса // Образование и право. 2011. № 5 (21). С. 10–15.

⁵ См.: Челышев, М. Ю. Развитие гражданского права в системе правовых отраслей: некоторые тенденции // Современное состояние и тенденции российского законодательства в условиях преемственности государственно-правового развития России : сборник науч. тр. / под ред. Е.В. Вавилина, Д.Е. Петрова. Саратов, 2008. С. 31–35.

⁶ См.: Алексеев, С. С. Частное право: научно-публицистический очерк // Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. Москва : Статут, 2010. С. 321–444.

⁷ См.: Павлов В.И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 71–97.

Наибольший вклад в осмысление явления конвергенции внес профессор Н.М. Коршунов, который заложил основы теории конвергенции частного и публичного права в условиях глобализации¹, в том числе конвергенции частного, уголовного и уголовно-процессуального права.

Разработки Н.М. Коршунова можно взять за теоретическую основу нашего подхода к пониманию конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства как детерминанты развития договорных уголовно-процессуальных отношений.

В теории государства и права юридическая конвергенция определяется как процесс взаимодействия элементов внутри системы права, а также правовых систем различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов².

Главное различие между публичным и частным правом проходит по методу правового регулирования, в первом доминирует императивно-правовой метод, во втором – диспозитивный³. И потому наиболее показательным проявлением конвергенции частного и публичного права теоретиками признается распространение диспозитивного метода правового регулирования на некоторые уголовно-процессуальные отношения⁴.

Как пишет Н.М. Коршунов, частно-правовой метод регулирует общественные отношения в публично-правовой сфере на основе консенсуса, с использованием различных договорно-правовых средств, которые имеют своим источником начала свободы личности⁵.

Подчеркнем то, что тема конвергенции частного и уголовно-процессуального права неразрывно связана с усилением состязательности

---

¹ См.: Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2011. С. 114–146.

² См.: Иванова, С. А., Гребенников В. В. Конвергенция частного и публичного права в современном законодательстве Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. №3. С. 18-25.

³ См.: Михайлов, А. М. Генезис континентальной юридической догматики. Москва : Юрлитинформ, 2012. 491 с.

⁴ См.: Коршунов, Н. М. Указ. соч. С. 114–118, 134–137.

⁵ См.: Коршунов, Н. М. Указ. соч. С. 117.

отечественного уголовного процесса. Вполне осознаем, что свобода, состязательность, диспозитивный метод правового регулирования или диспозитивность – это идеологически близкие идеи, оправдываемые конвергенцией.

Данную позицию разделяют многие современные ученые процессуалисты. Так, по мнению С.Д. Шестаковой¹, конвергенция проявляется в методе регулирования уголовно-процессуальных отношений. Она попыталась выявить возможности внедрения состязательного метода на трех подуровнях традиционного императивного метода регулирования различных групп уголовно-процессуальных отношений, неизменным субъектом которых являются государственные органы, ведущие процесс². Применение состязательного метода уголовно-процессуального регулирования она считает возможным для урегулирования уголовно-процессуальных отношений субъектов доказывания. Отвергнув институты суда присяжных и перекрестного допроса, как неприемлемые для отечественного уголовно-процессуального права инструменты, С.Д. Шестакова пришла к выводу и предпочтительности сохранения сложившейся технологии доказывания, при которой основная масса доказательств образуется на стадии предварительного расследования, но с обязательным перераспределением на этой стадии процессуальных функций уголовного преследования и юстиции³.

Трудно разделить эти выводы, утратившие к настоящему времени актуальность. Однако нельзя не признать правоты указанного ученого-исследователя в том, что доказывание является одним из двух главных объектов процессуально-правового регулирования и потому перемены в методе его регулирования имеют системные последствия для всего уголовно-

---

¹ См.: Шестакова, С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (Теоретико-правовое исследование): диссертация ... доктора юридических наук. Санкт-Петербург: СУ МВД РФ, 2004. 388 с.

² См.: Там же. С. 14.

³ См.: Шестакова С.Д. Указ. соч. С. 15.

процессуального права. В свете конвергенции будут оправданы ходы по изменению уголовно-процессуальной модели – доказывания – через внедрение в нее договорной технологии, отказ от наиболее жестких следственных стандартов, отказ от трактовки истины в процессе как «объективной истины»¹.

Таким образом, теория конвергенции оправдывает перемены на теоретическом уровне, позволяет зайти в развитии договорной концепции в уголовном процессе настолько, насколько это не выходит за пределы разумного.

Отечественная правовая система переживала за последние тридцать лет большие изменения. При неизменности основного разделения публичного и частного права происходит «приватизация» некоторых сегментов публичного права, которая более ярко выражена, чем обратная, то есть публично-направленная тенденция.

К настоящему времени политико-правовой подход сменился. И в последнее время представители теории права и «отраслевники» уже более осторожны в прогнозах о приватизации некоторых сфер публичных отраслей права – уголовного и уголовно-процессуального².

Тем не менее, и в свете идей о суверенизации, возвращения к истокам русской правовой традиции сохраняет актуальность межотраслевая конвергенция, особенно конвергенция частного и публичного права внутри российской правовой, процессуально-правовой, «уголовно-правовой» систем.

Весьма убедительным и наглядным проявлением конвергенции, хотя и на публично-правовой основе, является создание новой научной специальности – 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

---

¹ Для развиваемой нами теории договорных отношений оптимальной трактовкой истины была бы не «объективная истина», а истина как результат состязательного судопроизводства или истина как результат соглашения сторон, утвержденного судом.

² См., напр.: Дорошков, В. В. Разумное сочетание публичного и частного в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 31-41; Он же. Стратегия развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С.57-60.

Конвергенция частного и уголовно-процессуального права в области уголовно-процессуального доказывания является знаковой и ее проявления более всего характеризует насколько частное начало, а вместе с ним и свобода распоряжения своими процессуальными правами, внедрилось в уголовно-процессуальную организацию¹.

Профессор Н.М. Коршунов усматривает проявление фактора волеизъявления лиц на принятие судом решения по делу, которое можно трактовать как завершающий этап доказывания, в пунктах 1-6 ч. 1 ст. 299, ч. 7 ст. 292 УПК РФ². Это, на наш взгляд, частный и не самый характерный случай проявления воли сторон перед судом, с которой он обязан считаться.

Но в целом, конечно, следует согласиться в том, что развитие частноправового начала в уголовно-процессуальной сфере проявляется в мере влияния воли сторон, в том числе выраженной в форме договора, на развитие процесса.

Обоснованным является усмотрение конвергенции в расширении применения диспозитивного метода в урегулировании уголовно-процессуальных отношений. Диспозитивность и договор, как результат согласования воли субъектов диспозитивности, неразрывно взаимосвязаны.

Тема о расширении использования метода диспозитивности поднималась в целом ряде работ³, в которых с различной степенью категоричности утверждалось о проникновении диспозитивности в уголовно-процессуальное регулирование, вплоть до признания диспозитивности принципом уголовного процесса. И хотя при этом термин конвергенция учеными-процессуалистами не всегда использовался для оправдания своих

---

¹ См.: Шарипова, А. Р. Конвергенция в процессуальных отраслях права: перспективы судебного права и уголовного процесса // Государство и право. 2021. № 7. С. 115–124.

² См.: Коршунов, Н. М. Указ. соч. С. 138.

³ См.: Андреева, О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : монография. Томск : Изд-во ТГУ, 2000. 133 с.; Дикарев, И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России : монография / под ред. проф. А.П. Кругликова. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. 162 с.; Сидоренко, Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2013. 418 с.

теоретических построений диспозитивного содержания, зато более конкретными были предложения по совершенствованию регулирования деятельности участников различных групп уголовно-процессуальных отношений, имеющих объектом частное, частно-публичное обвинение, доказывание по данным категориям уголовных дел¹, введение перекрестного допроса, как состязательного способа формирования сторонами личных доказательств в суде, и наконец – как инструмента установления судебной – процессуальной истины².

Если уголовный процесс понимать как спор государства с лицом, обвиняемым государством в преступлении, то усиление правовых гарантий лиц, прежде всего обвиняемого, расширение свободы распоряжения участниками с обеих сторон своими процессуальными правами при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности в частных и публичных целях и является главным позитивным результатом конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства.

Можно утверждать, что договорные уголовно-процессуальные отношения являются диспозитивными. При этом если в диспозитивности правового статуса субъекта одной из этих сторон – обвиняемого – сомнений нет, то относительно возможности считать субъектом диспозитивности прокурора или орган предварительного расследования, а тем более – «государство», в теории трудно найти обоснование.

Конвергенция частного права (прежде всего, гражданско-процессуального права) и уголовно-процессуального права уже имеет конкретные проявления в уголовно-процессуальных формах. На этом необходимо остановиться подробнее.

Прав Н.М. Коршунов в том, что проявлениями частного-правового начала в сфере уголовного судопроизводства можно признать:

---

¹ См.: Андреева, О. И. Указ. соч. С. 7-19; Дикарев, И. С. Указ. соч. С. 6-9, 140-152.

² См.: Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе : монография. Нижний Новгород : НЮИ МВД РФ, 1997. С. 128–130.

- (1) производства по делам частного и частно-публичного обвинения;
- (2) порядок возбуждения уголовных дел, предусмотренный статьей 23 УПК РФ;
- (3) «сделки с правосудием», элементами данного частноправового института, являются процедуры, предусмотренные главой 40 и главой 40.1 УПК РФ;
- (4) примирительные производства в рамках процедур прекращения уголовных дел по различным нереабилитирующим основаниям¹.

Примерно таким видится пространство конвергенции частного и публичного права в уголовно-процессуальной сфере и другими авторами². Они констатируют умножение перечня конкретных проявлений конвергенции частного права в уголовно-процессуальной сфере, а именно: появление договорных способов установления фактических оснований правоприменительных актов, медиации, трансакции и пр.

Наиболее очевидным проявлением конвергенции частного и публичного права в уголовно-процессуальной сфере можно считать образование так называемого «экономического уголовного права»³, «экономического уголовного судопроизводства» по уголовным делам о преступлениях предпринимателей в сфере экономической деятельности⁴.

В этих субинститутах уголовного и уголовно-процессуального права конвергенция зашла наиболее далеко и затронула ключевые институты

---

¹ См.: Коршунов, Н. М. Указ. соч. С. 137-141.

² См.: Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : монография. Москва : Юрлитинформ, 2012. 452 с.; Зайцев, О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1. С. 73–81.

³ См.: Жалинский, А. Э. Избранные труды : в 4 томах. Том 2. Уголовное право. Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. С. 317–329.

⁴ См.: Александров, А. С., Зайцев О. А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва : ИД «Юриспруденция», 2021. С. 236–245; Сычёв, П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : монография. Москва : Юрлитинформ, 2020. 445 с.

уголовно-процессуального права: обвинение и доказывание. Следует согласиться с тем, что под влиянием экономического фактора, соображений прагматизма и целесообразности, защиты интересов бизнеса сформировался уникальный правовой механизм уголовно-правовой защиты общественных отношений в сфере экономики. Уникальность его состоит сравнительно большей мере частного, диспозитивного, договорного элементов в способе уголовно-процессуального и уголовно-правового реагирования на предпринимательские преступления, формирования меры уголовно-правового воздействия на них¹.

В развитие нашей гипотезы, выдвинутой в первом параграфе, в число проявлений конвергенции частного и публичного права мы относим все обозначенные нами «договорно-упрощенные» производства.

Как уже отмечалось, фактором, стимулирующим конвергенцию частного и уголовно-процессуального права, называют и цифровизацию государства и права; цифровизация унифицирует правовое регулирование, в том числе, она уравнивает субъектов доказывания². А потому объективно делает им более договорно-способными, склонными к компромиссу.

С учетом уже накопленных в науке разработок обозначим наиболее актуальные и дискуссионные эффекты конвергенции, то есть проникновения частного права (гражданского, договорного, гражданско-процессуального) в широко понимаемую уголовно-правовую сферу.

1. Если брать тему конвергенции в плоскости института «обвинение», то это частное, частно-публичное обвинение в их классическом виде, но также специфический вид частно-публичного обвинения по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности³.

---

¹ См.: Александров, А. С., Зайцев О. А. Указ. соч. С. 242, 243.

² См.: Александров, А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 206.

³ См.: Горюнов, В. Ю. Об оптимизации частно-публичного порядка уголовного преследования субъектов преступлений против собственности в сфере

Можно констатировать, что договору наиболее склонны участники процесса, движущей силой которого является частное обвинение или экономическая модификация частно-публичного обвинения (ст. 23, ч. 3 ст. 20 УПК РФ)¹.

Менее развита в отечественной науке тематика о «приватизации института обвинения» через такое понятие как субсидиарное обвинение². Данная разновидность частно-публичного обвинения, существующая в законодательстве целого ряда государств, может в перспективе получить развитие и у нас. Поэтому в теоретическом плане – вполне уместно ставить вопрос о воплощении частного начала в институте обвинения в подобной форме, о чем будет сказано подробнее во второй части настоящего параграфа.

2. В плоскости доказывания и вместе с тем разрешения вопроса о мере уголовной ответственности к анализируемой нами конвергенции относят так называемые «сделки с правосудием», под которыми понимаются «досудебное соглашение о сотрудничестве» (глава 40.1 УПК РФ) и особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ)³.

С позиции официальной теории это наиболее спорное завоевание частного права в сфере уголовного судопроизводства, начиная от самой трактовки его как «сделки с правосудием», которое большинством процессуалистов категорически и небезосновательно отвергается, и, заканчивая трактовкой его правовой природы.

предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 99–103.

¹ См.: Горюнов, В. Ю. Частно-публичное обвинение как уголовно-процессуальная основа применения уголовного закона в сфере экономической деятельности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 1. С. 43–48.

² См.: Ветрова, Г. Субсидиарное обвинение и принцип состязательности // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 3(95). С. 32–36.

³ См. об этом, например: Абшилава, Г.В. Указ. соч. С. 86–90.

Российские исследователи не склонны усматривать в этих процедурах проявление частного, договорного начала¹ и не связывают их с явлением конвергенции. В отличие от них, расцениваем эту разновидность договорных производств как один из наиболее показательных проявлений конвергенции, причем не только частного и публичного права, но англо-саксонской и романо-германской правовых систем².

Наиболее показательным в этом плане может считать изменение подхода российских исследователей к пониманию правовой природы досудебного соглашения о сотрудничестве. Первоначально его сущность определяли как очередную особую, сокращенную уголовно-процессуальную форму³.

Подробнее тема о перемене доктринальной позиции относительно объяснения правовой природы процедур, регулируемых нормами глав 40, 40.1 УПК РФ, будет раскрыта в третьем параграфе второй главы диссертации. Однако, здесь уже уместно будет констатировать то, что продвижение позиции в сторону признания их согласительной природы, зафиксированный в последних исследованиях⁴, является, с нашей точки зрения, доказательством конвергенции, которая происходит не только в законодательстве, но и в умах тех, кто его толкует, понимает и применяет.

В этой связи будет уместным отметить и влияние политического и даже, очевидно, субъективного факторов на процесс конвергенции. Проводником этому в случаях с толкованием и применением норм,

---

¹ См.: Головинская, И. В., Головинский М. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве : монография. Владимир : ВИТ-принт, 2011. С. 8; Рыбалов, К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. Москва, 2004. С. 7–9.

² Подробнее об этом см.: Александров, А. С., Колесник В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. Москва : Юрлитинформ, 2018. С. 7–11.

³ См.: Дубовик, Н. П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2004. С. 15.

⁴ См.: Тисен, О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве. Оренбург, 2017. С. 39–41.

регулирующих данную разновидность договорных производств, является прокуратура¹, о чем подробнее скажем при анализе отдельных договорно-упрощенных производств.

Прокурор является в первую очередь проводником публичного интереса и уполномочен уравнивать баланс частного и публичного в процедурах, где есть угроза нарушения этого баланса. Позиции Генеральной прокуратуры России² служат сдерживающим моментом для экспансии договорного, частного момента в процедуре судебного доказывания и разрешения дела по существу.

3. Примириительные процедуры, как воплощение конвергенции частного права в уголовно-процессуальной сфере, являются одними из наиболее развитых в юридической науке, как по причине своей очевидности, так и безопасности в идеологическом плане.

Термин «примириительный» стал символом развития комплексного института уголовного и уголовно-процессуального права, нормы которого регламентируют альтернативный исход уголовного дела. С этим институтом ученые связывают экономию уголовно-правовой репрессии, гуманизацию уголовной политики, восстановление нарушенных преступлением общественных отношений мирным – нерепрессивным путем³.

К настоящему времени развито мнение о том, что частное, договорное начало определяет сущность процедур прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, ст. ст. 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст.ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ. То есть это, с нашей точки зрения, одна из разновидностей договорно-упрощенных процедур.

---

¹ См.: Доклад Генерального прокурора России И.В. Краснова на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 17 марта 2020 года // Прокурор. 2020. № 1. С. 11–20.

² См.: пункт 3.8. Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 N 376 (ред. от 13.12.2023) "Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства" // СПС КонсультантПлюс, 2023.

³ См.: Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Санкт-Петербург : Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 17.

Однако указанная ситуация произошла в отечественной науке не сразу. Ядром, вокруг которого формировался данный публично-частный институт, изначально были процедуры, предусмотренные статьями 25 и 28 УПК РФ. При этом именно статья 25 УПК РФ о примирении потерпевшего с обвиняемым стала образцом отечественной уголовно-процессуальной медиации, в которую включали нормы, содержащиеся в части 2 ст. 20, ст. 25, пункте 3 части 1 ст. 27, ч. 2 ст. 28, 427 УПК РФ¹.

Модель «деятельного раскаяния», доминировавшая ранее в правовой идеологии, и подразумевавшая безусловное доминирование публичного начала в способе разрешения уголовного дела, стала постепенно вытесняться в правосознании более частноправовым подходом: «примирением сторон». Отсюда уже был один шаг к трактовке всех альтернативных процедур как «договорных» - последствия конвергенции частного и публичного права.

Многие авторы избегали проведения аналогии между примирением сторон договором или соглашением. Тем более не обсуждался вопрос о том, что субъектом примирения является государство – таковым признавался только потерпевший. Из-за догматического предубеждения против распространения частно-правовой идеологии в уголовно-процессуальной сфере многие теоретики не могли зайти настолько далеко в признании меры частного в уголовно-процессуальных примирительных процедурах, чтобы признать их договорными².

Однако, появление статьи 28.1 УПК РФ, а затем и статьи 76.1 УК РФ, позволило констатировать об увеличении меры частного-договорного начала в уголовно-процессуальном механизме досудебного разрешения уголовно-правовых споров, то есть об усилении конвергенции частного-правового и публично-правового начал в данном сегменте уголовно-процессуальной

---

¹ См.: Волынская, О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы : монография. Москва : Юнити-Дана, 2012. С. 45 и след.

² Подробнее остановимся на анализе этого института в параграфе первом следующей главы.

системы. Центральной идеей этого уголовно-процессуального механизма становится не примирение, а договор, посредством которого разрешаются уголовно-правовые споры мирным путем. При этом субъектом соглашения со стороны обвинения выступают не только потерпевший, но и государственный орган, осуществляющий производство по уголовному делу. Это позволяет предполагать, что субъектом договорно-правовых отношений с лицом, совершившим преступление, не только в уголовно-процессуальной, но в уголовно-правовой сфере выступает государство¹.

Появление процедуры, регулируемой статьей 25.1 УПК РФ, главой 51.1 УПК РФ, поставило в актуальную повестку научного обсуждения вопрос о создании универсальной судебной модели разрешения уголовно-правовых споров мирным договорным путем для тех случаев, когда помимо возмещения ущерба закон требует применения альтернативной уголовному наказанию штрафной меры уголовно-правового воздействия. Судебным органом, уполномоченным на такое правоприменение, предлагается следственный судья².

К настоящему времени, по мнению исследователей³, в российском уголовно-процессуальном праве имеются отвечающие общепризнанным международно-правовым стандартам модели «медиация», «транзакции». Таким образом, анализируемая нами конвергенция проявляет себя по двум направлениям: (1) взаимодействия частного и уголовного-права, процесса внутри национальной системы права и (2) унификации правовых стандартов

---

¹ См.: Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : диссертация ... кандидата юридических наук Нижний Новгород, 2021. 313 с.

² См.: Александрова, И. А., Алаев Р. С. Правовой институт прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба: вопросы теории и практики // Российский правовой журнал. 2019. № 1. 94–98.

³ См.: Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования) : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 71–82, 112, 134.

договорного, упрощенного способа разрешения уголовных дел в международном, европейском правовом пространстве¹.

Таким образом, комплекс производств, названных нами «договорно-упрощенными», а также корреспондирующие им уголовно-правовые нормы могут быть признаны наиболее последовательным результатом конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства.

Забегая вперед, скажем о том, что разделяем предложение о том, чтобы договорно-компенсаторный или восстановительный способ разрешения уголовных дел, введенный законодателем в статье 28.1 УПК РФ для субъектов предпринимательской деятельности, стал общедоступным. То есть, чтобы любой субъект, а не только субъект предпринимательской деятельности, имел право по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести требовать прекращения его уголовного преследования в случае полного возмещения причиненного вреда².

Разделяем мнение о необходимости унификации процедур досудебного урегулирования уголовно-правовых споров посредством механизмов медиации и трансакции, о чем скажем более подробно чуть позже. В свете теории конвергенции такой мыслительный ход вполне логичен.

Наконец, нельзя не обозначить тему, которая, на наш взгляд, подлежит концептуальному разрешению в виде проекта процессуального механизма по процедурной декриминализации деяния, которое стало основанием уголовного дела. На наш взгляд, механизм процессуальной декриминализации существовал в советском уголовно-процессуальном

---

¹ Тарасов, А. А. Международные стандарты справедливой процедуры судебного разбирательства - «западные ценности» или здравый смысл? // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2022 года. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. С. 596-598; Тарасов, А. А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное судопроизводство // ООН и вызовы современного мира в XXI веке : коллективная монография. Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. С. 112-126; Тарасов, А. А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 61-66.

² Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 236–241.

праве. В настоящее время назрел вопрос о восстановлении ранее существовавшего в нашем уголовно-процессуальном праве основания прекращения уголовного дела: в виду изменения обстановки и утраты лицом, совершившего преступления, социальной опасности (статья 6 УПК РСФСР)¹.

Подводя итоги сказанному в первой части параграфа, мы можем сказать, что наиболее перспективными, хотя и небесспорными направлениями конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства являются:

1. «Доказательственное право», в котором данная конвергенция может коснуться расширения круга субъектов доказывания, уравнивания их прав в получении и представлении суду доказательств, формирования сторонами доказательственных фактов договорным путем, отказ от следственного стандарта допустимости уголовно-процессуальных доказательств (по модели протокола следственного действия). И наконец, это неизбежно связано с отказом от концепции объективной истины и переходу к концепции процессуальной/судебной истины, допускающей возможность соглашения сторон.

2. «Обвинительное право», в котором данная конвергенция может коснуться расширения круга субъектов права на выдвижение обвинения, умножения разновидностей частного-публичного обвинения (за счет введения субсидиарного обвинения), распоряжения сторонами предметом обвинения путем изменения его в сторону смягчения, отказа от обвинения по различным согласительным-договорным основаниям.

3. Договорное уголовно-процессуальное право, понятие и содержание которого будет раскрыто в первом параграфе третьей главы нашего научного исследования.

Во второй части параграфа обратимся к вопросу о желаемой, но возможной мере проникновения и развития частного начала в уголовно-

---

¹ Подробно эта тема будет раскрыта в заключительном параграфе третьей главы нашего исследования.

право-процессуальной сфере в свете конвергенции частного и публичного права. Вопрос этот был в начале нашего исследования выделен в качестве основных теоретико-методологических и даже идеологических, культурно-этических. Полагаем, что именно теория конвергенция открывает возможность для того, чтобы дать на него аргументированный ответ, максимально благоприятный для развиваемой нами концепции.

Очевидно, что общий предел конвергенции определяется публично-правовой сущностью уголовно-процессуального права. Она не может переродиться под влиянием частного начала, какими бы ни были условия, стимулирующие процесс конвергенции.

Поскольку, как уже было заявлено, мы разделяем мнение о том, что организация любого типа уголовного процесса основана на определенной модели выдвижения обвинения в совершении преступления и модели получения процедурного знания – доказывания¹, постольку поставленный вопрос касается меры «приватизации» этих двух системообразующих институтов уголовно-процессуального права.

Как уже отмечалось выше, процесс конвергенции, явление захвата частным правом некогда «заповедных» территорий публичного права отрефлексирован отечественной теорией государства и права². Хотя это не привело к пересмотру таких базовых понятий отечественного правоведения, как «государство», «право», «механизм правового регулирования» и др.

Остановимся вначале на вопросе о возможной мере «приватизации» уголовно-процессуального механизма обвинения, форма которого в настоящее время является следственной. Современная – следственная модель обвинения является основой правовой организации противодействия преступлениям.

---

¹ См.: Левченко, О. В. Архетип национальной уголовно-процессуальной системы и прокурор как ее доминантный субъект // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 49–57.

² См.: Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. С. 76.

Это касается и порядка выдвижения, субъекта выдвижения, доказывания обвинения по делам частного-публичного обвинения о преступлениях экономической направленности, перечисленных в части третьей статьи 20 УПК РФ.

В отечественной уголовно-процессуальной науке есть наработки для концепции пересмотра института обвинения.

На наш взгляд, теория конвергенции является удобной платформой для развития исковой трактовки обвинения – теории уголовного иска. Данная теория вполне укладывается в договорную трактовку отношений между обвинителем и обвиняемым.

Согласно исковой концепции, обвинение во всех его составляющих – материально-правовой, фактической и процессуальной – находится в пределах правоусмотрения обвинителя – публичного истца (прокурора) или частного (потерпевшего)¹.

В наиболее радикальной трактовке концепция уголовного иска вряд ли приемлема для выстраивания нашей концепции. Однако, в своей основе и как призыв к развитию диспозитивно-договорного понимания того, как должно быть устроено уголовно-процессуальное регулирование, оно полезно. Из исковой концепции обвинения выводят принцип тождества иска: суд должен следовать в определении предмета и пределов судебного разбирательства, равно как и предмета и пределов доказывания уголовному иску (обвинению)². Изменение предмета иска (обвинения), а вместе с ним и предмета спора (доказывания) находятся в корреляционной взаимосвязи³. На

---

¹ См.: Полянский, Н. Н. К вопросу о правовой природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. № 1. С. 105–115; Александров, А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

² См.: Гольмстен, А. Х. В защиту процессуальной теории Бюлова // Журнал министерства юстиции. 1916. № 9. С. 319–320; Рязановский, В. А. Единство процесса / Вступит. ст. Треушников М.К. Фонд «Международный ин-т развития правовой экономики» Москва : Юрид. бюро «Городец», 1996. С. 3–75; Полянский, Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права / под ред.: Савицкий В. М. Москва : Наука, 1983. С. 270.

³ См.: Гольмстен, А. Х. Указ. соч. С. 250–260.

процессуальные основания иска, то есть доказательства, распространяется требование тождества – относимости к предмету иска. Эти положения являются конструктами для выстраивания договорной уголовно-процессуальной модели и находится в общем контексте усиления частного, диспозитивного начала в уголовно-процессуальном регулировании, то есть в русле теории конвергенции.

Можно констатировать в виде промежуточного вывода, то, что исковое учение об обвинении и другие взаимосвязанные с ним положения искового права, стандарт тождества иска, запрет на поворот к худшему и пр. получают последовательное и полное понимание в свете теории конвергенции частного и публичного права.

Последовательные сторонники приватизации института обвинения предлагают сделать частное обвинение основой уголовно-процессуального механизма по разрешению экономических уголовных споров между субъектами предпринимательской деятельности.

К примеру, С.В. Власова развивает концепцию исковой самозащиты лицом (субъектом предпринимательской деятельности) своих прав, нарушенных преступлением против чужой собственности в сфере экономики, с использованием цифровых, телекоммуникационных технологий, через участие в обвинении и доказывании частных лиц. Под такими лицами понимаются не только физические или юридические лица, потерпевшие от преступлений, но и представители «кросс-команд» с обеих сторон, участвующих в выработке формулы обвинения, ее оппозиции, а в итоге – средства уголовно-правового воздействия (договорного)¹.

Данный проект приватизации обвинения, механизма его формулирования и обоснования является наиболее радикальным примером расширения частных уголовно-процессуальных отношений в сфере

---

¹ См.: Власова, С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 145, 160.

экономики, охватывающий все структурные элементы таких отношений: субъектов, под которыми понимаются не только физические или юридические лица, но и объект (обвинение, доказательства), содержание отношений – полностью находятся в распоряжении субъектов этих отношений.

Для нас такой подход неприемлем не столько по идеологической причине, сколько из прагматических соображений. Нельзя игнорировать различие в правовых традициях при обсуждении о мере доступной приватизации института обвинения. В англо-саксонской правовой семье основой обвинительной системы является идея о доступности обвинения каждому гражданину, она воплощена в концепции «*actio popularis*». Поэтому в государствах с такой правовой системой естественным будет возрождение института «народного обвинения», обвинения, доступного каждому человеку, в новых технологических условиях. В России другая историческая правовая традиция. Отечественной правовой культуре модель общедоступного обвинения и выстраивания уголовно-процессуальных, а тем более уголовно-правовых (договорных) отношений между участниками уголовно-правового конфликта, вне публичного обвинения, чужда и практически невозможна. Это касается не только сферы противодействия общеуголовной преступности, но и экономической.

Превращение частного обвинения в основу правовой организации противодействия экономической преступности является нецелесообразным, даже если субъектами уголовно-правовых и центральных уголовно-процессуальных отношений выступают с обеих сторон субъекты предпринимательской деятельности. Нецелесообразно доверять потерпевшим более или менее широкий круг преступлений, которые представляют угрозу экономической основе социума. В общем и целом, снижение уровня публичного элемента в институте обвинения, а тем более полный уход субъекта публичного обвинения из этой области, неприемлем для нашей уголовно-процессуальной системы. Важно, чтобы обвинительная

публичная власть управляла процессом через публично-правовой механизм¹ выдвижения обвинения и выступала субъектом (в лице прокурора) в центральном правоотношении (уголовно-правовом и уголовно-процессуальном) с обвиняемым.

Некоторые ученые-исследователи² предлагают связать возможное увеличение частного начала с расширением применения частно-публичного обвинения, что соответствует развитию законодательства в последние годы. Такой подход является более умеренным вариантом внедрения частного начала в публично-правовые уголовно-процессуальные отношения. Публичное обвинение может сочетаться с частным элементом в форме частно-публичного обвинения, где потерпевший имеет право инициировать уголовное преследование, но не может выдвигать обвинение.

Между тем, на наш взгляд, бесперспективна сама следственная модель частно-публичного обвинения, которая, как известно, сложилась в советский период, отражала и отражает реалии следственного досудебного производства и следственного порядка выдвижения обвинения³.

С нашей точки зрения, искать вариант нового баланса частного и публичного начал в институте обвинения надо в другом направлении. Перспектива использования «смешанного» публично-частного обвинения, в котором частное обвинение примыкает, дополняет основное – публичное обвинение, на наш взгляд, достаточно благоприятна. Особенно в области

---

¹ Хотя этот процессуальный механизм не обязательно должен быть следственным, как сейчас, он мог бы быть и судебным.

² См.: Горюнов, В. Ю. Об оптимизации частно-публичного порядка уголовного преследования субъектов преступлений против собственности в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Российского университета кооперации. 2018. № 4 (34). С. 99–103; Попова, Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: диссертация ... кандидата юридических наук. Волгоград, 2019. С. 98.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс: научно-популярный, практический комментарий / профессоров П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского. Москва : Изд-во «Право и Жизнь», 1928. С. 24.

экономических правоотношений. Имеется в виду такой вид обвинения как субсидиарное обвинение.

В отечественной теории мало изучена тема субсидиарного обвинения, и эта модель смешанного публично-частного обвинения не часто рассматривается в качестве альтернативы следственному публичному обвинению¹. Хотя, с нашей точки зрения, она могла бы стать новым, перспективным видом сочетания, взаимодействия частного и публичного элементов в обвинении.

Появление субсидиарного частного обвинения может привести к существенным изменениям в системе уголовно-процессуальных отношений. Частный обвинитель вправе выступать как партнер или заместитель публичного обвинителя в уголовных делах публичного или частно-публичного обвинения. Субсидиарный обвинитель может заменить прокурора, отказавшегося от поддержания публичного обвинения. При этом сохраняется публичное обвинение, как объект основного уголовно-процессуального отношения, но могут меняться субъекты обвинения, и соответственно субъектный состав уголовно-процессуального отношения. Тем самым создается новый уровень развития частного начала в уголовно-процессуальной системе.

В свете теории конвергенции различные комбинации основного и субсидиарного обвинений как комбинации средств исковой защиты частного и публичного интересов, в том числе и через нахождение через договор компромиссного разрешения уголовно-правового спора, выглядят вполне разумно и целесообразно.

На наш взгляд, могут возникнуть и иные новые комбинации классических видов обвинения, то есть формы взаимодействия различных субъектов обвинения и создания между ними правоотношений. К примеру,

---

¹ См.: Фоменко, А. Н. Субсидиарное обвинение как форма защиты прав потерпевшего в уголовном процессе // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 167–170.

частное начало возможно и на этапе выдвижения публичного обвинения прокурором перед судом, когда потерпевший может потребовать перед судом учета его позиции, отличающейся от позиции публичного обвинителя. При этом формулирование в судебном порядке окончательной формулы обвинения может происходить и с учетом позиции обвиняемого, его защитника.

Итак, «приватизация» обвинения, хотя бы в отдельно взятой сфере правоотношений может привести к потере государством управления противодействия определенному виду преступлений, что недопустимо. В то же время можно и нужно обсуждать умножение комбинаций публичного и частного обвинения. Поддерживаем идею введения субсидиарного обвинения как дополнительного типа обвинения в уголовно-процессуальную систему. Это даст возможность для возникновения и развития новых частно-публичных уголовно-процессуальных отношений, которые позволяют гармонизировать публичные и частные интересы.

Между тем, проблематика внедрения частного начала в институт обвинения, в том числе в умеренном варианте модели субсидиарного обвинения, имеет еще один аспект, который актуализировался контексте цифровизации, внедрения умных технологий в систему обеспечения безопасности общества и государства.

Еще в начале 20 века неизбежность избирательности уголовной репрессии была увязана с допущением субсидиарного обвинения как конкурента публичному – прокурорскому обвинению и расширении предмета частного обвинения. Это тематика развивалась в общем контексте либерализации уголовной политики¹. Впрочем, далее научных рассуждений тема о демонополизации полномочий публичной власти на обвинение и допущение частного элемента в механизм выдвижения обвинения, развития

---

¹ См.: Полянский, Н. Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении. // Юридический вестник. 1915. Кн. 9, С. 104–142; Полянский, Н. Н. Право обществ на уголовный иск // Вопросы права. 1911. Кн. 6(2). С. 110–122.

не получила. И не только по причине смены государственно-правового строя. Монополизация обвинения государством в России как в других государствах с романо-германской правовой системой делает менее гибкой доктрину по вопросу о реагировании уголовно-процессуальной системы на преступление и форму, меру этого реагирования – в виде дифференциации обвинения, расширения круга его субъектов, меры свободы распоряжения публичным и частно-публичным обвинением¹.

Разделяем точку зрения, согласно которой классическая уголовно-процессуально-правовая доктрина с ее интенцией к абсолютизации связи преступления и наказания представляет угрозу не только правам личности, но и обществу, в условиях глобализации технического контроля за поведением людей, многократного увеличения технического потенциала по фиксации преступного поведения и получения оснований для выдвижения обвинения.

Техническая возможность обнаружения основания для выдвижения обвинения против каждого человека должна найти юридический предел, ибо в этом есть уже политико-правовая целесообразность. Поэтому необходимо установить юридический предел для ограничения расширяющейся технической возможности обнаружения оснований для выдвижения обвинения против каждого человека². И, как представляется, договорная концепция обвинения может как раз стать таким правовым средством.

В очередной раз констатируем потребность в более последовательном внедрении в уголовно-процессуальную материю договорной модели, что

---

¹ См.: Полянский, Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса. Москва : «Право и жизнь», 1927. С. 46–50; Полянский, Н. Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. № 1. С. 105–115; Сидоренко, Э. Л. Институт частного и частно-публичного обвинения в свете перспектив кодификации российского уголовного законодательства // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 100-летию проекта Уголовного уложения 1913 года) : материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / ответ. ред. В.С. Комиссаров. Москва : Юрлитинформ, 2013. С. 207–210.

² См.: Левченко, О. В. Архетип национальной уголовно-процессуальной системы и прокурор как ее доминантный субъект // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 50.

подразумевает снятие ограничений сторон по распоряжению предметом обвинения в его процессуальной и уголовно-правовой (материальной) составляющих. Если конкретно, то отечественной доктриной должна быть допущена, а затем прописана в законодательстве, возможность и формы ее реализации изменения обвинения в сторону улучшения для обвиняемого по соглашению сторон. В ответ на это обвиняемый по соглашению обязан осуществлять посткриминальные действия в пользу стороны обвинения, в том числе оказывать содействие в уголовном преследовании, возмещении причиненного ущерба и пр.

Обратимся к другому институту: уголовно-процессуальному доказыванию. Исходим из того, что развитие договорных отношений в сфере доказывания не должно вести к разрушительной конкуренции между официальными субъектами расследования и частными лицами, доказывающими в своих интересах.

Уголовно-процессуальное доказывание должно быть в основе своей публично-правовой деятельностью: факты следует устанавливать публично, при соблюдении всесторонности. Вся проблема в том, на каком виде публичной власти организована эта уголовно-процессуальная познавательная деятельность: следственной или судебной. В настоящее время следственная власть господствует в сфере уголовно-процессуального доказывания. Являемся сторонниками позиции тех ученых, которые предлагают передать эту власть суду, чтобы уголовно-процессуальное доказывание было судебным, с участием обеих сторон¹.

Невозможно «сбалансировать», «гармонизировать», сделать более справедливой следственную форму доказывания, где господствует орган предварительного расследования (следователь) с монополией на формирование доказательств в виде протоколов следственных действий.

---

¹ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / [исполн. : А. С. Александров и др.]. - Москва : Юрлитинформ, 2015. - 299 с.

Риторика о всесторонности, полноте и объективности предварительного расследования убеждает только в контексте господства следственной идеологии и ее системы ценностей, включая приоритет публичного, государственного над частным.

Следственная парадигма доказывания должна быть заменена на судебную, если мы действительно серьезно ставим вопрос о справедливом балансе частного и публичного начал в модели уголовно-процессуального доказывания. Модель судебного состязательного доказывания неразрывно связана с формальной диспозитивностью, то есть свободой распоряжения сторонами своими доказательствами. А это в свою очередь позволяет ставить вопросы о договорном моменте в уголовно-процессуальном доказывании, развитии договорных отношений между субъектами доказывания и как квинтэссенция – договорной природе истины в производствах, которые относятся к договорно-упрощенным.

Важно отметить, что увеличение числа субъектов, имеющих право на представление суду сведений и их источников для установления фактических обстоятельств дела, является необходимой мерой для более справедливого, сбалансированного устройства уголовного процесса. Любое физическое или юридическое лицо, которое вступает в процесс для обоснования уголовного или гражданского иска, или опровержения исковых правопритязаний, может выступать в качестве субъекта доказывания. Непременным участником правоотношений, возникающих в связи с доказыванием, должен быть суд. В рамках уголовно-процессуальных отношений доказательство и его формирование могут быть рассмотрены как объекты, а доказательство может быть результатом взаимодействия (соглашения) между публичными и частными субъектами доказывания, а также судом.

Участники уголовного процесса, включая представителей обвинения и защиты, могут вступать в договорные отношения относительно фактов и средств их доказывания, которые способны иметь влияние на исход дела. Договорные отношения субъектов доказывания должны быть основаны на

правилах о распределении бремени доказывания, процессуальной самостоятельности и праве каждого участника доказывания доказывать факты в пользу своей позиции.

Концепция объективной истины исключает какие-либо сделки сторон относительно фактов, предмета обвинения, основания процессуального решения, а концепция судебной (формальной) истины, напротив, допускает это. Поэтому последняя более реалистична при современной правовой организации противодействия экономической преступности, построенной на партнерстве государства и бизнеса.

Применение договорной модели уголовно-процессуальных отношений в сфере доказывания приводит и к пересмотру критерия допустимости доказательств, которая на данный момент ориентирована на следственный стандарт формирования доказательств – путем проведения следственных действий. При смене следственного стандарта любая информация, связанная с предметом доказывания, может стать объектом отношений участников процесса с целью установления фактической определенности, установления фактов путем их взаимного признания, отказа от оспаривания утверждения процессуального противника – согласия с обвинением.

Завершая, обратимся к вопросу, который находится в центре разрабатываемой концепции, а именно: смыслу договорных уголовно-процессуальных отношений. Этому вопросу специально будет посвящен следующий параграф, в силу чего только обозначим исходные пункты нашей позиции в свете конвергенции частного и публичного права, которые относятся к теории уголовно-процессуальных и уголовно-правовых отношений.

До настоящего времени и те, и другие мыслились учеными в пределах своего научного специалитета. Однако после объединения «криминалистов» в единую специальность появился повод для постановки вопроса о наличии единого комплексного материально-процессуального отношения, через развитие которого и происходит организация противодействия преступности.

Это можно расценивать как междисциплинарную публично-правовую конвергенцию как часть глобальной конвергенции частного и публичного права.

Для общего учения о материально-процессуальном отношении необходимо в принципиальном плане – в свете конвергенции частного и публичного права – высказаться о его объекте, субъектах. Прежде всего, необходимо поставить вопрос об «объекте» этого правоотношения. Полагаем возможным согласиться с тем, что таковым надо считать обвинение; именно оно составляет и объект, и источник его развития, а не преступление, как событие или факт объективной реальности¹.

Следующим направлением создания мыслимой нами теоретико-правовой конструкции заключается в ответе на вопрос о субъектах комплексного материально-процессуального отношения.

Предварительно можно сказать, что это материально-процессуальное отношение должно рассматриваться как основной вид уголовно-процессуальных отношений, складывающихся между прокурором, обвиняемым и судом. Подобный тип отношений представляет собой сочетание публичных и частных интересов, где обвиняемый и его защита представляют частный интерес, а субъект обвинения, публичный и частный – публично-частные интересы.

Поддерживаем идею о возможности возникновения договорной разновидности таких отношений². К этому приводит последовательное развитие теории уголовно-процессуальной конвергенции. Можно говорить о возможности различных модификаций договорной модели материально-процессуальных отношений между субъектами обвинения (прокурором, потерпевшим) и субъектами стороны защиты. Такие договорные публично-частные уголовно-процессуальные отношения могут возникать в различных объемах в договорно-упрощенных производствах.

---

¹ См.: Власова, С. В. Указ. соч. С. 182.

² См.: Власова С.В. Указ. соч. С. 241–243.

Выводы по параграфу.

Теория конвергенции является одним из важнейших источников и составных частей авторской концепции договорных уголовно-процессуальных отношений. Эта теория отражает объективную правовую реальность современности. Явление конвергенции частного и публичного права имеет характер объективной закономерности и служит главным источником развития договорных отношений в уголовно-процессуальной сфере.

Результатами конвергенции могут считаться все договорно-ускоренные производства, выделенные нами в современном уголовном процессе России.

В экономическом уголовном и уголовно-процессуальном праве конвергенция зашла наиболее далеко и затронула ключевые институты уголовно-процессуального права: обвинение и доказывание. Под влиянием экономического фактора, соображений прагматизма и целесообразности, защиты интересов бизнеса сформировался уникальный правовой механизм уголовно-правовой защиты общественных отношений в сфере экономики. Уникальность его состоит в сравнительно большей мере частного, диспозитивного, договорного элементов в способе уголовно-процессуального и уголовно-правового реагирования на предпринимательские преступления, формирования средства материально-процессуального воздействия на них.

Теория конвергенции открывает простор на теоретико-методологическом поле для выстраивания новых теоретико-правовых конструкций, к которым относится и разрабатываемая нами концепция договорных уголовно-процессуальных отношений. Эта теория идейно стимулирует развитие договорных отношений, хотя первопричиной их развития является экономический фактор, институт частной собственности и необходимость его защиты средствами уголовно-правового и уголовно-процессуального воздействия.

Идея конвергенции частного и уголовно-процессуального права неразрывно связана с усилением состязательности в отечественном уголовном процессе, расширением свободы распоряжения субъектами своими материальными и процессуальными правами для защиты публичного, частного интересов при достижении назначения уголовного судопроизводства.

Теория конвергенции оправдывает расширение применения диспозитивного метода в урегулировании уголовно-процессуальных отношений. Диспозитивность и договор, как результат согласования воли субъектов диспозитивности, неразрывно взаимосвязаны и находят свое разумное объяснение в свете теории конвергенции.

Актуальным современным направлением юридической конвергенции является конвергенция частного права и широко понимаемого (в соответствии с научной специальностью 5.1.4. – Уголовно-правовые науки) «уголовного права».

Договорные уголовно-процессуальные отношения являются диспозитивными. При этом если в диспозитивности субъекта одной из этих сторон – обвиняемого сомнений нет, то считать субъектом диспозитивности сторону обвинения в лице «компетентного государственного органа», ведущего уголовное дело, официальная правовая доктрина возможности не дает. Теория конвергенции стимулирует поиск замены термина «государство» на сочетание «договорно-приемлемый субъект», что предполагается нами при создании авторского понятия «договорное уголовно-процессуальное отношение».

В свете принципиального допущения частного, договорного начала в уголовно-процессуальную сферу, которое обуславливается теорией конвергенции, приобретают дополнительную силу, целостность, системность иные концепции ключевых уголовно-процессуальных институтов, пропитанных состязательной, диспозитивной идеологией. В их число входят исковое учение об обвинении, концепция судебной (процессуальной

истины), правовой стандарт тождества обвинения (уголовного иска) и предмета обвинения, запрет на поворот к худшему и пр. Они все получают последовательное и полное раскрытие в свете теории конвергенции частного и публичного права.

Теория конвергенции позволяет сформулировать общий подход к определению разумной меры договорного начала в уголовно-процессуальных отношениях, в механизме уголовно-процессуального регулирования. В общем, ее можно определить как дозволенное уровнем правового развития государства, типом уголовного процесса проявление свободы сторон определять исход уголовного процесс, как и процесса гражданского – договорным путем.

Теория конвергенции способствует разработке ряда исходных положений авторской концепции договорных уголовно-процессуальных отношений.

1. По мере допустимого увеличения элемента «договорности» в институте обвинения теоретически снимается запрет на то, чтобы сделать предмет договора предмет обвинения и вопрос об освобождении от уголовной ответственности вплоть до процессуальной декриминализации деяния, запрещенного уголовным кодексом. В области теории можно допустить, что уголовно-право-процессуальная сделка между прокурором и стороной защиты может касаться предмета обвинения, включая уголовно-правовую квалификацию, размер и вид возможного наказания, а также замены его альтернативной юридической ответственностью. При этом, изменение обвинения возможно только в пользу обвиняемого в обмен на позитивные посткриминальные действия с его стороны.

Позитивно-правовая форма реализации конвергенции в плоскости института «обвинение», то это частное, частно-публичное обвинение в их классическом виде, но также специфический вид частно-публичного обвинения по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 23, ч. 3 ст. 20 УПК РФ). Именно эти виды обвинения предуготовлены к

договорной форме развития центрального материально-процессуального отношения и определения исхода процесса.

Полная «приватизация» обвинения, хотя бы в отдельно взятой сфере правоотношений может привести к потере государством управления противодействия определенному виду преступлений, что недопустимо. В то же время можно и нужно обсуждать умножение комбинаций публичного и частного обвинения. Это дает возможность для возникновения и развития новых частно-публичных уголовно-процессуальных отношений, позволяющих гармонизировать публичные и частные интересы.

В свете теории конвергенции могут моделироваться различные комбинации основного и субсидиарного обвинений как комбинации средств исковой защиты частного и публичного интересов, в том числе и через нахождение через договор компромиссного разрешения уголовно-правового спора, или отдельных его составляющих. В этой связи поддерживаем идею введения субсидиарного обвинения как дополнительного типа обвинения в уголовно-процессуальную систему, в рамках которой возможно реализация договорной модели – соглашения если не о мере ответственности, то о возмещении ущерба, о других средствах восстановления нарушенного преступлением правоотношения.

2. По разрешению проблемы о мере допустимого увеличения договорного элемента в институте доказывания теория конвергенции состыкуется с концепцией процессуальной (процедурной) истины¹.

Процессуальная истина — это вероятное знание, презюмируемое сторонами, судом как достоверное, но главное действенное для того, что закончить дело, принять по нему окончательное решение. Именно, эта такая трактовка истины является адекватной разрабатываемой концепции и нашему пониманию технологии формирования процедурного знания в договорно-упрощенных производствах.

---

¹ Она может также называться «судебной», «юридической» истиной.

Договорный способ (технология) установления процедурной истины основан на признании защитой обвинения, отказ от оспаривания обвинения и защиты от уголовного преследования, то есть на отказе от спора.

Принятие договорной природы истины в производствах, которые относим к договорно-упрощенным, возможно только в обвинительном процессе. В смешанном типе уголовного процесса она всегда под угрозой подрыва активностью суда в доказывании, несвязанностью его позицией сторон и их утверждениями о фактах.

3. В установлении меры допустимости договорного начала при определении вида, меры уголовно-правового и уголовно-процессуального воздействия значение теории конвергенции в том, что она позволяет развиваться рассуждениям в этом направлении при дальнейшем исследовании.

Теория конвергенции способствует пониманию пределов частного – договорного в публично-правовой и уголовно-процессуальной сфере. В отличие от классических гражданско-правовых договоров, уголовно-процессуальные сделки нельзя рассматривать как полностью частный институт, поскольку в них присутствует публичный элемент, который влияет на многие аспекты этих сделок. В частности, это относится к основанию их возникновения - преступлению, которое заставляет виновного в нем нести уголовную ответственность. Второй публично-правовой элемент заключается в том, что субъектом этих договорных отношений со стороны обвинения является конкретный компетентный государственный орган.

Таким образом, теория конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства создает задел для конструирования договорного уголовно-процессуального отношения в разрабатываемой концепции¹.

---

¹ В параграфе использованы ранее опубликованные статьи автора, в том числе: Колесник, В. В. Конвергенция частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2. С. 19–28; Колесник, В. В. К вопросу о частных, частно-публичных и

1.3 Договорные уголовно-процессуальные отношения: понятие, сущность, структура

Целями, преследуемыми в настоящем параграфе, являются, во-первых, подведение теоретической основы под явление договорно-упрощенных производств, которое состоялось в отечественном уголовно-процессуальном праве; во-вторых, создание авторского понимания договорного материально-процессуального отношения, которое призвано отразить расширение договорного начала в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах.

В первой части настоящего параграфа остановимся на некоторых наработках в теории правоотношений, чтобы использовать их в указанных целях.

Предлагаем разработку основ общей теории договорных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, которая будет основой объяснения их субъектов, объектов, оснований возникновения, изменения и прекращения, а также их результата – договорных мер уголовно-правового воздействия.

В отечественной уголовно-процессуальной науке имеется теоретический задел для разработки подобного научного проекта. Будем опираться на сложившееся в отечественном уголовно-процессуальном праве учение об уголовно-процессуальных отношениях, с устоявшейся системой представлений о структуре этих правоотношений¹. Но еще более значима для нас теория процесса как правоотношения, заложенная в теоретический фундамент разрабатываемой концепции. Она служит объяснением

публично-частных уголовно-процессуальных отношениях // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № . С.; Колесник, В. В. К вопросу о возможных направлениях модернизации примирительных уголовно-процессуальных процедур // Вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4. С. 74-81.

¹ См.: Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. Москва : Юрид. лит., 1975. 176 с.; Элькин, П. С. Сущность уголовно-процессуального права. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. С. 57.

возможного механизма развития уголовного процесса, в котором договорная модель и согласование воли сторон является одним из средств развития процесса и производства меры уголовно-право-процессуального воздействия.

В официальной юридической науке учение о правоотношениях выродилось в теорию, которая скорее консервирует старые представления о процессе и праве, механизме действия права. Тем не менее, общая модель правового отношения будет для нашего исследования интеллектуальной моделью, а предметом теоретических построений послужат субъекты, анализируемого нами отношения, его содержание, момент возникновения, реализации и др.

Как было отмечено ранее, в настоящее время имеет место увеличение меры частного/договорного элемента в уголовно-правовой, уголовно-процессуальной сферах (в самых многообразных формах). Это констатируется рядом современных ученых при разработке тематики об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях¹.

Частное проникает в уголовно-процессуальное учение о правоотношениях, как и в других местах правовой культуры в русле гуманизма², правозащитной проблематики³.

Проводником частного в уголовно-процессуальное пространство всегда были состязательность и диспозитивность. Именно эти идеи

---

¹ См., например : Абшилава, Г. В. Указ. соч. С. 28–31; Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. С.137-139; Сидоренко, Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2013. С. 18, 21, 46 и след.

² См.: Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров : современное состояние и концепция оптимизации: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2021. С. 15–16.

³ См., напр.: Мальцев, В. В. Введение в уголовное право. Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 2002. С. 23–28; Пудовочкин, Ю. Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права. Санкт–Петербург : Издание профессора Малинина, 2005. Том 1: Понятие уголовного права. Т. 1. 2005. С. 143–235; Сидоренко, Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования. Москва, 2013. С. 8, 11, 36 и след.

позволяют теоретически уравнивать в правоотношениях с правоохранительными органами частных лиц¹.

Еще одним сильным фактором «приватизации» правоотношений в сфере противодействия преступности, а вместе с тем и увеличения договорных правоотношений в этой области, является экономика, точнее нахождение «партнерской» модели отношений между государством и бизнесом при уголовно-правовом и уголовно-процессуальном обеспечении экономической безопасности, защиты общества, лиц от экономических преступлений².

Хотя идея состязательности в последнее время потускнела на фоне риторики о возврате к традициям, исторической форме³, тем не менее, некоторые авторы (в том числе мы) ассоциируют ее со справедливым судопроизводством. К тому же она остается его официальным принципом (ст. 15 УПК РФ) и может служить по-прежнему идеалом для выстраивания научно-правовых конструкций вроде «правоотношение». Что же касается экономического фактора, то его действие будет являться доводом в пользу тезиса об усилении диспозитивности в уголовно-процессуальных и уголовно-правовых отношениях, а значить и возможности преобразования их в договорные.

Некоторые авторы уже признавали наличие договорных отношений между участниками процесса, ведущими уголовное дело, представителем

---

¹ Мнение практиков, как показывают опросы, достаточно сильно отличается от позиции сторонников состязательности и договорных отношений в уголовном процессе.

См.: ответы на вопросы №№ 1-7 Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 1-7 Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 1-7 Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 1-7 Приложение № 4.

² См.: Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности. Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИД «Юриспруденция». 2022. 304 с.

³ См.: Головкин, Л. В. Участие государства в уголовном судопроизводстве: от «равенства оружия» к реалистичным концепциям // Государство и право. 2020. № 6. С. 107–118; Азаренок, Н.В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы: диссертация ... доктора юридических наук. Омск : Омская академия МВД РФ, 2022. С. 5-6, 10-12.

стороны защиты, а также и другими лицами¹. В современной науке уголовного процесса поднимались вопросы о договорном способе формировании предмета обвинения и даже оснований привлечения к уголовной ответственности или оснований освобождения от таковой².

И хотя авторы такого рода исследований не делают теоретико-методологических обобщений из констатации данной правовой реальности, тем не менее, из их выводов вытекает, что в отечественном уголовном судопроизводстве сложилась достаточно широкая сфера договорных отношений между субъектами уголовно-процессуальных отношений.

В настоящее время существуют позитивно-правовые и теоретические предпосылки для теоретического осмысления договорного феномена в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях и выработке общего междисциплинарного подхода к этому явлению.

Начнем с конструкции материально-процессуального отношения с предполагаемой новой мерой договорного начала в нем.

Достижение этой цели возможно в области правопонимания с учетом разработок теории «права как процесса», в которых развита процессуальная трактовка уголовно-правовых явлений³. Мы являемся сторонниками умеренного варианта процессуализации теории правоотношений, в том числе в понимании объекта уголовно-правового отношения и интеграцию материалистической и процессуальных доктрин на паритетных началах.

---

¹ См.: Абшилава, Г. В. Указ. соч. С. 31-52; Александров, А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право : сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва : ИД «Юриспруденция», 2021. С. 236–245;

² См.: Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: монография / отв. ред. С.Ю. Морозов, О.А. Зайцев. Москва : Проспект, 2022. С. 19–33.

³ См.: Александров, А. С., Александрова И. А., Власова С. В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86; Гончаров, Д. Ю. Существуют ли уголовно-процессуальные отношения в отсутствие уголовно-правовых? //Вестник ТвГУ. Серия Право. 2014. № 3. С. 104–112 и др.

В нашем представлении данная модель правоотношений должна отличаться от традиционной схемы уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, которая создана главным образом в советский период, и которая основана на постулатах материализма, доминирования публичного начала над частным.

Ее парадигма строится на том, что событие преступления порождает уголовно-правовое отношение между государством и виновником преступления, на основе которого выстраиваются уголовно-процессуальные отношения¹.

В науке по-прежнему сильна позиция, согласно которой государство посредством уголовного процесса воздействует на преступность; государственный уголовный процесс развивается благодаря безличной воле закона, в силу принципа публичности – *ex officio*².

Данная позиция является продолжением материалистической традиции, чуждой каких-либо компромиссов, сделок с преступниками. Если исходить из того, что государство проводит уголовный процесс для применения уголовного закона к лицам, совершившим преступления, то трудно развивать тему о договорных правоотношениях.

Однако, надо признать право на существование и другой позиции³, согласно которой процесс развивается благодаря воле сторон. Тем самым утверждается производность процессуального от материального, превосходство государственного, официального над частным – личным, а

---

¹ См.: Благов, Е. В. Общая теория применения уголовного права : монография. Ярославль : ЯрГУ, 2003. С. 10; Кропачев, Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования : диссертация ... доктора юридических наук в форме научного доклада. Санкт-Петербург, 2000. С. 7–8.

² См., напр.: Головкин, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография. Москва : Городец, 2022. С. 7, 9–10 и след.

³ Заметим, кстати, что наука сильна благодаря разнообразию, дискуссии, монополизм же для нее губителен. Поэтому полезно признать допустимым сосуществование различных подходов. Мы выступаем за то, чтобы сосуществовали различные подходы к пониманию природы уголовного судопроизводства и того, как происходит уголовно-правовое воздействие. Не претендуя на истину в последней инстанции, мы предлагаем свою альтернативную точку зрения на природу уголовно-процессуальных отношений, которая позволяет трактовать некоторые из них договорными.

потому и невозможность равноправных отношений в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах.

В каждой из отраслевых наук свое – отраслевое понимание правового механизма: механизм уголовно-правового регулирования и механизм уголовно-процессуального регулирования, в составе которого мыслятся правоотношения отраслевой принадлежности. И это также консервирует представления об уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях. Поэтому есть идея объединить их в одном смысле: материально-процессуальное отношение, которое может быть договорным.

Мы подразумеваем не просто неразрывную связь между преступлением, как фактом объективной реальности, и обвинением, а двуединство уголовно-правового и уголовно-процессуального объекта данного комплексного правоотношения. Полагаем, что одно без другого, то есть материальное без процессуального, существовать не может. Особое значение нами придается мере допустимости договорного начала в указанном комплексном объекте межотраслевого правоотношения, возникающего и реализующегося в сфере уголовного судопроизводства.

Итак, первым приближением к поставленной цели будет отказ от материалистического объяснения основания возникновения правоотношений в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах и признания приоритета процессуального в формировании этого основания. Не сам по себе факт совершения преступления является этим «основанием», а процессуальный факт, то есть сформулированный в обвинении или подозрении и обоснованный доказательствами, как минимум официальным признанием¹ подозреваемым, обвиняемым этого факта.

Следующим теоретико-методологическим ходом будет обращение к теории процесса как юридического отношения, созданной в прошлом веке².

---

¹ То есть сделанным в процессуальной форме: явки с повинной, признательных показаний, заявления о согласии с подозрением и пр.

² См.: Гольмстен, А. Х. Принцип тождества в гражданском процессе: исследование Гольмстена А. Х. Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева, 1886. С. 23 и след.; Гольмстен,

Эта теория в начале двадцатого века стала предметом дискуссии с участием виднейших представителей юридической науки того – переломного в истории России времени, когда сомнению подверглись все прежние устои государственно-правового строения, правовой культуры и делалась попытка создания новой парадигмы государственно-правового развития.

Создатели этой теории, сторонники состязательности – А.Х. Гольмстен, Н.Н. Розин и другие, предложили трактовать процесс как прогрессивное, то есть развивающееся, отношение между сторонами, а также между сторонами и судом.

Особенность данной теории состояла в утверждении о том, что процесс развивается благодаря воле сторон. А если еще конкретнее – процесс развивается истцом через уголовный иск, заявление и поддержание которого порождает отношения между сторонами и судом, предметом которого должен оставаться предмет иска, чтобы сохранялось тождество процесса¹.

В споре представителей этой теории со сторонниками классической теории определились² две крайние позиции на источник развития процесса: (1) процесс развивается благодаря воле сторон, и они являются его хозяйками при пассивной роли суда или (2) процесс развивается благодаря безличной воли закона, в силу принципа публичности – *ex officio*.

Если традиционная правовая доктрина, согласно которой государство проводит уголовный процесс для применения уголовного закона к лицам,

---

А.Х. В защиту процессуальной теории Бюлова // Журнал министерства юстиции. 1916. Кн. 9. С. 319–329; Полянский, Н. Н. Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. 1916. № 16 (4). С. 79–97.

¹ См.: Гольмстен, А. Х. В защиту процессуальной теории Бюлова // Журнал министерства юстиции. 1916. Кн. 9. С. 300–319; Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. Петроград : Издание юридического книжного склада «Право», 1916. 546 с.

² См.: Полянский, Н. Н. Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. 1916. № 16 (4). С. 79–97; Он же. Спор о юридической природе уголовного процесса / отд. оттиск из журнала «Юридический Вестник». Санкт-Петербург, 1916. Кн. 15. С. 8; Люблинский, П.И. Процесс, как судебный порядок, и процесс, как правоотношение // Журнал Министерства Юстиции. 1917. № 1 (Январь). С. 237–264.

совершившим преступления, враждебна идее договорных отношений, то поучению о процессе как способе развития отношений между обвинителем и защитой перед судом, договорной способ разрешения возникающих вопросов и сам исход дела вполне естественен.

Для нас важны следующие положения этой теории:

(1) процесс развивается благодаря воле сторон, а еще точнее – людей, которые обладают в процессе определенным правовым статусом (обвинитель-истец, обвиняемый-ответчик), но не законом, не судом, не компетентным государственным органом, ведущим уголовное дело;

(2) предмет процесса определяется предметом иска (обвинения) и вместе с тем и волей сторон, а не государством и законом;

(3) должно неуклонно соблюдаться тождество предмета процесса и предмета иска (обвинения).

С последним положением связан запрет на поворот к худшему¹. Разделяем мнение, что этот запрет является принципом справедливого – состязательного или обвинительного процесса². Предварительные этапы процесса, вроде «дознания», «предварительного следствия», «передачи дела в суд» создают основу для правоотношения между публичным истцом (прокуратурой), обвиняемым и судом³.

Если задуматься, то обсуждаемая проблематика об объективном и субъективном в правоотношении сводится к воле. Договорное правоотношение — это правовое отношение, основанное на соглашении частных лиц, т. е. на их равенстве, автономии воли⁴.

Может ли абстрактная публичная воля, или воля конкретного субъекта – человека, которая определяет объект, предмет процесса, продолжать

---

¹ См.: Принципиальное значение запрета на поворот к худшему для уголовно-процессуальной системы / Ванян, К. Д. [и др.] // Правоприменение. 2022. № 3. С. 212–221.

² См.: Будылин, Н. В. Действие запрета на поворот к худшему при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 52–58.

³ См.: Люблинский, П. И. Процесс, как судебный порядок, и процесс, как правоотношение // Журнал Министерства Юстиции. 1917. № 1 (Январь). С. 237–264.

⁴ См.: Попондопуло, В.Ф. Договор – средство частноправового регулирования // Правоведение. 2009. № 4. С. 137–151.

дальнейшее развитие процесса вплоть до его разрешения. С безличной волей государства или закона, которые «двигают процесс», договориться нельзя в принципе. Договориться обвиняемому, защитнику можно только с конкретным субъектом права: уголовным истцом или публичным, частным обвинителем.

Говоря о воле в договоре, следует иметь в виду не только согласование воли сторон договора, но и соотношение государственной (общей) воли и воли лица, вступающего в договор¹. Если в договор вступает государственно-властный орган, то он согласует свою волю не только с волей контрагента по договору, но и с государственной (общей) волей, соблюдает установления законов и иных императивных актов. При этом выполняемая лицом воля государства в основе своей превращается (трансформируется) в его собственную волю².

Публичные органы, субъекты уголовного процесса, ведущие уголовное дело могут быть субъектами договора и субъектами уголовно-процессуальных отношений с той поправкой, что свобода их воли определяется императивно-правовыми требованиями закона, определяющими их правовой – процессуальной статус, функции, общее назначение уголовного процесса.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: если принять то, что процесс – это система правоотношений, развивающийся благодаря воле сторон, воле участников этих правоотношений, то и соглашение между ними вполне достижимо – как при решении отдельных вопросов, так и при разрешении дела по существу.

В этой связи с приведенной проблематикой о свободе воли нельзя не напомнить еще об одной хорошо забытой идее, а именно: о персонализации субъектов уголовно-правового и уголовно-процессуального отношения.

---

¹ См.: там же. С. 141.

² См.: там же. С. 144.

Сейчас аксиомой является то, что государство является субъектом уголовно-правового отношения. Государство использует уголовный процесс для привлечения преступников к ответственности и наказания их. Уголовно-правовое отношение между государством и преступником развивается через несколько этапов и заканчивается после исполнения наказания.

Государство в единстве и неразделимости его властей противостоит преступнику и использует процесс, чтобы неотвратно привлечь его к уголовной ответственности и добиться исполнения в отношении него справедливого наказания¹. Уголовно-правовое отношение между государством и лицом, совершившим преступление, развивается через ряд трансформаций правового статуса последнего и прекращается с исполнением наказания осужденного, снятия судимости.

Невозможно представить, как человеку-обвиняемому договариваться с «государством». Сама постановка вопроса о том, чтобы государство вступало в договорные отношения с преступником, чтобы поправить работу мыслимого учеными механизма уголовно-правового регулирования, может показаться абсурдной.

Между тем, в уголовном процессе имеет место конкретизация, индивидуализация субъектов правоотношений: в них обвиняемому всегда противостоит не абстрактное государство, а следователь, прокурор и пр. В этом плане процессуальное учение более пригодно для обретения публично-правовым контрагентом человека (преступника) по уголовно-правовому правоотношению договороспособности.

В свое время А.И. Елистратов призывал представлять субъектом публично-правовых отношений не государство, а конкретное должностное

---

¹ См.: Курс советского уголовного права (часть Общая) Т. 1. / Отв. ред. профессора: Н. А. Беляев и М. Д. Шаргородский. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. С. 220–221; Уголовное право. Общая часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина. Москва : Юриспруденция, 1999. С. 81–83.

лицо – субъекта публичных субъективных прав¹. В это время в юридической литературе обсуждалось положение о то, что субъектом публично-правовых отношений в уголовно-процессуальной сфере выступает прокурор – как глава публичной обвинительной власти², другим субъектом отношения выступает конкретное должностное лицо правоохранительного органа, реагирующее на противоправный факт – полицейский³. Иными словами, не абстрактное «государство российское», а прокурор, сотрудник полиции являются контрагентами человека, нарушившего уголовный закон, в любом правоотношении. В этом суть теории субъективизации публичных прав. Прокурор, орган предварительного расследования являются субъектами публичного права (на обвинение, на доказывание) и обладают свободой их распоряжения в публичном интересе, в рамках закона.

В ряде научных исследований, опубликованных в последнее время⁴, делаются аналогичные попытки пересмотреть субъектный состав мыслимого нами материально-процессуального отношения. Трактую участие публичных органов в договорных отношениях, необходимо исходить не просто из того, что это публичные органы (и уже поэтому договор является публичным), а из того, что договор есть средство правового регулирования⁵ уголовно-процессуальных отношений.

С нашей точки зрения, не государство вообще, а представитель обвинительной власти государства – прокурор (прокуратура) – должен выступать одним из субъектов мыслимого нами правоотношения в сфере уголовного судопроизводства. И хотя полное отрицание государства как

---

¹ См.: Елистратов, А. И. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского. Москва : Печатня А. Снегиревой, 1913. 21 с.

² См.: Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Москва: университетская типография, 1899. Т. 1. С. 19–24.

³ См.: Муравьев, Н. В. Указ. соч. С. 24 и след.

⁴ Александров, А. С., Александрова И. А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 17.

⁵ См.: Попондопуло, В.Ф. Указ. соч. С. 144.

субъекта правоотношений с обвиняемым и осужденным не может быть принято, считаем полезным внести поправку в учение о том, что именно прокурор является субъектом в материально-процессуальном отношении, которое складывается с лицом, совершившим преступление.

Следует вспомнить концепцию обвинительной власти государства¹, которая была создана отечественной юридической наукой в период действия Устава Уголовного Судопроизводства. Обвинительная власть государства – это та часть его исполнительной власти, которая уполномочена законом на противодействие преступности. В нее входят все правоохранительные органы, включая органы предварительного расследования, пенитенциарные органы, органы, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Возглавляет эту систему прокуратура, у которой и сосредоточена власть на то, чтобы добиваться привлечения к уголовной ответственности преступников.

Полагаем, что одним из полезных сдвигов в доктрине может стать допущение договорных отношений между прокурором и обвиняемым (защитой) относительно предмета обвинения, а вместе с тем, и объекта материально-правового отношения, что приведет к расширению сферы применения досудебного соглашения о сотрудничестве, различных форм освобождения от уголовной ответственности.

Следующим моментом наших рассуждений является представление об основании и объекте материально-процессуального отношения, способного к договорной трансформации.

Господствующая в юридической науке точка зрения состоит в том, что правоотношение может быть порождено событием (преступлением) или договором. В науках уголовно-правового цикла общепринято считать, что уголовно-правовое и уголовно-процессуальное отношение порождается

---

¹ Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Москва : университетская типография, 1899. Т. 1. С. 4-20.

фактом совершения преступления, то есть причина того и другого в объективной реальности.

Объектом уголовно-правового отношения, порождаемого совершением преступления, является само преступление и виновник преступления, а также его объективные уголовно-правовые последствия. Событие преступления служит причиной, основанием и общим объектом для уголовно-правовых и процессуальных отношений.

При такой трактовке объекта правоотношения идея о том, что преступник может договариваться с государством об «объекте», выглядит неубедительной. Деятельность участников правоотношений в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах относительно «материального объекта» развивается по воле закона, как это обычно представляется авторами «механизма уголовно-правового регулирования»¹

Основание правоотношения, будучи его причиной, переходит далее в объект правоотношений между субъектами². Объект уголовно-правового отношения существует объективно, хотя бы и в уголовном праве.

С позиции современной уголовно-правовой теории объектом уголовно-правового отношения, порождаемого совершением преступления, являются, и преступление, и сам виновник преступления³. Данный объект трактуется так же, как наказание⁴, уголовная ответственность⁵, объект преступления⁶,

---

¹ См.: Благов, Е. В. Общая теория применения уголовного права : монография. Ярославль : Ярославский университет, 2003. С. 61 и след.

² См.: Петрова, Г. О. Понятие объекта уголовно-правового отношения // Вестник ННГУ. 2013. № 3–2. С. 160–162.

³ См.: Марчук, В. В. Когнитивные аспекты уголовно-правового отношения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 4. С. 199–210.

⁴ См.: Элькинд, П. С. Сущность уголовно-процессуального права. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. С. 14, 15.

⁵ См.: Мальцев, В. В. Введение в уголовное право. Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 2002. С. 179.

⁶ См.: Петрова, Г. О. Понятие объекта уголовно-правового отношения // Вестник ННГУ. 2013. № 3–2. С. 160-162.

уголовно-правовые последствия совершения преступления¹. В общем, как видим, доминирует смесь материалистических (в двойном смысле) представлений: «уголовно-правовых» и «реальной действительности»².

В уголовно-процессуальной науке также сложился событийно-материалистический взгляд на общий объект уголовно-процессуальных отношений, в связи с которым они возникают, изменяются, прекращаются – это опять же преступление³.

Можно согласиться с тем, что первичным основанием и общим объектом уголовно-право-процессуального отношения является событие преступления. Но не только оно одно.

Трудно полностью согласиться с теми, кто утверждает, что уголовно-правовое отношение возникает в результате процесса – при обвинительном исходе дела, то есть после вступления в силу обвинительного приговора суда⁴. Тем самым, как бы вообще игнорируется внепроцессуальная, но тем не менее объективная реальность.

Более импонирует точка зрения, согласно которой абстрактное уголовно-правовое отношение с потенциально заложенной в него возможностью привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, завязывается между этим лицом и государством с момента совершения преступления⁵.

---

¹ См.: Пудовочкин, Ю. Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи / Энциклопедия уголовного права. Том 1. Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2005. С. 197.

² Для уголовно-правовой науки это весьма характерно – смешивать уголовно-правовую, то есть нормативно-правовую материю с фактами действительности. Отсюда возникает путаница в рассуждениях, что прослеживается на примере трактовки «объекта» уголовно-правового отношения.

³ См.: Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения. Москва : Юрид. лит., 1975. С. 145 и след.; Божьев, В. П., Фролов Е. А. Уголовно-правовые и процессуальные отношения // Советское государство и право. 1974. № 1. С. 87–95.

⁴ См.: Александров, А. С., Александрова И. А. О философско-правовых притязаниях теории уголовного процесса на общую теоретико-методологическую основу научной специальности 5.1.4 – Уголовно-правовые науки // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 18.

⁵ Божьев, В. П., Фролов Е. А. Уголовно-правовые и процессуальные отношения. С. 94, 95.

Это уголовно-правовое отношение может реализоваться в материально-процессуальном отношении через процесс и обвинение. Полагаем, что вынесение обвинительного приговора и его исполнение представляют собой этапы развития такого отношения. При этом договорной способ разрешения возникающих вопросов и сам исход дела вполне вписывается в сценарий развития данного правоотношения.

С учетом вышеприведенных наработок, имеющихся в отечественной теории процесса, обоснуем свое мнение относительно «объекта» того правоотношения, концепцию которого мы предлагаем. Здесь методологическое значение имеет понятие факта.

Рассуждая об основании или объекте материально-правового отношения, важно определиться с пониманием фундаментального подхода к понятию «факт». Именно по этому подходу расходится наша позиция с позицией тех ученых-исследователей, для кого факт является элементом объективной реальности. Для нас же факт – это достоверное знание о явлении объективной реальности.

Опуская особенности терминологии и переходя к сути вышесказанного, заключаем, что иск (уголовный) или обвинение завязывает уголовно-процессуальное правоотношение, развитие которого и составляет суть уголовного процесса.

Так, П.И. Люблинский, отталкиваясь от психологической теории права Л. Петражицкого, сделал вывод, что процессуальное действие как таковое есть явление действительности, некоторый факт; объектами прав и обязанностей являются не сами действия, а представления о них как акционные представления¹. Он проводил различие между «фактом», как явлением действительности и «объектом правоотношения», как некоторым представлением о возможном действии².

---

¹ См.: Люблинский, П. И. Процесс, как судебный порядок, и процесс, как правоотношение // Журнал Министерства Юстиции. 1917. № 1 (Январь). С. 237–264.

² См.: Люблинский П.И. Указ. соч. С. 15.

Согласно позиции А.Х. Гольмстена, которую поддержал и П.И. Люблинский, «предварительные стадии процесса»: дознание, предварительное следствие и предание суду, составляют сложный институт – предъявление уголовного иска, то есть являются основанием для возникновения уголовного процесса как юридического отношения. Уголовный иск возникает при самом зарождении дела. Обвинение возбуждается уже на предварительном следствии¹.

В современной науке подобное представление о двойственности фактов, с которыми имеют дело участники процесса, перекликается с позицией А.А. Кухты, который вполне аргументированно доказал, что предметом доказывания и предметом уголовного процесса является не само преступление, а его образ, представленный в доказательствах².

Само событие преступления не может быть предметом сделки, но его фактическая – процессуальная модель вполне может быть таковым. Факты, создаваемые в результате их признания сторонами, имеют не меньшую юридическую силу, чем мыслимое в процессе само событие преступления. В идеале, конечно, должно быть тождество между фактами реальной действительности и его процессуальным производным. Но на практике это недостижимо. Более разумен и справедлив компромисс – согласие сторон относительно фактов, взаимное признание их.

С учетом вышесказанного можно сказать следующее. Не преступление, не событие объективной реальности, вернее не только оно, но также и процессуальное действие – выдвижение обвинения непосредственно порождает процесс и центральное процессуальное отношение. Хотя в подоснове обвинения, разумеется, лежит факт преступления, как реального события. Естественно, оно не может быть предметом соглашения, но может быть предметом соглашения его процессуальная проекция – обвинение.

---

¹ См.: там же. С. 18.

² Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2009. С. 17–18, 43–56.

Что касается связи преступления с обвинением, то она трактовалась в свете теории процесса как правоотношения, как связь между утверждением и тем, о чем делается утверждение¹. Преступление есть факт, но и утверждение о преступлении (обвинение) тоже есть факт. Если первый факт предметом договора быть не может, то второй может стать таковым. Утверждения полностью определяется волей субъекта утверждения, который волен и подкладывать в основу своего утверждения те или иные доказательственные факты – доказательства.

Без преступления нет обвинения, как правового образования, преступление составляет тот предел, выше которого обвинение не может быть выдвинуто или изменено против человека, который совершил преступление. Но, с другой стороны, в процессе стороны оперируют не самим преступлением, но обвинением – «утверждением о совершении неким лицом некоего преступления», то есть логической конструкцией в языковой форме: без обвинения нет процесса, и на нем в итоге основывается окончательное решение суда.

Таким образом, не одно событие преступления, и даже не сочетание преступления и наказания и прочих исключительно материально-действительных элементов, составляют объект мыслимого нами материально-процессуального отношения, но сочетание реального, материального и процессуального – создаваемого участниками.

Признание этой двойственности, сложности «объекта» сравнительно редкая позиция в отечественной науке, но она присутствует. Примером может быть трактовка объекта уголовно-правового отношения, как «объекта-действия». Во-первых, как преступления и, во-вторых, деятельности правоохранительных органов², или признание того, что этот «объект» имеет

---

¹ См.: Кухта А.А. Указ соч. С. 80–91.

² См.: Филимонов, В. Д., Филимонов О. В. Правоотношения. Уголовно-правовые отношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. Москва : Юр-ИнфоР-Пресс, 2007. С. 38, 39, 128–129.

объективно-субъективную природу и является общим для каждого участника, в том числе – потерпевшего¹.

Таким образом, мы являемся сторонниками субъективизации объекта конструированного нами материально-процессуального правоотношения. К объективности события преступления, реальности его в уголовном праве как преступления и наказания, следует добавить процессуальную форму их представления – как предмета. Уголовно-правовой объект процессуально предметен и в этом качестве может быть предметом договора сторон.

Обвинение содержит опровержимое утверждение о факте преступления и о совершении этого преступления обвиняемым. Именно это утверждение проверяется в ходе судебного состязания и в случае подтверждения, служит основанием для дальнейшей реализации уголовно-правового отношения.

Принятие того, что уголовный иск (обвинение) составляет то, относительно чего развивается рассматриваемое нами правоотношение, означает принципиальный шаг в сторону признания допустимости сделки сторон относительно обвинения – предмета процесса и объекта/предмета материально-процессуального отношения.

В современной доктрине уголовно-процессуального права похожий вывод уже сделан несколькими авторами², хотя их позиция остается приграничной. Во многом это обосновано тем, что ими не оговариваются пределы применения договорного способа для формирования обвинения и как следствия – основания уголовной ответственности. Пределом же является совершенное в действительности преступление, что подтверждается доказательствами, имеющимися в деле.

---

¹ См.: Генрих, Н. В. Объект как элемент структуры уголовно-правового отношения // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3. С. 14–25.

² См.: Круглов, И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания : диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2001. С. 15, 18; Александрова, И. А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Нижний Новгород, 2007. 42–45.

Возникает вопрос: с какого момента можно договариваться? Разумеется, не с момента совершения преступления, когда оно еще не стало предметом процесса, и даже не с момента начала процесса. Возможность заключения соглашения возникает после выдвижения обоснованного обвинения, когда «материальное основание» получит процессуальную оболочку обвинения. Только она может быть предметом сделки сторон. Через соглашение обвинение может быть изначально сформулировано, но также изменено, но в лучшую сторону по сравнению с фактическим совершенным преступлением. И после этого предметом процесса будет уже данное обвинение.

Поддерживаем позицию, согласно которой уголовно-правовое отношение возникает с момента совершения преступления и существует в виде потенциальной возможности, когда процесс и обвинение позволяют реализоваться в виде материально-процессуального отношения.

В науке существует редкая точка о том, что уголовно-правовое отношение возникает только после вступления обвинительного приговора в законную силу¹. С этим нельзя вполне согласиться. Вынесение обвинительного приговора, его исполнение следует признавать этапами развития рассматриваемого нами отношения.

Далее важно развить несколько следствий из предлагаемого нами подхода к материально-процессуальным отношениям, в том числе и их договорной разновидности. На наш взгляд, их можно именовать частно-публичными правоотношениями, что призвано подчеркнуть их сложный, комплексный характер.

Определимся с генеральными направлениями, по которым существует перспектива развития частного начала в уголовно-процессуальных отношениях. Первое направление связано с обвинением, второе – с уголовно-

---

¹ См.: Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права. Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. С. 150–158; Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства. Тарту : Тартуск. университет, 1991. С. 36.

процессуальным доказыванием. Основная идея состоит в том, чтобы частное лицо выступало субъектом обвинения и доказывания и, соответственно, вступало в правоотношения с органами публичного уголовного преследования, судом, а также другими участниками процесса, объектами которых является обвинение и доказательства.

Прежде всего, надо сказать о перспективах развития под влиянием частного начала уголовно-процессуальных отношений, предметом которых является обвинение. Особую значимость таким правоотношениям придает подход, согласно которому именно обвинение, а не само преступление, составляет предмет процесса и источник его развития¹. В таком случае частное начало получает самостоятельное влияние на уголовно-правовое отношение.

По-нашему мнению, могут иметь место новые сочетания классических видов обвинения, то есть форм взаимодействия различных субъектов обвинения между собой и выстраивания между ними правоотношений. Частное начало при этом будет иметь внутри обвинительное проявление и не касаться отношений между субъектами обвинения и обвиняемым, его защитником.

Как уже отмечалось, традиционным воплощением частного начала в уголовно-процессуальной сфере признавался институт частного обвинения².

На фоне инициативы Пленума Верховного Суда Российской Федерации по фактической ликвидации института частного обвинения³ некоторые авторы, напротив, с этим институтом связывают новый уровень

---

¹ См.: Лапатников. М. В., Грязнов А. О. К вопросу о демократизации института государственного обвинения в уголовном процессе России // Юридическая техника. 2014. № 8. С. 224–228.

² См.: Каткало, С. И., Лукашевич В.З. Судопроизводство по делам частного обвинения Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1972. С. 7, 11.

³ См.: Проект Федерального закона № 1145531-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части изменения вида уголовного преследования в отношении преступлений, предусмотренных частью первой статьи 115, статьей 116.1 и частью первой статьи 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1145531-7> (Дата обращения : 12.12.2023).

развития особого – «экономического уголовного процесса». Частное обвинение предлагают сделать основой уголовно-процессуального механизма по разрешению экономических уголовно-правовых споров между субъектами предпринимательской деятельности¹. Это наиболее радикальный проект увеличения частных уголовно-процессуальных отношений в сфере экономики, причем во всех их структурных элементах: по субъектам, объекту-предмету, содержанию.

Другие ученые связывают перспективу усиления частного начала с частно-публичным обвинением², то есть полностью следуют логике развития законодательства последних лет. Это более умеренный вариант внедрения частного начала в публично-правовую организацию уголовно-процессуальных отношений.

С нашей точки зрения, перспективы «смешанного» частно-публичного обвинения как объекта/предмета уголовно-процессуальных отношений предпочтительнее, по сравнению с частным. Это так, потому что радикальная приватизация обвинения чревата утратой управляемости государством уголовным процессом. Превосходство публичного обвинения над частным является нормой для любой уголовно-процессуальной системы.

Что касается придания частному обвинению главенствующей правовой основы в организации противодействия экономической преступности, то это также контрпродуктивно, даже когда субъектами уголовно-правового и центрального уголовно-процессуального отношений выступают с обеих сторон субъекты предпринимательской деятельности. Важно чтобы через публично-правовой механизм выдвижения обвинения публичная власть

---

¹ См.: Александров, А. С., Александрова И.А. Особый (частно–публичный) организационно–правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 80–93.

² См.: Сычѳв, П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности. Москва : Юрлитинформ, 2022. С. 18, 20.

управляла процессом и выступала субъектом (в лице прокурора) в центральном правоотношении с обвиняемым.

Неприемлемо отдавать на откуп потерпевшим более или менее широкий круг преступлений, создающих угрозу экономическому базису общества. В целом снижение уровня публичного в институте обвинения неприемлемо для нашей уголовно-процессуальной системы.

В англо-саксонской правовой системе, как известно, частное обвинение, которое по античной традиции именуют *actio popularis*, лежит в основе обвинительной системы¹. Среди государств с континентальной правовой системой только в Испании оно является элементом позитивно-правовой модели обвинения²: любой гражданин или ассоциация граждан может через выдвижение обвинения породить центральное уголовно-процессуальное отношение и возможно – уголовно-правовое.

Однако, для России подобная модель обвинения и выстраивания уголовно-процессуальных отношений между лицами вряд ли когда-нибудь будет востребована.

Мало разработана в отечественной теории тема о субсидиарном обвинении³. Между тем в свете идеи о новых формах сочетания частного и публичного в обвинении – этот ранее неизвестный российскому праву вид обвинения кажется достаточно перспективным.

С его появлением система уголовно-процессуальных отношений может существенно преобразиться. Субсидиарный частный обвинитель может выступать не только партнером – сообвинителем, но и конкурентом или заменой публичному обвинителю по уголовным делам публичного или частно-публичного обвинения. Уголовно-процессуальное отношение

---

¹ См.: Полянский, Н. Н. Право обществ на уголовный иск // Вопросы права. 1911. Кн. 6(2). С. 110–122.

² См.: Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования) : монография. Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2022. С. 128–132.

³ См.: Полянский, Н. Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении. //Юридический вестник. 1915. Кн. 9. С. 104–142.

усложняется по субъективному составу. Это совершенно новый уровень развития частного начала в уголовном процессе, в системе уголовно-процессуальных отношений.

Публичное обвинение может сочетаться с частным элементом в виде частно-публичного обвинения, где потерпевший обладает правом инициировать уголовное преследование, но лишен полномочия на выдвижение обвинения, а потому и не может считаться настоящим субъектом публичного обвинения в правоотношении с обвиняемым. Субсидиарный обвинитель таким субъектом может быть при замене прокурора, отказавшегося от обвинения. Частно-публичное уголовно-процессуальное отношение становится другим, когда возможна подобная замена субъектов обвинения при сохранении объекта – публичного обвинения.

Полагаем возможным введение в российскую уголовно-процессуальную систему субсидиарного обвинения в качестве дополнительного вида обвинения. Это открывает перспективу для возникновения и развития совершенно новых частно-публичных уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых открываются широкие возможности по гармонизации публичного и частного интересов.

Другое направление конвергенции и сочетания частного и публично-правового начал открывается в виде различных модификаций договорной модели уголовно-процессуальных отношений между субъектами обвинения (прокурором, потерпевшим) и субъектами стороны защиты. Имеются в виду договорные публично-частные уголовно-процессуальные отношения, возникающие при заключении и реализации соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), особого порядка судебного разбирательства (глава 40 УК РФ), прекращении уголовных дел по так называемым диспозитивным, согласительным-штрафным основаниям¹.

---

¹ См.: Шерстнев, В.Б. Указ. соч. С. 9–11.

В данной разновидности смешанных публично-частных уголовно-процессуальных отношений публичное представлено в субъекте обвинения, а частное – в обвиняемом и его защитнике. Это совершенно иная модель уголовно-процессуального отношения между обвинением и защитой, чем классическая – публично-правовая модель уголовно-процессуального отношения, возникающего и развивающегося в силу закона, принципа публичности.

Следует считать нормой подобную модель – публично-частного уголовно-процессуального отношения, в котором основным субъектом обвинения выступает прокурор, его процессуальным оппонентом – обвиняемый, его защитник, а между ними, в качестве третьего участника – суд.

В договорном публично-частном уголовно-процессуальном отношении получает признание воля субъекта – публичного обвинителя и воля частного лица – обвиняемого, потерпевшего и пр. Более того уместным становится вопрос о свободе и ее пределах, которая есть у этих субъектов.

В отличие от классической гражданско-правовой модели договора уголовно-процессуальные сделки не могут считаться вполне частным институтом, поскольку публичное начало преобразует их по многим параметрам. Прежде всего, это касается основания их возникновения – преступления, которое порождает обязанность понести уголовную ответственность его виновника. Второй публично-правовой фактор заключается в субъекте этих договорных отношений со стороны обвинения. Если исходить из классической теории правоотношений¹, то следует однозначный вывод о том, что таковым выступает государство, а его процессуальными уполномоченными должны быть признаны участники со стороны обвинения: прокурор, следователь, орган дознания и пр.

---

¹ См.: Божьев, В. П., Фролов Е. А. Указ. соч. С. 87–95; Благов Е. В. Общая теория применения уголовного права: монография. Ярославль: Ярославский университет, 2003. С. 39–42.

Однако, более предпочтительной нам кажется точка зрения¹, согласно которой не государство, как таковое, выступает субъектом уголовно-правового отношения с лицом, совершившим преступление, а прокуратура как обвинительная власть государства. Соответственно, прокурор является представителем публичного интереса в уголовно-процессуальных договорных отношениях с обвиняемым, его защитником.

Следует и далее развивать договорные модели публично-частных уголовно-процессуальных отношений, как способ разрешения уголовного дела, так и разрешения отдельных вопросов, возникающих при его ведении, включая определение предмета обвинения, оснований обвинения.

Перейдем теперь ко второму институту, по которому возможно проникновение частного начала в систему уголовно-процессуальных отношений. Это доказательственное право.

Особенность проявления частного начала в уголовно-процессуальных отношениях между субъектами доказывания неразрывно связана с состязательностью или формальной диспозитивностью, то есть с усилением равноправия сторон в доказывании, вплоть до свободы распоряжения своими доказательствами.

Оцениваем перспективу развития частно-публичных отношений в сфере доказывания не как вытеснение публичного частным, не как некую негативную «приватизацию» познавательной деятельности участников процесса, а преобразование следственной формы доказывания в более справедливое доказывание, в организации которого баланс частного и публичного уравновешен.

Как представляется, главное доктринальное препятствие для перевода публичных уголовно-процессуальных отношений между субъектами доказывания по частно-публичной модели – это концепция объективной истины. Доказывание, имеющее целью установление объективной истины, не может не быть следственным, односторонним, в котором доминирует

---

¹ См.: Левченко, О. В. Указ. соч. С. 37-39, 123.

«следователь». Отношения между субъектами следственного доказывания выстраиваются по модели власти-подчинения: следователь – физическое лицо, участвующее в доказывании, которому объективная истина не доступна.

Поэтому частно-публичные или публично-правовые отношения между субъектами доказывания должны иметь своим идеальным объектом судебную или юридическую истину, то есть тот результат, который достигается равноправными сторонами правоотношения и удостоверяется судом, выступающим третьим и обязательным субъектом данного уголовно-процессуального отношения.

Содержанием этих уголовно-процессуальных отношений являются действия субъектов по получению, проверке и оценке доказательств. Уголовно-процессуальное отношение, складывающееся при доказывании между следователем и обвиняемым, имеет своим предметом показания обвиняемого. О равенстве субъектов подобного уголовно-процессуального отношения нельзя говорить в принципе. Более того, сам обвиняемый вместе со своими показаниями вполне может трактоваться не как субъект, а как источник показаний, то есть скорее объект, а не полноправный субъект. Показания обвиняемого становятся предметом уголовно-процессуальных отношений между следователем и другими субъектами, ведущими уголовное дело: прокурором, судом. В следственной конфигурации уголовно-процессуальных отношений, возникающих между органами, ведущими уголовное дело, объектом, на наш взгляд, выступает в конечном итоге «уголовное дело», вмещающее и обвинение, и доказательства.

Однако, показания обвиняемого могут быть и предметом много-субъектного уголовно-процессуального отношения: между обвинителем, судом, подсудимым и защитником. Содержанием такого публично-частного состязательного отношения выступают прямой, перекрестный допросы; права и обязанности на проведение которых распределены между его участниками.

Умножение субъектов есть признак состязательного публично-частного отношения, содержанием которого является судебное доказывание. Расширение субъектного состава этого правоотношения происходит за счет частных лиц, допускаемых к получению доказательств, их представлению в суде, формировании уголовно-процессуального – судебного доказательства. Субъектом доказывания в уголовно-процессуальных отношениях может выступать любое лицо, физическое или юридическое, которое вступает в процесс для обоснования иска, уголовного или гражданского, или опровержения исковых правопритязаний. Непременным участником этих правоотношений, возникающих в связи с доказыванием, должен выступать суд.

В составе рассматриваемого нами частно-публичного уголовно-процессуального отношения доказательство, его формирование, как уже указывалось выше, может трактоваться как предмет. В таком правоотношении каждое доказательство является результатом взаимодействия между субъектами доказывания публичным и частными, а также судом.

Публично-частные уголовно-процессуальные отношения субъектов доказывания с участием суда преобразуются в договорные отношения, предметом которых могут быть основания альтернативного исхода процесса. Договорные уголовно-процессуальные отношения в сфере уголовно-процессуального доказывания основаны, если не на равенстве, то процессуальной самостоятельности участника со стороны обвинения и участника со стороны защиты.

Еще один сопутствующий эффект внедрения частно-публичной модели отношений в сфере доказывания связан с пересмотром критерия допустимости доказательств, который в настоящее время ориентирован на протокол следственного действия. Любая информация, имеющая отношение предмету доказывания – обвинению, может быть предметом отношений участников правоотношения, и наполнить их содержание процессуальными

(следственными) действиями по ее получению, использованию, передачи, превращению в судебное доказательство.

Сделаем выводы относительно преобразования учения о частных и частно-публичных отношений в российском уголовном судопроизводстве в контексте состязательности.

Основным объектом, как частного, так и частно-публичного уголовно-процессуального отношения должны считаться обвинение и доказательства. Публично-частное состязательное уголовно-процессуальное отношение может быть основным видом уголовно-процессуальных отношений, в котором субъектами выступают прокурор, обвиняемый и суд. Как представляется, оно выступает как норма, стандарт уголовно-процессуального отношения.

Объектом публично-частного уголовно-процессуального отношения является публичное обвинение и судебные уголовно-процессуальные доказательства. Данный объект может быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений, в рамках которых разрешается уголовное дело, а также отдельные его вопросы.

Частные уголовно-процессуальные отношения в качестве субъектов обвинения включают частного обвинителя (потерпевшего), которому противостоит обвиняемый, а третьим участником является суд.

Частно-публичные уголовно-процессуальные отношения могут включать в качестве субсидиарного обвинителя потерпевшего, их объектом являются публичное обвинение и доказательства, а субъектами – обвиняемый и суд.

В заключение еще раз повторим то, что если не безличная воля закона, а люди (потерпевший, обвиняемый) в своих интересах, прокурор – в интересах общества, государства, управляют процессом для наиболее целесообразного и эффективного достижения цели справедливого разрешения уголовно-правового спора, то сделка становится одним из средств, но также наиболее вероятным результатом процесса. Отсюда оценка

подобного исхода процесса не как альтернативного, а как наиболее приемлемого. А это в свою очередь ведет к перемене в понимании процесса и его назначения, то есть того, каким образом должны разрешаться уголовно-правовые споры.

В свете концепции смешанного, комплексного уголовно-право-процессуального отношения могут быть разрешены важные методологические вопросы, которые возникли с появлением новых договорных производств в позитивном уголовно-процессуальном праве.

Одним из назревших сдвигов в доктрине надо считать допущение договорных отношений между обвинительной властью государства – прокурором и обвиняемым (защитой) относительно предмета обвинения. Это стало бы радикальным расширением сферы применения, прежде всего, досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), но также и форм освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным, например, ст. ст. 25, 25.1, 28.1 УПК РФ.

Выводы по параграфу.

Создание комплексного материально-процессуального отношения, являющегося продолжением теории процесса как правоотношения, позволяет подвести теоретическую платформу под феномен договорных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений.

Главный сдвиг в подходе к трактовке правоотношения заключался в том, что процесс развивается благодаря воле сторон, которые через иск определяют предмет процесса; развитие же процесса должно происходить через выполнение требования о тождестве иска.

Первоосновой для авторского понимания договорного уголовно-процессуального отношения является учение о процессуальном детерминизме, согласно которому основное уголовно-правовое отношение между «преступником и государством» возникает в уголовном процессе. Только на основе процессуального отношения между субъектом обвинения и

обвиняемым возникает, в том числе через договор, уголовно-правовое отношение.

В авторской концепции видится слияние уголовно-правового и уголовно-процессуального отношений в комплексное материально-процессуальное отношение триединое в его фактической, материальной (уголовно-правовой) и процессуальной составляющих.

Выработана позиция относительно основания и времени возникновения материально-процессуального отношения (потенциально договорного), а именно: с момента выдвижения обвинения или формулирования подозрения. До этого уголовно-процессуальное процессуальное отношение является пустым в материально-правовом плане и недоговороспособным. Материально-правовое вызревает в нем по мере накопления фактического – доказательственного содержимого, что ведет к появлению подозреваемого (обвиняемого) – потенциального субъекта уголовно-правового отношения и возможного договорного отношения.

Диалектика уголовно-правового и процессуального элементов в развитии рассматриваемого нами материально-процессуального отношения выглядит следующим образом. Преступление порождает потенциальное уголовно-правовое отношение между обвинительной властью государства и «эвентуальным преступником». Это уголовно-правовое отношение становится реально-правовым в процессе или после вступления в законную силу обвинительного приговора суда или договорным путем – через его признание сторонами, что происходит при официальном согласии стороны обвинения, во-первых, с выдвинутым обвинением и во-вторых, с выполнением уголовно-правовой обязанности, предусмотренной законом.

После обретения уголовно-правовым отношением процессуальной формы происходит конкретизация субъекта уголовно-правового отношения со стороны публичной власти в лице прокурора.

Понятие двуединого частно-публичного, материально-процессуального отношения позволяет допускать преобразование его в договорное

правоотношение и новой мере договорного начала в процессуальных отношениях.

Предлагаемая нами концепция смешанного, комплексного материально-процессуального отношения позволяет разрешить ряд неразрешимых с позиции догматики методологических вопросов, которые возникли с появлением в позитивном праве новых – договорных производств, в которых через соглашение решаются вопросы, касающиеся уголовной ответственности обвиняемого, а также и ее изменения или освобождения от таковой.

Уголовно-правовые отношения не могут не быть одновременно процессуальными. Уголовно-процессуальные отношения, предметом которых являются обвинение, доказательства и доказывание главного доказательственного факта, то есть основные уголовно-процессуальные отношения, не могут не быть вместе и материально-уголовно-правовыми. Если мы допустим возможность их договорной трансформации, то распространим договорной момент и на уголовно-правовые явления.

Следуя учению о структуре правоотношения нами были описаны основные элементы договорного материально-процессуального отношения, в том числе было сформулировано представление об совмещённом объекте (предмете) этого правоотношения как «преступления+обвинения», где объект – это преступление, а предмет – это обвинение, доказанное полученными обвинительными доказательствами и (или) согласие стороны защиты с подозрением (обвинением), а также признанием обвиняемым своей вины по предъявленному обвинению.

В нашем представлении не сам по себе факт совершения преступления является «основанием» мыслимого нами правоотношения, а факт процессуальный, то есть сформулированный в обвинении или подозрении и

обоснованный доказательствами, как минимум официальным признанием¹ подозреваемым (обвиняемым) этого факта.

Мы подразумеваем не просто неразрывную связь между преступлением, как фактом объективной реальности, и обвинением, но двуединство материально-процессуального объекта данного комплексного правоотношения. Полагаем, что одно без другого, то есть материальное без процессуального, существовать не может. Преступление как реально-правовое явление не существует без доказанного и (или) признанного стороной защиты обвинения.

Таким образом, имеется потенциальная способность к договорной трансформации основания и объекта (предмета) уголовно-право-процессуального отношения.

По субъектному составу рассматриваемого нами правоотношения приходим к выводу, что со стороны государства субъектом уголовно-право-процессуального отношения выступает обвинительная власть государства в лице прокурора.

В содержательном плане особое значение придается признанию допустимости договорного начала в указанном комплексном объекте межотраслевого правоотношения: отношения, возникающего и реализующегося в сфере уголовного судопроизводства. Сделан вывод о том, что его содержание в виде прав, обязанностей сторон может быть предметом договора. Кроме того, делаются выводы о том, что сделка между прокурором и стороной защиты может касаться предмета обвинения, включая уголовно-правовую квалификацию, размер и вид возможного наказания, а также замены его альтернативной юридической ответственностью. Изменение обвинения возможно только в пользу обвиняемого в обмен на позитивные

---

¹ То есть сделанным в процессуальной форме: явки с повинной, признательных показаний, заявления о согласии с подозрением и пр.

посткриминальные действия с его стороны¹.

---

¹ В тексте параграфа использованы ранее опубликованные статьи автора:
Колесник, В. Правовые отношения в сфере уголовного судопроизводства: договорной аспект // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 2. С. 33-60;
Колесник, В.В. Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые договорные отношения: концептуальный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 486. С. 235–241.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ФОРМ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ СТОРОН В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

2.1 Примириательные уголовно-процессуальные производства по окончанию уголовных дел

В настоящем параграфе осуществлено исследование позитивно-правовых форм (проявления) договорных отношений сторон в уголовном процессе. Предметом данного исследования станет ряд процедур, которые доктрина уголовно-процессуального права относит к институту прекращения уголовных дел по некоторым нереабилитирующим основаниям. Предложим новое объяснение их правовой природы в свете концепции договорных уголовно-процессуальных отношений в договорно-упрощенных уголовно-процессуальных производствах.

Прежде всего определим примириательные уголовно-процессуальные производства, как одну из разновидностей договорных уголовно-процессуальных производств.

Как уже указывалось, существуют иные, кроме договорного, подходы к объяснению тех позитивно-правовых явлений, которые будут предметом исследования в настоящей главе.

Традиционный подход состоит в том, чтобы усмотреть в процедурах, отличающихся от общего порядка производства по уголовному делу проявлением дифференциации уголовно-процессуальной формы. Не считаем такой прием достаточным, чтобы понять и увидеть разнообразие явления, выходящего за рамки обычного уголовно-процессуального права.

Другой подход состоит в том, чтобы трактовать эти процедуры как проявление «процессуального упрощения».

Как уже отмечало ранее, суть концепции дифференциации форм досудебного производства сводится к тезису об упрощении базовой модели «предварительного следствия»¹. Разновидностями теории дифференциации уголовно-процессуальной формы являются концепции сокращенных, упрощенных, ускоренных, поощрительных уголовно-процессуальных производств.

С нашей точки зрения, все эти трактовки несостоятельны, так как являются уходом от признания действительности, а именно: их договорной природы.

Например, представители концепции об упрощенных производствах включают в их число помимо примирительных процедур, о которых пойдет речь ниже, процедуры, регулируемые главами 40, 40.1 УПК РФ².

Между тем, некоторые ученые-исследователи справедливо указывают на недопустимость объединения уголовно-процессуальных механизмов прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям с соглашением о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) или разрешением уголовного дела в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ³. Все они могут считаться упрощением общей формы, однако этого мало сказать о них.

Через «упрощение» и ему подобные процедуры невозможно понять, чем различаются между собой эти производства: степенью упрощения или степенью ускорения?

Должен быть критерий разграничения родственных уголовно-процессуальных явлений, которые мы относим к договорным. Такие

---

¹ См.: Власова, С. В., Кесаева М. С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019.

² См., напр.: Свиридов. М. К., Пилюк А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. С. 3-6, 168-290; Качалова, О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 122–152.

³ См.: Абшилава Г.В. Указ. соч. С. 21–33; Баев, О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения. Москва : Норма, Инфра-М, 2013. С. 32–42.

критерии как «упрощение», «сокращение», «ускорение», на наш взгляд, для этого не годятся.

Сторонники как упрощенных, так и сокращенных производств проводят операцию по унификации всех отличающихся от общего порядка процедур на основе того или иного формального признака: упрощение, сокращение, поощрение. Все эти эффекты и свойства присутствуют в данных процедурах, но не объясняют главного, что в них есть – развитие процесса не только в силу закона, но по воле сторон. Через согласование воли стороны обвинения и защиты достигается назначение уголовного судопроизводства.

Мы пришли к выводу, что понятия «упрощение» и «договор» могут служить знаками двух главных различных подходов к объяснению правовой природы тех явлений, которые исследуются в настоящей главе диссертации. На наш взгляд, диалектика упрощения и договора выражается через соотношение внешнего и внутреннего, причины и следствия. Хотя в них можно увидеть их особенности: «договорной» подход выражает состязательные идеи, «упрощенческий» – следственные идеи.

Договорной подход более перспективен в контексте состязательности и балансировки частного и публичного, а главное – гуманизации уголовно-процессуальной системы России. Хотя, конечно, следует признать присутствие субъективного момента, идеологической приверженности в нашей позиции, который, впрочем, есть в любой авторской научной модели.

Снятие противоречия возможно через называние интересующих нас процедур «упрощенные договорные производства», то есть они и договорные, и упрощенные: «договорно-упрощенные уголовно-процессуальные производства»¹.

---

¹ Остановимся именно на таком, смягченном варианте такого названия, который указывает на сложную, смешанную правовую природу означаемого им явления. Добавочный эпитет «упрощенные» апробирован в гражданско-процессуальном законодательстве. И в целом, на наш взгляд, лучше, чем термины «сокращение», «поощрение» и пр.

В мере и формах проявления договорного начала можно увидеть не только их общее, но богатство и разнообразие этих процедур, перспективу их развития.

Мы полагаем, что можно выделить три вида договорных уголовно-процессуальных производств:

(а) примирительные производства;

(б) ускоренные производства, предусмотренные главами 32.1, 51.1 УПК РФ;

(в) согласительные производства, которые включают в себя нормы глав 40–40.1 УПК РФ.

Далее сосредоточимся на анализе первого вида договорных уголовно-процессуальных производств, а именно: примирительных производств.

Прежде всего необходимо определиться с базовыми понятиями. В этой связи требуется внесение ясности в терминологию и понятийный ряд, которые используются для описания уголовно-процессуальных явлений.

Термин «примирительная процедура» используется нами для выделения в одну группу нескольких производств, которые являются и договорными, и упрощенными. Однако они имеют, с нашей точки зрения, специфику, позволяющую выделить их отдельную группу.

По традиции эти производства трактовались в свете понятия «прекращение уголовного дела (уголовного преследования)» – по нереабилитирующим основаниям¹. Именно под таким названием они освещаются в учебной литературе². Такое формальное обозначение мало информативно с позиции выявления их правовой природы, а именно: меры и форм проявления в них договорного начала.

---

¹ См.: Аликперов, Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности: уголовно-правовые аспекты. Москва : «Юрлитиформ», 1999. С. 3–4 и след.; Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. С. 3.

² См.: Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 176–185.

В научной литературе применительно к тем производствам, о которых пойдет речь ниже, используются так же и другие термины, например: альтернативные¹, согласительно-компенсаторные², договорно-штрафные³ и др. Кроме того, именно к этим процедурам уместно использование таких понятий как медиация, трансакция⁴.

Трактовка правовой природы феномена, который является предметом нашего исследования, во многом зависит от взгляда на него, от того, какое понятие мы выбираем в качестве исходного и объяснительного. Для нас базовым понятием является договор.

Исходя из теории договора и того, что мировое соглашение есть договор между участниками спора, примирительные производства в цивилистике и в теории права⁵ трактуют как процедуры по выработке сторонами соглашения относительно исхода дела, разрешение уголовно-правового спора по существу миром, то есть на основе компромисса.

Можно предположить, что договорная модель наиболее всего подходит для выявления сущности этой разновидности договорно-упрощенных производств. При том, что упрощение как таковое в них менее выражено – на уровне законодательства, равно как и на практике и в доктрине.

---

¹ См.: Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография. Свнкт -Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. 542 с.

² См.: Левченко, О. В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2021. № 6. С. 6–9.

³ Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный механизм досудебного урегулирование простых уголовно-правовых споров: современное состояние и направление совершенствования // Юридическая наука практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3 (47). 2019. С. 207–210.

⁴ См.: Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве: монография. С. 123.

⁵ См.: Галимова, М. А., Галимов О. Х. Примирительные процедуры в судопроизводстве Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3 (36). С. 16–23.

С таким выводом согласны некоторые ученые-процессуалисты: они трактуют процедуры прекращения уголовных дел по ряду нереабилитирующих оснований как мировое соглашение сторон¹.

При этом Л.В. Головки указывает, что мировое соглашение между обвиняемым и потерпевшим, как процедура прекращения уголовного дела, должно сосуществовать с другими «альтернативными» уголовно-процессуальными производствами². С точки зрения А.А. Варяника, «мировое соглашение» можно трактовать как разновидность родового понятия «сделка», «договор» по признанию стороной защиты уголовного иска – обвинения. Рассуждая далее, он приходит к выводу о возможности в принципе разрешения любого уголовно-правового спора через мировое соглашение. Поэтому институт сделки, договорной способ удовлетворения правоприязаний стороны обвинения должен быть признан универсальным, общевиновым. Институты деятельного раскаяния, примирения сторон и ряд других являются производными от него и восходят к нему в своих коренных чертах³.

Не разделяя вполне позицию указанных авторов, согласимся в том, что применительно к ряду существующих процедур прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям подходит определение примирительные производства.

---

¹ См., напр.: Александров, А. С., Александрова И. А. Уголовно-процессуальные формы разрешения бесспорных уголовных дел мировым соглашением // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (22–23 апреля 2022 года, г. Кострома) / сост. Н.В. Ганжа, [и др.] ; отв. ред. В.В. Груздев, Г.Г. Бриль. Кострома: Костромской государственный университет, 2022. С. 239-242; Головки, Л. В. Мировое соглашение в уголовном процессе и его гражданско-правовая природа // Законодательство. 1999. № 10. С. 64-75; Он же. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. С. 483 и след.; Варяник, А. А. Прекращение публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям: проблемы нормативного регулирования и правоприменения : диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2005. С. 128–132.

² См.: Головки. Л. В. Указ. соч. С. 484.

³ См.: Варяник, А. А. Указ. соч. С. 132.

Далее необходимо вспомнить и русскую уголовно-процессуальную традицию, согласно которой разрешение уголовного дела миром, примирение сторон входило в назначение мирового правосудия (ст.ст. 30, 120, 165 УУС)¹.

Разрешение правовых, в том числе уголовно-правовых споров, миром заложено в природу мировой юстиции. Поэтому примирение сторон у мирового судьи, прежде всего, в рамках процедуры примирения по делу частного обвинения, можно считать «классическим» примирительным производством.

Однако, в таком узком смысле примирительное производство понимать недостаточно. К тому же современные реалии производства по уголовным делам публичного обвинения у мировых судей далеки от идеала установления мира по воле сторон.

Тем не менее, именно в контексте мировой юстиции далее будет уместно обсудить перспективу развития института примирительных производств в уголовном процессе.

Одним из ключевых элементов этого нового правового механизма воздействия на преступность и восстановления, деформированных преступлениями, общественных отношений, является межотраслевой, комплексный институт примирительных процедур.

Итак, примирение сторон как договорная основа разрешения уголовных дел является фактом позитивного уголовно-процессуального права. К настоящему времени в уголовно-процессуальном праве под воздействием проникновения диспозитивного метода правового регулирования сложился довольно значительный корпус таких правовых

---

¹ См., например: Неклюдов, Н. А. Руководство для мировых судей: [В 5 т.] Санкт-Петербург : тип. Н. Тиблена и К^о, 1872. С. 9; Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том II. 3-е изд. Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. С. 135–144; Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. проф. М.Н. Гернета. Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. Вып. 1. Ст. ст. 1-84. С. 120.

норм. Это порождает проблему их классификации, несмотря на их общую природу и генезис.

В этой связи полагаем, что понятие «примирительная процедура» может быть интерпретировано в широком и узком смыслах.

В самом узком смысле допустимо говорить о нем применительно к прекращению уголовного дела частного обвинения в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым (ч. 2 ст. 20 УПК РФ).

Общепринято считать, что такой исход дела обусловлен природой частного обвинения, субъект которого (частный обвинитель) является субъектом диспозитивного права на частное обвинение, включающего право на примирение с обвиняемым, отказ от обвинения. Отказ от частного обвинения его субъекта в любой форме ведет к фактической декриминализации преступления, которое является предметом частного обвинения. Судья не вправе отказать в прекращении уголовного дела за примирением сторон¹.

Такова была традиционная позиция русской правовой доктрины относительно уголовного преследования у мировых судей². Исход дела частного обвинения полностью зависит от воли сторон. Само наличие факта преступления поддерживается исключительно частным обвинением и зависит от воли частного обвинителя.

Как разъяснил Конституционный Суд России неявка в суд частного обвинителя без уважительных причин влечет за собой прекращение уголовного дела не в связи с отсутствием в деянии подсудимого состава преступления, а в связи с отсутствием самого события преступления³.

---

¹ Пункт 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. 2010. 7 июля.

² См, напр.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Москва: Изд. М.М. Зива, 1914. Вып. 2. Ст. ст. 85–248. С. 320–346.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2018 № 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и

Ввиду зависимости процесса по делу частного обвинения от воли потерпевшего – частного обвинителя – отказ от обвинения, в том числе и в такой форме как неявка в суд исключает сам факт ранее обозначенного в обвинении преступления. Аналогичное последствие порождает и примирение сторон: оно полностью исключает какие-либо негативные правовые последствия для обвиняемого, и потому основание, предусмотренное частью второй статьи 20 УПК РФ (в отличие от основания, предусмотренного статьей 25 УПК РФ), является реабилитирующим основанием прекращения уголовного дела¹.

Такова природа примирения сторон в условиях частного уголовно-процессуального производства у мирового судьи. По делам публичного, равно как частно-публичного производства, подобная зависимость как процессуальных, так и материально-правовых последствий от воли частного лица исключена.

В широком смысле под примирением сторон в уголовном деле следует понимать соглашение между сторонами спора (конфликта), систему взаимных уступок, на основании которых регулируются взаимоотношения этих сторон путем установления их прав и обязанностей².

В таком смысле под примирительную модель можно подвести целый ряд уголовно-процессуальных процедур, в которых сторона обвинения и сторона защиты мирным – договорным путем находят ответ на основной вопрос уголовного дела (о применении уголовного закона) и таким образом разрешают уголовно-правовой конфликт.

пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 44. Ст. 6821.

¹ См.: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. С. 54, 716.

² См.: Галимова, М. А. Уголовно-процессуальное примирение : монография. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2006. С. 132–138; Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Москва: Изд. М.М. Зива, 1914. Вып. 2. Ст. ст. 85–248. С. 394–395.

По мнению некоторых авторов, в число таких примирительных процедур входят процедуры прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям, которые предусмотрены статьями 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, статьями 28, 28.1, 427 УПК РФ¹.

Мы не относим к примирительным процедурам процедуры, регулируемые нормами глав 32.1, 40, 40.1, 51.1 УПК РФ². Соответственно, выпадет из примирительного уголовно-процессуального механизма и статья 25.1 УПК РФ.

С учетом сказанного о примирении по делам частного обвинения к «примирительным процедурам» можно отнести процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, статьей 25, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ. Вместе с уголовно-правовыми нормами (ст. 75–76.1 УК РФ) они образуют уголовно-процессуальный механизм разрешения уголовных дел миром – через достижения сторонами примирения³.

В основу понятия, обозначающего их, должно быть положено слово «мир», то есть мирное разрешение уголовно-правового конфликта его участниками, то есть потерпевшим и обвиняемым, при посредничестве или даже под руководством органа, ведущего уголовное дело, но также и неофициального медиатора – посредника в лице общественности⁴.

---

¹ См.: Галимова, М. А. Уголовно-процессуальное примирение. С. 67; Шерстнев, В. Б. Правовая организация досудебного урегулирования уголовно-правовых споров // Уголовно-правовые аспекты выявления, раскрытия и расследования преступлений. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской полиции. Белгород, 2018. С. 134–137.

² С нашей точки зрения, это отдельный вид договорных/упрощенных производств, который будет предметом исследования в следующем параграфе.

³ Большинство опрошенных нами практиков склоняется к тому, что перечисленные процедуры являются договорными, договорно-упрощенными. См.: ответы на вопрос № 11 Приложение № 1, ответы на вопрос № 11 Приложение № 2, ответы на вопрос № 11 Приложение № 3, ответы на вопрос № 11 Приложение № 4.

⁴ См.: Марковичева, Е. В. Роль института медиации в ускорении уголовного судопроизводства // Российский судья. 2010. № 3. С. 26–28; Шестакова, Л. А. Медиация в уголовном судопроизводстве : учебное пособие. Самара : Издательство Самарского университета, 2021.

В предельно широком смысле примирительными процедурами можно считать не только процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, где предполагается формальное или фактическое примирение стороны обвинения и стороны защиты, но и любые процедуры, в рамках которых стороны и суд вырабатывают компромиссные решения, удовлетворяющие участников процесса¹.

В основе их всех лежит примирение сторон в широком смысле, то есть согласие обвиняемого с обвинением, отказ от его оспаривания, что в принципе и ведет к примирению обвинения и защиты в виде бесспорного разрешения уголовного дела и применения соответствующей меры уголовно-правового воздействия. Набор этих мер от смягченного наказания до различных альтернативных уголовным мерам правового воздействия, штрафного, компенсаторного характера.

Следуя этой логике, можно заключить, что примирительные уголовно-процессуальные производства имеют там и тогда, где и когда закон ставит разрешение уголовно-правового вопроса, принятие решения по отдельному вопросу или делу, в зависимости от диспозитивного волеизъявления сторон, а не от безличной воли закона. Иными словами, можно связывать примирительные процедуры с действием принципа диспозитивности, который если не вытесняет принцип публичности, то служит ему дополнением.

Поскольку основу обычных уголовно-процессуальных производств, в том числе и по делам частного-публичного обвинения, где обвинение выдвигается также в публичном порядке, составляет публичное обвинение, постольку исход их определяется не волей потерпевшего и обвиняемого, а волей закона, которая реализуется органом, в производстве которого находится уголовное дело, по своему дискреционному усмотрению, с учетом

---

¹ См.: Головкин, Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 127–135; Чурилов, Ю. Ю. Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 9–10.

всех обстоятельств дела, включая ведомственный интерес, заключающийся в направлении уголовного дела о раскрытом преступлении в суд. Поэтому примирение непосредственных участников уголовно-правового конфликта в лице потерпевшего и обвиняемого, не обязательно для компетентного государственного органа, в производстве которого находится уголовное дело.

Исключением из этого являются основания прекращения уголовного дела, содержащиеся в статье 28.1 УПК РФ и статье 76.1 УК РФ, возникновение каждого из них порождает обязанность у органа, ведущего уголовное дело, на прекращение уголовного дела, о чем скажем далее.

Исход дел публичного обвинения о преступлениях небольшой или средней тяжести (уголовных проступках) должно в первую очередь зависеть от воли сторон, и только в исключительных случаях (например, в случае сомнения в свободе воли одной из сторон) влечь вмешательство со стороны органа предварительного расследования, прокурора или суда.

Справедливо мнение¹, согласно которому примирительные процедуры в уголовно-процессуальном праве являются особым правовым механизмом воздействия на преступность и восстановления деформированных отношений в обществе. В их основе должна быть идея о примирении участников уголовно-правового конфликта, предметом которого стало преступление небольшой или средней тяжести, а также иные виды «прощительных» преступлений или как их еще называют – уголовные проступки»².

Под понятие «примирительные процедуры» подпадает достаточно широкий, качественно различающихся производств и отдельных уголовно-процессуальных норм. Сосредоточим свое внимание только на главной их разновидности – способе разрешения уголовного дела по существу. При этом

---

¹ См.: Александров, А. С., Андреева О.И., Зайцев О.А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 199–207.

² См.: Воскобитова, Л.А. Правовое регулирование процедуры примирения в уголовном судопроизводстве // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право. Москва : МГЮА, 2001. С. 125–131.

в нашем понимании примирение является формой прямого соглашения сторон по отдельному вопросу или исходу дела.

Между тем, примирение может характеризовать не только исход дела, но и решение отдельных процессуальных вопросов, возникающих в ходе досудебного или судебного производства по уголовному делу.

Согласие обвиняемого с обвинением (подозреваемого – с подозрением), дача признательных показаний – это наиболее ярко выраженный аспект примирения с исходом дела против него, но с применением поощрительных уголовно-процессуальных и уголовно-правовых санкций.

Кроме того, к примирительным процедурам можно отнести процедуры, предметом которых составляют вопросы, связанные с назначением экспертизы с учетом позиции обеих сторон (ст. 198 УПК РФ), определением возможности рассмотрения уголовного дела в отсутствие кого-либо из участников уголовного судопроизводства (ст. 272 УПК РФ), об исследовании доказательств в суде (ст. 274 УПК РФ), в суде апелляционной инстанции (части 6-7 статьи 389.13 УПК РФ) и др.¹

Таким образом, в широком смысле примирительными процедурами можно считать любые процедуры, в рамках которых стороны и суд, орган предварительного расследования, ведущий уголовное дело, приходят через соглашение к промежуточным или окончательным процессуальным решениям, учитывающих позицию участников процесса.

Между тем, расширение границ понятия «примирительная процедура» чревато угрозой чистоте терминологии и что это затрудняет понимание анализируемого правового явления и создание соответствующих научных конструкций.

---

¹ См. об этом, напр.: Варяник, А. А. Прекращение публичного уголовного преследования и уголовного дела по нереабилитирующим основаниям : монография. Ростов-на-Дону, 2005.

Примирение мы трактуем как исход – альтернативный общему исходу – уголовного дела в основе которого лежит компромисс, примирение стороны обвинения (кто бы и(или) какой бы орган не вступал обвинителем, и стороны защиты).

Главным квалифицирующим признаком того вида договорных уголовно-процессуальных производств, которые именуем «примирительные», является то, что через договорную модель примирения происходит полное исчерпание уголовно-правового конфликта, вплоть до освобождения от уголовной ответственности виновника преступления.

Второй квалифицирующий признак рассматриваемых договорных уголовно-процессуальных производств состоит в том, что они являются инструментом досрочного, в том числе досудебного разрешения уголовного дела (спора) по существу.

Между тем, понимаемые таким образом «примирительные процедуры» в содержательном плане пересекаются или даже совпадают по смыслу с иными явлениями и обозначаемыми их категориями, а именно: согласительными¹, договорными², компромиссными³ и пр.⁴

Подобная путаница в терминологии, на наш взгляд, не способствует ясности в научных воззрениях на исследуемые правовые реалии и мешает правильному выстраиванию научных правовых конструкций.

Поэтому, с нашей точки зрения, предпочтительнее ограничительный подход к трактовке понятия «примирительные процедуры». По нашему

---

¹ См.: Абшилава, Г. В. Указ. соч. С. 12 и след.

² См.: Александров, А. С., Зайцев О. А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Москва : ИД «Юриспруденция», 2021. С. 236-245.

³ См.: Александрова, И. А. «Договорной» способ разрешения дел об экономических преступлениях // Уголовный процесс. 2012. № 9. С. 16-17.

⁴ См.: Муратова, Н. Г. О проблемах уголовно-процессуальных договоров // Правосудие в Татарстане. 2011. № 4 (48). С. 36–38; Левченко, О. В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2021. № 6. С. 6–9.

мнению, соглашение и примирение являются различными понятиями. В рамках примирения стороны могут достигать соглашения и заключать договоры. Между тем, наличие только договорных отношений не является достаточным для того, чтобы говорить о примирении. Таким образом, понятие примирительная процедура является общим по отношению согласительная или договорная процедура; последняя является особой разновидностью примирения.

Не склонны примешивать к примирению деятельное раскаяние или какое-либо иное раскаяние, моральное или предполагающее совершение обязательных посткриминальных позитивных действий со стороны виновника преступления. В этом отношении примирение толкуется формально, достаточно, чтобы потерпевший и обвиняемый добровольно заявили о своем желании прекратить дело. Если при этом вырабатывается и оформляется специальное соглашение (договор), то процедуру надо считать согласительно-договорной. Хотя, закон, разумеется, может нагружать состав того или иного «основания примирения» дополнительными элементами, как например, это имеет место в статьях 25, 25.1, 28 УПК РФ.

Выделим основные квалификационные признаки примирительных уголовно-процессуальных производств:

- они являются инструментом досрочного, в том числе досудебного разрешения уголовного дела (спора) по существу;
- главным актом – конструктивным элементом во всех них выступает примирение, то есть вытекающая из договорной сущности этих производств, проявление воли субъектов уголовно-правового отношения, включая потерпевшего;
- заключение формального соглашения сторон не требуется;
- органом, ведущим уголовное дело, должны быть обеспечены добровольность примирения, отсутствие обмана и принуждения;

- наличие согласия обвиняемого с обвинением, зафиксированного официально – на допросе, так и фактически презюмируемого - ввиду согласия его на такой исход процесса;

- возмещение вреда потерпевшему, но также и возмещение материального ущерба, причиненного государству – «в полном объеме».

Далее осуществим классификацию примирительных уголовно-процессуальных производств и дадим характеристику наиболее актуальных и дискуссионных из них.

Если следовать новейшим разработкам по затронутой нами тематике, то вытекает необходимость разделения примирительных процедур на «медиационные»¹ и «транзакционные»².

В связи с развитием законодательства³ в уголовно-процессуальную науку прочно вошло в научный оборот понятия медиации. В тесном смысле «медиационные процедуры» – это примирительные процедуры, в которых участвует медиатор, то есть посредник-примиритель⁴, являющийся специальным участником уголовного процесса. Такой участник в УПК РФ не

---

¹ Эта тема стала предметом целого ряда коллективных и монографических исследований. См., напр.: Арутюнян, А. А. Медиация в уголовном процессе. Москва : «Инфотропик Медиа», 2013. 200 с.; Кувалдина, Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: диссертация ... кандидата юридических наук. Самара: СамГУ, 2011; Марковичева, Е. В. Роль института медиации в ускорении уголовного судопроизводства // Российский судья. 2010. № 3. С. 26–28; Шестакова, Л. А. Медиация в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Самара : Издательство Самарского университета, 2021; Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: монография / отв. ред. С.Ю. Морозов, О.А. Зайцев. Москва : Проспект, 2022.

² См.: Левченко, О. В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2021. № 6. С. 6–9; Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный механизм досудебного урегулирования простых уголовно-правовых споров: современное состояние и направление совершенствования // Юридическая наука практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. № 3 (47). 2019. С. 207–210.

³ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

⁴ См.: Головкин, Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. 2009. № 4. С. 127–135.

предусмотрен. Однако, в расширительном смысле под «медиаторами» понимают сами органы, в чьем производстве находится уголовное дело¹.

По нашему мнению, медиационная процедура является более узким понятием по отношению к базовому – примирение. Если стороны с участием сторон вырабатывают и выполняют специальное соглашение (договор), то медиационная процедура может быть квалифицирована как разновидность примирительной, договорно-согласительной процедуры. Важно отличать медиационные процедуры от компенсаторно-штрафных процедур, таких как «транзакция», так как медиация не обязательно включает возмещение вреда, в ней главное выработка и принятие решение об окончании уголовного процесса.

Медиация родственна примирению. На эту связь указывали многие авторы². Именно в контексте широкого толкования медиации определяют и ее уголовно-процессуальную модель³. Можно поддержать позицию ряда авторов, которые полагают, что к медиационным примирительным процедурам надо отнести процедуры, предусмотренные ч. 2 ст. 20, статьей 25 УПК РФ, обладающими ниже следующими качествами.

1. В своей основе они имеют примирение потерпевшего с обвиняемым. Таким образом, частное, диспозитивное уголовно-процессуальное отношение

---

¹ См., напр.: Савченко, А. Н., Уренева О. В. Медиация в уголовном процессе // Вестник ЧелГУ. 2015. № 25 (380). С. 131–135.

² См.: Аликперов, Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим // Законность. 1999. № 6. С. 14–21; Варяник, А. А. Прекращение публичного уголовного преследования и уголовного дела по нереабилитирующим основаниям : монография. Ростов-на-Дону, 2005; Воскобитова, Л. А. Правовое регулирование процедуры примирения в уголовном судопроизводстве // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право. Москва, 2001. С. 202; Гуськова, А. П., Маткина Д. В. Медиация в уголовном процессе // Российский судья. Вып. 2. Москва : Юрист, 2009. С. 34–37.

³ См.: Галимова, М. А. Уголовно-процессуальное примирение : монография. С. 8–12, 76; Гаврицкий, А. В., Коблева М. М. Возможности медиации в уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 7. С. 26–29; Смирнов, А. М. О возможности имплементации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника в сферу российских уголовно-правовых отношений в свете рекомендации Комитета министров Совета Европы по медиации в уголовных делах // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 2. С. 30–32.

частных лиц составляет правовое ядро этой процедуры. Мы оцениваем его как договорное уголовно-процессуальное отношение.

2. Со стороны обвинения субъектом примирения выступает частное лицо: потерпевший или частный обвинитель (а не государство и не государственный правоохранительный орган).

3. Примирение потерпевшего и обвиняемого не порождает обязанности у органа, в чьем производстве находится уголовное дело прекратить производство. Уголовно-процессуальное решение о прекращении уголовно-правового конфликта на основе примирения потерпевшего с обвиняемым принимается правоприменителем по своему дискреционному усмотрению. Правоприменитель не находится в зависимости от воли примирившихся частных сторон.

4. Набор условий прекращения дела в рамках примирительной медиационной процедуры определяется главным образом законом, а не сторонами.

5. Полное возмещение вреда и вообще возмещение вреда потерпевшему не является главным, а тем более решающим условием прекращения уголовного дела.

6. В рамках примирительной процедуры предполагается участие независимого, прежде всего от государства, медиатора – представителя гражданского общества.

7. Настоящая примирительная процедура с участием медиатора предполагает не формальное, а реальное примирение потерпевшего и обвиняемого, от которого требуется проявление деятельного раскаяния и искреннего желания возместить причиненный моральный вред потерпевшему.

На наш взгляд, примирительные процедуры имеют большой потенциал перспективны по уголовным делам в отношении несовершеннолетних.

В своем современном состоянии процедура, регулируемая статьей 427 УПК РФ, не включает примирение несовершеннолетнего обвиняемого с

потерпевшим. Процедуру прекращения уголовного дела в связи с применением к несовершеннолетнему обвиняемому (подсудимому) принудительной меры воспитательного характера к следует относить к медиационной процедуре. Обоснование этой позиции дается в известных исследованиях¹. Необходимо отметить, что в конце 1990-х и начале 2000-х годов обсуждались проекты создания специализированных медиационных процедур для несовершеннолетних нарушителей уголовного закона².

В основе ювенальных уголовно-процессуальных технологий лежат процедуры, связанные с примирением сторон, прощения потерпевшим правонарушителя³. В этом состоит причина отнесения процедуры, регулируемой статьей 427 УПК РФ, к медиационной – примирительной процедуре. Хотя надо признать, что в современном ее виде, она не вполне отвечает стандартам классической медиации: отсутствие в законе требования к примирению сторон, условиям примирения и пр.

Несмотря, на спад интереса к теме ювенальной юстиции, полагаем, что медиационные процедуры должны развиваться именно в данном направлении, в том числе и в случаях, когда к несовершеннолетним применяются принудительные меры воспитательного воздействия.

---

¹ См., напр.: Мельникова, Э. Б., Карнозова Л.М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. Москва : Проспект , 2002; Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития: [монография] / [Мелешко Н. П. и др.]. - Ростов-на-Дону ; Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. 743 с.; Ювенальная юстиция. Правовой и образовательный аспекты (опыт Ростовской области) / под ред. А.И. Бедрика и А.А. Резванова. Ростов-на-Дону, 2004. 89 с.; Александров, А. С., Бопхоев Х. В., Кухта А. А. Применение мер принуждения в отношении несовершеннолетних лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : монография. Нижний Новгород : Нижегородская академия, 2008. 187 с.

² См.: Апостолова, Н. Н. Медиация (посредничество) по уголовным делам // Российская юстиция. 2010. Вып. 3. С. 55–58; Ткачев, В. Н., Воронова Е. Л. Ювенальный суд и социальные службы: механизм взаимодействия. Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2005. 240 с.

³ См.: Карнозова, Л., Максудов Р., Флямер М. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 19–21; Конин, В. В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Российская юстиция. Вып. 7. 2010. С. 42–43; Варяник, А. А. Прекращение публичного уголовного преследования и уголовного дела по реабилитирующим основаниям. С. 88.

В контексте ювенальной юстиции следует развивать медиационные – примирительные процедуры прекращения уголовных дел в отношении несовершеннолетних в связи с применением к ним принудительных мер воспитательного воздействия¹.

При этом важной составляющей этой процедуры является именно воспитание несовершеннолетнего, ликвидация последствий конфликта между ним и потерпевшим, профилактика новых правонарушений.

Важным аспектом таких процедур служит примирение несовершеннолетнего в широком смысле: с окружающим миром, ресоциализация его, перевоспитание несовершеннолетнего правонарушителя и предотвращение будущих правонарушений.

Квалифицируя данную процедуру к медиационным формам разрешения уголовно-правового спора между несовершеннолетним обвиняемым и государством. Х.В. Бопхоев указывает, что в ней должно быть усилено присутствие общественных организаций, частных лиц (волонтеров) для оказания помощи в примирительных процедурах, заглаживании вреда, перевоспитании, лечении, социализации несовершеннолетних нарушителей уголовного закона².

По общему смыслу закона, который судебная практика воплотила в правовой стандарт правоприменения в качестве одного из условий принятия судом решения о прекращении уголовного дела в соответствии со статьей 427 УПК РФ или применении к несовершеннолетнему подсудимому принудительной меры воспитательного воздействия в порядке статьи 432

---

¹ См.: Александров, А. С., Бопхоев Х. В., Кухта А. А. Указ. соч. С. 23, 26, 146-149.

² См.: Бопхоев, Х. В. Принудительные меры в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений: проблемы совершенствования законодательного урегулирования и практики правоприменения : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2006. С. 8.

УПК РФ является согласие потерпевшего (потерпевших) с принятием по делу подобного решения¹.

Эффективность этих процедур невозможна без наличия специализированных медиаторов, органов пробации и вовлечения волонтеров из гражданского общества, а также церкви, такие процедуры не могут быть вполне эффективными.

Поэтому выступаем, как и многие другие исследователи², за усиление примирительного аспекта в процедуре освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности и заменой наказания мерами принудительно-воспитательного характера.

Второй разновидностью примирительных уголовно-процессуальных производств являются компенсаторно-штрафные или «транзакционные» процедуры.

В качестве ее зарубежных аналогов надо сказать о «транзакции» (*La transaction pénale*) и его аналогах: «*diversion*» – в германском процессе, «*l'oblazione*» – в итальянском и пр., которым в последнее время были посвящено несколько сравнительно-правовых исследований³.

---

¹ См., напр.: Постановление Советского районного суда г. Тамбова о прекращении уголовного дела и уголовного преследования принудительных мер воспитательного воздействия в соответствии с п.п. «б» и «г» ч.2 ст. 90 УК РФ № 1-164/2017 от 3.07.2017. Текст : электронный //Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL sudact.ru/regular/doc/iheI9smHIn5Q/; Постановление Орловского районного суда по делу № 1-26/2013 от 30 апреля 2013 г. Орловский районный суд. Дело № 1-26/2013г. Текст : электронный //Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL [//sudact.ru/regular/doc/DsZDHWkBg4oX/](http://sudact.ru/regular/doc/DsZDHWkBg4oX/) (Дата обращения : 22.11.2023).

² См.: Карнозова, Л., Максудов Р., Флямер М. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России // Российская юстиция. 2000. № 11. С. 19–21; Обидина, О. Б. Применение судами принудительных мер воспитательного воздействия: проблемы практики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. Выпуск 2(4). Государство и право: итоги XX века. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. С. 183–189.

³ См.: Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования) : монография. Москва : Юрлитинформ», 2022. 176 с.; Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. 205 с.

«Трансакцию», в отличие от медиационных примирительных процедур, относим к материально-компенсаторным процедурам, поскольку акцент в них делается не столько на примирение потерпевшего с обвиняемым с участием медиатора, сколько на материально-правовой аспект компенсации потерпевшему за причиненный ему преступлением вред. При этом роль медиатора, равно как морально-психологический аспект примирения – вторичны. Первичен посткриминальный, позитивно-деятельностный аспект, который распространяется на обвиняемого или на иное лицо, добровольно возмещающее вред от преступления.

На наш взгляд, эта модель близка процессуальному составу «деятельного раскаяния»¹. В то же время выступаем против жесткой трактовки деятельного раскаяния как сложного юридического состава, включающего в себя набор обязательных признаков. Полагаем, что набор таковых должен быть предметом соглашения сторон. Закон же предлагает таковые применительно к тем или иным ситуациям: увеличивая их набор в зависимости от общественной опасности содеянного и личности нарушителя уголовного закона.

Ядром этой разновидности примирительных производств являются процедуры, регулируемые статьями 28, 28.1 УПК РФ.

К понятию «трансакция» «*La transaction pénale*», имеющей французское происхождение, примыкает германское понятие «диверсия» (*Diversio*)², итальянская («*l'oblazione*»)¹.

---

¹ Наиболее близка к нашей трактовка деятельного раскаяния позиция об «усеченном» или «суррогатного» раскаянии», о чем уже указывали некоторые авторы.

См., напр.: Шерстнев, В. Б. Проблемы правовой регламентации прекращения уголовных дел за примирением сторон // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сборник трудов XIV Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (14–16 декабря 2017 г., г. Кострома) / сост. Д.Н. Лукоянов, А.С. Евстегнеев, И.Н. Мельников, О.В. Плюснина, А.Г. Сироткин, О.А. Тетерина; отв. ред. Г.Г. Бриль, В.В. Груздев. Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 434-439.

² См.: Шмоллер, К. Реформа уголовного судопроизводства Австрии. Статья 2. Новое в дознании // Уголовное судопроизводство. 2017. № 1. С. 37–42; Терехов, Е. В. Полномочия

Суть процедуры, которая обозначается указанными понятиями, заключается в выплате обвиняемым определенной суммы денег в возмещение ущерба, причиненного преступными действиями.

Присоединяемся к позиции противников концепции «чистосердечного раскаяния», подразумевающего исправительный, психологический аспект². Прежде всего по прагматическим соображениям: важнее материальная компенсация.

В отличие от медиационной процедуры примирение как таковое здесь не имеет принципиального значения, тем более речь не идет о деятельном раскаянии и прочих морально-воспитательных моментах. Здесь главное заключается в полной компенсации причиненного материального вреда. При этом, на наш взгляд, вопрос о возмещении морального или физического вреда не должен решаться в рамках классической «транзакции», поскольку она распространяется только не на насильственные преступления.

Отличие транзакции от медиации состоит также и в том, что выплата осуществляется не только потерпевшему, но и государству. Субъектом выплаты может быть не только обвиняемый, но и любое иное лицо, согласившееся это сделать в его интересах³.

Развитие такой модели вполне в духе призыва отказаться от распространенной следственной практики передавать в суд уголовные дела, которые должны быть прекращены в стадии предварительного

прокурора по разрешению уголовного дела в Австрийской Республике // Законность. 2011. № 3. С. 65–69.

¹ См.: Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования). С. 112–116.

² Как представляется, это устаревший подход, транслируемый еще из советского периода времени. См., напр.: Матвеева, Ю., Сумин А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Российская юстиция. 2001. № 9. С. 23–24.

³ См.: Шерстнев, В. Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2020. № 1 (51). С. 103–110.

расследования¹. Трансакция является механизмом выплаты определенной суммы денег обвиняемым в возмещение ущерба, причиненного преступными действиями. В современный период времени компенсаторный, материальный аспект, на наш взгляд, имеет существенное значение.

Наиболее близкой в модели трансакции является процедура, предусмотренная статьей 28.1 УПК РФ².

Большинство исследователей считает, что законодатель оправданно ввел этот механизм именно для экономических и налоговых преступлений, которые не представляют такой общественной опасности, как общеуголовные преступления³.

Наиболее полная отечественная модель «трансакции» воплощена в статье 28.1 УПК РФ. По мнению ряда авторов, законодатель оправданно ввел этот механизм именно для той категории преступлений, приведенные в частях 1 и 2 указанной статьи. Так, А.В. Смирнов пишет о якобы «экскузивной» (от лат. *excuso* – извинять, освобождать) природе экономических и «налоговых преступлений, которые в отличие от общеуголовных преступлений представляют меньшую общественную опасность и потому делают оправданным.

Однако, на наш взгляд, такой избирательный подход к применению трансакции для разрешения только экономических и налоговых уголовно-правовых конфликтов не вполне правомерен, ибо все равны перед законом и судом.

Разделяем подход, основанный на конституционном принципе равенства всех перед законом и судом, и признаем обоснованными доводы

---

¹ См.: Выступление президента России В.В. Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 28 февраля 2018 года. Текст : электронный //Президент России : [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 18.03.2023).

² См.: Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации. С. 23.

³ См.: Александров, А. С., Александрова И. А. Новеллы УК и УПК РФ о прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономики // Уголовный процесс. 2012. № 2. С. 10–18.

тех ученых, которые предлагают распространить трансакцию на ненасильственные преступления против собственности: кражи, мошенничество и пр.¹

Целесообразно расширить применение модели «трансакции», распространив ее на общеуголовные преступления против чужой собственности, такие как кража и мошенничество.

В этой связи поддерживаем вывод В.Б. Шерстнева о том, что правовые нормы, входящие в ст. 28.1 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ, образуют своего рода матрицу для развития договорно-компенсаторной модели урегулирования уголовно-правовых споров².

Примирение прямых участников незначительного уголовно-правового конфликта, непосредственно заинтересованных в его разрешении, должно вести к прекращению дел публичного и частно-публичного обвинения о преступлениях небольшой и средней тяжести.

В трансакционной модели соглашение и договор являются основообразующими, где заключение договора между обвиняемым и пострадавшим о возмещении ущерба в полном объеме и его выполнение обвиняемым порождают обязанность обвинителя отказаться от уголовного преследования, а суд – прекратить уголовное дело.

Процедура трансакции предусматривает выплату обвиняемым суммы денег в возмещение ущерба, нанесенного преступными действиями. От медиации она отличается тем, что не требует активного раскаяния, участия медиатора. Ее основной целью является возмещение материального ущерба в полном объеме; и процедура трансакции распространяется только на ненасильственные преступления. Как мы отметили выше, выплата может быть сделана не только потерпевшему, но и государству, а субъектом

---

¹ См.: Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования). С. 106–109; Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : монография. Москва : Юрлитинформ, 2023. С. 14, 28 и др.

² См.: Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 98.

выплаты может быть любое лицо, согласившееся это сделать в интересах обвиняемого¹. Последнее качество транзакции особенно отличает ее от медиационных процедур, где стороной обвинения, которая и примиряется с обвиняемым, понимается обычно потерпевший (частный обвинитель).

В исследованиях, посвященных российской модели транзакции отмечается, что если решение о прекращении дела не ограничивается возмещением обвиняемым вреда, причиненного преступлением, а также и наложением на него штрафных санкций, то это будет отдельная разновидность транзакции – штрафная². При этом желательно, чтобы данная процедура реализовывалась судебным органом³.

Итак, примирительные процедуры, на наш взгляд, следует делить на медиационные и транзакционные. Таковы две разновидности примирительных производств.

Соглашение – более широкое понятие, чем примирение, хотя в рамках примирения стороны могут достигать соглашения, заключать договоры. Однако, наличие только договорных отношений без подключения примирения недостаточно, чтобы трактовать примирительную процедуру как медиационную. В то время как в транзакционной модели соглашение и договор являются основообразующими: заключение договора с обвиняемым о возмещении ущерба в полном объеме и последующее выполнение обвиняемым взятой на себя обязанности порождает обязанность обвинителя отказаться от уголовного преследования, а суд – прекратить уголовное дело.

Несмотря на то, что во многом модели, входящие в состав уголовно-процессуальных примирительных процедур, совпадают, между ними есть и различие.

---

¹ См.: Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография. С. 67–68, 78; Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : монография. С. 8–12, 28, 132 и след.

² См.: Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 123.

³ См.: Там же. С. 123.

К медиационным процедурам правоприменителю следует прибегать в случаях, где важен примирительный, воспитательный аспект, хотя и компенсаторный момент также необходим.

Трансакция же должна более практиковаться для разрешения уголовно-правовых конфликтов, имеющих экономическую основу, где главное – это восстановление права частной собственности. На наш взгляд, в понятии медиационная примирительная процедура важен антропологический момент, должно быть примирение людей и раскаяние лица (несовершеннолетнего), совершившего преступление. Хотя и не всегда деятельное раскаяние. В случае же трансакции преследуется чисто прагматическая цель – восстановление отношения частной собственности, все остальные последствия являются сопутствующими.

Примирение в его сущностном смысле является базовой, несущей конструкцией во всех процедурах, где на основе примирения (формального), посредством достижения соглашения, договора и выполнения сторонами определенных законом действий правоприменитель ставится перед выбором прекращения уголовного дела – фактически по воле сторон.

Остановимся на некоторых проблемных аспектах примирительных процедур.

Прежде всего, надо объяснить причину, по которой мы не включили в их число процедуру, предусмотренную статьей 25.1, главой 51.1 УПК РФ, введенную в Уголовно-процессуальный кодекс Федеральным законом от 03.07.2016 N 323-ФЗ¹. Причем Верховный Суд России², выступивший

---

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ 31.07.2015 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс

инициатором ее создания, представил ее как разновидность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, что нельзя не принимать во внимание.

Авторы законопроекта, очевидно, исходили из того, что предлагаемая ими модель относится в процедуре освобождения от уголовной ответственности путем прекращения уголовного дела (уголовного преследования), то есть укладывается в существующую схему и направлена на ее совершенствование: «повышению эффективности института освобождения от уголовной ответственности» по нереабилитирующим основаниям¹. Иными словами, виделась параллель с основанием, предусмотренным статьей 25 УПК РФ, на что прямо указывает и локализация, и название статьи 25.1 УПК РФ:

Между тем, в самом тексте статьи 25.1 УПК РФ нет никакого упоминания о примирении сторон², акцент в названии ее делался на другом: замене уголовного наказания штрафом. Следуя буквальному толкованию,

---

Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Текст : электронный // Государственная Дума Федерального Собрания РФ : [сайт]. URL: [/https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6](https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6) (Дата обращения : 12.03.2023).

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Текст : электронный // Государственная Дума Федерального Собрания РФ : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (Дата обращения : 12.03.2023).

² Примечательно то, что в окончательной редакции статьи 25.1 УПК РФ не нашло отражение позиция автора законодательной инициативы о том, чтобы «предусмотреть позицию сторон по вопросу примирения в качестве составной части обвинительного заключения, обвинительного акта и обвинительного постановления по делам о преступлениях, указанных в статье 76 УК РФ (пункты 12, 15, 17 статьи 2 законопроекта); В случае поступления в суд уголовного дела без отражения мнения сторон по вопросу примирения данное обстоятельство предлагается рассматривать в качестве основания для возвращения уголовного дела прокурору (пункты 13, 19 статьи 2 законопроекта).

См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» Текст : электронный // Государственная Дума Федерального Собрания РФ : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (Дата обращения : 12.03.2023).

надо предположить, что именно в этом и состоит суть нового – упрощенного производства.

Очевидно, что изначально в эту процедуру закладывали несколько принципиальных моментов: во-первых, как разновидность примирения потерпевшего с обвиняемым, во-вторых, замена наказания штрафом, что формально позволяло трактовать нововведение как примирительно-штрафную модель разрешения уголовно-правового спора, в третьих, отличительной ее чертой является судебный порядок замены наказания штрафом, в четвертых, более широкий круг преступлений (по сравнению с предметом других примирительных процедур), на которые она распространяется.

К настоящему времени создан корпус знания об этом правовом явлении¹. Подчеркивается уникальность нового уголовно-процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности². Вместе с тем проводятся параллели с зарубежными уголовно-процессуальными формами замены уголовной ответственности иными мерами уголовно-правовых мер воздействия³.

Большинство ученых по инерции относят его к институту освобождения от уголовной ответственности; процедурам прекращения уголовного дела примирения потерпевшего с обвиняемым⁴. В этой связи указывается на то, что ст. 76.2 УК РФ выступает в качестве общей нормы, охватывающей все указанные основания освобождения от уголовной

---

¹ См.: Каматесов, П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма: диссертация ... кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2022. С. 11, 29–30 и др.

² См.: Полуэктов, А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа : теоретический и прикладной аспекты : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2018. С. 7-9.

³ См.: Полуэктов, А. Г. Указ. соч. С. 8.

⁴ См.: Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе - прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. № 3 (52). С. 165.

ответственности¹. В пользу этого мнения говорят локации процессуального основания в Уголовно-процессуальном кодексе, нумерация статьи, содержащей его, исходная установка Пленума Верховного Суда России при ее создании.

При этом указывают на преемственность этого института с ранее существовавшими процедурами освобождения от уголовной ответственности: в том числе, в связи с применением мер административного взыскания или общественного воздействия² и которые были отвергнуты постсоветским законодателем в виду новых правовых стандартов справедливости.

Многие называют данную процедуру по традиции упрощенным или сокращенным производством³, хотя отмечают, что не все эти качества определяют сущность ее⁴, признавая фактор «соглашательства».

Другие ученые-процессуалисты указывают на близость данной процедуры по своей судебной составляющей к процедуре, регулируемой ст. 427 УПК РФ, в рамках которой также судом решается вопрос об освобождении от уголовной ответственности и применении уголовно-правовой альтернативы наказанию.

Сторонники точки зрения на то, что это примирительная процедура, указывают, что исходным толчком для ее проведения является воля сторон,

---

¹ См.: Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе – прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. № 3 (52). С. 163–169.

² См.: Заключение Комитета конституционного надзора СССР «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека» от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. № 39. Ст. 775.

³ См., например: Шишов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 6, 8–11 и др.

⁴ См.: Каматесов, П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма : диссертация ... кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2022. С. 9, 21–24, 76 и др.

необходимо примирение, которое выступает «пусковым механизмом», а ходатайство следователя, дознавателя, обращённое к суду уже вторично¹.

Следуя общему смыслу закона, эти ученые не называют в числе «оснований» или «условий», или иного какого-либо конструктивного элемента данной процедуры примирение сторон.

Несмотря на превалирование точки зрения исключительно в контексте института прекращения уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям относительно нее ведутся споры и предлагаются иные версии ее природы².

В этом споре, на наш взгляд, более правы те, кто считает, что здесь отсутствует как таковое освобождение от уголовной ответственности и дело не прекращается, а находит альтернативное разрешение. Аргументируется это тем, что судебный штраф, является уголовно-правовой санкцией, мерой уголовно-правового характера, предусмотренной Уголовным кодексом³.

С нашей точки зрения, данная процедура должна быть квалифицирована как ускоренное производство применения меры уголовно-правового воздействия. Укажем доводы в пользу тезиса о том, что данную договорно-упрощенную процедуру надо отнести к ускоренным, а не примирительным производствам.

Первое, надо признать то, что примирение сторон здесь не главное, а, главное, как и в процедуре сокращенного дознания, согласие подозреваемого (обвиняемого) с утверждением, что он совершил преступление, и просьба рассмотреть дело судом в упрощенном порядке.

---

¹ Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе – прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. №3 (52). С. 166.

² См.: Кальницкий, В. В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 12–19; Ченцов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2018. 224 с.

³ См.: Кальницкий, В. В. Указ. соч. С. 12–19.

Мы считаем, что примирение здесь не главное, а сопутствующее обстоятельство, не оказывающего прямого непосредственного влияния на принятие решений: о переводе дела в новый правовой режим – вынесение в порядке, предусмотренном частью второй статьи 446.2 УПК РФ, постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Инициатор принятия решения о замене наказания штрафом – орган предварительного расследования, прокурор, суд – руководствуется целым комплексом обстоятельств, имеющих по делу, образующих юридический состав основания для такого исхода уголовного дела. И воля потерпевшего, обвиняемого, в том числе их согласие – не обязательны для правоприменителя.

Сбалансировать «абсолютную» зависимость потерпевшего, обвиняемого от волеизъявления дознавателя, следователя (как субъектов, полномочных возбуждать ходатайства перед судом о применении судебного штрафа) может решение суда, который принимает решение по заявленному ходатайству лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовному делу. Суд по своей инициативе прекращает уголовное дело или уголовное преследование и назначает судебный штраф¹. Данное обстоятельство справедливо оценивается как обеспечение баланса между сторонами защиты и обвинения².

Правильно отмечается, что удовлетворение судом ходатайства органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела и назначении штрафа возможно даже при наличии возражения потерпевшего,

---

¹ См.: Панько, Н. К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 120–127.

² См.: Панько, Н. К. Указ. соч. С. 120–127.

равно как и отсутствие возмещения причиненного ему ущерба или нанесенного вреда¹.

Прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа ближе к особым судебным производствам, в частности к сокращённому судебному разбирательству при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением².

Помимо этого, согласие требуется по целому ряду вопросов, от решения которых зависит данное производство:

(а) согласие обвиняемого с обвинением или признание обвиняемым³ своей вины в совершении инкриминируемого ему преступления⁴;

(б) согласие обвиняемого (подозреваемого) на такой исход дела в ходе досудебного производства или в суде⁵;

---

¹ См.: Ченцов, В. В. Указ. соч. С. 16–17.

² Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе – прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2017. №3 (52). С. 163–169.

³ Закон не обязывает выдвигать обвинение против обвиняемого и получать от него признательные показания как условие перевода дела в режим упрощенного производства. Напротив, пропуск процедуры предъявления обвинения допускается в качестве упрощения. Хотя, по мнению, например, А.А. Давлетова, более продуктивной практика прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа в отношении обвиняемого, но не подозреваемого (См.: Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе - прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа. С. 165). Полагаем, что напротив – в контексте «упрощения» следственная процедура выдвижения обвинения и получения официального согласия с обвинением здесь избыточна.

⁴ Сторонники следственной парадигмы настаивают на том, что согласие обвиняемого в качестве условия прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям свидетельствует о полном признании им своей вины в совершении инкриминируемого деяния. Только лицо, считающее себя невиновным, может возражать против прекращения уголовного дела.

См.: Якубова С.М. О прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Академическая мысль. 2019. №3 (8). С. 36; Шишов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 29.

⁵ Такова позиция Пленума Верховного Суда РФ (См.: пункт 6 постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам

(в) согласие обвиняемого с видом и размером возмещения вреда, подлежащего им возмещению¹;

(г) согласие подозреваемого, обвиняемого на рассмотрение судом материалов прекращенного уголовного дела с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, выраженного в процессуальном документе, в котором это согласие должно быть отражено². Сам же факт примирения сторон, равно как и отношение потерпевшего не столь значимы для органа предварительного расследования и суда при принятии процессуальных решений по делу³.

Некоторые из исследователей⁴ верно отмечают то, что введение судебной процедуры принятия окончательного решения по делу о применении меры уголовно-правового воздействия является не только безусловным шагом вперед, но и привело к созданию новой – «судебной» модели упрощенного производства⁵. На наш взгляд, это является одним из перспективных направлений модернизации договорно-упрощенных производств.

Между тем, введение исключительно судебного порядка осуществления уголовно-правовым воздействием в виде штрафа вместо наказания ошибочно трактуют как форму судебного контроля⁶, а не как

совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2016. 7 декабря. Она широко распространена и в науке.)

См.: Шишов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 10.

¹ См.: Давлетов, А. А. Указ. соч. С. 166; Шишов, В. В. Указ. соч. С. 12, 13.

² См.: Ченцов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2018. С. 16–17.

³ См.: Панько, Н. К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 120–127.

⁴ См.: Давлетов, А. А. Указ. соч. С. 167.

⁵ См.: Там же. С. 168.

⁶ См.: Ченцов, В. В. Указ. соч. С. 17.

самостоятельную – судебную часть единой процедуры «ускоренного производства».

Напротив, усматриваем, что здесь судебная процедура является составной частью общего – упрощенного порядка применения уголовного закона, что дает нам еще одно основание для отнесения ее не к примирительным производствам, для которых подобный обязательный – судебный атрибут не присущ.

Как пишет В.В. Кальницкий, рассматриваемая единоличная деятельность суда по своей сущности одинаково далеко отстоит как от производства в суде первой инстанции, так и от оперативно-судебного контроля в досудебном производстве. Поэтому, с его точки зрения, производство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа¹ является не вполне оптимальным.

Ю. Л. Никифоренко принципиальное новшество процедуры, предусмотренной 51.1 УПК РФ, усматривает в становлении состязательно-судебной разновидности упрощенной формы применения уголовно-правовых норм, новой упрощенной модели правоприменения, которая является переходом к новой уголовной политике противодействия преступности, не представляющей особой угрозы безопасности государству и обществу².

Заслуживают разбора также и некоторые другие оценки анализируемой процедуры.

Существует точка зрения о несочетаемости дознания в сокращенной форме с процедурой по применению основания, предусмотренного ст. 25.1 УПК РФ, 76.2 УК РФ³. Как пишет В.В. Шишов, наличие основания для прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с

---

¹ Кальницкий, В. В. Указ. соч. С. 17.

² См.: Никифоренко, Ю. Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика : диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2018. С. 14.

³ См.: Шишов, В. В. Указ. соч. С. 9-10.

назначением судебного штрафа должно исключать производство дознания в сокращенной форме¹.

Между тем, такую возможность, напротив, допускает сам автор законодательной инициативы², а также некоторые ученые³, что подтверждается и на практике. Дознание в сокращенной форме может завершиться возбуждением ходатайства органом дознания перед судом о замене наказания штрафом. Значит, как минимум, в данном случае обнаруживается не столько примирительная процедура прекращения уголовного дела, сколько упрощенный порядок применения уголовного закона – суммарное, даже можно сказать «приказное» производство, о котором будет говориться в следующем параграфе.

Нельзя не согласиться с выводом о том, что у обвиняемого есть выбор при окончании предварительного расследования в любой форме заявить ходатайство или применении процедуры, предусмотренной главой 40 УПК РФ или процедуры, регулируемой главой 51.1 УПК РФ⁴. «По сути, это конкуренция двух вариантов завершения производства по делу, право выбора из которых принадлежит стороне защиты»⁵. Данный аспект также можно трактовать как аргумент против включения анализируемого договорно-упрощенного производства в систему примирительных процедур.

Если нет потерпевшего или существуют препятствия для такого исхода, то или сокращенное дознание или переход на процедуру, ведущую к

---

¹ См.: Там же. С. 9.

² В пояснительной записке в числе итоговых процессуальных документов, с которыми уголовное дело направляется в суд, наряду с обвинительным заключением, обвинительном акте, указывалось и обвинительное постановление.

См.: Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Текст : электронный // Государственная Дума Федерального Собрания РФ : [сайт]. URL: .<https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (Дата обращения : 22.04. 2023)

³ См. об этом, напр.: Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе - прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа. С. 164-65; Ченцов. В. В. Указ. соч. С. 12.

⁴ См.: Давлетов А.А. Указ. соч. С. 166.

⁵ См.: Там же. С. 166.

замене наказания штрафом. Если же тяжесть преступления, личность обвиняемого не позволяют реализовать альтернативную меру уголовно-правового воздействия в виде штрафа, то с его согласия может быть реализовано сокращенное дознание и особый порядок судебного разбирательства – как упрощенно-договорная (сокращенная) форма применения смягченной меры уголовно-правового воздействия.

Трудно согласиться с тем, что вариант прекращения дела по основанию, предусмотренному статьей 25.1 УПК РФ, как, впрочем, и по любому другому нереабилитирующему основанию, избирает сам подозреваемый с участием адвоката-защитника¹.

Здесь снова проявляется критерий для классификации договорно-упрощенных процедур: различие в мере частного, влиянии его на движение и исход дела воли сторон (договоривающихся).

В исследованиях укрепилось мнение о том, что процедуру замены наказания судебным штрафом надо понимать как упрощенную процессуальную форму производства по уголовному делу в отношении обвиняемого (подозреваемого), хотя только в части судебного разбирательства². Акцент на упрощении, а не на примирении сторон, в трактовке правовой сущности этой процедуры надо признать оправданным. Верным является и указание на родство в области доказывания между сокращенным дознанием и процедурой замены наказания штрафом³.

Таким образом, присоединяемся к мнению, согласно которому процедуру, предусмотренную главой 51.1 УПК РФ, в которой применяется основание разрешения уголовно-правового спора, предусмотренное статьей 25.1 УПК РФ, надо наряду с дознанием в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ) считать уголовно-процессуальной судебной моделью,

---

¹ См.: Там же. С. 166.

² См.: Шишов, В.В. Указ. соч. С. 178-184.

³ См.: Там же. С. 180.

обеспечивающей баланс частных и публичных интересов при взаимовыгодном разрешении дела органом правосудия¹.

Данную процедуру следует рассматривать не столько как примирительную, сколько как разновидность ускоренного производства, то есть согласие подозреваемого с подозрением и на примирение с потерпевшим должно, на наш взгляд, приводить к переходу на производства дознания в сокращенной форме и последующим выходом органа дознания с согласия прокурора в суд для применения к обвиняемому вместо наказания штрафа. Если же применение штрафа не предполагается, то примирением потерпевшего с обвиняемым при наличии всего комплекта оснований и условий должно влечь прекращение дела по статье 25 УПК РФ. При возможности выбора приоритет в применении должен отдаваться примирительной модели, как более гуманной и отвечающей интересам непосредственных участников уголовно-правового конфликта. Ускоренная модель применения уголовно-правового закона выглядит более жестким вариантом разрешения уголовно-правового спора, чем примирительная.

При наличии основания для освобождения от уголовной ответственности в первую очередь подлежат применению они. При этом прекращение уголовного дела по основанию, предусмотренному статьей 25.1 УПК РФ, является наиболее близкой к императивно-правовой и менее диспозитивной. Одновременно, она является более договорной, согласительной в сравнении с дознанием в сокращенной форме, которое чревато наиболее неблагоприятным уголовно-правовым исходом для обвиняемого и должно применяться при невозможности использования иных более гуманных форм разрешения уголовно-правовых конфликтов².

---

¹ См.: Давлетов, А. А. Указ. соч. С. 164–165.

² См.: Шерстнев, В. Б. Прекращение уголовного дела (преследования) в связи с досудебным урегулированием уголовно-правового спора как альтернативный исход уголовного процесса // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях: сборник статей Международной научно-практической конференции (Уфа, 17 октября 2021 г.). Уфа: OMEGA SCIENCE, 2021. С. 106–109.

Многие авторы в целом критически оценивают редакцию ст. 25.1 УПК РФ и процедуру замены уголовного наказания штрафом, усматривая в ней угрозу нарушения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, нарушение принципов состязательности, права на защиту¹. Мы же связываем усовершенствование данного правового механизма с переносом его на иную модель – сокращенного производства.

Наш предварительный вывод состоит в том, что: это такая разновидность договорно-упрощенного производства, которая в силу развитости в нем частно-диспозитивного договорного начала, не может быть отнесена к примирительным процедурам, а более близка приказному суммарному производству.

Что касается перспектив совершенствования уголовно-право-процессуального механизма примирительной модели разрешения уголовно-правового спора, то большинство исследователей видят их в свете традиционной модели прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и предлагают усовершенствование отдельных его деталей². Мы же усматриваем эту перспективу не столько в контексте дифференциации примирительных производств и ускоренных. На наш взгляд, размывание границ между ними в законодательстве, смешение их в теории, ведет к правовой неопределенности и снижению потенциала тех и других.

Надо исходить, что ускоренное уголовно-процессуальное производство, к которому следует отнести и процедуру замены наказания штрафом (ст. 25.1, глава 51.1 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ), является хотя и договорно-упрощенным производством, но производством публичным,

---

¹ Подробнее об этом будет сказано в следующем параграфе.

² См., например: Гриненко, А. В. Судебный штраф и реалии его применения в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 35–39; Давлатов, А. А. Указ. соч. С. 168-169; Ченцов, В. В. Указ. соч. С. 9, 189; Шишов, В.В. Указ. соч. С. 12, 211; Якубова, С.М. О прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Академическая мысль. 2019. № 3(8). С. 35–39.

односторонним – следственным, не диспозитивным. Это приказная, суммарная процедура, которая находится в распоряжении органа публичного уголовного преследования, а не в распоряжении сторон, потерпевшего – обвиняемого. Здесь есть договор в его элементарном виде, но и приказ. Дознание в сокращенной форме, процедура замены наказания штрафом, их комбинация в виде дознания в сокращенной форме плюс замена наказания штрафом (главы 32.1 и 51.1 УПК РФ) – это есть сокращенная уголовно-процессуальная форма.

В заключение будет уместным привести примечательный вывод Ю.Л. Никифоренко о различии между «упрощением» и «ускорением» правоприменения. Не сопротивление стороны защиты уголовному преследованию, а тем более сотрудничество с органами публичного уголовного преследования, включая такую его разновидность как деятельное раскаяние, ускоряет любое производство. Но упрощением формы можно признать только специально предусмотренные законом процедуру, которая ведет к применению уголовного закона¹. По мнению этого автора, процедуры прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным статьями 25, 28, 28.1, 427 УПК РФ, по другим нереабилитирующим основаниям, можно считать упрощенными уголовно-процессуальными формами, основанными на примирении сторон².

Выскажем предварительно свое мнение относительно направлений развития института примирения в отечественном уголовно-процессуальном праве.

В целом признаем необходимость расширения применения примирительных процедур в отношении различных категорий преступлений,

---

¹ См.: Никифоренко, Ю. Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2018. С. 8-9, 180-186.

² См.: Никифоренко, Ю. Л. Указ. соч. С. 184.

включая не только экономические и налоговые, но также общеуголовные преступления против собственности¹.

Присоединяемся к мнению о том, что дальнейшее совершенствование примирительных процедур должно привести к созданию прокурорской и судебной моделей их реализации².

Как следует из самих названий, в прокурорской модели – решение о прекращении досудебного уголовного преследования принимает прокурор. При этом, если освобождение от уголовной ответственности помимо возмещения вреда (транзакция) или примирения (медиация), предполагает еще и выплату штрафа, то прокурор выносит соответствующий приказ.

В прокурорской модели прокурор принимает решение о прекращении досудебного уголовного преследования или дела при наличии юридического состава того или иного нереабилитирующего основания.

В судебном формате транзакция или медиация может реализовываться следственным судьей – в ходе досудебного производства или судом, в производстве которого находится уголовное дело.

Наложение же штрафа выходит за рамки примирительного производства. Штраф налагается государством в лице суда или иного органа государственной власти. Можно допустить в качестве субъекта уполномоченного на наложение штрафа прокурора. Но общий порядок – судебный и потому процедуру, включающую применение штрафной санкции вместо наказания, надо отнести к другому рода упрощенных процедур.

В судебном формате транзакция или медиация может реализовываться следственным судьей в ходе досудебного производства или судом, в производстве которого находится уголовное дело.

---

¹ См.: Александров, А. С., Андреева О. И., Зайцев О. А. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Вестн. Том. гос. ун-та. 2019. № 448. С. 199-207; Смирнов, А. В. Российский уголовный процесс : необходима новая модель // Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 283–284.

² См.: Шерстнев, В. Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме. С. 109.

Выводы по параграфу.

Термин «договор» позволяет понять сущность многообразных, различающих между собой процедур, образующих альтернативу обычному следственно-судебному порядку производства уголовных дел. Вторым атрибутом этих процедур является упрощение (сокращение) процедуры в виду избыточности некоторых элементов процессуальной (следственной) деятельности по выяснению фактических обстоятельств бесспорного дела и установлению основания для применения смягченной обычной или альтернативной меры уголовно-правового воздействия к лицу, согласившему с выдвинутым против него обвинением и на такой исход.

Договорно-упрощенные производства – это различные упрощенные производства, имеющие договорную природу, которая в той или иной мере затрагивает доказывание и уголовное преследование.

В основу классификации этих производств надо положить степень развития в них договорного начала или договорных уголовно-процессуальных отношений. В мере и формах проявления договорного начала можно увидеть богатство и разнообразие этих процедур, перспективу их развития.

Следует выделить три вида договорно-упрощенных производств. По мере развития в них договорных отношений можно расположить их в такой последовательности: (1) сокращенные-ускоренные производства, (2) примирительные производства, (3) согласительные производства, которые включают в себя норм глав 40-40.1 УПК РФ.

К «примирительным процедурам» в полном смысле (с учетом специфики примирения по делам частного обвинения) можно отнести процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, статьей 25, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ. Вместе с уголовно-правовыми нормами (ст. 75-76.1 УК РФ) они образуют материально-процессуальный механизм разрешения уголовных дел – через достижение сторонами примирения, которое утверждается решением

правоприменительного органа об освобождении от уголовной ответственности.

Примирительные договорно-упрощенные производства – это различные упрощенные производства, имеющие средне-выраженную, сдержанную договорную природу, включающие ту или иную разновидность согласия сторон и реализуемые в режиме упрощения к освобождению от уголовной ответственности наряду с подтверждением факта совершения преступления обвиняемым и вытекающими из этого неблагоприятными правовыми последствиями для него.

Примирением в широком смысле можно признать самый широкий круг процедур и через компромисс – ответ как на основной, так и иные вопросы, подлежащие разрешению по уголовному делу. В нашем понимании примирение – это всегда отношения частных лиц, людей и, если речь идет о потерпевшем – еще и юридического лица. Государство или должностное лицо государственного органа не может примириться с человеком – обвиняемым. Примирение является особым видом договора сторон по отдельному вопросу или относительно разрешения уголовного дела (уголовно-правового конфликта).

Примирительные производства — это одна из позитивно-правовых форм реализации уголовно-процессуальных договорных отношений сторон относительно исхода уголовного дела.

Главным квалифицирующим признаком «примирительных процедур» является то, что они являются инструментом досрочного, в том числе досудебного разрешения уголовного дела (спора) по существу, без вынесения приговора судом. Но ограниченность ее договорной сущности состоит в ее принадлежности к дискреционному правоусмотрению органа (предварительного расследования), в производстве которого находится уголовное дело.

Отличительными чертами примирительных производств являются следующие материально-правовые и процессуальные моменты:

(1) такой исход уголовного дела уместен только если предметом выдвинутого обвинения является преступление небольшой или средней тяжести (уголовный проступок);

(2) основой данной процедуры является примирение между потерпевшим и обвиняемым, которое представляет собой правовое ядро диспозитивного уголовно-процессуального отношения между частными лицами, воля которых для органа, в чьем производстве находится уголовное дело, не является обязательной;

(3) частное лицо, а именно потерпевший или частный обвинитель, выступает как субъект примирения со стороны обвинения, но не «государство» в лице правоохранительных органов;

(4) примирение сторон создает возможность для прекращения уголовного дела, но не обязывает к такому решению правоприменителя;

(5) возмещение вреда, причиненного преступлением, является важным, а иногда и главным условием¹ прекращения уголовного дела;

(6) примирительная процедура обязательно включает согласие обвиняемого с (а) обвинением и (б) прекращением дела по данному основанию;

(7) судебная составляющая является факультативной, но не обязательной конструктивной частью этих производств. Они состоятельны и в рамках предварительного расследования.

Полная, двусоставная процедура, договорно-упрощенного производства, предусмотренная главой 51.1 УПК РФ не вписывается в эту модель, так содержит обязательную – судебную составляющую. Другой причиной отнесения данной процедуры не к примирительным, а к разряду договорно-упрощенных производств является то, что нормы, содержащиеся в статье 25.1, главе 51.1 УПК РФ не содержат никакого указания на примирение обвиняемого с потерпевшим. Поэтому событие примирения (между потерпевшим и обвиняемым) здесь не главное, а сопутствующее

---

¹ Так обстоит процедура, предусмотренная статьей 28.1 УПК РФ.

обстоятельство, не оказывающего прямого непосредственного влияния на принятие решений:

а) о переводе дела в новый правовой режим – вынесение в порядке, предусмотренном частью второй статьи 446.2 УПК РФ, постановления о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого;

б) о назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Главным здесь является соглашение обвиняемого и органом предварительного расследования на переход на упрощенный режим реализации уголовно-правового воздействия, а не примирение.

Несмотря на то, что процедура, регулируемая статьей 427 УПК РФ, формально не отвечающая признакам примирительного производства, концептуально должна быть отнесена к ним, ибо она обязательно включает в себя в качестве обязательного условия примирение обвиняемого с потерпевшим с участием или без медиатора, как составную часть воспитательного воздействия с целью восстановления и ресоциализации. Поэтому концептуально процедура, предусмотренная статьей 427 УПК РФ, входит в систему медиационных примирительных договорно-упрощенных производств.

Конструкция процедур, регулируемых статьей 427 и ст. 25.1, глава 51.1 УПК РФ, включающая обязательную судебную составляющую, представляет собой базовую модель для одного из направлений модернизации договорно-упрощенных производств.

Примирительные процедуры следует разделять на «медиационные» и «транзакционные».

К медиационной разновидности примирительных производств надо отнести процедуры, предусмотренные ч. 2 ст. 20, статьями 25 УПК РФ. Они выделяются следующими качествами:

1) в своей основе они имеют примирение потерпевшего с обвиняемым, воля этих частных лиц выступает исходным началом данного производства;

2) воля и договор сторон в лице непосредственных участников уголовно-правового конфликта уравнивается и до известной степени обнуляется волей органа публичного уголовного преследования, органа в чьем производстве находится уголовное дело;

3) исход производства определяется волей закона, проводником которого является органы обвинительной и судебной властей, которые не связаны договором сторон;

4) набор условий прекращения дела в рамках примирительной медиационной процедуры определяется законом, а не сторонами;

5) отсутствует требование в законе к оформлению соглашения сторон о примирении и прекращении производства по делу;

6) в роли медиатора может выступить орган, ведущий производство по делу, что повышает уровень публичности процедуры;

7) полное возмещение вреда и вообще возмещение вреда потерпевшему не является главным, а тем более решающим условием прекращения уголовного дела;

8) возможно помимо возмещения вреда в материальном эквиваленте иное заглаживание, в том числе прощения потерпевшим.

Вторая разновидность примирительных уголовно-процессуальных производств – компенсаторно-восстановительная – близка к модели деятельного раскаяния. Ядром этой разновидности примирительных производств являются процедуры, регулируемые статьями 28, 28.1 УПК РФ. К ним примыкает процедура прекращения уголовных дел по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ.

Отличительными признаками ее являются, во-первых, необязательность примирения сторон; во-вторых, она возможна по делам, в которых нет потерпевшего, в-третьих, главным условием прекращения дела (уголовного преследования) служит возмещение вреда в денежно-материальном выражении, в-четвертых, наряду с возмещением вреда на

обвиняемого могут быть наложены штрафные санкции во внесудебном порядке.

Автор выступает сторонником общедоступности компенсаторно-восстановительной процедуры, регулируемой статьей 28.1 УПК РФ, для всех лиц, участвующих в уголовных делах о преступлениях небольшой и средней тяжести.

Для обеих разновидностей примирительного уголовно-процессуального производства характерна умеренная выраженность договорного начала, которое сдерживается правоусмотрением органа предварительного расследования, в чьем производстве находится уголовное дело. Не воля договорившихся о примирении сторон является движущей силой, а воля закона в исполнении органов обвинительной и судебной властей государства.

Примирительные процедуры имеют большой потенциал по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в контексте ювенального правосудия¹.

2.2 Ускоренные процедуры применения мер уголовно-правового воздействия

В настоящем параграфе предметом рассмотрения станут уголовно-процессуальные формы оказания уголовно-правового воздействия в ускоренном правовом режиме. Это бесспорные уголовные дела об очевидных преступлениях небольшой и средней тяжести. В основе таких ускоренных, упрощенных процедур лежит как правило согласие обвиняемого с

---

¹ В тексте параграфа использовались ранее опубликованные работы автора: Колесник, В. В. Примирительные производства в уголовном процессе //Мировой судья. 2023. № 7. С. 8-14; Колесник, В. В. К вопросу о возможных направлениях модернизации примирительных уголовно-процессуальных процедур // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2022. № 4. С. 74–81.

выдвинутым против него обвинением. Мы ранее уже выделили их в разновидность договорных уголовно-процессуальных производств¹.

На наш взгляд, это отдельная сфера договорных уголовно-процессуальных отношений, в предмет которых входят как (1) формула подозрения, предмет уголовного преследования, обвинение, так и (2) доказывание: способ установления фактических обстоятельств по делу, их объем. Хотя закон эти вопросы прямо не регулирует, ограничиваясь формальными критериями при проведении сокращения: сокращение срока процедуры, отказ от следственной формы выдвижения обвинения, некоторых других элементов полной следственной формы.

Как представляется, данные процедуры можно отнести к универсальной модели суммарного производства², которая достаточно распространена в современных уголовно-процессуальных порядках³. Их прообраз имеет давнюю историю⁴. Такого рода процедуры имелись как в русском дореволюционном уголовном судопроизводстве, советском уголовном процессе, так и в современном процессе. И очевидно, как феномен реального уголовного судопроизводства он существовал всегда, хотя и не будучи оформлен в законодательстве официально.

Целью настоящего параграфа является поиск оптимальной для отечественного самобытного типа уголовного судопроизводства модели

---

¹ См.: первый параграф первой главы настоящей диссертации.

² Здесь и далее будем использовать этот термин не в узком, а широком значении, смысл которого разъясним.

³ Потребность в создании такой разновидности договорно-упрощенных производств осознается практиками, что показывают данные опросов.

См.: ответы на вопросы №№ 13, 13.1 Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 13, 13.1 Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 13, 13.1 Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 13, 13.1 Приложение № 4.

⁴ Основательные исследования истории упрощенных форм в русском уголовном процессе имеются в целом ряде работ.

См., напр.: Лось, С. Л. Протокольное производство в уголовном процессе. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. 236 с.; Качалова, О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. Москва : Юрлитинформ, 2015. 203 с.; Свиридов, М. К., Пилюк, А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. 346 с.

суммарного или приказного производства по уголовным делам об «уголовных проступках»¹ для реализации уголовно-правового воздействия, включая альтернативные меры к виновникам уголовных проступков (преступлений небольшой тяжести) и преступлений средней тяжести.

Будем исходить из определения суммарного производства как упрощенной и ускоренной формы процесса по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности при определенных условиях, главным из которых является согласие обвиняемого с выдвинутым против него обвинением, с вынесением приговора² или иного судебного акта о применении меры уголовно-правового воздействия.

Прибегнем к понятию «ускоренное производство» для обозначения только одного из видов договорно-упрощенных производств, в отличие от тех ученых, которые, напротив, используют его для маркировки всей совокупности «особых» процедур по уголовным делам. По их мнению, понятие «ускоренное производство» в наибольшей степени отражает аксиологию, основное назначение этих производств. Оно заключается не в упрощении уголовного процесса, не в сокращении каких-то его элементов, а в его ускорении и рационализации с тем, чтобы достигнуть назначения уголовного судопроизводства кратчайшим экономичным путем³. Как уже отмечалось, автор в определении сущности анализируемого явления мы поставили во главу угла не ускорение, а договор. На наш взгляд, ускорение имеет квалифицирующее значение только для одного из видов договорно-

---

¹ Несмотря на то, что законопроект об уголовных проступках «завис», мы видим в нем потенциал. Кроме того, данное понятие ранее имело место в русском законодательстве, например, в статье 1 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Поэтому далее будем использовать это понятие.

² См.: Уголовный процесс : учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : КНОРУС, 2008. С. 349–350; Гуценко, К. Ф., Головкин Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. Москва : Зерцало-М, 2001. С. 270.

³ См.: Качалова, О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 35–36; Качалова, О.В., Герасенков В.М. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей. С.103-121.

упрощенных производств – суммарных. Именно в них помимо договорности и упрощенности фактор ускорения приобретает особое отличительное значение.

Отметим еще один недостаток в концепции «общего ускоренного производства». Его создатели подменяют его «общим ускоренным досудебным производством», которое, по их мнению, характеризуется установлением сокращенным по сравнению с предварительным следствием сроком предварительного расследования, а также изъятием из порядка процессуальной регламентации отдельных следственных и процессуальных действий¹. Здесь авторы не только неправомерно отождествляют общее ускоренное производство, то есть досудебное и судебное, с одним только досудебным производством, но и упускают главные объекты ускорения: (а) порядок выдвижения обвинения – привлечение к уголовному преследованию и (б) доказывание – установление основания для уголовно-правового воздействия.

На наш взгляд, ускорение проявляется не буквально, а по причине упрощения полной следственной формы, в том числе через установление более коротких сроков (дознания, дознания в сокращенной форме). Поэтому можно констатировать своего рода стимулирование правоприменителя к ускорению через «гармонизацию» процессуальной формы².

С учетом фундаментального значения следственной формы и для института доказывания, и для института обвинения, можно предположить, что первичными признаками ускоренного производства является некое «упрощение» обвинения и доказывания, как в формальном, так и содержательном отношениях. Как правильно было подмечено другим автором, следует говорить не об упрощении формы уголовного

---

¹ См.: Качалова О.В., Герасенков В.М. Указ. соч. С.103-121.

² См.: Кесаева, М. С. Дифференциация форм досудебного производства по уголовным делам: доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М. П. Полякова и Д. В. Наметкина. Нижний Новгород : НА МВД России, 2015. Вып. 21. С. 46–51.

преследования, а об упрощении формы установления органом предварительного расследования основания для применения (им самим в том числе) уголовного закона¹.

Эти два соображения вполне разделяются нами при оценке опытов по созданию российского суммарного – ускоренного производства по уголовным делам и при авторской классификации ускоренных производств.

«Суммарное производство» существует во всех странах, с различными правовыми системами². Но, естественно, национальная традиция и уровень правового развития накладывают самобытный отпечаток на него. Такое имеет место и в российском уголовном судопроизводстве.

По нашему мнению, под это понятие подпадают две современные уголовно-процессуальные формы: дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), предполагающее рассмотрение дела судом в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, и производство по замене наказания штрафом (ст. 25.1, глава 51.1 УПК РФ). И в том и другом случае конечным результатом ускорения является смягченный вариант уголовно-правового воздействия.

Как уже было сказано в предыдущем параграфе³ вторая процедура должна быть квалифицирована не как примирительная, и не как прекращение уголовного дела (преследование) и именно как такая разновидность упрощенного производства как ускоренная процедура. Причем не только

---

¹ См.: Никифорова, Ю.Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика. С. 196.

² См. об этом, напр.: Волеводз, А. Г., Литвишко П. А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 38–41; Волынская, О. В. Ускоренное производство в уголовном процессе : учебное пособие. Москва, 1994. 84 с.; Папков, С. В. Роль, место и характерные черты дифференцированных форм досудебного производства в наиболее экономически развитых западных государствах и отдельных государствах СНГ (США, Великобритания, Германия, Франция, Р. Беларусь, Р. Казахстан) // Вестник Академии права и управления. 2017. № 3 (48). С.82-88. Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования) : монография. С. 128–130.

³ Это как бы пограничная уголовно-процессуальная форма. Но при том больше есть доводов считать ее не примирительной, а ускоренной. За исключением тех случаев, когда дело, завершаемое расследованием в форме дознания и предварительного следствия, прекращается судом в первой или второй инстанции по данному основанию.

тогда, когда предварительное расследование велось в форме сокращенного дознания, но и тогда проводилось следствие или дознание. Суть ускорения в данном случае состоит в переходе от обычного порядка завершения следствия или дознания к направлению ходатайства органа предварительного следствия или органа дознания. Подчеркнем еще раз и то, что освобождения от уголовной ответственности здесь не происходит. Происходит своего рода трансформация этой ответственности из обычной в альтернативную. Наиболее характерным примером этого является процедура применения статьи 76.2 УК РФ – назначение судебного штрафа за совершенное преступление. Как указывается в науке здесь имеет место явление изменение правового режима наказуемости¹, но не отмена наказания как такового и тем более не декриминализация.

Разделяем мнение тех ученых², которые оценивают эти процедуры как не самую удачную попытку взрастить институт суммарного производства на нашей уголовно-процессуальной почве.

Одной из возможных причин этого можно признать негативный исторический опыт процессуального упрощенчества, который имел место в годы сталинских репрессий. Отторжение попыток любого процессуального упрощенчества дает о себе знать до сих пор – в виде озабоченности формальными гарантиями прав личности. Именно это негативное отношение к ее упрощенчеству в развитии отечественной доктрины воплотилось в учение о предварительном следствии как единой, необходимой формы предварительного расследования. Эта позиция была воплощена в Концепции

---

¹ См.: Качалова, О.В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе: монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 37.

² См., напр.: Кудряшова, Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве : монография. Москва : Юрлитинформ, 2022. 34 с.; Власова, С. В., Кесаева М. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам : монография. Москва : Юрлитинформ, 2019. 84 с.; Марковичева, Е. В. Реалии и перспективы ускоренного производства в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 7. С. 49–50.

судебной реформы¹ что, в свою очередь, сказалось на последующих попытках создания отечественной модели упрощенного - «суммарного производства».

Она оказала решающее влияние, во-первых, на формирование общей концепции об устройстве досудебного производства по уголовным делам, для которой предварительное следствие – первичная, а дознание как вспомогательная форма предварительного расследования², а, во-вторых, как следствие из первого - на отказ от протокольной формы, как ускоренной формы производства по уголовному делу.

В качестве исходного пункта можно принять утверждение о том, что для предварительного следствия трудно приемлема договорная модель формирования доказательств обвинения и основания для исхода процесса. В нем возможен только один вариант договора – досудебное соглашение о сотрудничестве, что трактуется как договор о формировании определенной суммы обвинительных доказательств во взаимодействии с обвиняемым. В отечественном уголовно-процессуальном праве исходным материалом (образцом) для создания отечественной модели суммарного (приказного) производства можно считать «дознание»³. В меньшей степени за такую базовую модель можно принять производство у мирового судьи.

---

¹ См.: Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435; Концепция судебной реформы в Российской Федерации / [Сост. С. А. Пашин]. Москва : Верховный Совет Рос. Федерации : Республика, 1992. 110 с.

² См.: Мичурина, О.В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел: диссертация ... доктора юридических наук. Москва : Моск. ун-т МВД РФ, 2008; Василенко, Л. А., Науменко О. А. Дознание в сокращенной форме и его эффективность в досудебном производстве // Общество и право. 2013. № 2 (44). С.143-147.

³ См. об этом: Кесаева, М. С. К вопросу о поиске оптимальной формы дознания по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии 2017. № 37(1). С. 112–115; Марковичева, Е. В. Реалии и перспективы ускоренного производства в российском уголовном процессе. С. 49–50; Рябинина, Т. К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства // Российский следователь. 2013. № 19. С. 44–48

Исторически дознание считается ускоренной (упрощенной) формой досудебного производства по делам об очевидных преступлениях незначительной общественной опасности. Субсидиарным признаком такого вида предварительного расследования можно также считать бесспорность дела, очевидность преступления, которая является предметом расследования – дознания.

В этом исходном пункте сходятся позиции ведущих ученых, которые изучали проблематику упрощения досудебного производства в современных условиях¹.

Впрочем, некоторые исследователи ускоренное производство трактуют как институт, нормы которого регулируют производство по отдельным категориям уголовных дел, осуществляемых в особой процессуальной форме, в основе которой лежит сокращение процесса доказывания². Исходя из этого, О.В. Качалова причислила к видам ускоренного производства: особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ), досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ) и дознание в сокращенной форме с последующем рассмотрением дела в ускоренном порядке.

Полагаем мнение о единой аксиологической сущности этих производства ошибочным. Общее у этих трех производств только в том, что их процедура включает особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ. Между тем досудебное производство как при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, так и при заявлении обвиняемым ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке, происходит в общем порядке. Законом никакого упрощения или ускорения досудебного производства при этом не предусмотрено. Ошибочным является

---

¹ См.: Мичурина, О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы реализации в органах внутренних дел. С. 22–25; Кудряшова, Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве: монография. С. 8, 13.

² См.: Качалова, О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе. С. 16, 17.

и утверждение о том, что во всех этих производствах имеет место сокращение доказывания¹, ибо сокращение досудебного доказывания имеет место при проведении дознания в сокращенной форме.

Спорной является и классификация процессуальных моделей ускоренного досудебного производства, которую приводит ученик О.В. Качаловой – В.М. Герасенков: дознание в общем порядке; дознание в сокращенной форме; протокольное досудебное производство². Некорректно ставить в один ряд позитивно-правовые модели и модель, существовавшую в прошлом. При том, что существующее производство, предусмотренное главой 51.1 УПК РФ, игнорируется.

Полагаем, что упрощенное (сокращенное) производство включает упрощение (сокращение) не только доказывания, но всей процессуальной деятельности. Поэтому верно то, что сокращение должно проявляться как в досудебной, так и судебной частях производства, в том числе и в доказывании.

Детерминантой упрощения является уголовно-правовая составляющая. Так, О.В. Качалова указывает, что по общему правилу ускоренные производства должны проводиться по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести³. Можно считать этот материально-правовой показатель ускоренных производств общепризнанным.

Именно по данной категории преступлений законодатель считал оправданными упрощение и ускорение производств по уголовным делам. Делалось это им многократно с различным успехом.

Коротко обозначим основные свершения отечественного законодателя по поиску оптимальной модели суммарного производства.

---

¹ О сокращении доказывания можно говорить только применительно к судебному следствию.

² См.: Герасенков, В. М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2020. С. 16-17.

³ См.: Качалова, О.В. Указ. соч. С. 20.

Изначально концепция русской модели суммарного производства в виде полицейского дознания определилась в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. (УСС) и даже несколько ранее – в связи с введением института предварительного судебного следствия и нового прокурорского надзора за досудебным производством.

По УУС полицейское дознание разделалось на две разновидности: как самостоятельная форма предварительного расследования и как первоначальная, в том числе негласная форма расследования, предшествовавшая предварительным следствию, на которое был уполномочен судебный следователь, позиционировавшийся как орган судебной власти.

Дознание и первоначальный полицейский розыск составляли, прежде всего, стадию досудебного процесса выявления и раскрытия преступления: «негласный розыск, начатый Полицией по поводу дошедшего до нее слуха об учинении преступления, сам-собою, если выясняется что преступление было действительно совершено, переходит в дознание и, наконец, в предварительное следствие, причем эти три стадии процесса могут наступить без инициативы естественного обвинителя – Потерпевшего или заменяющего его государственного обвинителя – Прокурора»¹. Современники подчеркивали инквизиционный, односторонний характер такой модели досудебного расследования, но вместе с тем подчеркивали ее принадлежность к общей – континентальной модели (включая французскую модель). И в этом видели ее оправдание, хотя и предлагали реформировать – через усиление права на защиту лица, являющегося объектом дознания и предварительного следствия².

Между тем, не всякое начатое полицией уголовное расследование – дознание – переходило в предварительное следствие. Согласно статье 251

---

¹ Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М. Н. Гернета. Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. Вып. 3. Статьи 249-594. С. 583.

² См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. С. 584–585.

УУС в случае, если преступление было подсудно мировому судье уголовное дело, законченное дознанием, направлялось полицией в этот судебный орган для рассмотрения по существу.

В соответствии со ст. 3 УУС по уголовным судам подсудным мировым установлениям обличение обвиняемых перед судом предоставляется наряду с частным обвинителем полицейским, а также другим административным властям, в пределах установленных законом.

Порядок направления уголовных дел полицией мировому судье и последующие действия мирового судьи по их рассмотрению регулировались статьями 42, 49-51 УУС¹.

Одним из условий такого исхода дознания являлось бесспорность дела или иначе – очевидность преступления, ибо в саму концепцию мирового правосудия была заложена идея о мирном улаживании уголовно-правовых конфликтов².

И потому в вышеуказанные разновидности дознания, как полицейского расследования, можно усматривать если не суммарное производство, то элементы национальной модели упрощенного производства, в котором неизбежно присутствуют договорные уголовно-процессуальные отношения.

Отметим, также, что уже здесь определилось будущее разделение двух форм дознания: (1) дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие не обязательно и (2) дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, которое было официально закреплено в советском уголовно-процессуальном праве.

---

¹ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. проф. М. Н. Гернета. Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. Вып. 1. Ст. ст. 1–84. С. 211–214.

² См.: Анциферов, К. Д. Наблюдение над уголовной практикой нашей пров. мир. юстиц. // Юридический вестник. 1883. Кн.1 С. 124–125; Таубер, Л.Я. Жалоба потерпевшего при преступлениях неофициальных. Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1909. С. 300–301; Щегловитов, И. О прекращении уголовного преследования // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 10. С. 37–81; Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. Вып. 2. Ст. ст. 85–248. С. 343.

Именно с первой моделью дознания мы связываем последующие попытки создания отечественной модели суммарного производства.

Знаменательно также и то, что в соответствии со статьями 47-49, 64 УУС обвинение у мирового судьи по делам, законченным дознанием, также осуществляла полиция. «Под полицейскими властями, которые в местных судах заменяют прокуратуру в деле уголовного преследования, разумеются органы полиции общегосударственной, т.е. столичной, губернской, земской и городской»¹.

Считаем признаком «настоящего» суммарного производства наличие упрощения не только досудебной, но и судебной составляющих. В данном случае усматривается сочетание между полицейским дознанием и производством у мирового судьи с участием представителя полицейской власти.

Статья 51 УУС предусматривала ситуации, в которых задержанный «обвиняемый» немедленно приводился к мировому судье: 1) когда застигнутый при совершении проступка неизвестен полиции и не представит удостоверения о своем имени, фамилии и месте жительства и 2) когда по делам о преступных действиях, за которые в законе положено заключение в тюрьме или наказание более строгое, есть повод опасаться, что обвиняемый скроется или уничтожит следы преступного действия.

Согласно ст. 51.1 УУС лица, задержанные в порядке ст. 51, должны быть в течении 24 часов по задержании или освобождены или приведены к мировому судье. На основании ст. 51.2 УУС мировой судья не позже 24 часов по доставлении к нему задержанного обязан опросить последнего и вынести решение или о его освобождении, или о его дальнейшем задержании.

В соответствии со ст. 91.1 УУС если обвиняемый признал себя виновным по предъявленному обвинению и его признание не вызывает

---

¹ См.: Фойницкий, И. Я. Курсь уголовного судопроизводства : в 2 томах. 3-е изд., пересм. и доп. Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1910. Т. 2. С. 26.

сомнений, то судья может приступить к постановлению приговора, не производя дальнейших исследований.

Право судьи в целях ускорения производства перейти после допроса признавшегося обвиняемого к постановлению приговора относится к его дискреционному правоусмотрению¹. Статья 116 УУС предписывала, чтобы разбирательство и решение каждого дела происходили у мирового судьи по возможности в одно заседание.

Итак, субъектами ведения такого процесса выступали чины полиции² и мировой судья без вмешательства судебного следователя и прокурора. Предметом этих процедур являлись уголовные проступки и малозначительные преступления.

Каких-либо более детальных указаний на особенности этой процедуры, а тем более выработки соглашения сторон о ее проведении, закон того времени не предусматривал. Поэтому и в доктрине не сложилось отчетливого представления о таком – особом процессуальном способе применения уголовного закона. Хотя в некоторых работах того времени на это имеются отдельные указания на то, что наряду с полноформатным досудебным производством, включающем предварительное следствие, существует и полицейское дознание как самостоятельный способ досудебной подготовки бесспорного уголовного дела для рассмотрения мировым судьей³.

Таким образом, полагаем, что в период действия УУС в российском империи имелась национальная модель суммарного производства в виде полицейского дознания, как досудебного производства, и рассмотрения

---

¹ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. М. Н. Гернета. Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. Вып. 2. Ст. ст. 85–248. С. 325.

² Но также и представители различных административных и общественных учреждений: лесные, таможенные, акцизные чины, казенная палата, цензурное и духовное ведомства и пр.

См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий/ под общ. ред. М. Н. Гернета. Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. Вып. 3. Статьи 249–594. С. 584.

³ См., напр.: Поппе, К. О дознаниях производимых Полициею, и порядке их рассмотрения // Журнал министерства юстиции. 1861. Т. 10, Кн.2. С. 22–36; Долопчевъ, В. Участие полиции в производстве гражданских дел. Руководство для полиции. Москва, 1901. С. 17–19.

уголовного дела мировым судьей с участием в качестве публичного обвинителя – представителя органа полицейского дознания. Если кратко, то его схему можно обозначить как полицейское дознание плюс рассмотрение дела мировым судьей без участия прокурора.

Разумеется, ни о каких договорных отношениях между стороной обвинения в лице субъекта дознания и стороной защиты в то время речь не шла. Доктрина созрела для такой трактовки только на определенном уровне, который констатируется в настоящий период времени. Однако, все предпосылки для особой – упрощенной процессуальной формы досудебной подготовки и разрешения бесспорных уголовных дел о преступлениях небольшой общественной опасности уже создались. Причем в равной мере эти предпосылки имелись как в модели полицейского дознания, так и в производстве у мировых судей.

Можно согласиться¹, что данная уголовно-процессуальная модель вполне может быть оценена как первое отечественное настоящее суммарное производство², встроенного в общую уголовно-процессуальную систему, достаточно высокого уровня развития. Попытки ее воспроизводства в новых условиях предпринимал и советский, и постсоветский законодатель.

Советский законодатель при создании модели упрощенного судопроизводства сделал несколько новых шагов, не все из них можно оценить однозначно положительно.

Во-первых, был реализован принцип приравнивания дознания к следствию и «единства работы следственно-розыскных органов», который нашел выражение в резолюции V Всероссийского Съезда Деятелей Советской Юстиции и затем был усвоен той новой редакцией УПК РСФСР,

---

¹ Такое мнение разделяют многие ученые, исследовавшие историю русского суммарного производства.

См., напр.: Лось, С. Л. Протокольное производство в уголовном процессе. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 236 с.

² Его ускоренность, срочность определяется тем, что оно измеряется часами и определителями как «немедленно», «за одно заседание».

которая была установлена на основании постановления 2 сессии ВЦИК XI созыва¹.

Советский уголовно-процессуальный кодекс четко зафиксировал в статье 98 разделение дознания на два вида: дознание по уголовным делам, по которым предварительное следствие является обязательным и дознание, по делам, по которым акты органа дознания могут служить основанием к преданию обвиняемых суду без производства дознания.

Как отмечалось в одном из первых комментариев к УПК РСФСР (1923 г.), если при состязательном типе процесса в предварительном производстве различаются дознание, как внесудебное исследование дела, и предварительное следствие, как судебное исследование его, то последнее может начаться не иначе, как при наличии уголовного иска, т.е. обвинения, предъявленного обвинителем к определенному лицу в определенном преступлении².

Как указывали специалисты, при розыском типе процесса этой грани между дознанием и предварительным следствием нет: предварительное следствие, как и дознание, может начаться без уголовного иска в собственном смысле слова; для начатия предварительного следствия, как и дознания, достаточно «поводов к возбуждению уголовного дела» при отсутствии прямого обвинения кого-либо в преступлении, как это имеет место в нашем предварительном следствии, в основу которого положено розыскное начало³.

Согласно статьям 101, 105 и другим статьям УПК РСФСР по окончанию уголовного дела в форме дознания его материалы направлялись непосредственно органом дознания в суд, которому подсудно уголовное дело. Срок такого дознания был установлен сроком в один месяц.

---

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс: научно-популярный, практический комментарий / профессоров П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского. Москва : Изд-во «Право и Жизнь», 1928. С. 98.

² См.: Полянский, Н.Н. Понятие уголовного иска // Право и жизнь. 1926. Кн. 4–5. С. 75–87.

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс: научно-популярный, практический комментарий / профессоров П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского. С. 99–100.

Рассмотрение дела, законченного дознанием, осуществлялось в общем порядке. Поэтому данную форму дознания нельзя в полной мере квалифицировать как настоящее суммарное производство. Оно является на наш взгляд, аналогом современного дознания, регулируемого главой 32 УПК РФ.

Между тем в первом УПК РСФСР имелась и сокращенная форма досудебной подготовки (дознания), которая предусматривалась статьей 104 УПК РСФСР и которая сочеталась с особым порядком судопроизводства в дежурной камере народного суда (статьи 360-365 УПК РСФСР) и вынесением по делу судебного приказа (статьи 366-371 УПК РСФСР). Это нововведение можно оценивать вторым шагом по созданию советской модели упрощенного – суммарного производства.

Согласно статьям 104, 361 УПК РСФСР (1923) органом дознания направлялись в течение 48 часов в дежурные камеры народных судов те уголовные дела о задержанных, которые, по мнению органов дознания, осуществивших задержание, не требуют расследования, то очевидные, и (или) по которым обвиняемый признает себя виновным. Одновременно с делом в дежурную камеру доставляется обвиняемый и вещественные доказательства, а также в случае необходимости – свидетели.

В статье 366 УПК РСФСР определялся круг статей уголовного кодекса, по которым рассмотрение уголовного дела могло быть произведено в порядке вынесения судебного приказа.

Народный суд был вправе принять дело к немедленному рассмотрению в дежурной камере, если (1) признает, что имеющиеся в деле материалы достаточны, (2) дело вполне выяснено (ст. 362 УПК РСФСР), и (3) в случае явной бесспорности. По результатам рассмотрения дела, в том числе заочно, суд был уполномочен на постановление приговора судебным приказом, т.е. без судебного разбирательства. При этом явившемуся в судебное заседание обвиняемому не могло быть отказано в даче объяснений (ст. 367 УПК РСФСР).

Согласимся с тем, что это уже был подход к настоящему суммарному производству¹, хотя в отсутствие ряда существенных гарантий прав обвиняемого, которая делала данную процедуру уязвимой для произвола правоохранительных органов.

По причинам главным образом политико-правового свойства данная первая национальная форма суммарного производства оказалась несостоятельной ни в практическом, ни в доктринальном плане. Она перестала применяться к середине 1930-х годов, когда ей на смену пришло политизированное упрощенное производство в отношении врагов народа², которое не имеет никакого отношения к нормальному уголовному процессу³ и надолго «отбило» желание экспериментировать с упрощением уголовно-процессуальной формы.

Впоследствии М.С. Строгович назвал это «процессуальным упрощением»⁴, искажением законности, следственно-судебной практики⁵.

Таким образом, можно констатировать первый опыт создания в отечественном уголовно-процессуальном праве «суммарного производства», отличительными признаками которого является:

- 1) системное, сквозное упрощение досудебного и судебных производств;
- 2) бесспорность дела и очевидность преступления;

---

¹ См.: Никифорова, Ю.Л. Советская модель производства по уголовным делам в дежурных камерах народного суда как основа создания современного суммарного производства // Вестник Краснодарского университета МВД России. Краснодар. 2016. № 4 (34). С. 58–62.

² Этому посвящена довольно объемная литература, причем не только уголовно-процессуальная, так что вопрос этот можно считать достаточно освещенным, чтобы добавить к ответу на него что-либо новое.

См.: Лось, С.Л. Указ. соч.

³ Разбирательство по делу осуществляли «особые совещания», «двойки», «тройки», которые не являлись органами судебной власти, соответственно, их деятельность носила противозаконный характер. Деятельность указанных органов была осуждена и упразднена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 г.

⁴ Этот штамп и поныне используется для критики попыток создания суммарного производства в отечественном уголовном процессе.

⁵ Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 116.

- 3) небольшая общественная опасность совершенного преступления;
- 4) задержание подозреваемого с поличным;
- 5) переход на исчисление сроков производства в часах (что говорит о радикализме упрощения). Факультативным признаком ее можно считать согласие (подразумеваемое) обвиняемого с выдвинутым обвинением.

В следующем советском кодексе – УПК РСФСР (1960 г.) изначально также дознание было дифференцировано на две формы, а именно: дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно – как первоначальная часть полноформатного предварительного расследования (ст. 119 УПК РСФСР), и дознание по делам, по которым предварительное следствие не обязательно – как «упрощенный вариант» предварительного следствия (ст. 120 УПК РСФСР).

Отказ от некоторых элементов предварительного следствия, главный из которых воплотился в сокращение общего срока – один месяц (ст. 121 УПК РСФСР) не позволяет, конечно, констатировать появление настоящего суммарного производства.

Его появлению препятствовало устрашение в виде «процессуального упрощенчества». Советский законодатель этого периода, будучи озабочен восстановлением социалистической законности и созданием гарантий от произвола карательных органов в историческом контексте изживания культа личности, был негативно настроен к более или менее глубокой дифференциации уголовно-процессуальной формы в сторону упрощения.

В науке господствовала позиция противников¹ любого упрощения формы предварительного расследования (досудебного производства), а тем

---

¹ Во главе этой позиции стоял академик М.С. Строгович и другие известные ученые, которые принимали участие в формировании научной основы постсоветской уголовно-процессуальной политики (как, например, И.Л. Петрухин).

См., напр.: Строгович, М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 8. С. 65–66; Элькин, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976; Петрухин, И.Л., Морщакова Т.Г., Батуров Г.П. Теоретические основы эффективности правосудия. Москва : Наука, 1979. С. 142; Петрухин, И. Л. Об упрощенной (протокольной) форме расследования преступлений //

более судебной формы. По мнению приверженцев единой (следственной) уголовно-процессуальной формы, любые попытки ее упрощения не согласуются с правом¹.

Между тем, практическая потребность в создании реального суммарного производства пересилила изначальную опаску перед процессуальным упрощенчеством² и привела к созданию новой советской вариации упрощения досудебной процедуры появилась в виде протокольной формы.

Первым шагом к ее созданию стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», которым 24 августа 1966г. УПК был дополнен специальным разделом: «Производство по делам о хулиганстве». В 1977 году такой порядок был распространен на мелкие хищения, не представляющие большой общественной опасности. И наконец, как завершение развития этой тенденции Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 г.³ была введена протокольная форма досудебной подготовки материалов, которая регламентировалась главой 34 УПК РСФСР.

По оценке ученых протокольная форма представляла собой самостоятельный вид упрощенного порядка производства по уголовным делам о преступлениях, не представлявших повышенной общественной

Проблемы правосудия и уголовного права. Москва: Изд-во ИГиП АН СССР, 1978. С. 53; Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР: Теоретическая модель / под ред. В.М. Савицкого. Москва : Изд-во ИГПАН СССР, 1990. С. 11.

¹ См.: Петрухин, И.Л. Оптимальная уголовно-процессуальная форма // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности: 40 лет военно-юридического образования в СССР : сборник статей. Москва : Изд-во Воен.ин-та, 1977. С. 106–107.

² См.: Якимович, Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 106.

³ Указ Президиума ВС РСФСР от 24.01.1985 "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР"// Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163 (утратил силу).

опасности, круг которых определен в ст. 414 УПК РСФСР¹ и совершенных в условиях очевидности².

Представляет также интерес квалификация протокольной формы как «сокращенного дознания»³, по созданию и оптимизации которого в дальнейшем будут предприниматься усилия российского законодателя. В то

---

¹ На момент своего наибольшего развития, то есть после принятия закона РФ от 29.05.1992 № 2869-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судеустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР, а также закона РФ от 21 декабря 1996 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса РФ», протокольная форма распространилась более чем на сорок составов преступлений.

См.: Указ Президиума ВС РСФСР от 24.01.1985 "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР" // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 5. Ст. 163 (утратил силу). ; Закон РФ от 29.05.1992 N 2869-1 (ред. от 14.11.2002) "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судеустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР" // Российская газета. 1992. № 151. 3 июля (утратил силу); Федеральный закон от 21.12.1996 N 160-ФЗ (ред. от 26.02.1997, с изм. от 18.12.2001) "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации" // Российская газета. 1996. № 246. 25 декабря (утратил силу).

² См.: Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. П.А. Лупинской. Москва, 1997. С. 542–546; Уголовный процесс: учеб. для вузов / под общ. ред. А.С. Кобликова. Москва : Норма, 1999. С. 327–332; Уголовный процесс: учебник / под ред. И.Л. Петрухина. Москва : Проспект, 2001. С. 469–473; Лось, С. Л. Протокольное производство в уголовном процессе. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 73; Трубникова, Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: диссертация ... кандидата юридических наук. Томск, 1998. С. 143–144.

³ См.: Гусева, И. И. Сокращенные производства в российском уголовном процессе: генезис, становление и пути оптимизации на современном этапе. С. 40; Никифоренко, Ю.Л. Новое – хорошо забытое старое : советская протокольная форма как перспективная модель суммарного производства по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3(35). С. 174–179; Она же. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика. С. 11, 144-146, 176; Селютин, А. Н., Сапрыкин Н. Н. Протокольная форма досудебной подготовки материалов: Перспективы возвращения в уголовный процесс России // Досудебное производство: проблемы и перспективы: материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой. Москва : Московский университет МВД России, 2007. С. 61–66.

же время трудно согласиться с мнением о том, что протокольная форма являлась исключительно упрощением досудебного производства¹.

Напротив, с нашей точки зрения, достоинством протокольной формы как суммарного производства являлось и то, что оно распространялось и на судебное производство: ст.ст. 418–419 УПК РСФСР.

Надо также подчеркнуть наличие преемственности протокольной формы с ранее существовавшими в отечественном уголовном судопроизводстве упрощенными процедурами, на что проницательно обратил внимание С.Л. Лонь².

Нельзя не отметить такого феномена как умножение процессуальных форм предварительного расследования, произошедшего в результате введения института протокольной формы, как (а) сочетание протокольной формы и дознания и создание особого 20-суточного дознания в результате решения прокурора (ст. 416 УПК РСФСР), (б) протокольной формы и предварительного следствия (ст. 417 УПК РСФСР). Подобное суммирование форм шло против установления настоящего суммарного производства. Эффект избыточной дифференциации уголовно-процессуальной формы неизбежен в условиях доминирования формы предварительного следствия. В известной мере можно согласиться с выводом в том, что созданию настоящего суммарного производства в России мешает институт предварительного следствия и доктринальная позиция, согласно которой идеальным является расследование, проводимое следователем³.

Как уже отмечалось выше, протокольная форма досудебной подготовки материалов представляла собой упрощенную процессуальную форму досудебного производства, но имела выход и на судебное

---

¹ См.: Степанова, И. А. Протокольная форма досудебной подготовки материалов. Москва, 1989. С. 15.

² См.: Лонь, С. Л. Протокольное производство в уголовном процессе. С. 112.

³ См.: Александров, А. С. Вечно вчерашние: уголовно-процессуальный кодекс РФ, его писатели и читатели // 20 лет действия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: уроки и перспективы: тезисы докладов и сообщений международной научно-практической конференции (26–28 мая 2022 г.) / пред. редкол. А.В. Павлов. Омск : Омская академия МВД России, 2022. С. 7–11.

производство. Это проявлялось в том, что согласно ч. 1 ст. 418 УПК РСФСР, судья, признав протокол и приложенные к нему материалы достаточными для рассмотрения в судебном заседании, выносил постановление о возбуждении уголовного дела или отказывал в возбуждении дела, если полагал, что отсутствуют необходимые для этого основания.

Именно эта норма впоследствии была признана Конституционным Судом РФ противоречащей Конституции РФ¹, что стало началом конца данного института и очередного захода на создание в нашей правовой системе нормального суммарного производства.

Доводы Конституционного Суда РФ, впоследствии неоднократно воспроизводимыми противниками упрощенчества в отечественном уголовном судопроизводстве, состояли в том, что суд не должен брать на себя функцию обвинения через принятие решения о возбуждении уголовного дела. Впрочем, сторонники сохранения протокольной формы указывалось на то, что запрет на возбуждение уголовного дела, не должен препятствовать применению протокольной формы в остальной части².

С учетом позиций ряда ученых³ можно говорить о том, что производство с протокольной формой досудебной подготовки материалов имело все признаки настоящего упрощенного – суммарного производства, которое характеризовалось наличием особенностей в порядке, условиях, формах осуществления уголовно-процессуальной деятельности, распространявшихся на все этапы движения дела и приводящих к ускорению

---

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // СЗ РФ. 1996. № 50. Ст. 5679.

² Уголовно-процессуальное право: учебник / под общ. ред. П.А. Лупинской. С. 544–545.

³ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : [Учеб. для вузов по направлению и специальности "Юриспруденция" / Алексеева Л. Б., Давыдов В. А., Дьяченко М. С. и др.]; Под ред. П. А. Лупинской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юристъ, 1997. С. 542–546; Уголовный процесс: учеб. для вузов / под общ. ред. А.С. Кобликова. Москва : Норма, 1999. С. 327–332; Уголовный процесс: учебник / под ред. И.Л. Петрухина. Москва : Проспект, 2001. С. 469–473.

и удешевлению судопроизводства¹. Вполне оправданна, с нашей точки зрения, и аналогия, проводимая некоторыми авторами между советской протокольной формой подготовки материалов «с различными упрощенными формами производства по уголовным делам, практикуемыми во многих странах (как с романо-германскими, так и с англосаксонскими правовыми системами), в частности суммарным (упрощенным) производством по делам о преступлениях, не представляющих существенной опасности, в США»².

Главным изъяном, сыгравшим роковую роль в ее дальнейшей судьбе, стало участие суда в возбуждении уголовного дела³. Этот урок надо усвоить при создании суммарного производства: активность суда должна вписываться в стандарты «справедливого» - состязательного судопроизводства, в котором суду формально запрещено брать на себя функцию обвинения.

Можно констатировать если не преимущество, то некую тенденцию к поиску оптимальной модели суммарного производства, уместного для национальной уголовно-процессуальной системы. «Протокольная форма стала неким индикатором тенденций развития уголовного судопроизводства, отразила некогда существовавшую отечественную практику в предыдущих этапах развития уголовного процесса, когда большая часть дел рассматриваемой категории относилась к ведению местных судебных установлений»⁴.

---

¹ См.: Трубникова, Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России: диссертация ... кандидата юридических наук. Томск, 1998. С. 143–144; Хупсergenов, Х.М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов по уголовным делам: взгляд в прошлое // Теория и практика общественного развития. 2015. № 8. С. 97–100.

² Хупсergenов, Х.М. Указ. соч. С. 97–100.

³ В этом Конституционный Суд России усмотрел противоречие Конституции России. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Российская газета. 1996. 6 декабря.

⁴ Лось, С.Л. Протокольное производство в уголовном процессе. С. 113.

На наш взгляд, эти черты преемственности, и можно сказать закономерности, проявляются в следующем: 1) дознание (полицейское) как исходная модель для упрощения досудебной части суммарного производства, 2) сокращение выразилось в исключении следственной формы предъявления обвинения, упрощении процедуры окончания расследования, (3) упрощение распространяется не только на досудебное производство, но и на производство в суде, (4) решающая роль прокурора в определении судьбы данного производства: только через прокурора принимается решение о направлении дела в суд, хотя гособвинение может им не поддерживаться, (5) исчисление сроков процедуры в часах, (6) возможность перехода на режим обычного производства по воле обвиняемого, (7) наличие судебного контроля, (8) гарантия свободы от самоизобличения в лице защитника¹. В своей совокупности, на наш взгляд, эти признаки указывают на наличие правового суммарного производства.

Таким был исходный материал и опыт для экспериментов по упрощении процессуальной – следственной формы развития отечественного уголовно-процессуального права. Постсоветский законодатель проделал тот же путь, что и его советский предшественник.

Новый этап в истории попыток сформировать в отечественном уголовном судопроизводстве оптимальную национальную модель суммарного производства связан с созданием, принятием и совершенствованием УПК РФ (2001 г.). Все началось практически с самого начала, повторением ранее пройденного пути.

В концепции УПК РФ были заложены идеи Концепции судебной реформы о предварительном следствии как основной форме досудебного производства и отказа от упрощенчества. При таком подходе дознание задумывалось как умеренный вариант упрощения досудебного производства, при котором упрощение не выходило за пределы досудебного производства и

---

¹ Ускорение подчеркивают использование в законе понятий «немедленно», в течение одного судебного заседания.

не затрагивало судебную часть процесса. Оно изначально была единственной, альтернативной предварительному следствию, процессуальной формой предварительного расследования по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно (п. 8 ст. 5 УПК РФ). Однако, суммарным производством эту форму дознания нельзя назвать по причине ее малого отличия от предварительного следствия – полной формы досудебного производства¹.

И хотя в законе об этом прямо не говорилось, но доктринально было признано то, что дознание, во-первых, является упрощенной формой предварительного расследования, в отличие от предварительного следствия. Во-вторых, для производства дознания необходимо согласие обвиняемого с «обвинением».

Нельзя не отметить, что в проекте первого российского кодекса можно найти и другие попытки создания ускоренной процедуры, включающей досудебное производство в форме дознания и поддержание обвинения в суде представителем органа дознания.

Так, в пункте шестом статьи 5 Проекта УПК РФ указывалось, что «государственный обвинитель» – это должностное лицо прокуратуры, а также органа дознания – по поручению прокурора, поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу. В части 4 статьи 321 Проекта УПК РФ также указывалось на то, что государственное обвинение в судебном заседании может поддерживать должностное лицо

---

¹ Изначально, то есть в проекте и первоначальной редакции кодекса предусматривались признаки «суммирования»: в части первой статьи 223 УПК РФ указывалось, что дознание проводится по уголовным делам, возбужденным в отношении конкретных лиц, то есть раскрытия «очевидного» преступления не требовалось; срок дознания составляет 15 суток, который мог быть продлен прокурором, но не более чем на 10 суток (часть вторая статьи 223 УПК РФ). Однако, Федеральным законом от 06.06.2007 № 90-ФЗ эти требования к порядку производства дознания были отменены, и оно стало разновидностью обычного расследования, отличающегося от предварительного следствия субъектом проведения, порядком предъявления обвинения, окончания и сроками (до 12 мес.).

органа дознания – по поручению прокурора. На получение органом дознания новой процессуальной роли было обращено внимание в научной печати¹.

В последующем эти атрибуты дознания отпали, и оно стало клоном предварительного следствия, мало напоминающего настоящее суммарное производство. Это стало общепризнанным в науке фактом, который оценивался по-разному: с одной стороны, приверженцами унификации уголовно-процессуальной формы, а с другой стороны – ее дифференции, а по факту – упрощения (сокращения). Между тем ввиду актуальной потребности в аналоге суммарного производства начались поиски более удобной и надежной формы разрешения бесспорных уголовных дел об очевидных преступлениях незначительной общественной опасности².

Заформализовав досудебное производство и убедившись в его неэффективности, законодатель стал искать выход из проблемной ситуации: как ускорить производство по «простым» уголовным делам об очевидных преступлениях, которых всегда большинство. Инициатором создания новой разновидности суммарного производства стал Президент России после совещания с руководством Главного управления МВД по Тульской области³.

Дознание в сокращенной форме, как отдельное производство по уголовному делу было введено ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении

---

¹ См.: Александров, А. С., Белов С.Д. Поддержание государственного обвинения в суде: новая роль дознавателя // Российская юстиция. 2002. № 12. С. 43–45.

² Введению дознания в сокращенной форме предшествовало обсуждение нескольких законопроектов проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)», разработанный Академией управления МВД России. См. об этом: Circumcisio дознания : публикация от 22.12.11. – Текст : электронный //Международная Ассоциация содействия правосудию : [сайт]. URL: <https://www.iauaj.net/node/1260> (Дата обращения : 22.06.2023).

³ См. об этом: Никольский, А., Бирюкова Л.Дмитрий Медведев сократил сроки дознания : публикация от 11 марта 2012.Текст : электронный // Ведомости : [сайт]. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/03/11/ubrat_ponyatyh (Дата обращения 23.06.2023).

изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ»¹.

Этому институту посвящена обширная литература². Среди ученых распространено мнение, что создать отечественный аналог суммарного производства опять не получилось³.

Осмысление итогов создания и применения на практике очередного упрощения досудебного производства в виде сокращенного порядка производства дознания⁴, приводит к определению контуров желаемого и

---

¹ Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

² См., напр.: Андреева, О. И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2014. № 4(14). С. 5–13; Алиммирзаев, А. А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 2014; Мищенко, Е.В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2014; Долгов, А. М. Дознание как форма предварительного расследования: автор. диссертация ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2016; Зотова, М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2016; Качалова, О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: автор. диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2016; Пестов, А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: диссертация ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2016; Сыдыгалиев, М. А. Дифференциация формы досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2016; Пиюк, А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: диссертация ... доктора юридических наук. Томск, 2017; Ярыгина, Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме: диссертация ... кандидата юридических наук. Самара, 2017.

³ См.: Андреева, О. И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2014. № 4(14). С. 5–13; Сумин, А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса // Адвокат. 2013. № 10. С. 5–8; Зайцева, Е. А. Новый «Закон о сокращенном дознании» и регламентация использования специальных познаний в досудебном производстве по уголовным делам, или «хотели как лучше, а получилось как всегда...» // Российский судья. 2013. № 4. С. 36–39.

⁴ См.: Зотова, М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2016. С. 163; Никифоренко, Ю.Л. К вопросу о возможной модели суммарного производства по уголовному делу для уголовного процесса России // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: сборник научных трудов / под ред. М.П. Полякова, Д.В. Наметкина. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. Вып. 22. С. 128–132; Осипов, Д. В., Кузнецова Н.А., Нагаев Е.А. Особенности

пока только отчасти реализованного проекта российского суммарного производства. Они, на наш взгляд, таковы.

1. Материально-правовой (уголовно-правовой) компонент данного ускоренного уголовно-процессуального производства. Предметом его выступают преступления, не представляющие большой общественной опасности и отнесенным законом к категории преступлений небольшой или средней тяжести (указанных в пункте 1 части третьей статьи 150 УПК РФ) или «уголовные проступки».

Эта общепризнанная материально-правовая составляющая механизма суммарного производства. Очевидно, она правильно определена в позитивно-правовой модели дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ).

2. Структура позитивно-правовой модели упрощенного производства, включающего дознание в сокращенной форме и судебное разбирательство в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, в целом сконструирована верно.

Важное конструктивное упрощение состоит в замене следственной формы выдвижения обвинения – процедурой ознакомления с обвинительным постановлением, что является уже апробированным ходом по упрощению правовой конструкции обвинения в модели дознания. Это безусловно необходимый элемент правовой конструкции надлежащего суммарного производства, который может технически доработан до выдвижения обвинения в суде, о чем будет сказано в заключительной главе диссертации.

В целом, надо отметить в качестве позитивного момента сокращение двойное: упрощение дознания и одновременно судебное разбирательство по делу происходит в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ¹. Полагаем, что это обязательный признак подлинного суммарного производства.

производства дознания в сокращенной форме: научно-практическое пособие. Москва, 2015. С. 34–47.

¹ Как уже отмечалось, считаем наличие двойного упрощения (возможность такового) обязательным настоящего суммарного производства.

Однако, именно в этом видят основной порок анализируемой процедуры сторонники следственной формы. Характерным в этом плане является опасение Я. Шараевой насчет того, что особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме не могут гарантировать вынесение судом законного и обоснованного решения. В свою очередь суд, не должен исходить из того, что признание вины подсудимым является «царицей доказательств»¹.

3. Фактический аспект анализируемой модели суммарного производства неоднозначен. С одной стороны, в статье 226.5 УПК РФ предусмотрен перечень конкретных «упрощений» в области доказывания, что демонстрирует реальное желание законодателя упростить его. Более того, возможность и реальность упрощения доказывания как бы объективно предопределяется спецификой преступлений и ситуации их расследования. Уголовное дело возбуждается только в отношении подозреваемого (п.1 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ), что подразумевает очевидность совершенного преступления. Очевидность преступления, когда причастность лица к совершению преступления не вызывает сомнения; несложность доказывания факта совершения преступления обвиняемым или, как пишут коллеги, отсутствие «сложности» в установлении обстоятельств дела².

Однако, то, что прописал законодатель и что вроде бы должно быть естественным в поведении правоприменителя, оказалось почти невозможным реализовать на практике. Относительно «полноты» или напротив, «упрощения» доказывания при ведении дознания в сокращенной форме справедливо преобладает мнение, что упрощение имеет место в той мере, в какой обеспечивается необходимая достаточность доказательств³.

---

¹ См.: Шараева, Я. А. Некоторые проблемные аспекты производства дознания в сокращенной форме // Философия права. 2021. №9. С. 139.

² Это оценочный критерий, трудноопределимый в законе, тем не менее, распространенный в теории и вполне, на наш взгляд, приемлемый для объяснения специфики установления факт в форме суммарного производства по уголовному делу.

³ См.: Артамонова, Е. А. Проблемы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 11/2

Определение этой меры (достаточной доказанности) входит в полномочия властных инстанций: прокурорской и судебной¹, а те в свою очередь, исходят в своих оценках из следственного стандарта доказывания.

Верно отмечено, что предмет доказывания при производстве дознания в сокращенной форме остается обычным, «типовым»², тем самым, вопреки указаниям статьи 226.5 УПК РФ, воспроизводится и стандартный алгоритм, технология доказывания, что ведет к расширению пределов доказывания. Концептуально и реально отказа от доказывания по «полной программе», от следственных гарантий правомерности принимаемого процессуального решения, не произошло.

Поэтому положение о том, что очевидность преступления и бесспорность дела делает избыточным доказывание «предмета доказывания» – по причине бесспорности доказываемого факта³ и освобождают обвинителя от бремени доказывания – в силу того, что сторона защиты не оспаривает его⁴, являются не состоятельными в контексте современной уголовно-процессуальной системы. То же самое можно сказать и о других выводах о том, что в сокращенное дознание заложена парадигма «упрощения

---

(122). С. 39–45; Доля, Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43–46; Качалова, О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания // Уголовный процесс. 2013. № 6. С. 32–36. Лазарева, В.А., Ярыгина Л.А. Сокращенная форма дознания: предмет и пределы доказывания // Уголовное судопроизводство. 2017. № 3. С. 20–26; Подковырова Ю.С. Сокращенная форма дознания - пределы доказывания // Законность. 2018. № 3. С. 57–59.

¹ См.: Доля, Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме. С. 43–46; Елфимова, Е. И. Пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей. Волгоград, 2013. С. 35–37.

² См.: Мичурина, О.В., Химичева О.В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат // Российский следователь. 2016. № 5. С. 18–22; Романова, А. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 83–87; Журавлева, Н. М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения. 2020. С. 7.

³ См.: Кесаева, М. С. Указ. соч. С. 8, 151-154.

⁴ См.: Никифорова, Ю. Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. С. 8, 12.

доказывания» или тем более отказ от доказывания обвинения. Так, например, утверждается, что доказывание в упрощенной уголовно-процессуальной форме сводится к непосредственному подтверждению сторонами в судебном заседании фактического основания решения о применении уголовного закона – без представления и исследования доказательств¹. Полагаем, что это положение не вписывается в существующий следственный стандарт, который, поддерживается прокурорским надзором² и который лежит в основе судейского.

Именно следственная форма доказывания менее всего поддается упрощению³. Напротив, следственный стандарт доказывания (оценки доказательств), причем во много субъективным моментом – перестраховки – подрывает всю идею суммарного производства, воспроизводит стандарт «всестороннего, полного и объективного» предварительного расследования и установления объективной истины по делу⁴.

В следственном стандарте доказывания состоит институциональное препятствие для введения суммарной модели в тело отечественного уголовно-процессуального права⁵, а если брать шире – то и модели договорного установления истины по уголовному делу.

3. Договорной аспект существующей модели суммарного производства выражается в «согласии подозреваемого» как минимум с тремя пунктами позиции сторон, определяющими исход уголовного дела, что закреплено в

---

¹ См.: Никифорова, Ю.Л. Указ. соч. С. 11.

² См.: Пестов, А.Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: диссертация ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2016. С. 8; Никаноров, С. А. Процессуальное положение прокурора в сокращенных процедурах уголовного судопроизводства. Москва, 2017. С. 12-14, 123-127 и др.

³ В частности, в исследованиях практики проведения дознания в сокращенной форме указывалось, что выдержать установленный законом срок его проведения объективно невозможно при необходимости проведения экспертизы.

См.: Ларкина, Е.В. Дознание в сокращенной форме: практика применения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Криминалистика. 2014. № 1 (14). С. 116; Никифорова, Ю. Л. Указ. соч. 114; Подковырова, Ю.С. Указ. соч. С. 58.

⁴ В третьей главе диссертации специально остановимся на этой проблеме.

⁵ В этом мы согласны с позиций ряда наших коллег.

См., напр.: Власова, С.В., Кесаева М. Указ соч. С. 8-9, 113 и др.

статье 226.1, 226.7 УПК РФ. Во-первых, он должен согласиться с утверждением о том, что им совершено инкриминируемое ему преступление. Во-вторых, предварительное, в виде согласия с формулой подозрения, в свою очередь делает возможным ходатайствовать о проведении дознания в сокращенной форме. Заявление такого ходатайства помимо презюмирования факта совершения преступления заявителем, означает и его согласие и на исход дела, предполагаемый процедурой, складывающейся из норм главы 32.1 и главы 40 УПК РФ. И в-третьих, требуется окончательное согласие обвиняемого с обвинением в рамках процедуры, регулируемой статьей 226.7 УПК РФ. При том, что закон не требует прямо получения признательных показаний и полное признание вины, тем более – деятельного раскаяния¹.

Признание вины по выдвинутому обвинению или согласие с обвинением, взятие на себя обязательства не оспаривать предмет доказывания «очевидного преступления» надо считать обязательным атрибутом суммарного производства, который закреплен в позитивно-правовой форме сокращенного дознания.

Коллективным субъектом «согласия» на то, чтобы состоялась современное «ускоренное» производство по делу выступает подозреваемый (обвиняемый) и его защитник – солидарно они выступают стороной договорных отношений с прокурором, который определяет судьбу производства до принятия решения судом.

Со стороны обвинения вступление в уголовно-процессуальный договор со стороной защиты в лице подозреваемого и его защитника подтверждается вначале дознавателем – при удовлетворении заявленного ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме, затем органом дознания – при

---

¹ Хотя в литературе по этому поводу высказываются различные мнения. Есть и сторонники точки зрения о необходимости соблюдения стандарта «деятельного раскаяния», что мы считаем излишним.

См., например: Меркулов, М. А., Абросимов И. И. К вопросу об актуальных проблемах производства дознания в сокращенной форме // Аграрное и земельное право. 2019. № 8 (176). С. 109.

вынесении обвинительного постановления, а затем прокурором как минимум дважды: (а) при утверждении обвинительного постановления и направлении дела в суд, (б) в судебном заседании.

Для стороны защиты заинтересованность в переходе на суммарное производство, предполагающее смягчение уголовной ответственности, сопряжено с отказом от функции оспаривания обвинения во всех трех его составляющих: материально-правовой, фактической (доказательственной) и процессуальной (процедурной). Для модели суммарного производства характерен отказ сторон от уголовно-правового спора и предложение суду применить уголовный закон к обвиняемому¹. До известной степени этот постулат воплощен в позитивно-правовой форме сокращенного дознания.

Итак, договорная модель в виде согласия стороны защиты на суммарное производство по делу (в сумме дознания в сокращенной форме и особого порядка), выражается в одностороннем согласии защиты с обвинением, согласием на само проведение как дознания в сокращенной форме, так и последующее судебное разбирательство в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ. Все это по смыслу закона подразумевает и согласие на применение к нему уголовного закона или в виде обвинительного приговора или в виде решения о прекращении судом дела по нереабилитирующему основанию, а вместе с тем и порядок обжалования этого судебного решения. Иными словами, здесь сторона защиты без спора передает судьбу уголовного дела в руки органа дознания, прокурора и суда.

4. Субъектный состав анализируемой договорно-упрощенной формы включает в себя со стороны защиты обвиняемого и его защитника, а со стороны обвинения вступают в уголовно-процессуальные отношения дознаватель, орган дознания (начальник подразделения дознания)². Ведущим

---

¹ См.: Никифорова, Ю. Л. Указ. соч. С. 128.

² В виде исключения им может быть и следователь.

субъектом анализируемого нами ускоренного уголовно-процессуального производства выступает прокурор.

Важным позитивным моментом в правовой организации дознания в сокращенной форме является руководящая роль прокурора (ст. 226.7-226.8 УПК РФ). Мы считаем это обязательным признаком нормального суммарного производства.

5. Срочность (быстрота), свойственная суммарному производству, выражена умеренно. Внешним, очевидным показателем «процессуального упрощения» выступает срок дознания в сокращенной форме, который по закону не превышающий 15 суток со дня вынесения постановления о производстве дознания в сокращенной форме. Прокурором допускается его продление прокурором до 20 суток. Есть и другие «ускорители» процесса, предусмотренные статьями 226.7, 226.8 УПК РФ, которые, не всегда оцениваются позитивно комментаторами¹.

Нельзя не заметить, что по срокам данной упрощенной процессуальной формы позиция во многом воспроизводит первоначальный вариант дознания по УПК РФ – 15 суток, который может продлеваться прокурором до 20 суток (ст. 226.6 УПК) и последующему затягиванию.

Заметим, что институт процессуальных сроков в его современном виде вообще является системным пределом для создания настоящего суммарного производства².

В целом, полагаем, что в модели «сокращенного дознания» нащупана правильная концептуальная основа досудебной составляющей суммарного

---

¹ В частности, указывается на не всегда выполнимый на практике трехсуточный срок для ознакомления с материалами дела. Несоблюдение его влечет переход на общий порядок рассмотрения дела, чем нарушаются права обвиняемого, но также и потерпевшего. См.: Шараева, Я. А. Некоторые проблемные аспекты производства дознания в сокращенной форме // *Философия права*. 2021. № 2 (97). С. 136–139.

² Конечно, мы далеки от предложений к полному отказу от сроков. Но вместе с тем считаем вполне приемлемым сделать срочность предметом соглашения сторон или перейти к определению их в некоторых случаях в виде определений «разумный срок», «немедленно».

производства, хотя предшествующая «протокольная форма» была ближе к ней.

Не будем вдаваться в обсуждение позитивных моментов созданной модели суммарного производства, которые усматриваются в гуманизации уголовной политики, процессуальной экономии и пр.¹

Концептуальный сдвиг состоял в том, что упрощение распространилось не только на досудебную часть производства по делу, но и судебную: судебное производство по делу, по которому дознание производилось в сокращенной форме, осуществляется в порядке, установленном статьями 316 и 317 УПК РФ (часть первая ст. 226.9 УПК РФ).

Остановимся на недостатках существующего суммарного производства в виде сокращенного дознания. Они описаны в многочисленных научных исследованиях, в том числе диссертационного характера. Основные негативные оценки сводятся к тому, что: дознание в сокращенной форме превратилось на практике в очередную разновидность «предварительного следствия»²; сокращение произошло формальное в виде сокращения сроков, но не содержательное³; дознаватели при производстве дознания в

---

¹ Предел которого заложен в предписании о том, что наказание не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (часть седьмая ст. 316 УПК РФ).

² Это наиболее распространенный вывод, который делают почти все исследователи. См., напр.: Гаврилов, Б. Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Международ. науч.-практ. конф. Иркутск, 25–26 сент. 2014 г. Иркутск : БГУЭП, 2014. С. 57–63; Журавлева, Н. М. Институт дознания в сокращенной форме: некоторые вопросы законодательного регулирования и практики применения // Алтайский юридический вестник. 2018. № 1(21). С. 109–113; Закоятянский, А. С. Анализ практики дознания в сокращенной форме (по материалам Самарской области) // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 5. С. 38–41; Ковтун, Н. Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47–49; Ларкина, Е. В. Дознание в сокращенной форме: практика применения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. С. 109.

³ См.: Власова, С.В., Кесаева М. С. Указ. соч. С. 128.

сокращенной форме выполняют фактически тот же объем процессуальных действий, что и при производстве дознания в обычной форме¹.

Согласимся в том, что дознание в сокращенной форме не может быть вполне признано суммарным производством, не произошло отказа от следственного стандарта установления фактов по делу². Очередной опыт создания упрощенного производства показал, что возможности дифференциации следственной формы предварительного расследования исчерпаны³.

Если отбросить придирки юридико-технического характера, к дефектам мнимым или реальным процессуальной формы, то принципиальная критика отечественной модели суммарного производства в виде сокращенного дознания сводится к следующему:

- произошло сужение гарантий обеспечения интересов, как личности, так и общества и государства⁴;

- имеется наличие угрозы в одновременном упрощении досудебного и судебного производства, которая деформирует, препятствующие вынесению судом законного, обоснованного и справедливого приговора⁵;

- существует завышенная степень зависимости производства по делу от волеизъявления участников уголовного судопроизводства⁶;

---

¹ Андреева, О. И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2014. №4 (14). С. 7.

² См.: Доля, Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43; Романова, А. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 83–87; Чернова, С. С. К вопросу о доказывании при производстве дознания в сокращенной форме // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 6 (6). С. 519–521.

³ См.: Никифорова, Ю. Л. Указ. соч. С. 17.

⁴ См., напр.: Доля, Е.А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме // Российский судья. 2013. № 6. С. 43.

⁵ В этой связи О. А. Науменко предлагает исключить ч. 5 ст. 226.9 УПК РФ, тем самым допустив возможность рассмотрения судом дела в общем порядке. См.: Науменко, О. А. Защита прав потерпевшего при сокращенной форме дознания // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 209–212.

⁶ См.: Журавлева, Н. М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2020. С. 8.

- имеется недостаточность полномочий прокурора по обеспечению режима законности, разрешению вопросов, касающихся отказа от него, при производстве дознания в сокращенной форме¹.

Замечательно то, что критики сокращенного дознания усматривают угрозы правам личности через призму следственного стандарта, прежде всего следственного стандарта формирования доказательств.

Предметом особой критики являются положения, касающиеся сокращения доказывания (ст. 226.5 УПК РФ) – в них усматривают угрозу установлению истины по делу, судебной ошибки, нарушения прав человека и гражданина. Однако, эта критика содержит задатки к усложнению и формализации, то есть реанимации следственной формы во всей ее полноте. Разумеется, сокращенная форма в известной степени отрицает следственные гарантии установления объективной истины. Она строится на признании фактов сторонами, договорном способе установлении судебной процессуальной истины. Тем не менее, чтобы принять это, надо поменять подход. При неизменности подхода любое упрощение следственной формы будет восприниматься негативно.

Отсюда главное противоречие в критике сокращенного дознания как позитивно-правового феномена. С одной стороны, в негативном ключе отмечается феномен замещения дознания в сокращенной форме «полным» дознанием². Это явление происходит на практике, где господствует следственный стандарт в оценке доказательств и «готовности» дела – субъектами прокурорского надзора и судебной власти. С другой стороны, в науке распространены упреки в том, что в рамках сокращенного дознания невозможно провести настоящее доказывание. Это основной упрек особенно

---

¹ См.: Пестов, А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме: диссертация ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2016. С. 8, 127–131; Шараева, Я. А. Некоторые проблемные аспекты производства дознания в сокращенной форме // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 137.

² См.: Зотова, М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук. С. 95; Шараева, Я. А. Указ. соч. С. 136–139.

убедителен с позиции как концепции объективной истины¹, так и концепции оценки доказательств судьей по своему внутреннему убеждению: решение судом принимается на основании признания обвиняемым своей вины в совершении преступления, при отсутствии полноты доказательств, гарантий установления истины, то есть торжествует «признание – царица доказательств»².

К этому добавляются озабоченности по поводу возможных судебных ошибок, нарушения прав личности. И в качестве общего рефрена поднимается темы угрозы осуждения невинного, возможности самоговора³. Таковы главные претензии науки к дознанию в сокращенной форме.

Создается общее впечатление о наличии неразрешимых противоречий в этом уголовно-процессуальном институте. Причина же не столько в нем самом, сколько в головах его критиков. Они подходят к нему со следственной «меркой» - идеологией и теорией следственного процесса. При следственном подходе трудно придумать нормальное суммарное производство. Упрощение или если угодно суммирование производства должно осуществляться на иной концепции, чем на следственной. Нельзя не согласиться с тем, что ввиду отсутствия в следственном процессе системы сдержек и противовесов между властно-уполномоченными органами, доминирования в процессе следственной власти, любое «упрощение» всегда чревато произволом и угрозой правам личности⁴.

---

¹ См.: Калугин, А. Г. Проблемы доказывания при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах // Обвинение и защита по уголовным делам: история, опыт и современность. сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.С. Алексеева / Санкт-Петербургский гос. ун-т.; под редакцией Н.Г. Стойко. Санкт-Петербург, 2015. С. 329–330.

² Как пишет Ю.К. Якимович, в 21 веке недопустим возврат к стандарту, когда «царицей доказательств» является признание обвиняемым своей вины. См.: Якимович, Ю. К. О некоторых вопросах дальнейшей дифференциации уголовного процесса России // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 59–64.

³ См.: Шараева, Я.А. Указ. соч. С. 137

⁴ См.: Никифорова, Ю.Л. Указ. соч. С. 12.

Значит, суммарное производство может состояться как правовое явление только в справедливом – обвинительном уголовном процессе. Состоятельность суммарного производства определяется параметрами уголовно-процессуальной системы.

Если мы переходим из следственной парадигмы в парадигму обвинительного (состязательного) уголовного судопроизводства, то многие являющиеся сейчас неразрешимыми противоречия, порождаемые попытками суммировать – упростить производство по очевидным уголовным делам об уголовных проступках, будут разрешены. Исходным положением, очевидно, является презумпция о том, что не государство, не система зависимости человека от власти, а свобода человека, самостоятельность, самозащита, воля сторон, оформленная и закрепленная в договоре, является основой упрощенного производства¹.

Следующим вкладом в дифференциацию досудебной уголовно-процессуальной формы по мотивам упрощения и экономии стало создание процедуры, предусмотренной главой 51.1 и ст. 25.1 УПК РФ. В предыдущем параграфе уже был дан ответ на вопрос о месте данного производства в системе упрощенных уголовно-процессуальных производств и также о его правовой природе.

Полагаем, что его правильнее отнести не к примирительным, а сокращенным уголовно-процессуальным производствам (формам).

Объяснение его правовой природы в свете института прекращения уголовного дела, равно как и в контексте иных концептов следственного учения, то есть «дифференциации», «упрощения», «сокращения» формы следственной, имеет, как уже неоднократно подчеркивалось нами, конструктивный порок – игнорирование их договорной природы, присутствие в них принципиально новой основы: уголовно-процессуальных

---

¹ В этом принципиальном моменте наша позиция совпадает с точкой зрения Г.В. Абшилавы. См.: Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : монография / под ред. О.А. Зайцева. Москва : Юрлитинформ, 2012. С. 79.

договорных отношений сторон. В этом наше расхождение с господствующей теоретической доктриной, в которую укладываются большинство исследований производства, регулируемого главой 51.1 УПК РФ.

Цель создания этой разновидности ускоренного производства, если исходить из официально выраженной воли ее создателей, заключалась не только в том, чтобы создать очередное основание освобождения от уголовной ответственности, но изменить уголовную политику, сделать более гуманным и либеральным применение уголовного законодательства¹.

Гуманитарное назначение данного уголовно-процессуального производства подчеркивают и в теории². Относительно природы и назначения высказывались и другие точки зрения, в том числе, что это инструмент процессуальной экономии³, альтернатива уголовному преследованию⁴, средство снижения уровня судимости⁵; направлено на упрощение уголовного судопроизводства⁶.

В целом с таким посылом нельзя не согласиться, вопрос возникает к способу реализации благих намерений.

Материальные и процессуальные предпосылки проведения данной процедуры, как «суммарной уголовно-процессуальной модели», на наш взгляд, уместно трактовать не только и не столько в контексте института

---

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Текст : электронный // Государственная Дума Федерального Собрания РФ : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (Дата обращения : 12.03.2023).

² См.: Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе - прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа. С. 164. Каматесов, П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма: диссертация ... кандидата юридических. наук. Санкт-Петербург, 2022. С. 8-9; Ченцов, В. В. Указ. соч. С. 10, 87-89.

³ См.: Каматесов П.А. Указ. соч. С. 100.

⁴ См.: Там же. С. 101.

⁵ См.: Там же. С. 118.

⁶ Якубова, С. М. О прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Академическая мысль. 2019. №3 (8). С. 35.

прекращения уголовного дела, но и как элемента системы упрощенного производства. Исходим из того, что упрощенное производство может быть двух вариантов: одно – с назначением наказания, второе с назначением не наказания, а штрафа. Полагаем, что именно второй вариант должен представлять обычный исход суммарного производства. И только при наличии обстоятельств, отягчающих вину обвиняемого, в том числе, повторности совершения преступления, суд по предложению обвинителя может вынести обвинительный приговор с назначением наказания, предусмотренного санкцией применяемой статьи УК РФ.

Вышеприведенный набор элементов юридического состава основания для проведения суммарного производства, который ранее был приведен для сокращенного дознания, уместен и для данного производства.

Можно сказать, что основные параметры данного ускоренного договорно-упрощенного производства таковы.

1. Материально-правовой или уголовно-правовой составляющей являются преступления небольшой или средней тяжести, то есть «уголовные проступки».

2. Структура позитивно-правовой модели упрощенного производства двусоставная, досудебная и судебная. В данном случае она может включать как сокращенное дознание, так и дознание или даже следствие, обычный ход которого прерывается (прекращается) решением органа предварительного расследования о возбуждении ходатайства перед судом о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу судебного штрафа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ). Судебная часть анализируемого ускоренного производства представляет собой процедуру, предусмотренную частями 4–8 ст. 446.2, ст. 446.3 УПК РФ.

3. Фактическая или доказательственная составляющая (стандарт доказывания) представляет собой доказывание органами предварительного расследования и судом в той мере, в какой это необходимо и достаточно для

принятия правильных решений по делу, включая установление основания, предусмотренного статьей 25.1 УПК РФ (ст. 76.2 УК РФ). Никаких указаний в законе (в отличие от сокращенного дознания) о возможности сокращения доказывания не имеется. Однако, из общего смысла закона и сущности договорно-упрощенных производств вытекает, что такое может иметь место по усмотрению органа, в чьем производстве находится уголовное дело в виду бесспорности дела, очевидности преступления, согласия стороны защиты с решениями компетентного государственного органа.

3. Договорной аспект процедуры, регулируемой главой 51.1 УПК РФ, выражается в «согласии подозреваемого» со следующими решениями: во-первых, необходимо согласие подозреваемого с подозрением, а обвиняемого – с обвинением, которые сформулированы, выдвинуты против него; во-вторых, требуется согласие обвиняемого (подозреваемого) с постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении подозреваемому меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, в-третьих, в суде обвиняемый должен признать свою вину в совершении преступления, сформулированного в подозрении или обвинении, и согласиться на исход дела в виде вынесения судом постановления о назначении судебного штрафа.

При том, что закон не требует полное признание вины и даже предъявления обвинения. Нельзя говорить о необходимости деятельного раскаяния: единственное правовое требование к лицу, подозреваемому или обвиняемому в преступлении, состоит в том, чтобы оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ) не позднее принятия судом решения о прекращении дела и замене наказания судебным штрафом.

4. Субъектный состав анализируемой ускоренной процедуры включает в себя со стороны защиты обвиняемого и его защитника¹, а со стороны

---

¹ Несмотря на то, что в законе нет прямых указаний на это, разделяем мнение о том, что данную ситуацию следует отнести к случаям обязательного участия защитника в деле.

обвинения вступают в уголовно-процессуальные отношения дознаватель, орган дознания (начальник подразделения дознания)¹. Участие потерпевшего – субсидиарно. Хотя, как показывает судебная практика, в судебном заседании – потерпевший имеет важное значение².

Участие прокурора выражается только в даче согласия на постановление дознавателя о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ). Более никаких указаний на участие прокурора в данной процедуре, включая ее судебную часть, не имеется.

Генеральный прокурор России приказал считать участие в рассмотрении ходатайств в порядке, установленном статьей 446.2 УПК РФ, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, обязательным³.

Выпадение прокурора из правовой конструкции данной разновидности ускоренного производства является одним из самых заметных конструктивных моментов данной ускоренной процедуры.

Рассматриваемый институт вопреки ожиданиям, получил по сравнению с сокращенным дознанием, более активное применение на практике: в 2019 году он был применен в отношении 52971 лица, в 2020 в отношении – 58777

---

¹ В виде исключения им может быть и следователь.

² Постановление о прекращении уголовного дела и освобождении от уголовной ответственности В.Е.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ, от 9 декабря 2019 г. по делу № 1-726/2019 (Пятигорский городской суд (Ставропольский край) УИД 26RS0029-01-2019-008637-82). Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/ZBtTlxgj9HUj/ (Дата обращения 12.03.2023).

³ См.: пункт 3.9. Приказа Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // СПС КонсультантПлюс», 2023.

лиц. В 2021 году назначение судебного штрафа в порядке, предусмотренном главой 51.1 УПК РФ состоялось в отношении 373425 лиц¹.

Несмотря на достаточно активное применение на практике состоятельность анализируемого ускоренного производства остается в теории под вопросом. Круг мнимых или реальных противоречий и угроз ценностям, защищаемым уголовно-процессуальным правом, здесь тот же, что и при дознании, проводимом в сокращенной форме. Анализ уголовно-процессуальной литературы, освещающей эту тему², вполне подтверждает это.

Некоторые авторы не только отмечают отдельные недостатки, но ставят под сомнение в целом института прекращения уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа³. Мы себя не относим к таким, хотя в целом разделяем критической настрой в его концептуальной и практической состоятельности.

Основные претензии к механизму, урегулированному нормами статей 25.1, 446.1–446.5 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ, сводятся, согласно оценкам специалистов, к нижеследующим⁴.

---

¹ Цит. по: Каматесов, П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма. С. 5.

² См., напр.: Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе - прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа, С. 165; Головкин, Л. В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия // Уголовный процесс. 2017. № 1. С. 38–45; Горбань, А. В. Уголовно-правовое воздействие сегодня: возможные альтернативы // Российский следователь. 2018. № 10. С. 34–37; Полуэктов, А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. С. 8, 10; Хлебницына, Е. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. С. 5, 7; Ченцов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение. С. 6, 9-10; и др.

³ См., напр.: Беседин, Г. Е. Новое основание освобождения от уголовной ответственности: очередной конфуз российского законодателя? // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 114–118; Бурцев, А.С., Миронюк И.В. Судебный штраф: критический очерк // Науки и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 2 (81). С. 126–129.

⁴ См.: Гриненко, А. В. Судебный штраф и реалии его применения в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 30–35; Кальницкий, В. В. Порядок прекращения судом уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2 (37). С. 12–19; Рукавишникова, А. А.

1. Генеральная идея, которая красной нитью проходит через рассуждения почти всех представителей этой процедуры, даже тех, кто приветствовал ее, состоит в том, что упрощение формы предварительного расследования и судебного разбирательства в совокупности ведут к снижению уровня уголовно-процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства¹; эта процедура представляет собой угрозу нарушения прав личности², прежде всего – обвиняемого: не обеспечивает в должной мере его права на защиту, но также и других лиц³, в том числе, что подчеркивается – потерпевшего⁴.

Как пишет Н.К. Панько, в этой процедуре «самым отвратительным является абсолютная зависимость от волеизъявления дознавателя, следователя (как субъектов, полномочных возбуждать ходатайства перед судом о применении судебного штрафа) и суда»⁵. На отсутствие надлежащей гарантии права обвиняемого на заявление ходатайства на проведении данной процедуры указывает В.В. Власенко⁶.

Виды решений, принимаемых судом в порядке гл. 51.1 УПК РФ: возможность злоупотребления дискреционными полномочиями // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 24. С. 92–101; Шишов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 153.

¹ См., напр.: Каматесов, П. А. Указ. соч. С. 18.

² Володина, Л. М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 77.

³ См.: Шишов, В. В. Указ. соч. С. 10, 164–165 и др.

⁴ См.: Власов, А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа: проблемы прокурорского надзора // Законность. 2017. № 1. С. 30–33; Ворожцов, С. А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Мировой судья. 2017. № 11. С. 15–23.

⁵ Панько, Н. К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 120–127.

⁶ См.: Власенко, В. В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ // Уголовное право. 2017. № 1. С. 52–59.

Можно разделить точку зрения на то, что участники уголовного судопроизводства со стороны защиты не могут сами инициировать проведение данной ускоренной процедуры¹.

Согласимся в том, что данное обстоятельство является системным, институциональным препятствием для внедрения договорной модели в позитивное уголовно-процессуальное право. В идеале стороны должны решать судьбу ускоренной процедуры, а суд – только фиксировать своим решением достигнутое ими соглашение о применении определенной меры уголовно-правового воздействия.

Наша позиция по данному вопросу, совпадающая с мнением других сторонников состязательной модели, состоит в том, что суд обязан принять предлагаемое сторонами решение, если этому не препятствуют нарушения уголовно-процессуального закона².

По нашему мнению, в ускоренной процедуре по замене наказания судебным штрафом менее выражен договорной, согласительный момент: в законе прямо не указывается на получение согласия подозреваемого, обвиняемого на такой исход дела. Хотя это подразумевается, ибо вопреки воле привлеченного к уголовному преследованию лица это сделать, на наш взгляд, невозможно. Тем не менее, как уже указывалось нами ранее – именно этот приказной, публично-правовой, а не согласительный характер более всего говорит в пользу вывода о том, что не примирительное, а сокращенное – суммарное производство.

2. Отдельно следует выделить направление критики, которое инспирируется неприятием данного института по идеологическим причинам.

---

¹ См.: Панько, Н. К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 120-127.

² См.: Никифорова, Ю. Л. К вопросу о создании оптимальной уголовно-процессуальной формы досудебного производства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. Нижний Новгород. 2016. № 2. С. 508–510.

Некоторые авторы выступают категорически против схемы: совершил преступление – заплатил – свободен¹.

Между тем, с наступлением новой правовой реальности сторонникам концепции неотвратимости уголовной ответственности следует смириться².

3. Конструктивным недостатком данного ускоренного уголовно-процессуального производства усматривают в нарушении состязательности, отсутствии равенства прав защиты. В частности, отмечается отсутствие нормативно-правового требования об обязательном участии защитника в постановке и решении вопроса о переходе на процедуру замены наказания штрафом, регулируемую главой 51.1 УПК РФ³.

4. Отдельно надо сказать о структурной критике, а именно: неприятия упрощения собственно судопроизводства (судебного доказывания), судебной части анализируемой ускоренной процедуры.

По этому пункту аргументация сторонников следственного правового стандарта доказывания аналогичной той, которая используется в критике устройства дознания в сокращенной форме. Противники упрощения судебной процедуры принятия решения о замене наказания штрафом видят двойную угрозу ошибки правоприменения в недостаточности как судебного, так и досудебного доказывания.

В связи с принципиальностью этого момента в правовой организации ускоренного уголовно-процессуального производства надо подчеркнуть

---

¹ См., напр.: Панько, Н.К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 3. С. 120–127.

² Полное торжество этой схемы видится в процессуальной модели, реализованной в статье 28.1 УПК РФ, о чем уже отмечалось ранее на страницах диссертации. Как и том, что процедура, регулируемая главой 51.1, статьей 5.1 УПК РФ, является своего рода средством против эксклюзивности про-предпринимательской процедуры освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением вреда в полном объеме.

³ См.: Беседин, Г. Е. Новое основание освобождения от уголовной ответственности: очередной конфуз российского законодателя? // Евразийская адвокатура. 2016. № 6 (25). С. 114–118; Володина, Л. М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 1. С. 77.

следующее. Обычно выделяют две сокращенные уголовно-судебные формы: производство по уголовному делу у мирового судьи и особый порядок судебного разбирательства¹. Производство у мирового судьи в общем порядке, в отличие от дореволюционной, трудно назвать упрощенным, на что указывает статья 320 УПК РФ. Общеизвестен упрощенный особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ. Он является приложением к дознанию в сокращенной форме и мог бы быть использован и при конструировании и другого ускоренного договорно-упрощенного производства – замены наказания штрафом².

Как отмечает В.В. Кальницкий, создание оптимальной модели без коллизии с фундаментальными правовыми положениями мог бы быть достигнут через соединение особого порядка судебного разбирательства и нового основания освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа³.

Однако, законодатель пошел другим путем и создал новую модель ускоренного судебного производства по принятию решения о замене наказания штрафом. Полагаем, что это правильный подход: упрощать обе составные части ускоренного производства. Поэтому против ключевого довода противников «процессуального упрощенчества»⁴, которые утверждают, что если досудебное производство велось по уголовному делу в упрощенной форме, то в суде такое дело должно рассматриваться в общем порядке⁵. В основе их критической позиции – установка на то, что

---

¹ См.: Якимович, Ю.К., Ленский А.В., Трубникова Т.В. Дифференциация уголовного процесса. Томск, 2001. С. 198.

² В этом плане выступаем за унификацию судебной составляющей ускоренных уголовных процедур.

³ См.: Кальницкий, В. В. Порядок прекращения уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 18.

⁴ См.: Якимович, Ю. К. О некоторых вопросах дальнейшей дифференциации уголовного процесса России // Уголовная юстиция. 2013. № 1. С. 59–64.

⁵ См.: Якимович, Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 2 (12). С. 108–112.

следственная форма является наилучшей гарантией охраняемых правом ценностей: прав и свобод человека, публичного интереса.

Однако, как пишет М.С. Кесаева: «Четверть века спустя стали очевидными ее недостатки, главный из которых – сохранение в неизменном виде следственной модели досудебного производства. Идеология единства следственной формы расследования, заложенная в эту концепцию, также оказалась несостоятельной»¹.

Как уже отмечалось, сокращение в «настоящем» суммарном производстве должно распространяться на обе его составляющие: и досудебную и судебную (сокращенные досудебное+судебное производства).

Судебный этап является здесь составной частью ускоренного (упрощенного) производства. Однако неверно то, что упрощение досудебного производства должно восполняться, компенсироваться полным судебным разбирательством, к чему призывают некоторые авторы².

Таким образом, с нашей точки зрения, все наоборот: в настоящем суммарном производстве упрощение должно быть общим и для досудебного производства и судебного. Судебную процедуру, регулируемую частями 4-8 статьи и статьей 446.2 и ст. 446.3 УПК РФ, вполне можно считать таковой. Главный позитив в анализируемой нами правовой конструкции – это судебная форма применения меры уголовно-правового воздействия в виде штрафа.

4. «Нехватка» участия прокурора в данной процедуре признается даже сторонниками господства следственной власти над предварительным расследованием³.

К сожалению, законодатель продолжил здесь и неверную, с нашей точки зрения, линию на вытеснение прокурора на обочину уголовно-

---

¹ Кесаева, М. С. Указ. соч. С. 103.

² См.: Каматесов, П. А. Указ. соч. С. 88.

³ См.: Багмет, А. М., Османова Н.В. К вопросу о сбалансированности процессуального контроля и прокурорского надзора при окончании производства с назначением судебного штрафа // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 3 (17). С. 28–33.

процессуального досудебного производства. Это проявилось в том, что решение о направлении материалов дела, законченного предварительным следствием, происходит не через прокурора, а через руководителя следственного органа. Так сбылась мечта некоторых сторонников следственной власти¹ – убрать прокурора с позиции, где определяется судьба досудебного производства. В результате теперь участие прокурора в судебной части анализируемого ускоренного производства регламентируется на уровне подзаконного нормативно-правового регулирования.

Многие ученые не согласны с этой тенденцией и применительно к анализируемой процедуре выступают за то, чтобы расширить полномочия прокурора как главы уголовного преследования в процедуре назначения судебного штрафа в порядке, установленном главой 51.1 УПК РФ². В том числе предлагается наделить прокурора (а) надзорными полномочиями на этапе возбуждения следователем перед судом соответствующего ходатайства³; (б) правом утверждать итоговое постановление не только дознавателя, но и следователя, и направлять дело в суд⁴. Присоединяемся к этим оценкам: исключение прокурора из системы данной разновидности договорно-упрощенного ускоренного производства является ее главным конструктивным недостатком.

Но главное даже не в этом. На наш взгляд, здесь имеет место подрыв основы основ договорно-упрощенных производств, в которых лидирующую процессуальную роль и роль главного ответственного за их проведение должен играть прокурор.

---

¹ См.: Багмет, А. М., Цветков Ю.А. Кому мешает следственная власть? // Российский следователь. 2016. № 23. С. 3–9; Цветков, Ю. А. Становление следственной власти на постсоветском пространстве // Российский следователь. 2015. № 11. С. 9–12.

² См.: Каматесов, П. А. Указ. соч. С. 302.

³ См.: Власенко, В. В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ // Уголовное право. 2017. № 1. С. 52–59; Власов, А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа: проблемы прокурорского надзора // Законность. 2017. № 1. С. 30–33.

⁴ См.: Каматесов, П. А. Указ. соч. С. 151.

Перейдем к анализу предложений по совершенствованию процедуры замены наказания судебным штрафом по основанию, предусмотренному ст. 76.2 УК РФ, 25.1 УПК РФ.

Большинство исследователей¹, разрабатывающих свои рекомендации по совершенствованию данного уголовно-процессуального механизма в свете института прекращения уголовного дела, и в более широком контексте – следственной парадигмы, не выходят за пределы следственной формы², сохраняют ортодоксальные установки на единство уголовно-процессуальной формы³, предлагают изменения отдельных деталей этого правового механизма – по уже известным образцам, например, «деятельного раскаяния».

У нас установка изначально несколько иная – усматривать в них договорную модель. Поэтому, признавая существующие правовые реалии, все-таки связываем перспективу развития этой процедуры в свете договорной модели, а шире – состязательного (обвинительного) уголовного судопроизводства⁴.

Какие же меры по совершенствованию предлагаются в современной науке по совершенствованию судебной ускоренной процедуры замены наказания судебным штрафом?

---

¹ См., напр.: Герасенков, В. М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2020; Шишов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 9–12; Ченцов, В.В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение. С. 16–17.

² См.: Марковичева, Е. В. Реалии и перспективы ускоренного производства в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2011. № 7. С. 49–50.

³ См.: Марковичева, Е.В. Указ. соч. С. 50.

⁴ Здесь отмечается принципиально другой уровень осмысления природы и свойств исследуемого уголовно-процессуального феномена.

В качестве общего пожелания, с которым следует согласиться, высказывается положение о сохранении принципов, основных гарантий прав его участников, прежде всего, обвиняемого и потерпевшего¹.

Если переходить к конкретике, то есть два проекта относительно оптимизации отечественной модели суммарного производства.

Первый проект, разрабатываемый в пределах нормативистского, юридико-позитивистского подхода², ограничивается мерами по совершенствованию существующих договорно-упрощенных процедур в контексте существующей уголовно-процессуальной системы, которую эти авторы в принципе не ставят под сомнение.

Они видят ускорение во внешних проявлениях: сокращении сроков; исключением из процесса отдельных структурных элементов³. К этому следует добавить добровольный отказ участников от некоторых своих прав и их гарантий.

Поддерживаем те предложения, которые объективно усиливают договорную составляющую, включая усиление гарантий свободы воли обвиняемого по вхождению в соглашение со стороной обвинения, в том числе:

- введение предписания об обязательности выдвижения обвинения перед вынесением постановления в порядке ст. 446. 2 УПК РФ⁴;
- получение согласия обвиняемого с обвинением⁵;

---

¹ Кудряшова, Е.С. Реализация принципа законности в уголовно-процессуальной деятельности органов дознания // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. №1 (29). С. 280-283.

² И соответственно – в русле следственной процессуально-правовой традиции.

³ См.: Качалова, О. В., Герасенков В.М. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей. С. 103–121.

⁴ См.: Каматесов, П. А. Указ. соч. С. 12, 55.

⁵ См.: Шишов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 7-9; Полуэктов, А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты. Москва, 2018. С. 8.

- согласие обвиняемого на разрешение уголовного дела на основании статьи 25.1 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ¹;
- первоначальное согласие обвиняемого, а в некоторых случаях и потерпевшего на применение данной процессуальной формы должно быть окончательным и не подлежащим отзыву²;
- закрепление права участников, имеющих признаваемый законом интерес в деле, на ознакомление с материалами уголовного дела, подлежащего направлению в суд; заявление ими ходатайств, которые, в случае их обоснованности, подлежат удовлетворению³;
- усиление роли прокурора в этой процедуре;
- конкретизация системы решений, принимаемых органами, ведущими уголовное дело, в ключевых точках развития производства и контроля за ними⁴.

Что же касается многочисленных предложений по усилению мелочной регламентации действий органов предварительного расследования и суда, возложения дополнительных обязанностей на обвиняемого, которыми изобилуют научные разработки, особенно в жанре диссертационных⁵, то не считаем это правильным. Наша базовая позиция в том, что договор сторон в предусмотренных законом случаях должен определять применительно к конкретному делу права и обязанности договаривающихся сторон.

Надо иметь в виду, что есть и иные проекты преобразования всей модели договорно-упрощенных производств, включая их ускоренную

¹ См.: Полуэктов, А.Г. Указ. соч. С.110.

² См.: Герасенков, В. М. Вопросы совершенствования ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12 (204) ; Качалова, О.В., Герасенков В.М. С. 113.

³ См.: Каматесов, П. А. Указ. соч. С. 287.

⁴ См.: Рукавишникова, А.А. Виды решений, принимаемых судом в порядке гл. 51.1 УПК РФ: возможность злоупотребления дискреционными полномочиями. С. 100; Хайдаров, А.А., Диденко Н.С. Принятие судом процессуального решения об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа // Юрист-Правоведъ. 2018. № 1 (84). С. 69–74.

⁵ См.: Полуэктов, А. Г. Указ. соч. С. 118.

разновидность, которая является предметом настоящего параграфа. Такие концепции упрощения форм досудебного производства по уголовным делам¹ предлагались в ряде научных работ². Они также изложены в отдельных программных документах³.

Некоторые из достаточно развернутых проектов по созданию отечественной модели суммарных – упрощенных производств более подробно разберем в третьей главе, где изложим собственную программу создания системы договорно-упрощенных производств в уголовном процессе России.

Здесь же пока ограничимся общим замечанием относительно них. Общим для них является предложение об отказе от существующей правовой организации досудебного производства, проведение реформы предварительного расследования, введение судебной модели уголовно-процессуального доказывания и выдвижения обвинения.

Некоторые ученые предлагают достаточно радикальный подход к разрешению проблемы создания оптимальной модели упрощенного производства – через отказ от следственной формы выдвижения обвинения и формирования доказательств, что означает на практике реформу предварительного расследования по западному образцу⁴.

Характерным является предложение об отказе от существующей правовой организации досудебного производства, проведение реформы предварительного расследования, введение судебной модели уголовно-

---

¹ См.: Власова, С.В., Кесаева М.С. Указ. соч. С. 191-196; Пилюк, А.В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации. Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019; Качалова, О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе : монография. Москва : Юрлитинформ, 2015.

² См.: Власова, С. В., Кесаева М. С. Указ. соч. С. 191.

³ См.: Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. Москва : Юрлитинформ, 2015; Уголовная политика : дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков [и др.]. Москва : ЦСР ИНСТИТУТЫ И ОБЩЕСТВО, 2017. Текст : электронный // Яндекс.360 : [сайт]. URL: <http://csr.ru/wpcontent/uploads/2017/04/ReportCP.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).

⁴ См.: Власова, С.В., Кесаева М.С. Указ. соч. С. 191-196.

процессуального доказывания и выдвижения обвинения. Имеется в виду переход на состязательную (обвинительную) модель уголовного судопроизводства. В этом некоторым ученым видится главное условие для создания не только суммарного производства, но и всех прочих договорно-ускоренных процедур.

Как пишет М.С. Кесаева, состязательность придает суммарному производству справедливость, гарантированную защиту прав обвиняемого и иных участников процесса. Состязательность выступает общей гарантией установления фактов по делу, возлагая обязанность их установления на стороны и предполагая их право на распоряжение своими доказательствами. Оставляя суду роль пассивного субъекта доказывания: оценки доказательств сторон и фиксации их утверждений о фактах¹.

Важнейшим конструктивным элементом суммарной модели является доказывание. Именно следственное учение о доказательствах и доказывании выступает теоретико-методологическим препятствием для основания в современном российском процессе ускоренного производства. Поэтому радикальные научные проекты сосредоточены на разрешении этой концептуальной проблемы. Их вывод сводится к тому, чтобы легализовать в упрощенном – суммарном производстве отказ от обычной – следственной технологии установления фактов по делу. Этот отказ должен считаться правом стороны защиты². «Упрощение уголовно-процессуальной формы выступает способом констатации очевидности, когда стороны о фактах не спорят»³.

Другой концептуальной идеей относительно надлежащей модели суммарного производства этой связи заслуживает внимания концепция

---

¹ См.: Кесаева, М. С. Указ. соч. С. 17-18.

² См.: Руновский, А. В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2012. С. 7-9; Алимурзаев, А. А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2014. С. 12, 224.

³ Кесаева, М.С. Указ. соч. С. 17-18.

полицейского дознания и его дифференциации по системе уголовно-правовых и процессуальных критериев¹. Как пишет Ю.Л. Никифоренко, создание оптимальной формы досудебного судопроизводства означает переход к принципиально новой – состязательной модели всего уголовного процесса. Досудебным производством уголовного преследования должно стать «полицейское дознание». Это базовое правовое поле, из которого может быть выведено суммарное производство или сокращенное производство по делам об «уголовных проступках»².

Кардинальный проект создания русского аналога суммарного производства подразумевает отказ от следственного формализма и следственной власти, основанной на них системы процессуальных гарантий прав и законных интересов личности, защиты публичных интересов. В современной политико-правовой ситуации он может обсуждаться только теоретически без каких-либо шансов на реализацию.

Предварительно наша позиция относительно модернизации анализируемой здесь разновидности договорно-упрощенных производств – ускоренных производств включает следующие пункты.

Во-первых, надо практиковать договорной доктринальный подход при реализации данного проекта. Из договорной концепции целесообразно исходить как при трактовке сущности этих процедур, так и предложений по выстраиванию их конструкций.

Полагаем, что в основе обеих ускоренных уголовно-процессуальных производств надо понимать договор, заключенный между государством в лице прокурора и обвиняемым, точнее стороной защиты в лице обвиняемого и его защитника.

---

¹ См.: Алимурзаев, А. А. Указ. соч. С. 199-202; Руновский, А. В. Указ. соч. С. 178-182; Никифоренко Ю.Л. Указ. соч. С. 156-162.

² См.: Никифоренко, Ю.Л. Указ. соч. С. 268.

Базовым уголовно-правовым и уголовно-процессуальным отношением, складывающимся в этих производствах, выступает отношение между прокурором - обвинительной властью государства и стороной защиты.

Во-вторых, из договорной сущности этих производств вытекает требование об обеспечении «добровольности» вступления в него сторон в деле. Понятно, что с учетом уголовно-правовой специфики данное положение распространяется главным образом на обвиняемого. Соответственно, системы правовых, организационно-технических средств должны обеспечивать это, в том числе, (а) подтверждение прокурором добровольности заявления лица, совершившего преступление, о признании им своей вины и желании ускоренного производства по делу, (б) участие защитника, (в) аудиозапись и протоколирование этого акта стороны защиты.

Третьим пунктом нашей позиции относительно оптимизации обеих моделей ускоренного производства является тезис об усилении прокурорского надзора, имеющего решающее значение для состоятельности этой процедуры и присутствующего в любом случае, когда ограничиваются конституционные права физических или юридических лиц, а также применяются меры процессуального принуждения.

В-четвертых, досудебное признание своей вины правонарушителем и согласия с обоснованным подозрением является обязательным условием для ускорения – суммирования как досудебного, так и судебного производства.

И наконец, за основу отечественной модели суммарного – ускоренного или приказного производства по уголовному делу можно взять советский опыт (а) «приказного производства» и (2) «протокольной формы».

В перспективе видится три разновидности упрощенного производства по уголовным делам на основе из элементов протокольной формы и современного сокращенного дознания, одной из этих разновидностей должно быть производство по замене наказания штрафом.

В целом, как представляется, мера договорности в ускоренных производствах достаточно велика, хотя и нельзя сказать, что упрощенные

производства имеют своим предметом полностью договорные уголовно-процессуальные отношения. Скорее, в силу принципа публичности в них доминирует усмотрение компетентных государственных органов, ведущих уголовное дело. Для принуждения к согласию на ускоренную процедуру есть и фактическая предпосылка – очевидность преступления, что подтверждается, прежде всего, задержанием, взятием с поличным, видеофиксацией преступления и пр. Объективно ситуация подталкивает лицо к согласию с подозрением, а затем и с обвинением. Поэтому добавочный элемент в виде предложения о возможности смягчения ответственности и замены ее альтернативной мерой делают этот вид упрощенных производств достаточно договорными.

Именно согласие приводит к ускорению и отказу от формализации установления уголовно-правового отношения, которое признают стороны, принятия судом решения о наличии такового в виде обвинительного приговора или решения о замене наказания альтернативной мерой уголовно-правового воздействия.

Выводы по параграфу.

Под понятие суммарного, то есть ускоренного договорно-упрощенного, производства подпадают две современные процедуры: дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), предполагающее рассмотрение дела судом в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, и производство по замене наказания штрафом (ст. 25.1, глава 51.1 УПК РФ). Это не суммарные производства в чистом виде, но наиболее близкие к нему модели, созданные на данном этапе правового развития.

Им присущи базовые свойства всех договорно-упрощенных производств: договорность и упрощенность. К ним плюсятся в качестве видовых еще два качества: ускорение и правоусмотрение.

Ускорение есть эффект суммирования, сложения отдельных элементов процедуры в более простые сущности. Суть ускорения – срочность, то есть возможно более быстрое – в идеале немедленное (не позднее следующих

суток) применение меры уголовно-правового воздействия к нарушителям уголовного закона выражена в этих двух ускоренных производствах умеренно.

Другое качество ускоренной процедуры – это преобладание дискреции над диспозитивностью или правоусмотрения государственного компетентного органа над договорной моделью. В природе этих процедур минимализация элементов соглашения вплоть до полного исключения; в них превалирует односторонняя активность органа уголовного преследования, не связность его позицией стороны защиты, как при переходе на ускоренную процедуру, так и при окончательном разрешении дела.

Основные проявления отечественной модели ускоренно-приказного (суммарного) производства в ретроспективе его исторического становления сводятся в следующем: 1) дознание (полицейское) как исходная модель для упрощения досудебной части суммарного производства, 2) сокращение проявляется в исключении следственной формы предъявления обвинения, упрощении процедуры окончания расследования, (3) упрощение распространяется не только на досудебное производство, но и на производство в суде, (4) решающая роль прокурора в определении судьбы данного производства: только через прокурора принимается решение о направлении дела в суд, хотя гособвинение может им не поддерживаться, (5) исчисление сроков процедуры в часах, (6) возможность перехода на режим обычного производства по воле обвиняемого, (7) наличие судебного контроля, (8) гарантия свободы от самоизобличения в лице защитника.

Общие конструктивные элементы модели ускоренного договорно-упрощенного производства таковы.

1. Уголовно-правовой элемент имеет место в двух проявлениях: (а) преступления небольшой или средней тяжести («уголовные проступки»), и (б) смягченный вариант уголовно-правового воздействия, вплоть до замены наказания судебным штрафом или освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию.

При этом освобождение от уголовной ответственности здесь является не назначением производства, а его побочным продуктом. Назначение его состоит в смягчении или трансформация этой ответственности из обычной в альтернативную в обмен за не оспаривание стороной защиты факта совершения преступления обвиняемым.

2. Структура упрощенного производства обязательно двусоставная, включающая досудебную и судебную части. Признаком «настоящего» суммарного производства наличие упрощения не только досудебной, но и судебной составляющих. Упрощение по двум институтам: обвинения и доказывания.

3. Договорной аспект суммарного производства проявляется в согласии «обвиняемого» как минимум по следующим пунктами позиции сторон относительно предмета процесса, определяющим исход уголовного дела: во-первых, согласие подозреваемого, обвиняемого с утверждением о том, что им совершено преступление, сформулированное в подозрении или обвинении; во-вторых, согласие обвиняемого (подозреваемого) с решением органа предварительного расследования о переводе дела в режим ускоренного производства и предполагаемым им исходом дела, в-третьих, признание обвиняемым (подсудимым) своей вины в совершении инкриминируемого ему преступления в суде, в-четвертых, согласие с окончательным решением по делу. Если кратко, то это отказ стороны обвинения от спора и подтверждение этого решением органа предварительного расследования на ускоренную досудебную подготовку дела. Отказ стороны защиты от спора означает и добровольный отказ от некоторых своих прав и процессуальных гарантий их обеспечения.

Вместе с тем надо иметь в виду и возможность бездоговорного приказного производства, при котором отсутствует согласие обвиняемого с обвинением, и он отрицает совершение «очевидного преступления».

4. Фактическое составляющее выражается в очевидности преступления, обуславливающей бесспорность дела. Одновременно

доказательственная компонента (стандарт доказывания) находится в сфере правового усмотрения органа, ведущего уголовное дело и только отчасти может быть официально ограничена в законе. Доказывание органами предварительного расследования и судом проводится в той мере, в какой это необходимо и достаточно для принятия правильных решений по делу.

Из общего смысла закона и сущности договорно-упрощенных производств вытекает, что упрощение, если угодно, то суммирование доказывания может иметь место по усмотрению органа, в чьем производстве находится уголовное дело, ввиду очевидности преступления, бесспорности, согласия стороны защиты с решениями компетентного государственного органа.

5. Субъектный состав ускоренной процедуры включает в себя со стороны защиты обвиняемого и его защитника, а со стороны обвинения вступают в уголовно-процессуальные отношения дознаватель, орган дознания (начальник подразделения дознания), но также – следователь, руководитель следственного органа. Участие потерпевшего – субсидиарное и становится значимым по решению органа, ведущего уголовное дело. Воле потерпевшего законом не придается значение условия на применение и исход процедуры, отсюда необязательность примирения,

Участие прокурора обязательно и в идеале должно быть руководящим ввиду концентрации у него обвинительной власти. Нехватка участия прокурора – признак неполноценности суммарного производства.

6. Обвинительная компонента представлена «свернутой процедурой» выдвижения обвинения вплоть до замены ее привлечением к уголовному преследованию подозреваемого без предъявления обвинения.

Участие прокурора в судебной части ускоренного обязательно. Но в перспективе возможна его замещение с разрешения прокурора на представителя органа дознания.

Первая позитивно-правовая форма ускоренного производства – это сокращенное дознание + особый порядок судебного разбирательства,

предусмотренный главой 40 УПК РФ. Здесь суммированы два сокращенных производства: досудебное и судебное. Результирующим эффектом является ускорение разрешения уголовного дела по существу.

Вторая позитивно-правовая форма ускоренного производства – это производство по замене наказания судебным штрафом (глава 51.1 УПК РФ). Включает в себя досудебную и судебную составляющие. Досудебную составляющую могут представлять сокращенное дознание, так и дознание или даже следствие, ход которого на определенном этапе прерывается (прекращается) решением органа предварительного расследования о возбуждении ходатайства перед судом о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу судебного штрафа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ). Суть ускорения в данном случае состоит в переходе от обычного порядка завершения следствия или дознания к завершению его направлением ходатайства органа предварительного следствия или органа дознания в суд. Судебная часть данного ускоренного производства представляет собой процедуру, предусмотренную частями 4–8 ст. 446.2, ст. 446.3 УПК РФ, которая представляет собой более упрощенный порядок принятия судом решения по делу, чем сокращенное судебное разбирательство, регулируемое статьей 316 УПК РФ.

Данную процедуру надо расценивать не как примирительную, а как разновидность ускоренного производства, поскольку отказ от обычного порядка производства по делу обусловлен не волей договорившихся сторон, а решением органа предварительного расследования.

Согласие подозреваемого с подозрением и примирение с потерпевшим должно приводить к переходу на производство дознания в сокращенной форме и последующим выходом органа дознания с согласия прокурора в суд для применения к обвиняемому вместо наказания штрафа. Если же применение штрафа не предполагается, то примирением потерпевшего с обвиняемым при наличии всего комплекта оснований и условий должно

влечь прекращение дела по статье 25 УПК РФ. При возможности выбора приоритет в применении должен отдаваться примирительной модели, как более гуманной и отвечающей интересам непосредственных участников уголовно-правового конфликта. Ускоренная модель применения уголовно-правового закона выглядит более жестким публично-дискреционным вариантом разрешения уголовно-правового спора, чем примирительная.

Исключение прокурора из позитивно-правовой системы данной разновидности договорно-упрощенного ускоренного производства является ее главным конструктивным недостатком. Суммарное производство может состояться как правовое явление только в справедливом – обвинительном уголовном процессе.

Наша позиция относительно перспектив модернизация данной разновидности договорно-упрощенных производств состоит в том, чтобы трактовать их как ускоренное уголовно-процессуальное производство по применению альтернативной меры уголовно-правового воздействия. Это одна из отечественных моделей суммарного приказного порядке, помещенного в общую систему смешанного типа уголовного судопроизводства, с доминированием следственного начала в его досудебной части. Здесь присутствует и договор, но и приказ – властное решение органа, ведущего уголовное дело, о переводе его в режим ускоренного производства. Это дискреционное решение принимается органом предварительного расследования не в договорном, а одностороннем, императивно-правовом режиме. Хотя предварительное согласие стороны защиты на подобный исход дела, и самое главное – согласие с позицией обвинения по факту совершения обвиняемым преступления должно быть, ибо возражение против этого на судебном этапе срывает процедуру.

Ускоренное договорно-упрощенное производство может быть двух вариантов: одно - с назначением наказания, второе с назначением не наказания, а штрафа. Именно второй вариант должен представлять обычный исход суммарного производства. И только при наличии обстоятельств,

отягчающих вину обвиняемого, в том числе, повторности совершения преступления, суд по предложению обвинителя может вынести обвинительный приговор с назначением наказания, предусмотренного санкцией применяемой статьи УК РФ.

2.3 Современные согласительные уголовно-процессуальные производства

Предметом исследования в настоящем параграфе станут согласительные уголовно-процессуальные производства, в рамках которых складываются и прекращаются договорные уголовно-процессуальные отношения сторон: публичного обвинения и защиты. К этим производствам относим в первую очередь досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), и вместе с ним – особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ).

Своей целью ставим выявление и анализ договорных отношений, складывающихся между сторонами в рамках указанных двух производств.

По мнению ученых, это разные, хотя, родственные правовые явления¹. Однако в объяснении природы этого родства изначально сложились две противоположные позиции.

В соответствии с нашей, последовательно развиваемой концепцией², трактуем правовую природу данных уголовно-процессуальных производств как договорную³.

---

¹ См.: Гричаниченко, А. В. Особый порядок судебного решения: сравнительный анализ содержания главы 40 и главы 40.1 УПК РФ, проблемы их применения // Уголовное право. 2010. № 1. С. 84.

² См.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2014. С. 42.

³ Мнение большинства опрошенных нами практиков совпадает с нашей оценкой. См.: ответы на вопрос № 11 Приложение № 1, вопрос № 11 Приложение № 2, вопрос № 11 Приложение № 3, вопрос № 11 Приложение № 4.

Между тем, большинство авторов, следуя следственной традиции, объясняют природу процедуры, регулируемой главой 40 УПК РФ, через термины «дифференциация формы», «ускорение», «упрощение» и пр., но отрицают в ней договорную сущность¹.

На досудебное соглашение до последнего времени также господствовал взгляд как результат дифференциации уголовно-процессуальной формы в публичных интересах – противодействия организованной преступности и пр.².

---

¹ См., напр.: Рыбалов, К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. Москва : Юрлитинформ, 2004. С. 22–28; Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под общ. ред. В.М. Лебедева. Москва : Юрид. лит., 2003. С. 379; Степаненко, Д. А., Днепрова М. А. Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Иркутск, 2011; Победкин, А. В., Ямин В. Н. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.Н. Григорьева. Москва, 2004. С. 472–473; Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. 5-е, изд., перераб. и доп. Москва : Норма, 2004. С. 502–504; Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. Москва : Юристъ, 2003. С. 537–538; Дубовик, Н. П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2004; Манова. Н.С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциация их форм: диссертация ... доктора юридических наук. Москва, 2005. С. 15; Перекрестов, В. Н. Уголовно-процессуальное значение признания обвиняемым своей вины в уголовном судопроизводстве РФ : диссертация ... кандидата юридических наук. Волгоград, 2010. С. 10.

² См., например: Апостолова, Н. Н. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо совершенствовать // Российский судья. 2010. № 1. С. 14–17; Бравилова, Е. А., Федосеева Е.Л. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и порядка применения: монография. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2011. С. 6; Брусницын, Л. В. Сотрудничество со следствием: какие трудности в реализации новых норм УПК РФ ожидают правоприменителя // Уголовный процесс. 2009. № 12 (60). С. 13–18; Великий, Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2010. № 2 (158). С. 84–90; он же. Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 6 (102). С. 74–80; Манова, Н. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы законодательной регламентации и практики заключения // Крымские юридические чтения. Правонарушение и ответственность: сборник материалов научно-практической конференции (Симферополь, 8 июня 2017 г.). Симферополь, 2017. С. 196–201; Пиюк. А. В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве // Законность. 2016. № 12 (986). С. 54–56; он же. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и вопросы совершенствования // Российский следователь. 2016. № 19. С. 12–15; Костенко, Н. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: диссертация ... кандидата юридических наук. Челябинск, 2013. С. 8–9; 138–141; Головизнин, М. В. Особый порядок

«Антидоговорной поход» был особенно распространен в первоначальный период развития учения об анализируемых здесь производствах. Но некоторые ученые придерживаются его и до настоящего времени¹.

Есть и другие мнения, укладывающиеся в следственную парадигму. Так, Н.А. Дудина понимает правовую природу досудебного соглашения о сотрудничестве как новую разновидность процессуальной формы деятельного раскаяния. По ее мнению, нормы о деятельном раскаянии выступают в качестве материально-правовой основы производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве². Ранее сходную позицию относительно правовой природы процедуры, регулируемой главой 40 УПК РФ, также высказывали многие ученые³ и комментаторы Уголовно-процессуального кодекса⁴.

Имеется точка зрения, согласно которой производства, предусмотренные главами 40 и 40.1 УПК РФ, равно как и их сочетание, есть ускоренные производства⁵. Придерживающиеся ее ученые отказываются признать присутствие договорного феномена в них, ограничиваясь

принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва : Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 2012.

¹ См., напр.: Качалова, О. В., Герасенков В.М. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей // Правосудие. 2022. №1. ; Корчаго, Е.В. Развитие института соглашения о признании вины в России и «Plea Bargaining» в уголовном судопроизводстве США: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 2023. С. 3; Герасенков, В. М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 2020. С. 3, 9.

² См.: Дудина, Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния: диссертация ... кандидата юридических наук. Томск, 2015. С. 18–30.

³ См.: Астафьев, Ю. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: законодательные новеллы и практические проблемы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2. С. 356–362.

⁴ См.: Безлепкин, Б.Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). Москва : Спарк, 2002. С. 367.

⁵ См.: Качалова, О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе. М., 2016. С. 122–152; Качалова, О.В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2018. №4 (89).

констатацией ускорения, что на наш взгляд, не позволяет «схватить» подлинную сущность этих производств.

В общем, как и в случае с объяснением сущности других «упрощенных» уголовно-процессуальных форм, мы имеем дело с либерально-состязательным и следственно-консервативным подходами.

Сторонников точки зрения о договорной природе анализируемых производств изначально было невелико¹, хотя в последнее время их число растет.

Признание договорной сущности досудебного соглашения о сотрудничестве есть преумножение состязательности². И напротив, отрицание договорной сущности этих производств является подтверждением верности следственной уголовно-процессуальной парадигме.

Только в последние годы некоторые авторы стали признавать договорную природу анализируемых производств³.

Предварительно можем обозначить процедуру, предусмотренную главой 40 УПК РФ, как малое или простое соглашение, а процедуру, включающую главы 40.1 и 40 УПК РФ, как большое, сложное соглашение сторон.

С нашей точки зрения, в основе двух указанных производств заложена модель «договора» или «сделки» между обвинительной властью государства и обвиняемым в совершении преступления лицом⁴. В обоих случаях

---

¹ См., напр.: Абшилава, Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. С. 6 и след.; Александрова, И.А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин, А. Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Нижний Новгород, 2007. С. 8 и след.;

² См.: Александров, А. С., Колесник В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 49.

³ См.: Маркелов, А.Г. Идея уголовно-процессуального компромисса при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : монография /под. ред. Москва : Проспект, 2023. С. 19; Тисен, О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 8-10, 116 и след.

⁴ Эту позицию мы отстаиваем многие годы.

складываются договорные уголовно-процессуальные отношения между обвинением и защитой.

Главное, что их объединяет, но и различает – это мера «согласительности», причем в отношениях непосредственно между государством в лице прокурора и обвиняемым. Эта мера наибольшая в конструкции «досудебное соглашение + особый порядок судебного разбирательства», то есть в «большом» или «сложном» уголовно-процессуальном договоре.

С юридико-технической, формальной стороны, институт договора, а потому и договорные отношения, находят наибольшую степень выражения в нормах главы 40.1 УПК РФ. Это проявляется на уровне терминологии, используемой для обозначения процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК: «соглашение».

По буквальному смыслу п. 61 ст. 5 УПК РФ, истолкованному судом, досудебное соглашение о сотрудничестве – это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения¹.

На наш взгляд, в полной мере качество «договорности» приобретает в сочетании согласительной модели, предусмотренной главой 40 УПК РФ, и уголовно-процессуальной модели досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), когда они выступают составными элементами общей договорно-правовой конструкции: большого, сложного уголовно-процессуального договора.

Реализация досудебного соглашения о сотрудничестве происходит через рассмотрение уголовного дела в отношении обвиняемого,

---

См.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 8–9, 21.

¹ См.: Постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 от 16 мая 2019 года. Текст : электронный //Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/ (Дата обращения : 22.06.2023).

заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, предусмотренную главой 40 УПК РФ. В случае разрыва этого соглашения на том или ином этапе происходит переход на общий порядок судебного разбирательства и потому о реализации договорных отношений сторон речи быть не может.

Если же в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, разбирается уголовное дело, по которому предварительное расследование проводилось в общем порядке, то, на наш взгляд, о договоре между сторонами можно говорить в сослагательном наклонении: договор между ними как бы существует, но формально не заключается и не оформляется.

Иными словами, в случае соглашения сторон о рассмотрении дела в особом порядке оно носит неформальный характер: как такового соглашения официально не заключается, и оно не оформляется. Но по факту оно существует.

Вступление в договор выражается обвиняемым в одностороннем порядке: во-первых, в виде ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с предъявленным обвинением (ст. 315 УПК РФ), а, во-вторых, выраженным перед этим согласием с обвинением, выдвинутом в ходе дознания или предварительного следствия. Со стороны прокуратуры, представляющей обвинение, подтверждением наличия договора сторон является непроведение волеизъявлению обвиняемого. Такое – фактическое согласие прокурора на применение особого порядка судебного разбирательства подтверждается утверждением им обвинительного заключения (обвинительного акта), направлением дела в суд и непосредственно, устно – в самом судебном заседании. Отрицание соглашения может быть сделано государственным обвинителем также в любой части судебного заседания, но до окончания прений сторон.

Итак, предварительно можно констатировать следующее. Согласие со стороны обвиняемого на заключение простого соглашения выражается в виде ходатайства, заявляемого в порядке, предусмотренном статьей 315 УПК РФ.

Вступление в это соглашение подтверждается прокурором: вначале при утверждении обвинительного заключения (акта) и направлении дела в суд, а затем в судебном заседании.

Что касается досудебного соглашения о сотрудничестве, то оно оформляется между сторонами в письменном виде и имеет форму процессуального документа, основные содержательные моменты которого регламентируются статьей 317.3 УПК РФ. Его заключение и реализация в форме процедуры, регламентированной главой 40 УПК РФ, образует модель сложного уголовно-процессуального договора сторон.

Надо отметить несовместимость процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ, с рассмотренными выше сокращенными процедурами, предусмотренными главами 32.1 и 51.1, 25.1 УПК РФ.

В то время как процедура, регламентируемая главой 40 УПК РФ, является продолжением производства по делу в виде дознания в сокращенной форме. Будучи «приставкой» к дознанию, предусмотренному главой 32.1 УПК РФ или досудебному соглашению о сотрудничестве, заключенному в ходе предварительного следствия, особый порядок судебного разбирательства не является самостоятельной, самодостаточной процедурой. Это всегда продолжение, судебная часть какой-то процедуры. В случае с дознанием в сокращенной форме – это часть упрощенной процедуры, в случае с досудебным соглашением о сотрудничестве – это часть согласительной процедуры – реализация соглашения сторон в суде.

Об упрощении процедур, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ, можно говорить только применительно к стадии судебного разбирательства.

Заключение соглашения сторон о сотрудничестве по делу на доказывании в стадии предварительного расследования не отражается¹. Наличие соглашения о сотрудничестве не оказывает влияния на сокращение

---

¹ Ранее, неоднократно излагали свою позицию по данному вопросу.

См.: Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 82–84.

предварительного следствия и упрощение досудебного доказывания. Тем более этого не происходит по делу, при окончании которого обвиняемый заявляет ходатайство в порядке, предусмотренном статьей 315 УПК РФ.

Предварительное расследование обстоятельств уголовного дела при любой из форм соглашения сторон осуществляется в обычном виде. Сокращение распространяется лишь на судебную форму и в содержательном плане касается судебного доказывания: «суд не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу (часть 5 статьи 316 УПК РФ)¹.

Приведем аргументы в пользу нашей позиции.

В уголовно-процессуальном доказывании можно выделить два этапа: поиск и спор. Поиск воплощен в предварительном следствии (дознании) спор имеет место в суде. Позиция стороны защиты в меньшей степени влияет на поиск, чем на спор. Если сторона защиты признает обвинение и отказывается от спора, то это приводит к принятию судом решения в пользу стороны обвинения, происходит упрощение процедуры вынесения судом обвинительного приговора или иного решения против подсудимого – о применении к нему меры уголовно-правового воздействия. Поиск сокращать нельзя, так как в основе судебного решения должны лежать установленные собранной по делу достаточной совокупностью обвинительных доказательств фактические обстоятельства дела, а не только признательные показания обвиняемого².

Усматривается общее в процедурах, предусмотренных главами 40 и 40.1 УПК РФ, в соглашении сторон относительно упрощения спора, отказе стороны защиты от оспаривания обвинения и согласие на привлечение

---

¹ См.: пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. 11 июля. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 24.07.2023).

² См.: Машовец, А.О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты : монография. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 123–141; Александров, А.С., Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 84.

обвиняемого к уголовной ответственности с применением поощрительной уголовно-правовой санкции.

Проводя параллели с зарубежными аналогами такого рода производств, прежде всего с американскими, можно выделить две разновидности такой «сделки»: простую, где имеет место простой договор сторон о применении уголовного закона и сложную – комплексную, то есть помимо договора о привлечении к уголовной ответственности обвиняемого, нагруженную еще и сотрудничеством сторон, обращенном против третьих лиц, совершивших преступления.

Поэтому, как ранее отмечалось нами¹, представляется возможным досудебное соглашение о сотрудничестве, предусмотренное главой 40.1 УПК РФ, и особый порядок судебного разбирательства, регламентированный главой 40 УПК РФ, понимать как две разновидности «сделки с правосудием», которые в американском уголовно-процессуальном праве называют «Plea Bargaining» - соглашение о признании вины².

Процедура, установленная главой 40 УПК РФ, напоминает «straight plea», а именно: сокращенный порядок рассмотрения дела по случаю согласия обвиняемого с предъявляемым обвинением. Установленное главой 40.1 УПК РФ заключение досудебного соглашения о сотрудничестве сходно с «cooperation agreement» - сделкой о сотрудничестве.

Аналогичные правовые инструменты имеются в большом количестве стран мира. Так, в Казахстане, Германии, Италии, Эстонии, других странах есть похожие согласительные производства, в основе которых лежит договор

---

¹ См.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации : доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 43.

² См.: Корчаго, Е. В. Развитие института соглашения о признании вины в России и «Plea Bargaining» в уголовном судопроизводстве США: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. Москва, 2023. С. 3.

обвиняемого с прокурором о признании обвинения и согласии на применение к нему уголовного закона в упрощенном порядке¹.

При всем различии между простой и сложной сделками между ними есть принципиальное сходство – договор и участники договора – это участники «основного» уголовно-правового отношения, которое складывается в отличие от производства по уголовному делу в общем порядке не после вступления в силу обвинительного приговора суда (постановления о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию), а с момента заявления ходатайства обвиняемым о заключении договора с государством, что подразумевает признание стороной защиты наличия данного правоотношения и совершение обвиняемым преступления.

Итак, это сделка, процессуальный договор сторон – участников базового уголовно-правового отношения, то есть правового отношения между субъектом, совершившим преступление, и государством. Факт наличия такого отношения подтверждается договаривающимися сторонами при заключении соглашения, что фиксируется в самом его содержании.

Такого мнения придерживаются и некоторые судьи, что следует из формулировок принимаемых ими судебных решений, в которых они констатируют договорную природу досудебного соглашения о сотрудничестве и констатируют, что «изменение договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения положения одного из участников соглашения по сравнению с зафиксированными в соглашении условиями **противоречит юридической природе соглашения о сотрудничестве как договора** (выделено нами – В.В. Колесник)»².

---

¹ См.: Кудайбергенова, Е. А. Правовое регулирование и практика применения процессуального соглашения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: диссертация ... кандидата юридических наук. Волгоград, 2023. С. 20–47.

² См.: Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у - 127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/ (Дата обращения : 22.06.2023).

Досудебное соглашение с обвиняемым выступает договором, сделкой о согласии его с уголовным иском, если угодно, его можно назвать и «сделкой с правосудием», но не с судом.

Вполне осознаем всю условность и ограниченность понятия «договор сторон» в контексте смешанного типа уголовного процесса и следственной формы предварительного следствия, в которую облечена эта правовая конструкция.

И здесь надо сказать о факторе суда для понимания специфики отечественной модели соглашения сторон о вынесении обвинительного приговора в связи с признанием вины обвиняемым в совершении преступления.

Приведем пример, иллюстрирующий сказанное, из описательно-мотивировочной части судебного решения: «... после заключения с подозреваемым Большаковым В.А. досудебного соглашения о сотрудничестве, лицом, производящим расследование по уголовному делу, Большакову В.А. ДД.ММ.ГГГГ было предъявлено новое обвинение, в совершении трех преступлений, предусмотренных п. «б» ч.3 ст.228.1, ч.1 ст.228, ч. 1 ст.174.1 УК РФ, на основании которого прокурор вынес представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу. В то же время, согласно ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ, при изменении прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве, должно быть составлено новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, предусмотренном ст. 317.3 УПК РФ. Однако в материалах уголовного дела новое досудебное соглашение о сотрудничестве с Большаковым В.А. отсутствует.

При этом заключенное с Большаковым В.А. по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч.3 ст.228.1 УК РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве от ДД.ММ.ГГГГ, составлено с нарушением требований ч.2 ст.317.3 УПК РФ, а именно в нем не указано описание преступлений, в совершении которых подозревался

Большаков В.А., с указанием времени, места их совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с п. 1 - 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а также не указан пункт, часть, статья УК РФ, предусматривающая ответственность за данные преступления, при том, что Большаков В.А. на тот момент подозревался в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч.3 ст.228.1 и ч.1 ст.228 УК РФ. Кроме того, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве Большакову В.А., вопреки требованиям ч.2.1 ст.317.3 УПК РФ, прокурором не разъяснено, что в случае отказа от дачи показаний в суде в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, с учетом положений пункта 2 части четвертой статьи 46, пункта 3 части четвертой статьи 47 УПК РФ его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу; что на основании статьи 317.8 УПК РФ приговор может быть пересмотрен, если после назначения подсудимому наказания будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, им не соблюдены условия и не выполнены обязательства, предусмотренные досудебным соглашением о сотрудничестве; что после рассмотрения в порядке, предусмотренном статьей 317.7 УПК РФ, уголовного дела, выделенного в отношении его в отдельное производство, он может быть привлечен к участию в уголовном деле в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления. Таким образом, на досудебной стадии производства по делу допущены существенные нарушения норм уголовно-процессуального закона, которые путем лишения и ограничения прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства влияют на постановление законного, обоснованного и мотивированного решения, отвечающего требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Вышеуказанные нарушения требований УПК РФ, заведомо лишившие и ограничившие права Большакова В.А. на рассмотрение в отношении него уголовного дела в порядке главы 40.1 УПК РФ, с применением специальных правил смягчения наказания,

свидетельствуют, в том числе, и о нарушении права Большакова В.А. на защиту, которое является существенным, неустранимым в ходе судебного разбирательства, исключает принятие по делу судебного решения, отвечающего требованиям справедливости, и свидетельствует, в том числе, о несоответствии обвинительного заключения требованиям УПК РФ. В этой связи уголовное дело по обвинению Большакова В.А. в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч.3 ст.228.1, ч.1 ст.228, ч. 1 ст.174.1 УК РФ, подлежит возвращению прокурору Приокского района г. Нижнего Новгорода на основании п. 1 ч.1 ст.237 УПК РФ для устранения препятствий его рассмотрения судом»¹.

В данном случае суд не позволил реализоваться соглашению сторон через механизм возвращения уголовного дела прокурору². Это достаточно важное, с нашей точки зрения, дополнение к принципу активности суда в обеих анализируемых согласительных процедурах.

Пленум Верховного Суда России настаивает на проявлении судом активности, особенно в новой редакции его постановления от 28 июня 2012 № 16 (ред. от 29.06.2021), посвященного институту досудебного соглашения о сотрудничестве, согласно которому:

- суд уполномочен проверять соблюдения условия, указанного в пункте 1 части 2 статьи 317.6 УПК РФ (пункты 9.1, 14)³;

---

¹ Постановление Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода о возвращении уголовного дела прокурору от 12.04.2022. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/bVsS2KHgNwLj/ (Дата обращения 22.06.2023).

² Одновременно, данное решение зафиксировала важный, с нашей точки зрения правовой стандарт, на котором остановимся подробнее далее, а именно: необходимость соблюдения запрета на поворот к худшему при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

³ Это положение находит яркое проявление и развитие, например в такой судебной формулировке: «Суд обязан исследовать характер и содействие подсудимого следствию, значение сотрудничества с подсудимым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников. В зависимости от указанных выше обстоятельств суд приводит в приговоре описание преступного деяния, а также свои выводы о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве».

См.: Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -

- если будет установлено, что эти условия не соблюдены, то суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке (часть 3 статьи 317.6 УПК РФ) (пункт 14);

- проверяя обстоятельства, указанные в пунктах 1, 2 и 3 части 4 статьи 317.7 УПК РФ, суд исследует не только имеющиеся в уголовном деле материалы, но и иные представленные сторонами документы (пункт 16);

- при исследовании характера и пределов содействия подсудимого следствию (пункт 1 части 4 статьи 317.7 УПК РФ) (пункт 16);

- исследование обстоятельств, характеризующих личность подсудимого, смягчающих и отягчающих наказание, может проводиться судом в том числе путем оглашения дополнительно представленных сторонами материалов, а также допросов свидетелей (пункт 16);

- проведение судебного разбирательства в особом порядке, когда с обвиняемым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не освобождает суд от обязанности исследовать вопросы, касающиеся гражданского иска, и принять по нему решение (пункт 16);

- если в ходе исследования судом степени угрозы личной безопасности, которой подвергались подсудимый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица (пункт 4 части 4 статьи 317.7 УПК РФ), установлено наличие оснований, предусмотренных в части 3 статьи 11 УПК РФ, суд вправе применить к ним любые меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, предусмотренные законодательством Российской Федерации, если такое решение не было принято органами предварительного расследования или прокурором (пункт 17);

- по смыслу статьи 63.1 УК РФ, части 4 статьи 317.6 и части 5 статьи 317.7 УПК РФ, если установлено, что подсудимым были представлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора иные существенные обстоятельства совершения преступления либо его содействие следствию заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности или подсудимым не соблюдены все условия и не выполнены все обязательства, предусмотренные заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве, суд выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства. Суд, переходя к общему порядку судебного разбирательства, обеспечивает сторонам возможность дополнительной подготовки к судебному заседанию и с этой целью, с учетом мнения сторон, объявляет перерыв в судебном заседании либо выносит постановление о его отложении на определенный срок. В случае принятия решения о прекращении особого порядка судебного разбирательства суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе при наличии к тому оснований вправе возвратить уголовное дело прокурору для соединения уголовных дел (п. 19);

- если суд придет к выводу, что в силу тех или иных предусмотренных законом оснований невозможно проведение судебного разбирательства в порядке, установленном главой 40.1 УПК РФ, то по уголовным делам о преступлениях, указанных в части 1 статьи 314 УПК РФ, в целях обеспечения права подсудимого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства при согласии его с предъявленным обвинением суд вправе при наличии соответствующего ходатайства подсудимого и согласия государственного обвинителя и потерпевшего продолжить разбирательство с соблюдением требований главы 40 УПК РФ (пункт 21);

- обвинительный приговор должен содержать выводы суда о соблюдении подсудимым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о

сотрудничестве. В приговоре, в частности, указывается, что обвинение обоснованно, подтверждается собранными по делу доказательствами, а подсудимый понимает существо предъявленного ему обвинения и соглашается с ним в полном объеме; досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено им добровольно и при участии защитника; какое содействие следствию им оказано, в чем именно оно выразилось; приводятся результаты проведенного в судебном заседании исследования обстоятельств, указанных в части 4 статьи 317.7 УПК РФ (п. 22.1)¹;

- глава 40.1 УПК РФ не содержит норм, запрещающих принимать по делу, рассматриваемому в особом порядке в связи с досудебным соглашением о сотрудничестве, иные, кроме обвинительного приговора, судебные решения. В частности, содеянное подсудимым может быть переквалифицировано, а уголовное дело прекращено судом (в связи с изменением уголовного закона, истечением сроков давности, актом об амнистии и т.д.) (пункт 23);

- в тех случаях, когда по уголовному делу установлено соблюдение всех условий и выполнение всех обязательств, предусмотренных в досудебном соглашении о сотрудничестве, однако суд в силу тех или иных оснований выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства (например, если содеянное подсудимым подлежит переквалификации и для этого требуется исследование собранных по делу доказательств), при судебном разбирательстве в общем порядке суду следует назначать подсудимому наказание по правилам части 2 или части 4 статьи 62 УК РФ (пункт 25).

В судебной практике в развитие данного направления в понимании правовой природы главы 40.1 УПК РФ зафиксированы следующие, на наш

---

¹ Суд понимает это как свою обязанность проверить наличие «добровольного желания на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве».

См.: Апелляционное определение № 22-4369/2014 от 26 июня 2014 г. по делу № 22-4369/2014 Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/tlJ3boXMmiNI/ (Дата обращения : 22.06.2023).

взгляд, принципиальные положения:

- обязанность государства по обеспечению такой процедуры судопроизводства по уголовному делу, в том числе в законодательно предусмотренной ускоренной и упрощенной его форме, итогом которого является объективное установление обстоятельств совершения преступления, как фундаментального условия принятия законного и справедливого итогового судебного решения в отношении виновного лица¹;

- недопустимость отступления от соблюдения общих для всех форм уголовного судопроизводства принципов осуществления правосудия, равно как и понижения уровня законодательно установленных гарантий прав и законных интересов участников судебного разбирательства; необходимость соблюдения общих для всех форм уголовного судопроизводства принципов осуществления правосудия: «Недопустимо понижение уровня гарантий прав и законных интересов участников судебного разбирательства, установленных, в том числе главой 40.1 УПК РФ»²;

- после предъявления нового обвинения позиция осужденного о намерении продолжить сотрудничество со следствием после предъявления ему обвинения должна быть отражена в протоколе допроса или иных документах³.

- вменение осужденному новых эпизодов преступной деятельности, то есть изменение договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения

---

¹ См.: Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у - 127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года//sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/; Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу № 22К-788 от 8 февраля 2018 г. //sudact.ru/regular/doc/lAwR2MTKV66Y/

² См.: постановление Тигильского районного суда о возвращении уголовного дела прокурору по делу № 1-10/2019//sudact.ru/regular/doc/JEybGO37ppIW/; Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года//sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/

³ См.: Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу № 22К-788 от 8 февраля 2018 г. //sudact.ru/regular/doc/lAwR2MTKV66Y/; Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. URL: sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/

положения одного из участников соглашения по сравнению с зафиксированными в соглашении условиями противоречит юридической природе соглашения о сотрудничестве как договора¹.

О защите прав обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве довольно подробно пишет Г.Я. Борисевич².

Итак, по смыслу закона в истолковании его Пленумом Верховного Суда России, и сформировавшемся в судебно-следственном правовом стандарте, суд, во-первых, не связан позицией и волей сторон в соглашении, во-вторых, он обязан проявить активность в проверке как доказанности обвинения и в установлении вины подсудимого в совершении преступления, так и выполнения им условий соглашения с прокурором, в-третьих, суд вправе сам оценивать выполнение обстоятельств и условий соглашения, достижение целей, для которых оно было принято, в-четвертых, суд свободен в оценке фактов, с которыми согласились стороны, в-пятых, суд вправе отказаться от признания правовых последствий, вытекающих из заключения соглашения о сотрудничестве и применить материальный и процессуальный законы, которые считает нужным.

В случае если судья усомнится в достаточной доказанности обвинения, а также в соблюдении условий, то имеет право отказаться от проведения

---

¹ См.: Постановление о возвращении уголовного дела прокурору Приокский районный суд г. Нижний Новгород // sudact.ru/regular/doc/bVsS2KHgNwLj/; Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. URL: sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/

² Борисевич Г.Я. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской. Сб. научных трудов. М.: 000 «Изд-во «Элит»». 2011. С. 351- 356; Борисевич Г.Я. Обеспечение реализации законного интереса подозреваемого (обвиняемого), предусмотренной главой 40.1 УПК РФ // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. Выпуск 2(12). ПГУ. С. 209 – 224; Борисевич Г.Я. О применении на предварительном следствии и в судебном разбирательстве уголовных дел положений главы 40.1 УПК Российской Федерации // Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами: пособие-книга. Прокуратура Пермского края. Пермь. 2011. С. 174-204.

судебного разбирательства в особом порядке и определяет судебное разбирательство в обычном порядке (ч. 6 ст. 316, ч. 3 ст. 317.6 УПК РФ), тем самым обнуляя соглашение сторон и итоги их досудебного сотрудничества и не позволяя реализоваться к обвиняемому мерам по смягчению ответственности. Как ранее отмечалось нами, отличительный признак российской модели «уголовно-процессуального соглашения сторон» или «сделка о признании обвинения» состоит в принципе активности суда¹.

В науке есть позиция против активности суда, подрывающая договорные отношения сторон. Так, Г. В. Абшилава указывает на угрозу всему институту досудебного соглашения о сотрудничестве, исходящую от чрезмерно «активного судьи», соответственно у стороны защиты будут разумные сомнения вступать в соглашение о признании вины с обвинителем, предвидя, что оно не сможет быть реализовано в суде². Впрочем, пока следственно-судебная практика не подтверждает такого рода опасений. Об этом свидетельствуют и проведенные нами опросы практиков³.

Итак, отечественная доктрина уголовного процесса настаивает на активном участии суда в рассмотрении как большого, так и малого соглашения сторон относительно исхода дела. Она отрицает «торг» относительно как обвинения, так фактов и обязывает суд по своему внутреннему убеждению на основе доказательств дела принимать решение по делу. Этим обуславливается неопределенность судьбы соглашения, которая, получается, полностью зависит от воли суда. К счастью, судебная практика не стала развиваться в столь «антидоговорном» направлении, который вошел бы в очевидное противоречие с запретом на поворот к худшему положения подсудимого по сравнению с тем, что изначально предлагалось в договоре сторон. Доказательством тому является ряд

---

¹ Александров А.С., Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 107-108

² См.: Абшилава Г.В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. С. 387.

³ См.: ответы на вопросы №№ 22, 23 Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 22, 23 Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 22, 23 Приложение № 4.

судебных решений¹, которые мы прокомментируем далее. Суть их в том, что суд считает себя связанным тем обвинением, которое было зафиксировано в соглашении о сотрудничестве и расценивает выход прокурора за пределы этого обвинения как изменение договора в одностороннем порядке, что противоречит юридической природе соглашения о сотрудничестве как договора².

Судебная власть совмещает, с одной стороны, положение об активности суда в оценке и реализации соглашения сторон, но с другой стороны, исходит из запрета на поворот к худшему меру, состязательности в определении правового стандарта отечественных форм согласительных производств и отношений сторон в этих производствах.

Возвращаясь к иным подходам в трактовке правовой природы анализируемых нами процедур, надо сказать следующее.

Конечно, формально дифференциация формы здесь имеет место, но главное не в этом. Как минимум, по нашему мнению,³ теория «единства и дифференциации формы» может быть дополнена теорией уголовно-процессуального договора, характеризующей природу досудебного соглашения о сотрудничестве, но также и ряда других производств.

Связь с ускорением, упрощением у них есть, но это суть, а не причина, это последствия, внешнее проявление глубинного, сущностного, что в них есть. Причина состоит в соглашении между государством и обвиняемым, оно порождает последствия в виде соответствующей процессуальной активности

---

¹ Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. URL: sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/

² Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. URL: sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/

³ Эту позицию мы отстаиваем в опубликованных ранее работах.

См., напр.: Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2014. С. 9, 187–194; Александров А.С., Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 15-18; 151-158.

сторон и окончательного решения по делу. Разумеется, мы не отрицаем того, что досудебное соглашение о сотрудничестве выступает своего рода «переключателем», с помощью которого механизм производства по уголовному делу запускает ускоренный режим работы и при том, что экономятся силы и средства органов уголовной юстиции¹. Однако, это все опять же следствия, результаты, порождаемые соглашением сторон – стороны соглашаются на это в виду признания отсутствия спора между ними.

Упрощение, как и сокращение здесь не главное, это не цель, а средство, способ достижения целей сторон, о которых речь пойдет далее.

Еще один аргумент против трактовки малого и большого соглашений сторон как «просто» ускоренных производств состоит в том, что предварительное расследование по ним проводится в общем порядке, а при заключении досудебного соглашения – только в форме предварительного следствия. Таким образом, никакого «упрощенчества» в доказывании, в досудебном производстве по уголовному делу не происходит. Это может иметь место при рассмотрении дела судом в особом порядке, то есть в ограниченном виде.

Заметим, что если в первых исследованиях признание производств, регулируемых главами 40, 40.1 УПК РФ было редкостью, то теперь это признают все больше и больше исследователей не только российских², но и из государств-участников СНГ³.

Так, например, К.Ф. Багаутдинов определяет досудебное соглашение о сотрудничестве как «новый способ раскрытия преступлений в целях сбора

---

¹ См.: Александров А.С., Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 12, 43.

² См., напр.: Климанова О.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017; Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : монография. Москва: Юрлитинформ, 2016.

³ См.: Корчаго Е.В. Соглашение государства с правонарушителем о сотрудничестве: разновидность договорного и обязательственного права // Уголовное судопроизводство. 2019. № 4. С. 37–42.

доказательств, изобличения всех участников преступления, который имеет договорную природу и представляет собой соглашение между государством в лице прокурора и лицом, совершившим преступление и желающим сотрудничать со следствием»¹.

Аналогичный подход демонстрирует и Е.А. Кудайбергенова, которая пишет о «наличии признаков двустороннего характера достижения выгодного решения для каждой из сторон (обвинения и защиты) *с помощью договора* (выделено нами – В.В. Колесник) или применения альтернативного наказания за совершенное деяние»².

Не случайно, а закономерно авторы, придерживающиеся договорной трактовки процедур, предусмотренных главами 40, 40.1 УПК РФ, ссылаются на цель, которая по замыслу законодателя заложена в них.

Усматриваем договорную природу этих феноменов в прагматике – связи правовой конструкции с предполагаемым законодателем результатом ее применения на практике. Назначение соглашения о сотрудничестве по смыслу ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ состоит в том, чтобы через соглашение добиться значимого для обеих сторон юридического результата: для стороны обвинения – это получение содействия от обвиняемого в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании иных лиц, розыске имущества, добытого иными лицами преступным путем, а также быстрое и эффективное разрешение уголовного дела в отношении обвиняемого, вступившего в соглашение. Интерес обвиняемого в заключении соглашения состоит в том, чтобы добиться предусмотренного законом смягчения уголовной ответственности. Впрочем, со стороны обвиняемого цель иная – частная, забота о себе – смягчение ответственности и только как субсидиарная – ради справедливости.

---

¹ Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. С. 8.

² Кудайбергенова Е.А. Правовое регулирование и практика применения процессуального соглашения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: дис. ...канд. юрид. наук. Волгоград, 2023. С. 9.

Целью простого соглашения сторон (глава 40 УПК РФ) является правильное и быстрое разрешение уголовного дела – вынесение судом справедливого обвинительного приговора с назначением смягченного по закону наказания, а также возмещение вреда, причиненного потерпевшему.

Впрочем, в науке существует достаточно большой набор трактовок целевой направленности анализируемых нами уголовно-процессуальных производств. Так, ученые усматривали конкретные проявления цели соглашения о сотрудничестве в следующем: раскол позиции защиты, «переманивание» на сторону обвинения одного из преступников для изобличения других и его самого¹; оказание противодействия организованной преступности², привлечение к уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, раскрытие которых представляет сложность³; повышение результативности борьбы с любой групповой преступностью, прежде всего – привлечение к уголовной ответственности организаторов⁴; в способствовании быстрому и эффективному раскрытию и расследованию других преступлений, ранее не известных правоохранительным органам⁵; процессуальной экономии; оптимизации уголовного процесса; гарантированном снижении обвиняемому (подозреваемому) наказания; применение поощрительной уголовно-правовой санкции к лицу, оказавшему содействие следствию; сокращении уровня латентной преступности, количества нераскрытых преступлений⁶.

---

¹ См.: Никаноров С.А. Процессуальное положение прокурора в сокращенных процедурах уголовного судопроизводства: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2015. С. 9, 143.

² Головинско,й И.В., Головинского М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: монография. Владимир, 2011. С. 104.

³ См.: Баев, О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения Москва : Норма, Инфра-М, 2013.

⁴ См.: Баев, О.Я. Указ. соч. С. 29.

⁵ См.: Ковалев, Р.Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2014. С. 48.

⁶ См.: Иванов, А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения в российском уголовном процессе. Челябинск, 2013.

Если суммировать эти позиции, то можно заключить, что в назначении полной модели уголовно-процессуального соглашения доминирует не частный, а публичный интерес: борьба с преступностью. Достижение частного интереса обвиняемого, потерпевшего вторично. Хотя защита прав и свобод человека и гражданина, как высшая правовая ценность здесь также имеет место. Но через активность суда, а также органов публичного уголовного преследования. Притом надо иметь в виду и то, что договором затрагиваются интересы третьих - иных лиц, совершивших какие-либо нераскрытые преступления, выявление которых неосуществимо без деятельной помощи со стороны указанного обвиняемого. Здесь публично-правовая направленность соглашения особенно ярко проявляется.

Ранее мы отмечали, что для прокурора «выгода» от заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым заключается в значительной экономии сил и времени в выявлении и изобличении лиц, совершивших эти преступления¹. Теперь склонны дать более публично-правовую оценку и считаем, что целью заключения соглашения для прокурора – борьба с преступниками, противодействие наиболее опасной преступности. Причем с соблюдением общепризнанных международно-правовых стандартов справедливого судопроизводства².

Подытоживая, можно сказать, что назначение соглашения сторон состоит в том, чтобы согласовать воли, интересы, цели сторон, найти консенсус, и принять взаимовыгодное решение по делу, с балансом частного и публичного начал³. При этом назначением соглашения сторон не

С. 6–7; Тертышная, О. А. Уголовно-процессуальный механизм досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук. Воронеж, 2014. С. 8, 23–24.

¹ См.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 51.

² См.: Рудич, В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты : диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2013. С. 38.

³ См.: Александров, А.С., Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 84.

охватывается определением основания¹ уголовной ответственности, оно не может трактоваться как способ частичной, тем более полной декриминализации содеянного в реальности обвиняемым в обмен за услугу в виде защиты «конституционного строя» от наиболее опасных криминальных угроз в лице организованной преступности². Можно говорить о смягчении уголовной ответственности, даже освобождении от таковой, но не по воле сторон, а по воле закона, исполняемой судом.

Рассмотрим, в чем конкретно проявляется договорная сущность анализируемых двух согласительных производств.

Как уже говорилось нами в первом параграфе первой главы диссертации, конструкция или схема договора включает такие элементы: стороны, основание, предмет, условия, срок, прекращение и пр., которые и будут далее рассмотрены применительно к анализируемым здесь производствам.

Если исходить из того, что договор – соглашение воле двух субъектов, то надо в первую очередь обратить внимание на этих субъектов, чьи воли согласуются. Набор их в простом и сложном соглашениях различный.

Со стороны защиты участниками «сделки» выступают обвиняемый и его защитник. По этому вопросу в науке дискуссии не столь острые, поскольку предписания закона в этой части однозначны.

Исходим из запрета на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с тремя субъектами: частным обвинителем - по делам частного обвинения, несовершеннолетним обвиняемым - по делам в отношении несовершеннолетних, а также лицами, страдающими психическими заболеваниями – по делам о применении принудительных мер медицинского характера.

---

¹ В материально-фактическом понимании этого понятия, на чем далее мы остановимся.

² См.: Александров, А.С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 1. С. 54–57.

До разъяснений Пленума Верховного Суда РФ¹ дискуссионным оставался вопрос о возможности несовершеннолетних лиц заключать соглашение, на что косвенно указывает часть 1 ст. 317.1 УПК РФ, редакция которой, к сожалению, до сих пор остается неизменной, что вводит в искушение некоторых исследователей².

Участником со стороны защиты в соглашении, как простом, так и сложном, могут быть только совершеннолетний обвиняемый и его защитник.

Обязательное участие защитника-адвоката служит не только процессуальной гарантией законности и добровольности подачи ходатайства, но и условием использования обвиняемым этим правом, ибо без подписи защитника ходатайство не имеет юридической силы и не подлежит рассмотрению. Участие защитника согласно части 2 статьи 317.7 УПК РФ является обязательным условием реализации соглашения сторон в суде. Как указывает Пленум Верховного Суда России, судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника. В силу этого отказ подсудимого от защитника не может быть принят судом, а ходатайство подсудимого о судебном разбирательстве в его отсутствие не может быть удовлетворено³.

Так что защитника можно считать участником договорных отношений, но если обвиняемый остается одним и тем же, то защитник может заменяться. В этом различие участия в договорных отношениях представителей стороны защиты⁴.

---

¹ См.: пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

² См., напр.: Овсянников, И .В. Допустимо ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним? // Законность. 2016. № 6 (980). С. 57–60; Иванов. А.А. Указ. соч. С. 88.

³ Пункт 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

⁴ Несомненно, что замена адвоката может сказаться на отношении защиты к соглашению. На практике имеют случаи отказа подсудимого от ранее данного согласия на и не признания вины по предъявленному обвинению со ссылкой на то, что был обманут адвокатом, участвовавшим по делу в стадии предварительного расследования по назначению.

Обвиняемый является субъектом диспозитивного права на заявление ходатайства как о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 315 УПК РФ), так и о рассмотрении уголовного дела в особом порядке (ст. 317.1 УПК РФ).

Закон определяет ряд условий для подачи такого ходатайства, главное из которых касается период, во время которого обвиняемый вправе использовать это свое право.

Для реализации своего права на заключение простого соглашения обвиняемый ограничен периодом ознакомления с материалами уголовного дела, хотя Пленум Верховного Суда допустил подачу такого заявления в стадии назначения судебного заседания¹.

Большой временной простор предоставляет закон для реализации обвиняемым, подозреваемым права на подачу заявления о заключении с ним «большого договора» - соглашения о сотрудничестве. Этим правом он может воспользоваться согласно закону с момента возбуждения уголовного дела и получения статуса подозреваемого до направления прокурором уголовного дела в суд².

Такого рода примеры встретились нам при изучении следственно-судебной практики. В ходе рассмотрения уголовного дела № № 1-127/201 в отношении подсудимого Э.О.П., который обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 172 ч. 2 п.п. «а, б», 173¹ п. «б», 210 УК РФ и с которым в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве уголовное дело было выделено из уголовного дела №11801220089000138, подсудимый П.Э.О. отказался признать свою вину совершения инкриминируемых ему преступлений, воспользовавшись правом, предусмотренным статьей 51 Конституции РФ. Суд прекратил судебное разбирательство в особом порядке, вынес постановление в соответствии с ч. 6 ст. 316 УПК РФ. А затем возвратил дело прокурору в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

См.: Постановление Кстовского городского суда от 4 апреля 2019 года о возвращении уголовного дела № 1-127/201 прокурору для соединения уголовным дел / Уголовное дело № 1-127/201 (№ 11801220089000138) по обвинению П.Э.О. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 172 ч. 2 п.п. «а,б» и 173.1 ч. 2 п. «б», 210 УК РФ. Т // Архив Кстовского городской суда Нижегородской области.

¹ См.: пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

² Определение этой граница вызывает споры в теории. Неоднозначна и практика, на которую ссылаются ученые в обоснование своей позиции.

Придерживаемся мнения, согласно которому пока дело находится в распоряжении у прокурора обвиняемый вправе обратиться к нему с ходатайством. Если дело уже

В науке высказывалось мнение об ограничении права на изъявление воли стороной защиты на заключение соглашения выдвижением обвинения, то есть чтобы субъектом права на подачу ходатайства выступал только обвиняемый¹, но не подозреваемый. Ранее мы также выступали за, чтобы обвинение было предъявлено до заключения досудебного соглашения² и соответственно, получены его признательные показания.

Однако, теперь более правильной и заслуживающей поддержки признаем точку зрения о снятии формального ограничения к процессуальному статусу лица, фактически привлеченного к уголовному преследованию, на заявление такого ходатайства, в том числе, например при явке с повинной³.

Считаем разумным допустить возникновение договорных отношений между лицом, в отношении которого ведется проверка на причастность к совершению преступления, и государством в лице прокуратуры в стадии возбуждения уголовного дела и даже в ходе оперативно-розыскной деятельности. Как показывает следственно-судебная практика раскрытия преступлений прошлых лет, уже после осуждения в результате оперативной разработки отбывающие наказания лица изъявляют желание сотрудничать со следствием.

Не предусмотрено законом количество попыток со стороны обвиняемого ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Такие ходатайства он может подавать неоднократно,

---

находится в производстве у суда, то по данному делу реализовать схему уже нельзя. Хотя вступить заявить о своем желании сотрудничать обвиняемый может в любое время, в том числе и после осуждения. Однако, в таком случае должно быть возбуждено новое уголовное дело.

¹ См.: Иванов, А. А. Указ. соч. С. 88; Топчиева, Т. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук. Санкт-Петербург, 2013. С. 17–19; Головизнин, М. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва : Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина, 2012. С. 15.

² См.: Александров, А. С., Колесник В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 67.

³ См.: Багаутдинов, К. Ф. Указ. соч. 9, 47.

получив отказ на удовлетворение. Однако, полагаем, каждое новое ходатайство, его мотивировка, аргументация полезности сотрудничества, набор предложений со стороны защиты не могут быть одними и теми же.

Право на удовлетворение такого ходатайства является диспозитивным правом¹ как со стороны следователя, руководителя следственного органа, так и прокурора. При этом закон не ограничивает их какими-либо указаниями на препятствия к заключению соглашения, хотя на практике те или иные обстоятельства, могут быть указаны при мотивировке отказа заключить соглашение с обвиняемым. Например, наличие у него рецидива, особая тяжесть совершенного им преступления (преступлений), иные отягчающие обстоятельства².

Завершая исследование диспозитивного права обвиняемого на вступление в договорные отношения со стороной обвинения путем заявления соответствующего ходатайства, надо сказать о его гарантиях. К таковым относим, во-первых, состязательность и право обвиняемого на защиту³. Реализацию обвиняемым своего права на подачу ходатайства на проведение любой из двух согласительных процедур мы считаем способом достижения им своего интереса на защиту от обвинения и наказания.

Далее, к процессуальным гарантиям права на вступление обвиняемого в соглашение со стороной обвинения являются судебный контроль: который реализуется через обжалование в суд действий и решений органа предварительного следствия и прокурора после заключения досудебного соглашения, а равно в судебных стадиях, а также правовой стандарт

---

¹ См.: Александрова, И.А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Н. Новгород, 2007. С. 79–80.

² См.: Александров, А. С., Колесник В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 78.

³ Именно в таком смысле можно толковать правовые позиции Конституционного Суда России. См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Каравая Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47, 56, 278 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного суда Российской Федерации от 23.12.2014 № 2951-О // СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 29.07.2023).

активности суда. Прокурорский надзор также является гарантией данного права обвиняемого – через обжалование прокурору в порядке ст. 124 УПК РФ решений и действий следователя, руководителя следственного органа, нижестоящего прокурора, препятствующих обвиняемому воспользоваться правами на заключение соглашения и реализацию его в рамках закона.

Полагаем, что прокурорский надзор и судебный контроль выступают гарантиями добросовестного выполнения обеими сторонами условий соглашения о сотрудничестве. Что касается простого договора то здесь процессуальной гарантией выступает только суд первой и вышестоящих инстанций.

Со стороны государства субъектом уголовно-процессуального договора выступает прокурор, остальные органы публичного уголовного преследования выступают вспомогательными – содействующими прокурору субъектами.

Наибольшую дискуссионность вызывает монопольное право прокурора за заключение соглашения о сотрудничестве. Данный аспект существующей позитивно-правовой конструкции договорных отношений сторон вызвал повсеместную критику со стороны отечественных ученых-процессуалистов. Стало общим местом требовать отмены исключительного полномочия прокурора представлять от имени государства сторону договорных правоотношений¹.

Впрочем, как Конституционный Суд РФ², так и Пленум Верховного Суда РФ¹ подтвердили то, что заключение досудебного соглашения о

---

¹ См.: Головинская, И.В., Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве. С. 29; Костенко Н.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации. Челябинск, 2013. С. 10, 120–128; Головинский, М.В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2012; Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки // ЮП. 2018. № 3 (86).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1481-О-О по жалобе Ковальчука В.С. и Ковальчук Т.М. на нарушение их конституционных прав ч. 2 ст. 317.6 УПК РФ. Текст : электронный // Конституционный суд РФ: [сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/>

сотрудничестве с одним или несколькими из них является правом прокурора².

Прокурор выступает субъектом диспозитивного права на заключение с обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве. Он же обладает и дискреционным полномочием на оценку результатов этого сотрудничества и направления дела в суд с ходатайством о рассмотрении дела в особом порядке в связи с положительной оценкой результатов досудебного сотрудничества с обвиняемым.

Расцениваем право на заключение как диспозитивное, поскольку здесь договорное отношение. Между тем, в дальнейшем прокурор уже действует уже как правоприменитель в публично-правовом режиме. Потому действия и решения прокурора в связи с реализацией соглашения о сотрудничестве в ходе досудебного производства и в суде надо рассматривать в свете дискреционного усмотрения, а не диспозитивной свободы выбора.

Вторично прокурор выступает единомоментно как субъект диспозитивности в суде, когда определяется с вопросом о том, продолжить ли договорную схему реализации норм уголовного права в отношении подсудимого или отказаться от нее и ходатайствовать перед судом о переходе на общий порядок судебного разбирательства.

Против позитивно-правовой модели, в которой закреплена эта прокуроро-центричная конструкция, выступали многие ученые, предлагая ей, исходя из концепции о процессуальной самостоятельности следователя, альтернативы, как радикальные, так и компромиссные, где вместо прокурора

---

¹ См.: пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

² Подробный анализ позиций высших органов судебной власти по данному вопросу мы свое время дали в одной из наших статей.

См.: Александров, А.С., Колесник В.В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России // Российский следователь. 2013. № 19. С. 16–22.

субъектом соглашения выступал бы следователь, единолично или совместно с руководителем следственного органа¹.

Так, О.Я. Баев предлагал включить в законодательство процедуру «предварительного досудебного соглашения», которое, по его мнению, должно заключаться между следователем и обвиняемым, подозреваемым, причем в отсутствие защитника².

Своеобразна позиция М.Е. Кубриковой, согласно которой, досудебное соглашение о сотрудничестве должно утверждаться судом по месту проведения предварительного следствия³.

Полагаем, это предложение неприемлемым, так как суд выступает не стороной в деле, не субъектом соглашения сторон⁴, а тем органом, к юрисдикции которого относится окончательное решение вопроса о применении уголовно-процессуального и уголовного законов по делу.

Считаем, что изначально заложенная в существующую позитивно-правовую конструкцию, предусмотренную главой 40.1 УПК РФ, модель в качестве договаривающихся сторон подразумевает только прокурора и обвиняемого (подозреваемого)⁵. Иными словами, договаривающимися сторонами выступают прокурор и сторона защиты, а следственный орган (следователь и руководитель следственного органа) только лишь ходатайствуют перед прокурором, тем самым осуществляют второстепенную функцию, которая является правильной и оптимальной.

---

¹ См.: Дудина, Н. А. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве - право следователя или прокурора? // Российский следователь. 2019. № 10. С. 13–16; Шумилин, С.Ф. Механизм реализации полномочий следователя на разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве нуждается в совершенствовании // Российский следователь. 2010. № 5. С. 9–11.

² См.: Баев, О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения. Москва : Норма, Инфра-М, 2013. С. 78.

³ См.: Кубрикова, М. Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук. Челябинск, 2013. С. 9.

⁴ Как пишет А.А. Васяев, суд не может быть субъектом сделки. См.: Васяев, А. А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением // Современное право. 2010. № 2. С. 92

⁵ Этот вывод вытекает и из буквального толкования смысла части третьей статьи 317.3 УПК РФ.

Заметим, что следователь, равно как и руководитель следственного органа вовлечены в процедуру оформления волеизъявления обвиняемого на заключение досудебного соглашения: первый придает ему юридическую силу в своем постановлении о возбуждении ходатайства перед прокурором о заключении досудебного соглашения, а второй – путем дачи согласия на возбуждения данного ходатайства. Прокурор заключает соглашение не напрямую, а через орган предварительного следствия, у которого в лице обеих процессуально-властных составляющих, т.е. следователя и руководителя следственного органа, есть право отлагательного вето на заключение соглашения. И тот, и другой вправе не соглашаться с ходатайством и вообще с инициативой на договорное сотрудничество с данным обвиняемым и остановить попытку стороны защиты заключить соглашение с прокурором.

Конечно, на предварительном этапе, как следователь, так и прокурор вступают в отношения с обвиняемым, однако, оценивать их договорными нельзя, ибо здесь не подготовка к заключению соглашения, а заключение такового.

В связи с этим нельзя не указать и на такой обсуждаемый в научной литературе момент, как проявление инициативы на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве со стороны представителей правоохранительных органов, включая не только следователя, но сотрудников оперативных аппаратов¹.

Вынесение следователем в порядке части 3 статьи 317.1 УПК РФ постановления о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым или обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве

---

¹ Эта тема освещалась в ряде научных работ.

См., напр.: Абдуллаев, Я. Д. К вопросу об оперативном сопровождении поддержания государственного обвинения по наиболее сложным уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. №1 (12). С.68-71. Степушов, М. Ю. Технология формирования в досудебном производстве процедурного знания о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1 (15). С. 109–118.

надо расценивать как поддержание ходатайства обвиняемого (подозреваемого) о заключении соглашения с прокурором. Однако при этом сам следователь самостоятельным участником данного соглашения не является. Аналогичным образом не является субъектом договорных отношений – ни с прокурором, ни с обвиняемым – руководитель следственного органа, который дает согласие на возбуждение следователем ходатайства перед прокурором (ст. 317.1 часть третья УПК РФ). Руководитель следственного органа так же, как и следователь имеют право поддержать ходатайство обвиняемого, подозреваемого о заключении соглашения с прокурором. Однако, могут и отказать ему в этом, исходя из своего видения ситуации и перспектив сотрудничества с данным обвиняемым. В этом выборе можно усмотреть определенную свободу выбора позиции стороны.

Решение о заключении соглашения, включая предмет и условия соглашения и пр. его составляющие, принимаются прокурором и стороной защиты по итогам переговоров. При этом в выработке содержания соглашения может принимать участие следователь, в чьем производстве находится уголовное дело, поддержавший ходатайство обвиняемого, но также и другие субъекты публичного уголовного преследования, с которыми в дальнейшем предполагается взаимодействие в рамках сотрудничества¹.

Итак, только прокурор может считаться стороной обвинения, заключающего от имени государства соглашение о сотрудничестве с обвиняемым – стороной защиты. Субъектами базового уголовно-процессуального договорного отношения в обеих процедурах выступают прокурор. Только ему принадлежит диспозитивное право заключать

---

¹ Как указывается в исследованиях, активными участниками подготовительной работы по выявлению подходящего кандидата, условий соглашения и пр. выступают сотрудники оперативных аппаратов.

См. об этом, напр.: Степушов, М. Ю. Технология формирования в досудебном производстве процедурного знания о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2023. № 1 (15). С. 109–118.

(подтверждать наличие) соглашения сторон: через составление постановления об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, подписание досудебного соглашения о сотрудничестве (часть 2 статьи 317.4 УПК РФ). Ему же принадлежит и исключительное право в одностороннем порядке отказаться от реализации соглашения. Именно прокурору официально законом предоставлено полномочие дать оценку реализации досудебного соглашения о сотрудничестве.

На прокуроре как стороне соглашения лежат обязанности по выполнению условий заключенного соглашения, также обеспечение прав обвиняемого как стороны в деле и соглашении: в том числе обеспечить вручение обвиняемому и его защитнику копии представления прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения (часть 3 статьи 317.5 УПК РФ). Прокурор обязан в рамках заключенного соглашения, но также и в силу закона обеспечить в случае необходимости безопасность обвиняемого (ч. 3 статьи 11 УПК РФ)¹.

Согласно части 3 статьи ст. 317.4 УПК РФ в случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц следователь выносит постановление о хранении документов в опечатанном конверте.

Закон допускает возможность проявления инициативы по выходу из соглашения или изменению соглашения через новое соглашение только прокурору (статья 314.7 часть пятая УПК РФ). Хотя, исходя из договорной концепции, такое право должно быть обоюдным у обеих сторон.

---

¹ Епихин, А. Ю. Становление и развитие межотраслевого института безопасности личности в уголовном процессе России // Вестник. Государство и право. 2023. № 2(37). С. 68-74; Епихин, А. Ю., Мишин А. В. Взаимосвязь уголовно-процессуального и криминалистического механизмов государственной защиты участников производства по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 142-144.

Соответственно предлагаем, чтобы в законе было предусмотрено право обвиняемого отказаться от участия в соглашении о ходатайствовать о признании юридически ничтожными результатов прежнего, включая сделанное им признание вины по предъявленному обвинению.

Из принципиального положения о том, что субъектом договорных отношений со стороны обвинения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может выступать только прокурор вытекает и наша позиция относительно допущения к заключению соглашения о сотрудничестве обвиняемого с государством потерпевшего. Потерпевший не является субъектом соглашения о сотрудничестве. Хотя он вправе воспользоваться своими правами, предусмотренными статьей 42 УПК РФ, для отстаивания своих интересов при реализации сторонами соглашения о сотрудничестве, прежде всего в суде. Что же касается простого соглашения, регулируемого главой 40 УПК РФ, то потерпевший является самостоятельным участником такового.

Таким образом, самостоятельным участником простого соглашения с обвиняемым со стороны обвинения выступает потерпевший. В «сложном соглашении» роль потерпевшего субсидиарна и может проявиться только в судебной части производства по делу, когда он может представить свою позицию и выступить против соглашения сторон. В роли потерпевшего состоит важное различие простого и сложного соглашений сторон по уголовному делу.

Потерпевший не является участником досудебного соглашения и не имеет правовых средств на то, чтобы помешать ее реализации в досудебном производстве. Это многим ученым-исследователям кажется несправедливым. Тема о включении потерпевшего в состав субъектов сложного уголовно-процессуального соглашения (главы 40, 40.1 УПК РФ) остается одной из

самых обсуждаемых в уголовно-процессуальной доктрине, начиная с 2009 года¹.

Многие исследователи выступали за включение потерпевшего, его представителя, законного представителя в число участников, заключающих соглашение сторон о сотрудничестве. Так, Я.В. Лошкобанова предлагала предоставить потерпевшему право давать согласие на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым². Предлагалось закрепить в законе обязанность прокурора уведомлять потерпевшего о заключении соглашения и наделить потерпевшего правом обжаловать его в судебном порядке³.

Впрочем, после вынесения Конституционным Судом РФ определения по жалобе Ковальчуков⁴ правовая неопределенность по этому вопросу рассеялась. Замысел законодателя, изначально заложенный в правовую конструкцию досудебного соглашения между прокурором и обвиняемым,

---

¹ В пользу этого высказывается целый ряд исследователей.

См., напр.: Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2020. С. 12; Быков, В. М. Защищает ли уголовно-процессуальный закон права потерпевших? // Российская юстиция. 2012. № 12. С. 47–50; Иванов, А. А. Проблемы защиты прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Перспективы науки. 2012. № 35. С. 146–149; Карлов, А. Л. Обеспечение интересов потерпевшего при реализации положений главы 40.1 УПК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2–15. С. 222–224; Кубрикова, М.Е. Указ. соч. С. 8, 9, 92; Лошкобанова, Я.В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук. Краснодар, 2015. С. 9, 10, 172; Мартыненко, Н.Э. Значение досудебного соглашения о сотрудничестве для защиты интересов потерпевшего // Научный портал МВД России. 2012. № 3. С. 22–29; Строганова, Т.Ю. Соблюдение интересов потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013. № 2. С. 75–83; Федотова, Д. В. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2012. № 1. С. 67–72.

² См.: Лошкобанова, Я.В. Указ. соч. С. 15.

³ См., напр.: Головизнин, М.В. Указ. соч. С. 126.

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1481-О-О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тamarы Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс, 2023.

был признан соответствующим Конституции РФ и не ограничивающим права потерпевшего на правовую, процессуальную защиту своих интересов. Как разъяснил Конституционный Суд РФ¹, имеющаяся у государства обязанность реализовывать восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего не требует наделения потерпевшего правом предрешать необходимость реализации уголовного преследования относительно определенного лица, а также границы возлагаемой на данное лицо уголовной ответственности. Подобное право из-за публично-правовой черты возникающих правоотношений может относиться исключительно государству в лице имеющих законодательных и правоприменительных органов.

Пленум Верховного Суда России также весьма однозначен в трактовке субъектного состава участников большого соглашения сторон (о сотрудничестве): по смыслу части 2 статьи 317.6 и статьи 317.7 УПК РФ, потерпевший (его законный представитель, представитель), гражданский истец и его представитель вправе участвовать в исследовании рассматриваемых судом вопросов, в том числе высказывать свое мнение по вопросу об особом порядке судебного разбирательства при досудебном соглашении о сотрудничестве. Суду надлежит проверить все заявленные доводы и принять по ним мотивированное решение. При этом следует иметь в виду, что возражение потерпевшего (его законного представителя, представителя), гражданского истца и его представителя против особого порядка проведения судебного заседания в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, само по себе не является основанием для рассмотрения дела в общем порядке².

---

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // СЗ РФ. 2003. № 18. Ст. 1748.

² См.: Пункт 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

Мы всегда выступали против включения потерпевшего в состав участников большого уголовно-процессуального соглашения о сотрудничестве. Вместе с тем, нельзя не признать, что он остается без поддержки государства в такого рода уголовных делах. Компенсацией этого могло бы быть возложение на прокурора обязанности инициировать предъявление гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением, после осуждения обвиняемого, с которым было заключено соглашение о сотрудничестве. Прокурор также должен выступить в гражданском процессе на стороне истца. Другой вариант возмещения вреда нанесенного потерпевшему по такого рода делам – делать это из специального государственного фонда, формируемого в том числе из конфискованного имущества осужденных¹.

Обратимся к вопросу о том, что является предметом соглашения, его условиям, подлежащим выполнению сторонами в общем к содержательной стороне соглашения.

В классическом договоре предмет определяется самими сторонами мере свободы воли сторон при этом ограничивается только в специально предусмотренных законом случаях, например, в связи договорным способом возмещения ущерба от неправомерных действий одной из сторон. В уголовно-процессуальном договоре свобода определения предмета соглашения самими сторонами ограничена законом. Так, требования к содержанию соглашения о сотрудничестве изложены в части второй статьи 317.3 УПК РФ².

Исчерпывающего определения предмета соглашения сторон в рамках процедуры, регулируемой нормами главы 40 УПК РФ, в законе нет. Разумеется, содержание конкретного соглашения индивидуально. Между

---

¹ См.: Власова, С.В., Кесаева М.С. Указ. соч. С. 151.

² Кроме того, указания на него имеются в приказе Генерального прокурора России от 15 марта 2010 г. № 107См.: пункты 14–16 приказа Генерального прокурора РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. 2010. № 6. С. 55–66.

тем, исходя из общего назначения института досудебного соглашения о сотрудничестве, целью его является определенный исход дела, по которому одна из сторон проходит в качестве обвиняемого. Как отмечается в науке, соглашение заключается для чего-то, а именно: для получения какого-то блага, взаимовыгодного результата, приемлемого акта правоприменения¹.

Полагаем, что «простое соглашение сторон» имеет предметом желаемое сторонами решение, каковым является обвинительный приговор суда с назначением наказания не выше максимума, указанного в части седьмой статьи 316 УПК РФ.

«Сложное соглашение» имеет своим предметом сотрудничество, которое должен осуществить обвиняемый с органом предварительного следствия и в суде для изобличения иных лиц в совершении преступлений. По смыслу статьи 317 УПК РФ, прежде всего пункта четвертого части второй статьи 317.3 УПК РФ, в предмет соглашения, равно как и основание (условие) его заключения является признание обвиняемым, подозреваемым факта совершения им определенного преступления, однако согласие по данному пункту является не главным, а вторичным.

Отсутствие у обвиняемого возможности оказать содействие органу предварительного следствия и прокурору в изобличении иных лиц в совершении тяжких или особо тяжких преступлений является препятствием для заключения соглашения, а также основанием для прекращения действия соглашения (часть пятая статьи 317.4 УПК РФ) или для отказа прокурора внести представление в рамках ст. 317.5 УПК РФ² или заявление им ходатайства о переходе на рассмотрение дела в общем порядке.

---

¹ См.: Абшилава, Г. В. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве сторон в уголовном процессе // Уголовно-процессуальный закон: состояние и направления совершенствования: Материалы межведомственной научно-практической конференции. Москва : Московский ун-т МВД России. 2011. С. 7–10.

² Такой отказ обоснованно трактуется и в науке, и в судебной практике как выход стороны обвинения из соглашения. См., напр.: Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу № 22К-788 от 8 февраля 2018 г. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/1AwR2MTKV66Y/ (Дата обращения : 22.06.2023).

В случае выхода прокурора из соглашения тем или иным путем, равно как и не признание судом при наличии к тому оснований соглашения сторон и переход на общий порядок судебного разбирательства остается лишь основанием, установленное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Пленум Верховного Суда России допустил, что даже и в ситуации, когда невозможно проведение судебного разбирательства в порядке, установленном главой 40.1 УПК РФ, суд вправе, при наличии оснований, указанных в части 1 статьи 314 УПК РФ, рассмотреть уголовное дело в особом порядке судебного разбирательства при согласии его с предъявленным обвинением суд вправе при наличии соответствующего ходатайства подсудимого и согласия государственного обвинителя и потерпевшего¹.

Вопрос о том, может ли быть предметом соглашения выполнение стороной обвинения запрета на поворот к худшему положения обвиняемого в ходе дальнейшего производства по уголовному делу, прежде всего – включение в соглашение обязательства не предъявлять ему нового более тяжкого обвинения, вызывает споры, которым недавно конец положила судебная практика².

Существует позиция, согласно которой предметом соглашения является «уголовный иск»³. При всем ее радикализме именно такая трактовка соответствует договорной теории, к которой примыкает и наша позиция. Сторонники исковой теории полагают, что в предмет как большого, так и малого соглашений сторон может входить предмет, но также и основания его

---

¹ См.: пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

² Далее мы прокомментируем ее на страницах диссертации.

³ См.: Круглов, И.В. Уголовный иск и механизм его доказывания: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2001. С. 12, 121–124; Смолин, А. Г. Сделка о признании уголовного иска: проблемы и перспективы развития // Юридическая наука в Республике Мордовия: межвузовский сборник научных трудов. Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009, Вып. 1. С. 224–227; Смолин, А. Г. Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ: проблемы нормативного регулирования и дальнейшего развития: диссертация... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2005. С. 64.

– доказательства, поскольку прокурор, как субъект диспозитивного права на обвинение (уголовный иск), вправе распоряжаться и тем и другими¹.

В силу официальной доктрины и смысла действующего уголовно-процессуального прокурор не только не вправе взять на себя такое обязательство, но обязан принять меры к тому, чтобы обвиняемому были вменены все новые факты его преступной деятельности. Хотя существует практика негласного взятия на себя стороной обвинения обязательств не изменять обвинение в сторону отягчения, в том числе даже путем согласования такой позиции с властью судебной².

За выполнением требований закона к предмету соглашения следит суд и в случае их нарушения применяет уголовно-процессуальную санкцию – отменяет соглашение путем вынесения постановления в порядке статьи 316 части 6 УПК РФ.

Относительно содержание большого уголовно-процессуального соглашения мы уже высказывались. В обобщенном виде обязательства стороны обвинения можно свести к следующим:

- дать объективную оценку результатам выполнения соглашения;
- выступить в суде с требованием о применении к подсудимому поощрительной уголовно-правовой санкции;
- выделить уголовное дело в отношении обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, в отдельное производство и направить его в суд³ и рассмотрение выделенного уголовного дела до того,

---

¹ См.: Агаев, З. Р. Процессуальный институт сделки о признании вины: мировой опыт и Российская действительность // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 4. С. 269–278; Александрова, И. А., Круглов И. В., Кучин А. Ф., Смолин А. Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Нижний Новгород, 2007. С. 8–12, 121.

² Такого рода примеры приводились и нами, и другими исследователями. См., напр.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 167-168; Топчиева, Т. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе. С. 189–192.

³ Выделение уголовного дела в отношении «досудебщика» стало обязательным элементом согласительной процедуры, регулируемой главами 40-40.1 УПК РФ. Как разъяснил

как будет рассмотрено дело в отношении других лиц, совершивших преступления, против которых заключено соглашение о сотрудничестве обвиняемого с прокурором¹;

- принять в случае необходимости мер государственной защиты для обеспечения безопасности обвиняемого, заключившего досудебное соглашение;

- не выходить государственному обвинителю за пределы обвинения, зафиксированного не только в обвинительном заключении, но и в соглашении о сотрудничестве при представлении и исследовании доказательств в суде;

- при необходимости обеспечить интересы потерпевшего по уголовному делу.

Обязательства по соглашению со стороны обвиняемого можно свести к следующим:

- выполнять взятые на себя обязательства по оказанию содействия органу предварительного следствия по привлечению к уголовному преследованию других лиц, совершивших преступления, в том числе, путем участия в следственных и процессуальных, действиях и оперативно-розыскных мероприятиях;

- всеми иными способами, незапрещенными законом, содействовать стороне обвинения в изобличении преступников и розыску имущества, полученного ими преступным путем;

Пленум Верховного Суда России, по смыслу части 1 статьи 317.4 УПК РФ, в целях применения судом предусмотренной статьей 317.7 УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство.

См.: пункт 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

¹ См.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 238.

- участвовать в суде в качестве свидетеля обвинения, имеющего статус ст. 56.1 УПК РФ;

- ни прямо, ни косвенно не мешать публичному уголовному преследованию самого себя и других лиц, совершивших преступления.

Наша позиция относительно «основания» заключения сторонами соглашения и возникновения договорного отношений состоит в том, что имеются материальная и процессуальная проявления такового.

Необходимость в этом обусловлена потребностью в совмещении двух подходов, которые условно можно назвать материалистическим и идеалистическим – процессуальным.

При традиционном, «материалистическом» подходе основание договора, как простого, так и большого, состоит в факте действительности – совершения преступления.

Многие ученые так и утверждают, что основанием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым является совершенное им преступление, в котором изобличен¹.

Авторы, которые исходит из того, что нет иска-обвинения, нет и преступления, полагают что основанием для соглашения сторон обвинения и защиты является обвинение, выдвинутое против обвиняемого².

Сочетая эти два подхода, можем сказать, что основанием для соглашения сторон является факт совершения преступления, который представлен в виде обвинения (первоначально – подозрения) и подтвержден системой доказательств.

---

¹ См., напр.: Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. С. 239.

² См., напр.: Александров, А. С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47; Александров, А. С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 43–52; Александрова, И.А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Нижний Новгород, 2007. С. 8–12, 121.

Итак, будет верным принять в качестве материально-фактического основания соглашения сторон (большого и простого) факт совершения преступления в процессуальной оболочке обвинения и доказательств.

Основанием для «простого соглашения сторон» (в рамках главы 40 УПК РФ) выступает установленный по уголовному делу факт совершения обвиняемым преступления и заявленное им в установленном законом порядке ходатайство о рассмотрении уголовного дела в особом порядке¹.

По этому поводу в науке высказывались и другие точки зрения. Чаще всего указывается, что это основание определено в статье 314 УПК РФ².

В научных исследованиях авторами приводятся различные наборы разнообразных по своему характеру обстоятельств, входящих в сложный юридический состав основания для данного неформального соглашения между сторонами, которые выводятся из смысла частей первой и второй статьи 314 УПК РФ.

Разделяем позицию³, согласно которой факт совершения преступления, подпадающего под признаки, указанные в части первой статьи 314 УПК РФ, утверждается с опорой на достаточную совокупность доказательств в выдвинутом обвинении, является материально-правовой основой для заключения соглашения сторон о проведении судебного разбирательства в особом порядке.

«Материальным» - «уголовно-правовым» основанием для заключения досудебного соглашения о сотрудничестве выступает любое преступление, вне зависимости от степени тяжести, преследуемых как в публичном, так и

---

¹ См.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации : доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 240.

² Такова преобладающая точка зрения.

См., напр.: Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2020. С. 8, 9.

³ См.: Александров, А. С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 43-52.

частно-публичном порядке. Но, по нашему мнению, помимо тех преступлений, по которым уголовное преследование осуществляется в частном порядке.

Сам факт совершения преступного деяния должен быть удостоверен системой доказательств. И это должно быть сделано уже на период заключения досудебного соглашения. В случае, если в ходе расследования (вероятно, и судебного) будет установлено, что имеет место быть самооговор либо, что уже, явно, хуже какая-либо фабрикация обвинения, то такое обвинение, безусловно, снимается, а по уголовному делу принимается решение о его прекращении.

Аналогичным образом склонны объяснять и материально-правовое основание «сложного соглашения» - соглашения о сотрудничестве. В уголовном и процессуальном законах нет формальных ограничений относительно характера и тяжести преступлений, в которых может обвиняться лицо, с которым целесообразно заключить соглашение о сотрудничестве со всеми вытекающими из этого материально-правовыми и процессуально-правовыми последствиями.

Изначально предполагалось, что предметом соглашений о сотрудничестве должны быть только тяжкие и особо тяжкие преступления, латентных и замаскированных, раскрытии и расследовании которых представляет трудность. Однако, практика расширила пределы применения данной процедуры, вплоть до дел частного обвинения.

Некоторые ученые выделяют «материальные» и «процессуальные» основания уголовно-процессуального соглашения сторон: «большого» и «простого».

Под «процессуальным основанием» заключения досудебного соглашения различными учеными понимаются, во-первых, обвинение или подозрение в отношении лица, привлеченного к уголовному преследованию¹,

---

¹ См.: Рыбалов. К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации. С. 93; Ковалев, Р.Р. Правовое регулирование 299

во-вторых, сведения (включая из оперативных источников), подтверждающие подозрение или обвинение, в-третьих, сведения, подтверждающие возможность и полезность сотрудничества с этим лицом для изобличения других преступников¹. Существуют в науке комбинации этих трактовок основания, в том или ином виде².

Кроме того, имеются и другие подходы к объяснению «основания» для заключения сторонами досудебного соглашения о сотрудничестве. Так, например, близка с нашей позицией точка зрения о том, что основанием для заключения досудебного соглашения является согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением или подозреваемого – с подозрением³.

С позиции исследователей, исходящих из договорной концепции соглашения: «согласие обвиняемого предъявленным ему обвинением» включает и случаи, когда обвиняемый признает свою вину частично, не согласен с квалификацией преступления в обвинении и пр., но формально соглашается с обвинением, чтобы заключить досудебное соглашение, желая завершение процесса через процедуру, предусмотренную главами 40-40.1 УПК РФ⁴.

Так, по мнению В.Г. Абшилавы, О.Н. Тисен и ряда других ученых, воля обвиняемого на заключение соглашения с прокурором не должна

досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования. С. 206.

¹ См.: Баев, О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения. С. 56;

² См.: Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников. С. 131; Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации : доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 16, 77–79.

³ См.: Смирнов, А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 8.

⁴ См., напр.: Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации : доктрина, законодательная техника, толкование и практика. С. 209.

ограничиваться требованием о признании вины по предъявленному обвинению¹.

Данная позиция подтверждается некоторыми примерами из практики. Так, при ведении предварительного следствия по уголовному делу подозреваемым М.И.Е. было заявлено ходатайство следующего содержания: «Я задержан по подозрению в получении взятки группой лиц по предварительному сговору. Считаю, что в моих действиях отсутствует этот состав. Вместе с тем я желаю дать правдивые показания об обстоятельствах совершения обнаруженного моего противоправного поведения, а также о роли каждого участника в происшедшем событии от 24 .01 2011 года (эпизоде участием лиц цыганской национальности). Кроме того, я готов дать показания об обстоятельствах совершения преступления известных мне должностных лиц, связанного с фальсификацией доказательств по уголовному делу о расследовании преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств. В дальнейшем я обязуюсь давать правдивые, полные и признательные показания, не препятствовать каким-либо образом расследованию уголовного дела в отношении меня. В связи с этим заявлением прошу Вас заключить со мной досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке ст. 317-1 ч. 3 УПК РФ»². Досудебное соглашение было заключено прокурором с подозреваемым. В дальнейшем ему было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренном п. «а» ч.4 ст. 290 УК РФ. Однако, затем уголовное преследование в отношении обвиняемого М.И. Ефременко в части предъявленного ему обвинения в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч.4 ст.290 УК РФ, было прекращено по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст.24 УПК РФ. Ему было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ст. 286 ч.1 УК РФ, за которое он и был осужден в особом порядке,

---

¹ См.: Тисен, О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве. Москва : Юрлитинформ, 2016. С. 41, 43.

регулируемом главой 40 УПК РФ¹. При этом повторно досудебное соглашение о сотрудничестве с ним не заключалось.

К простому соглашению на применение главы 40 УПК РФ, существует более жесткое требование к позиции обвиняемого относительно выдвинутого против него обвинения: отрицание им вины по предъявленному обвинению исключает возможность подачи ходатайства о рассмотрении его дела в особом порядке (часть 1 статьи 314 УПК РФ), а при изменении позиции на отказ от признания вины по обвинению ведет к переходу на общий порядок судебного разбирательства.

По мнению большинства исследователей² признание вины по предъявленному обвинению является необходимым условием для удовлетворения ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке. Отказ частичный, а тем более полный в суде является основанием для перехода на общий порядок.

Эта позиция подтверждена Пленумом Верховного Суда РФ, который разъясняет положения статьи 317.7 УПК РФ и статьи 316 УПК РФ в том смысле, что согласие подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, с предъявленным обвинением является одним из условий постановления в отношении него обвинительного приговора. В случае, если подсудимый не согласен с предъявленным обвинением, суд принимает решение о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначает судебное разбирательство в общем порядке³.

Кроме того, в развитие данной позиции Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 было внесено дополнение о том, что отсутствие в досудебном соглашении о сотрудничестве указания на все

---

¹ См.: Приговор Московского районного суда г. Н. Новгорода по уголовному делу № 1 - 47/12 // Архив Московского районного суда г. Н. Новгорода.

² См., напр.: Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников. С. 11, 87-88, 126; Тисен О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве. С. 16.

³ См.: пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

преступления, в которых обвиняется подсудимый, не является основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке, установленном статьей 237 УПК РФ, при условии согласия подсудимого с обвинением в полном объеме¹.

Это в целом коррелирует с рядом решений по конкретным уголовным делам, в которых суды усмотрели основание для возвращения уголовного дела прокурору или отмены приговора суда как в том, что после заключения соглашения о сотрудничестве в отношении обвиняемого было выдвинуто новое более тяжкое обвинение, с которое тот полностью не признал².

Признавая наличие согласия обвиняемого с выдвинутым против него обвинением в качестве «процессуального основания» или решающего условия для заключения им любого соглашения с прокурором, мы выступаем за максимальное снятие формальных запретов на заключение такого соглашения и прежде всего требования о деятельном раскаянии³.

В этой связи разделяем позицию об усеченном составе «деятельного раскаяния»⁴: без явки с повинной, возмещения вреда либо другое искупление вреда, раскаяния и полного, «чистосердечного» признания вины⁵. По простому соглашению сторон обвиняемому достаточно признать свою вину по предъявленному обвинению, а в суде подтвердить эту свою позицию. По сложному соглашению обвиняемый, помимо этого, должен еще и совершить конкретные действия в рамках сотрудничества, оговоренные в соглашении.

---

¹ См.: пункт 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

² См., напр.: Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у-127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года//sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/; Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу № 22К-788 от 8 февраля 2018 г. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/lAwR2MTKV66Y/

³ См.: Александров, А.С., Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 149–153.

⁴ См., напр.: Абшилава, Г. В. Деятельное раскаяние как составная часть досудебного сотрудничества обвиняемого с органом следствия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 27 (244). С. 30–35.

⁵ См.: Тисен, О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве. С. 43–47.

Однако квалифицировать их как «деятельное раскаяние», на наш взгляд, нельзя, ибо это не выражение «раскаяния» и выполнение договора с обвинением.

Нельзя не упомянуть о других объяснениях «основания» соглашения сторон. Так, в трактовке С.А. Касаткиной «основанием» досудебного соглашения сторон о сотрудничестве выступают готовность и способность обвиняемого к взятию на себя и выполнение обязательств по содействию следственным органам в деятельности по раскрытию и расследованию групповых преступлений¹. Полагаем, что эта и другие версии «основательности» уголовно-процессуальных соглашений мало что добавляют в понимание природы этого феномена. Главное в его понимании – это различие договорной и следственной позиций.

В продолжение исследования согласительных производств надо сказать еще об одной понятии, характеризующих их: об условиях.

Условия соглашения простого и сложного можно, вместе с тем, трактовать и как условие возникновения договорного уголовно-процессуального отношения между сторонами.

В теории условия иногда называют «предпосылками» заключения сторонами досудебного соглашения о сотрудничестве², что не меняет существа вопроса. Речь идет о фактических обстоятельствах, с которыми закон и практика, связывают возможность заключения сторонами соглашения и требования к его последующему выполнению. Так, например, Г.В. Абшилава связывает предпосылки с «договороспособностью» обвиняемого, то есть его способностью произвести ряд действий,

---

¹ См.: Касаткина, С.А. Соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе // Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса: труды Института государства и права РАН. М.: ИГП РАН, 2009. С. 175.

² См.: Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. С. 243, 244.

установленных законом (в п. «и» ч. 1 ст. 61, ч. 2 ст. 64 УК РФ, п. 61 ст. 5, ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ)¹.

На наш взгляд, в первую очередь надо выделить императивно-правовые, обязательные условия для вхождения сторон в соглашение. Их также можно назвать ограничительными условиями к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве.

Таким условием, общим для обеих разновидностей соглашения является заявление соответствующего ходатайства со стороны обвиняемого в стадии предварительного расследования. В науке делались, заслуживающие с нашей точки зрения поддержки, предложения допустить возможность подобного волеизъявления лица, привлекаемого к уголовному преследованию, в стадии возбуждения уголовного дела, по приостановленному или прекращенному делу. Нам близко мнение о снятии формального ограничения для подачи заявителем такого ходатайства только стадией предварительного расследования. Ввиду актуализации этого вопроса еще в стадии возбуждения уголовного дела, фактором такого может быть и желание субъекта получить защиту своей безопасности при наличии реальной угрозы².

Применительно к сложному уголовно-процессуальному договору закон в качестве обязательного условия для волеизъявления обвиняемого по вступлению в соглашение с прокурором предусматривает проведение по данному делу предварительного следствия. Впрочем, это условие не категорично, поскольку при заявлении соответствующего ходатайства обвиняемым в ходе дознания (ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ) прокурор вправе передать это дело органу предварительного следствия для реализации согласительной процедуры.

---

¹ См.: Там же. С. 239–240.

² См. об этом, напр.: Мельникова, Е.Ф. Реалии применения законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43).

Наиболее дискуссионной в науке является обсуждаемая в свете термина «условие» проблема мера свободы сторон на заключение соглашения. Многие считают главным условием наличие согласия сторон на заключение соглашения о сотрудничестве. Добровольность обвиняемого подразумевается и при вступлении в простое соглашение (глава 40 УПК РФ).

Между тем, есть мнение об отсутствии таковой и наличии принуждения обвиняемого к кабальному соглашению¹. Согласиться с такой оценкой нельзя.

Разумеется, полной свободы выбора у лица в ситуации, когда оно обвиняется, подвергается уголовному преследованию нет. Само заявление ходатайства о заключении соглашения со стороной обвинения исходит из презумпции совершения этим лицом преступления.

Аналогичная ситуации заключения договора между сторонами в случае виновного причинения вреда, когда стороны урегулируют вопросы возмещения вреда, нанесенного причинителем.

Между тем, решение вопроса о том, заключать или не заключать соглашение с обвинением и отказываться от ведения спора полностью относится к свободе усмотрения обвиняемого. Как уже отмечалось, изъявление желания заключить соглашение со стороной обвинения является способом использования обвиняемым своего права на возражение против обвинения. Именно по критерию «добровольности желания на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве» суды отделяют правомерный договор сторон от ничтожной сделки². Критерий

---

¹ См.: Ковтун, Н. Н. Кабальная сделка» (о фактической сути института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 18–24.

² Апелляционное определение Красноярского краевого суда № 22-4369/2014 от 26 июня 2014 г. по делу № 22-4369/2014 (Красноярский краевой суд (Красноярский край) -Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/tlJ3boXMmiNI/ (Дата обращения 22.06.2023).

добровольности указан Пленумом Верховного Суда России в пункте 22.1 постановления, введенного постановлением от 29.06.2021 № 22.¹

Другой вопрос состоит в том, вправе ли сторона защиты настоять через суд на заключении с прокурором досудебного соглашения о сотрудничестве, а вместе с ним и с органом предварительного следствия, принудив его к сотрудничеству.

Некоторое время в науке активно обсуждался тезис² о возможности стороны защиты, но также и других «интересантов» в заключении соглашения (следователя, руководителя следственного органа) через суд заставить прокурора заключить таковое³.

Отметим, что Генеральный прокурор РФ допускал возможность обжалования постановления прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения как следователем, так и подозреваемым (обвиняемым) и его защитником⁴.

Мы со сторонниками договорной концепции были против этого, так как к заключению сделки принудить ни одну из сторон нельзя⁵.

Последующие события, связанные с попыткой Следственного комитета РФ обжаловать в судебном порядке отказы прокуроров заключить досудебное соглашение с обвиняемым, ходатайство которого поддержал

---

¹ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021).

² См., напр.: Смирнов, А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Уголовный процесс. 2009. № 10. С. 10; Тертышная, О. А. Уголовно-процессуальный механизм досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук. Воронеж, 2014. С. 13, 122–125.

³ Федосеева, Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук. Екатеринбург. 2014. С. 5, 11, 92–96.

⁴ См.: п. 1.6 Приказа Генеральной Прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам».

⁵ См.: Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном. С. 243; Любенко, В. В. К вопросу об использовании судебного контроля в процедуре, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 1 (17). С. 297–300.

орган предварительного следствия, описанные нами¹, вполне подтвердили нашу позицию и могут считаться дополнительным аргументом в пользу трактовки соглашения о сотрудничестве как уголовно-процессуального договора, неотъемлемым свойством которого является добровольность: нельзя ни одну из сторон, включая прокурора, вынудить к заключению соглашения о сотрудничестве.

Как уже неоднократно указывалось, следовательно, равно как и руководитель следственного органа, не являются субъектами договорных отношений со стороной защиты. Они могут лишь ходатайствовать перед прокурором о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым, ни следователь либо обвиняемый не имели возможность обжаловать отказ прокурора заключить такое досудебное соглашение о сотрудничестве (в рамках ст. ст. 124, 125 УПК РФ)².

Теперь эта позиция зафиксирована в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ и не должна вызывать сомнений в судебной практике.

Соответственно механизма судебного контроля и систему судебного контроля, установленные ст. 125 УПК РФ, недопустимо использовать в качестве средства принуждения обвинительно-следственной власти к вступлению в уголовно-процессуальные договорные отношения с защитой³.

Если следовать здравому смыслу и логике «договора» никого нельзя принудить к заключению такой сделки (соглашению) насильно, против его воли⁴, это есть право субъекта, а не обязанность. Также ни органы предварительного следствия, ни органы прокуратуры нельзя заставить к

---

¹ См. об этом: Александров, А. С., Колесник В. В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России // Российский следователь. 2013. № 19. С. 16–22.

² См.: Колесник, В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве. С. 188.

³ Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу № 22К-788 от 8 февраля 2018 г. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL sudact.ru/regular/doc/1AwR2MTKV66Y/ (Дата обращения 22.06.2023).

⁴ Если это не вытекает из ранее взятых обязательств.

заключению подобного досудебного соглашения с обвиняемым и его защитником, это не может быть сделано даже судом.

Предметом обжалования в суд могут быть только нарушения закона при разрешении органом предварительного следствия, а также прокурором заявленного стороной защиты ходатайства о заключении досудебного соглашения и решения прокурора по итогам реализации этого соглашения.

Итак, признавая элементы принудительности, вместе с тем настаиваем на том, что в любом из двух видов уголовно-процессуальных соглашений, простом и сложном, наличествует схема договора, а значит им присуща и свобода, добровольность¹ вступления в договорные отношения участников с обеих сторон².

Гарантиями добровольности и свободы вступления в соглашение является со стороны защиты участие адвоката-защитника. Именно с ним, в более широком плане – со всей системой справедливого уголовного судопроизводства – связываем гарантии права вступления в соглашение с прокурором (государством) обвиняемого.

Завершающим штрихом в исследовании согласительных процедур надо, с нашей точки зрения, признать влияние соглашения на исход дела, по которому проходит обвиняемый, вступивший в такое соглашение.

Есть мнение, что простое досудебное соглашение предопределяет исход дела³. Однако, в рамках специфики отечественной модели соглашения должны сделать поправку на активность суда и прокурора, выступающего в суде обвинителем. С учетом того, что судебная составляющая является обязательной в обеих разновидностях согласительных процедур, надо

---

¹ Понятно, что применительно к прокурору, следователю, руководителю следственного органа о добровольности и свободе можно говорить только условно – через призму принципа публичности и понятия «дискреционное усмотрение».

² Естественно, с поправкой на то, обвиняемый – это частное лицо, действующее в своих личных интересах, а прокурор – должностное лицо государственного органа, действующее в публичном интересе.

³ См.: Александров А.С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением // Государство и право. 2003. № 12. С. 43–52.

признать, что в стадии предварительного расследования – альтернативный исход дела в виде его прекращения исключен. Хотя в литературе было высказано предложение о введении в наше законодательство такого – внесудебного варианта реализации соглашения сторон относительно разрешения уголовного дела¹.

В современной уголовно-процессуальной системе, полагаем, такое невозможно. В принципе, модель прекращения публичного уголовного преследования через полную или частичную декриминализацию совершенного обвиняемым преступления нереальна в нашем типе уголовного процесса.

Осложнения в развитии договорного уголовно-процессуального отношения, обусловленные типовой спецификой российского уголовного процесса, можно усмотреть в следующем:

- активность суда, который не связан волей и позицией сторон при оценке договора между ними, его исполнения и разрешении дела по существу;

- свобода выхода из соглашения прокурора, который не несет никакой процессуальной ответственности в случае невыполнения или нарушения стороной обвинения взятых на себя обязательств, и одновременно – односторонний механизм привлечения к процессуальной ответственности обвиняемого.

Как указывается в судебном решении: «постановлением прокурора об отказе в вынесении представления об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, **по сути** (выделено нами – В.В. Колесник), прекращено досудебное сотрудничество с

---

¹ См.: Александров, А.С., Круглов И.В., Смолин А.Г. «Сделка о признании» как уголовно-процессуальный инструмент разрешения уголовно-правового спора и восстановления правовых отношений в сфере экономики, нарушенных преступлением // Экономическая безопасность России: ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. 2005. № 4. С. 83–85; Корчаго. Е.В. Развитие института соглашения о признании вины в России и «PLEA BARGAINING» в уголовном судопроизводстве США. С. 188–193.

обвиняемым ... Принятое решение не ограничивало М. в возможности реализации права на судебную защиту и не нарушило его конституционные права (выделено нами – В.В. Колесник)»¹.

Отдельно надо сказать об угрозе обращения результатов соглашения против обвиняемого. Обвинение не может быть ограничено соглашением, оно не является, по крайней мере, официально, предметом соглашения. И потому может быть изменено к худшему для обвиняемого уже после заключения соглашения в ходе дальнейшего производства по уголовному делу, например при выявлении новых эпизодов преступной деятельности. Особая угроза для обвиняемого состоит в переходе на общий порядок судебного разбирательства, в том числе через применение статьи 237 УПК РФ.

Концептуальным для нашей модели досудебного соглашения является не связность его с запретом отягчать обвинение, в том числе и по результатам оказания содействия обвиняемым следствию. Существующий уголовно-процессуальный механизм не допускает возможности стороне обвинения взять на себя обязательства не представлять новые обвинения либо смягчать обвинение или же целиком прекратить уголовное преследование обвиняемого, в том случае если обвиняемый добросовестно будет оказывать содействие органам следствия.

Можно указывать и другие угрозы уголовно-процессуальным соглашениям, которые представляют главным образом опасность для обвиняемого. Все они носят системный характер и обусловлены системой – следственной формой досудебного производства и смешанным типом российского уголовного судопроизводства, а в равной степени – следственной идеологией, наиболее ярко выраженной в учении об объективной истине.

---

¹ См.: Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу № 22К-788 от 8 февраля 2018 г. Текст : электронный//Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/lAwR2MTKV66Y/ (Дата обращения : 22.06.2023).

В заключение заметим, что понимание и практика применения анализируемых согласительных процедур обусловлены сменами курса правовой политики и изменениями идеологического, политического контекста, в котором толкуется смысл правовых норм глав 40-40.1 УПК РФ.

На наш взгляд, можно выделить несколько периодов в истории отечественных согласительных процедур.

В первый период, когда через судебную практику нарабатывались правовые стандарты применения этих процедур. Он характеризовался тем, что отечественные юристы привыкали к необычным правовым явлениям и осваивали их. В правовой культуре произошел существенный сдвиг, затронувший основы доказательственного права, учения о принципах процесса и пр.

Завершился этот этап разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, в которых был зафиксирован достаточно высокий уровень либерального понимания договорной сущности как простого¹, так и сложного² согласительных производств (главы 40, 40.1 УПК РФ). Важнейшим стал вывод Пленума Верховного Суда РФ³ о недопустимости обжалования в порядке статьи 125 УПК РФ решений прокурора, а также следователя, руководителя следственного органа об отказе удовлетворить ходатайство стороны защиты о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве⁴.

---

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // Российская газета. 2006. № 286. 20 декабря.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. № 156, 11 июля.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. 2016. 1 июня.

⁴ Согласно пункту 3.1. постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» (в ред. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 N 23) не подлежит обжалованию в порядке статьи 125 УПК РФ постановление следователя или прокурора об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Свобода выхода прокурора из соглашения признана не нарушающей гарантии прав как обвиняемого, так и потерпевшего.

Это, очевидно, имело большое стабилизирующее влияние на судебно-следственную практику, что подтверждается стандартными формулировками, содержащими ссылки на указанные позиции Пленума Верховного Суда РФ, в судебных решениях по уголовным делам¹.

Можно сказать, что тогда, установились стандарты, наиболее близкие в уголовно-процессуальной модели договора. Одновременно, особый порядок разрешения уголовных дел в соответствии с нормами главы 40 УПК РФ превратился в обычный. Фактически большинство уголовных дел стало разрешаться в этой форме, причем эта тенденция из года в год усиливалась.

А тем временем досудебное соглашение о сотрудничестве превратилось в один из главных инструментов публичного уголовного преследования, особенно при ведении уголовных дел следователями Следственного комитета России.

Впрочем, появились и первые симптомы злоупотреблений досудебным соглашением, на которые указывалось в уголовно-процессуальной литературе². Как верно было отмечено, инструмент досудебного соглашения о сотрудничестве должен быть в руках честного следователя, в противном случае он превращает в орудие произвола³.

Изменение отношения власти к согласительным процедурам наметилось в 2018-2019 годах⁴. За этим последовал и откат науки к традиционной позиции в понимании правовой природы производств, регулируемых главами 40, 40.1 УПК РФ.

---

¹ См., напр.: Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу № 22К-788 от 8 февраля 2018 г. //sudact.ru/regular/doc/lAwR2MTKV66Y/; Апелляционное постановление Рязанского областного суда № 22-1140/2020 22К-1140/2020 от 29 декабря 2020 г. по делу № 3/10-164/2020 //sudact.ru/regular/doc/ORfm95c6prVn/

² См.: Александров А.С., Лапатников М.В. Суд на осуд, а не на россуд //Уголовное судопроизводство. 2013. № 4. С. 6–12.

³ См.: там же.

⁴ Доклад Генерального прокурора России Ю.Я. Чайки на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 15 февраля 2018 года // Прокурор. 2018. № 1. С. 19.

Законодатель также обратил внимание на расширение соглашений в уголовно-процессуальной сфере и увидел в этом угрозу национальным правовым традициям: «нужно обозначить точные пределы применения разнообразных сокращенных процедур, часто являющихся неудачной попыткой копирования американских «делок с правосудием», превращающих суд в машину по штамповке обвинительных приговоров, по сути, существенно сворачивающих сферу действия судебной власти и ограничивающих ее влияние на законность уголовного судопроизводства»¹.

В науке новый импульс получила критика договорного подхода к трактовке процедур, предусмотренных главами 40, 40.1 УПК РФ².

Президент Российской Федерации на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2019 году призвал прокуроров крайне ответственно относиться к согласию обвиняемого на рассмотрение уголовного дела в особом порядке, особенно если есть сомнения в доказанности обвинения. В частности, В.В. Путин подчеркнул: «Рассмотрение дел в особом порядке - важный, конечно, инструмент, но он не должен служить прикрытием некачественной, некомпетентной работы в сфере следствия»³.

Генеральный прокурор Российской Федерации в своем выступлении на заседании коллегии отметил, что за 2019 год в результате комплекса мер прокуратуре удалось добиться более взвешенного подхода прокуроров к даче согласия на рассмотрение уголовных дел в особом порядке. В настоящее

---

¹ Аналитический доклад о состоянии уголовной политики в Российской Федерации // О законодательном обеспечении уголовно-правовой политики в Российской Федерации : сборник материалов. Москва : Издание Совета Федерации, 2018. С. 249.

² См.: Днепрова М.А., Абрамитов С.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые проблемные аспекты и достоинства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 60–67; Титова, К.А., Топчиева Т.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве // Общество и право. 2018. № 4 (66). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-dosudebnogo-soglasheniya-o-sotrudnichestve> (дата обращения: 26.07.2023).

³ См.: Выступление президента России В.В. Путина на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры России 19 марта. 2019 года. Текст : электронный // Президент России : [сайт]. URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/60100> (Дата обращения : 12.03.2023).

время количество таких уголовных дел снизилось, но все равно превышает показатели рассмотрения дел в общем порядке и составляет примерно 55% от общего количества окончанных производством дел¹.

Новый стандарт в толковании норм глав 40, 40.1 УПК РФ, зафиксировавший частичное свертывание договорного начала в них, обозначен Пленумом Верховного Суда РФ². Эта новизна наиболее ярко проявилась в акцентировании на активность суда в реализации согласительных процедур, о чем мы писали выше.

В новом законодательстве о производстве по уголовным делам в вышестоящих инстанциях теперь отражено право вышестоящего суда пересматривать приговор, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве (ч. 1 ст. 401.6 УПК РФ).

Очевидно, что с началом специальной военной операции обстановка стала еще более враждебной к договорному пониманию процедур, регулируемых главами 40, 40.1 УПК РФ. Они идеологически уязвимы перед упреком в том, что являются результатом подражания враждебной англосаксонской, чужеродной отечественной правовой традиции. Данная тенденция вполне явственно определилась в последних публикациях видных теоретиков права, в том числе ученых в уголовно-правовой специальности³.

---

¹ Доклад Генерального прокурора России И.В. Краснова на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 17 марта 2020 года // Прокурор. 2020. № 1. С. 17.

² О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 // Российская газета. 2021. № 159. 16 июля.

³ См., например: Нудель, С.Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // Журнал российского права. 2023. Т. 27 № 1. С. 5–22; Дорошков, В.В. Разумное сочетание публичного и частного в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 1. С. 31–41.

Можно констатировать перемену на уровне идеологии, правовой культуры в отношении к договорному, частному, а вместе с тем и состязательному началам.

При этом недовольство досудебным соглашением о сотрудничестве выражает и адвокатское сообщество. Так, адвокаты АП Московской области «МКА LAW&LIBERTY» направили председателю Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству обращение, в котором указали на нивелирование процессуальных гарантий, предоставленных подсудимому по основному уголовному делу, в результате выделения в отдельное производство уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение. Ими указывалось на отсутствие процессуальных механизмов, гарантирующих защиту от возможного лжесвидетельства со стороны лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве¹. Обращение встретило сочувственную реакцию среди сенаторов.

Впрочем, на общем фоне сворачивания договорного прочтения этого института можно обнаружить и позитивные моменты в судебной практике его применения. В качестве такового можно привести установившийся с недавних пор правовой стандарт, который последовательно проводится на практике в целом ряде судебных решений, а именно: если после заключения досудебного соглашения, в котором было зафиксировано преступление, в котором обвиняется лицо, в рамках последующего производства по уголовному делу было предъявлено новое обвинение: с включением в него дополнительных эпизодов преступления, иных способов совершения преступления, большего размера вреда причиненного преступлением, новой роли обвиняемого и формы его соучастия в преступлении, то должно быть составлено новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке,

---

¹ См.: Адвокаты обратились в Совфед, указав на проблемы в практике применения института досудебного соглашения. Текст : электронный //Адвокатская газета : [сайт] URL : . <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-obratilis-v-sovfed-ukazav-na-problemy-v-praktike-primeneniya-instituta-dosudebnogo-soglashe/> (дата обращения: 23.07. 2023).

предусмотренном ст.317.3 УПК РФ¹. В ряде судебных решений проводится такое рассуждение, если то или иное процессуальное решение органа предварительного расследования, прокурора увеличивает фактический объем обвинения, то должно составляться новое соглашение о сотрудничестве, в котором должно быть зафиксировано новое обвинение, которое выдвинуто против «досудебщика»².

Если этого не было сделано, то, как считает суд, существенно нарушен уголовно-процессуальный закон, в связи с несоблюдением процедуры судопроизводства, регламентированной главой 40.1 УПК РФ и не соблюдены права Сюртуковой О.А. на защиту, поскольку она была лишена в реализации гарантированных законом прав на участие, наряду с защитником, в производимых прокурором процессуальных действиях. Данное нарушение дает основание возвратить уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом п.1 ч.1 ст.237 УПК РФ³.

---

¹ См., напр.: Постановление Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода о возвращении уголовного дела прокурору от 12.04.2022. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/bVsS2KHgNwLj/; Постановление Тигильского районного суда по делу № 1-10/2019 о возвращении уголовного дела прокурору (Камчатский край). Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL:sudact.ru/regular/doc/JEybGO37pp1W/; Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года.Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: [/sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/](http://sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/); Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/ (Дата обращения 22.03.2023).

² См.: Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/ ; Постановление Тигильского районного суда по делу № 1-10/2019 о возвращении уголовного дела прокурору (Камчатский край) Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/JEybGO37pp1W/; Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года.Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : [//sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/](http://sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/) (Дата обращения 22.03.2023).

³ См.: Постановление Тигильского районного суда по делу № 1-10/2019 о возвращении уголовного дела прокурору (Камчатский край)Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL:sudact.ru/regular/doc/JEybGO37pp1W/(Дата

Вменение осужденному новых эпизодов преступной деятельности, то есть изменение договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения положения одного из участников соглашения по сравнению с зафиксированными в соглашении условиями противоречит юридической природе соглашения о сотрудничестве как договора¹.

Весьма положительно оцениваем такую позицию, занятую судами. Впрочем, есть решение противоположного содержания².

Таким образом, учение о согласительных процедурах, регулируемых главами 40-40.1 УПК РФ, продолжает оставаться весьма противоречивым и развивается достаточно разнопланово.

При этом несмотря на всю критику, практическая целесообразность берет свое: доля уголовных дел, рассматриваемых судами в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, почти не снижается, практика заключений досудебных соглашений, выгодных следствию продолжается³. Но есть нюанс: это происходит на фоне сворачивания состязательности, равноправия сторон, ослабления гарантий прав обвиняемого, подсудимого. И здесь можно согласиться с тем, что оптимизацию этих процедур надо проводить в сторону усиления в них состязательного, а вместе с тем и договорного начала, а не наоборот, идя против их сути.

Выводы по параграфу.

Следует выделять две «согласительных процедуры»: (1) процедуру, предусмотренную главой 40 УПК РФ как малое или простое соглашение, и

обращения 22.03.2023)

¹ Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/ (Дата обращения : 22.05.2023).

² Апелляционное постановление № 22-2855/2022 от 22 декабря 2022 г. по делу № 1-66/2022 (Ярославский областной суд). Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/EU6kx66Fy15H/

³ Поэтому трудно согласиться с выводом об их неэффективности. Хотя усиление в них состязательности нельзя не приветствовать.

См.: Корчаго Е.В. Развитие института соглашения о признании вины в России и «PLEA BARGAINING» в уголовном судопроизводстве США: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 9.

(2) процедуру, включающую главы 40.1 и 40 УПК РФ, как большое, сложное соглашение сторон.

Материально-фактическим основанием соглашения сторон (большого и простого) является факт совершения преступления в процессуальной оболочке обвинения и доказательств. Вся остальная правовая конструкция, выстраиваемая на нем в той или иной мере договорная. В основе обоих производств заложена модель «договора» или «сделки» между обвинительной властью государства и обвиняемым в совершении преступления лицом. В обоих случаях складываются договорные уголовно-процессуальные отношения между обвинением и защитой.

«Простое соглашение сторон» имеет предметом желаемое сторонами решение, каковым является обвинительный приговор суда с назначением наказания не выше максимума, указанного в части седьмой статьи 316 УПК РФ. Иные варианты исхода дела – в пределах запрета на поворот к худшему.

«Сложное соглашение» имеет своим предметом сотрудничество, которое должен осуществить обвиняемый с органом предварительного следствия и в суде для изобличения иных лиц в совершении преступлений. По смыслу статьи 317 УПК РФ, в системной связи с п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, пунктом соглашения является признание обвиняемым, подозреваемым факта совершения им определенного преступления. Впрочем, согласие по данному пункту является вторичным.

Главное, что их объединяет, но и различает – это мера «согласительности», причем в отношениях непосредственно между государством в лице прокурора и обвиняемым. Эта мера наибольшая в конструкции «досудебное соглашение + особый порядок судебного разбирательства», то есть в «большом» или «сложном» уголовно-процессуальном договоре. Увязываем причину большей согласительности полного с прагматикой его назначения – нахождения сторонами компромисса для достижения цели публичного обвинения – противодействие наиболее опасным проявлениям организованной преступности.

Обусловленные главным различием различия второго порядка состоят в следующем: 1) ограниченностью малого соглашения уголовно-правовым фактором (часть 1 ст. 314 УПК РФ) и отвязку от него большого, 2) обязательное участие потерпевшего в малом соглашении и его субсидиарное участие во втором, 3) более ярко выраженную решающую роль прокурора в полной согласительной процедуре.

Правовую сущность отечественной модели соглашения, большого и малого (простого), и отличие от зарубежных аналогов (сделки о признании вины) характеризует активная роль суда, который не связан соглашением сторон и обладает дискреционным усмотрением при оценке и определении судьбы этого соглашения, а главное – исхода уголовного дела. Наша позиция состоит в том, чтобы в большей степени связать суд позицией сторон, прежде всего предложением прокурора о виде и мере наказания, а с другой стороны, допустить суд по приглашению сторон к разработке условий соглашения, взяв одновременно обязательства по его полному выполнению.

Сторонами в обоих соглашениях выступают субъекты диспозитивности: со стороны обвинения – это прокурор, а со стороны защиты - обвиняемый и его защитник, оказывающий квалифицированную юридическую помощь в использовании подзащитным права на договор. Со стороны государства субъектом уголовно-процессуального договора выступает прокурор, остальные органы публичного уголовного преследования выступают вспомогательными – содействующими прокурору субъектами. Следовательно, равно как и руководитель следственного органа, не являются субъектами договорных отношений со стороной защиты.

Обвиняемый является субъектом диспозитивного права на заявление ходатайства как о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 315 УПК РФ), так и о рассмотрении уголовного дела в особом порядке (ст. 317.1 УПК РФ).

Добровольность вступления в соглашение сторон определяется уголовно-право-процессуальной ситуацией. Обе стороны относительно

свободны в заключении соглашения, хотя обвиняемый делает это в своих частных интересах, а прокурор - в публичных. К заключению сделки принудить ни одну из сторон нельзя. Мера добровольности вхождения обвиняемого как в малое (простое), так и большое (сложное) соглашение с прокурором обусловлена фактом совершения им преступления. Само заявление ходатайства о заключении соглашения со стороной обвинения исходит из презумпции совершения этим лицом преступления. Поэтому вступление в соглашение со стороной обвинения надо трактовать как способ распоряжения обвиняемым своим правом на защиту. Для прокурора свобода заключения досудебного соглашения, а шире – вступление в любое соглашение со стороной защиты, обусловлена его положением должностного лица в органе прокуратуры.

Хотя, исходя из договорной концепции, право на выход из соглашения должно быть не только у прокурора, оно должно быть обоюдным, то есть принадлежит и обвиняемому. Полагаем, что в законе должно быть предусмотрено право обвиняемого отказаться от участия в соглашении и ходатайствовать о признании юридически ничтожными результатов прежнего, включая сделанное им признание вины по предъявленному обвинению, а также свои признательные показания.

Необходимо соблюдение запрета на поворот к худшему при проведении полной согласительной процедуры. Изменение обвинения в худшую сторону является изменением договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения положения одного из участников соглашения по сравнению с зафиксированными в соглашении условиями, что противоречит юридической природе соглашения о сотрудничестве как договора и потому недопустимо. Соглашение о сотрудничестве должно содержать то обвинение, которое было окончательно сформулировано по делу, направленному прокурором в суд. Изменение обвинения в худшую сторону должно влечь за собой перезаключение соглашения о сотрудничестве или отказ от него.

Несмотря на то, что закон не предусматривает процедуру пересоставления досудебного соглашения, прокурор должен сделать это в случае, если следователем было обвинение отягчено. В случае предъявления следователем нового обвинения, прокурор должен быть поставлен об этом в известность¹. Прокурор должен вынести постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения. В случае вынесения прокурором постановления об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве составляется новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, предусмотренном статьей 317.3 УПК РФ.

Редакцию части 5 ст. 317.4 УПК РФ следует изложить с учетом того принципиального положения, что окончательная формула обвинения должна быть идентичной той, что зафиксирована в досудебном соглашении о сотрудничестве, которое прокурор представляет суду в качестве предложения для проведения судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ².

---

¹ На наш взгляд, более оптимальным было бы предварительное согласование следователем этого решения с прокурором.

² В параграфе использованы ранее опубликованные работы автора: Колесник, В. В. Новое в понимании норм, регулирующих заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 139–144; Колесник, В. В. К вопросу о порядке заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 103–106; Колесник, В. В. О качестве законодательного института досудебного соглашения. Выступление на межвузовском научно-практическом круглом столе «Качество современного российского законодательства: состояние и пути повышения» Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 219–220; Колесник, В. В., Александров, А. С. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России // Российский следователь. 2013. № 19. С. 16–22; Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации: доктрина, законодательная техника, толкование и практика: диссертация ... кандидата юридических наук. Нижний Новгород, 2014; Александров, А. С., Колесник В. В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России // Российский следователь. 2013. № 19. С. 16–22. <https://www.iauaj.net/node/1452>

ГЛАВА 3. РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ РОССИИ

3.1 Договорное уголовно-процессуальное право, как подотрасль российского уголовно-процессуального права

Завершению разрабатываемой концепции договорных уголовно-процессуальных отношений будет способствовать признание того, что феномен договорно-правового механизма развился в отечественном уголовно-процессуальном праве до уровня отдельной подотрасли и теоретически может быть подведен под понятие «подотрасль уголовно-процессуального права».

Такой шаг позволит вывести на новый уровень рассуждения о природе и будущем этого феномена. Нормы, институты, которые регулируют договорно-упрощенные производства, не просто образуют некую сумму, но единую правовую конструкцию, целостный правовой механизм.

Поэтому целью в настоящем параграфе является формулирование и обоснование тезиса о наличии в корпусе отечественного уголовно-процессуального права подотрасли права – договорного уголовно-процессуального права, которое регулирует договорные уголовно-процессуальные отношения и которое имеет все остальные атрибуты относительно самостоятельного механизма правового регулирования. Это, соответственно, требует юридико-технического оформления его в виде отдельной главы УПК РФ.

Признание, того, что нормы, регулирующие договорно-упрощенные производства, уже составляют особый механизм уголовно-процессуального регулирования, на наш взгляд, это будет решающим шагом по развитию договорных уголовно-процессуальных отношений и новым в понимании современного российского уголовно-процессуального права.

Прежде всего отметим, что близкие к этому мысли уже высказывались в современной уголовно-правовой науке.

Имеются в виду, например, идеи о том, что концептуально сложилось экономическое уголовное право¹, экономическое уголовно-процессуальное право². Так, сторонники концепции экономического уголовного права как самостоятельной подотрасли уголовного права, выделяют в качестве его признаков самостоятельный объект – уголовно-правовые отношения, складывающиеся в экономической области, диспозитивный метод правового регулирования, который, наряду с императивно-правовым, становится основным, а также широкие возможности развития договорного правового механизма. Аналогичным образом рассуждают и сторонники идеи об особенностях уголовно-процессуального регулирования производства по делам об экономических преступлениях³.

Более того, уже высказана идея и о том, что сложилось «договорное уголовно-процессуальное право»⁴.

---

¹ См.: Клепицкий, И. Новое экономическое уголовное право : монография. Москва: Проспект, 2021; Есаков, Г.А. Экономическое уголовное право. Общая часть. Издательский Дом ВШЭ, 2019; Сычѳв, П.Г. Проблематика уголовно-правовой защиты имущественных отношений хозяйствующих субъектов России // Имущественные отношения в РФ. 2013. № 2 (137). С.81–87.

² См.: Сычѳв, П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: монография. Москва: Юрлитинформ, 2020; Сычѳв, П. Г. Об отдельной главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о производстве по уголовным делам в отношении предпринимателей // Юридическая наука и практика. 2019. № 2 (46). С.170–175.

³ См., например: Попова, Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: диссертация ... кандидата юридических наук. Волгоград, 2019. С. 6, 9, 72–73; Панфилов, П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности: диссертация ... кандидата юридических наук. Москва, 2019. С. 8, 11, 88; Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации. С. 12–13, 29.

⁴ См., напр.: Зайцев, О.А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве // Журнал российского права. 2019. № 1 (265). С. 73–81; Александров Ю А.С., Зайцев О.А. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт

Таким образом, мы не едины в своей позиции, которую будем далее развивать в рамках настоящего параграфа.

Как уже отмечалось нами, в этих правовых образованиях, вполне претендующих на статус подотрасли, в полной мере действует договорной уголовно-процессуальный механизм, поскольку они построены на идее партнерства бизнеса и государства и принципиальной возможности урегулирования договорным путем уголовно-правового конфликта, предметом которого является налоговое или предпринимательское преступление.

Теперь мы возвращаемся к этой идее в свете определения договорного уголовно-процессуального права – регулятора договорных отношений в сфере правового противодействия преступности.

Договорами в гражданском праве признаются соглашения двух или более лиц, влекущие за собой возникновение, прекращение или изменение прав и обязанностей сторон.

Исходя из общепринятого в цивилистике и в теории права определения договора, можно сказать, что уголовно-процессуально-правовой договор — это соглашение (сделка) между лицом – виновником преступления и государством в лице органа, ведущего производство по уголовному делу и прокурора, направленное на возникновение, изменение или прекращение взаимных прав и обязанностей в рамках исполнения виновным лицом общей обязанности понести ответственность за совершенное преступление.

В теории права также можно найти основания для развития нашей концепции о наличии в современном уголовно-процессуальном праве России самостоятельной – договорной подотрасли.

Прежде всего, важна идея о значении договора как «универсального регулятора», об его межотраслевой роли «средства правового

регулируемого¹. В виду глобального, межотраслевого и ускоренного развития договорной сферы, которая проникает и в процессуальную сферу, договорное право превращается в совокупность правовых норм, межотраслевое средство правового регулирования².

В таком подходе преодолевается предубеждение о том, что договорно-правовой элемент чужд по своей природе уголовно-процессуальному праву, которое всегда трактовалось как исключительно публично-правовой инструмент, которым государство пользуется для противодействия преступности.

Признанием договорного феномена в уголовно-процессуальном праве, закрепления договора в механизме уголовно-процессуального регулирования нами отнюдь не отрицается публично-правовая природа уголовно-процессуального права.

Уголовно-процессуальное право вместе с уголовным правом, конечно, будут всегда принадлежать к публичному праву. Однако, уголовно-процессуальное право уже не тот исключительно императивно-правовой монолит, который государство в одностороннем порядке использует для противодействия преступности. Это уже более гибкий, более двусторонний, состязательный и договорной правовой механизм.

Все возрастающий рост числа процедур, которые можно относить к договорным, позволяет зафиксировать переход количества этих процедур в новое качество³, а именно: признать то, что в публичном уголовно-процессуальном праве сформировалась особая подотрасль, основанная на

---

¹ См.: Александров, Н.Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки ВШЭ. Вып. VI. Москва, 1947. С. 68–70; Забоев, К.И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. Санкт-Петербург, 2003. С. 15; Тихомиров, Ю.А. Публичное право. Москва, 1995. С. 184–185.

² См.: Попондопуло, В.Ф. Договор – средство частноправового регулирования // Правоведение. 2009. № 4. С. 142–143.

³ См.: Александров, А.С., Александрова И.А. Мера частноправового начала в уголовно-правовой защите экономики от преступности / Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции: монография / отв. ред. С.Ю. Морозов, О.А. Зайцев. Москва : Проспект, 2022. С. 363–372.

идее договора, где есть свой объект и используется диспозитивный метод правового регулирования. Востребованность же на практике этих процедур такова, что они из исключительных, альтернативных фактически становятся основными формами применения уголовно-правовых норм.

Поэтому игнорирование факта состоявшегося ответвления от общего ствола уголовно-процессуального права такой ветви как договорная подотрасль, означало бы отказ признавать сложившуюся правовую реальность.

Уголовно-процессуально-правовой договор – это способ выполнения лицом, совершившим преступление, обязанности понести уголовную ответственность за совершенное преступление. Вся суть в этом договорном инструменте - достижение этой правовой цели, к которой добавляются дополнительные цели, определенные сторонами в договоре. Уголовно-процессуальный договор допускает при реализации уголовной ответственности для наиболее целесообразной защиты публичного и частного интереса (потерпевшего), при соблюдении интересов противной стороны в деле, отступление от общего – обычного порядка реализации уголовной ответственности, а в исключительных случаях – освобождение от таковой виновника преступления.

В отличие от общего публично-правового способа выполнения виновником преступления обязанности понести уголовную ответственность, в договорных уголовно-процессуальных процедурах закон позволяет государству делать уступку обвиняемому – войти с ним в договорные отношения, чтобы изменить правовой режим привлечения к уголовной ответственности, смягчить меру уголовно-правового воздействия в обмен на публично-позитивные ответные действия обвиняемого в адрес потерпевшего, общества, государства.

Главная поправка или дополнение к общему, императивному, публично-правовому уголовно-процессуальному порядку привлечения к уголовной ответственности, которую вносит уголовно-процессуальный

договор – это допущение влияния не только воли закона, но и воли сторон, включая волю человека, обязанного понести уголовную ответственность, на исход дела, на уголовно-правовое воздействие.

Следует определить исходные черты договора (уголовно-процессуального), которые определяют специфику договорной подотрасли уголовно-процессуального права.

Ученые-теоретики в качестве универсальных признаков договора выделяют: свободу волеизъявлений сторон; формальное равенство сторон; согласие сторон по всем условиям договора; обязательное исполнение условий договора; взаимная ответственность сторон за нарушение условий договора¹.

Это и есть основополагающая черта договорного уголовно-процессуального права: свобода волеизъявления сторон на вступление в договорные отношения.

Итак, в основе концепции договорного уголовно-процессуального права лежит идея договора, с которой связана идеология свободы, добровольности в определении договаривающимися субъектами своих прав и обязанностей для достижения желаемого ими правового результата.

Эта свобода воли субъекта имеет развитие в принципах договорного уголовно-процессуального права, о которых будет сказано в следующем параграфе. Пока же в развитие исходного начала договорного уголовно-процессуального права заметим, что согласованная свободная воля сторон договора – это необходимый момент любого договора, его сущность². Стороны по своей воле решают вопросы о выборе контрагента, вступлении с ним в правоотношение, о содержании этого правоотношения. Если воля одной или обеих сторон не имеет абсолютно никакого значения для правоотношения, то нет и договора. Возможность выбора может быть большей или меньшей; она обратно пропорциональна степени детализации

---

¹ См.: Попондопуло, В.Ф. Договор – средство частноправового регулирования. С. 143.

² См.: там же. С. 144.

императивных нормативных правовых актов, регулирующих ту сферу правоотношений, где сторонами заключается договор, и прямо пропорциональна степени децентрализации правового регулирования¹.

И наконец, как отмечает В.Ф. Попондопуло, «...волеизъявления участников договора не должны противоречить воле государства (общей воле), выраженной в законе»². Здесь подходим к проблематике конкуренции частной воли субъекта договорного правоотношения (уголовно-процессуального) и воли закона, общей публично-правовой природе права и в особенности – публичного права.

Говоря о воле, свободе проявления воли сторон в договоре, следует иметь в виду не только соотношение (согласование) воли сторон договора, но и соотношение государственной (общей) воли и воли лица, вступающего в договор³, поскольку договор заключается в правовом пространстве, в нашем случае – это уголовно-процессуальная правовая система.

Может ли быть свобода воли у государственного органа, ведущего уголовное дело. Мы уже высказались по этому поводу в третьем параграфе первой главы диссертации. Общий ответ может быть таков: эта свобода, разумеется, относительная. Полной свободы воли нет и в гражданско-правовой сфере, где также действует воля закона, проводником которой выступают государственные органы, вступающие в договорные отношения не по своеволию, не для удовлетворения частной потребности, а в публичных интересах, во исполнение воли закона, уголовного и уголовно-процессуального, если брать уголовно-правовую плоскость. Степень публичности нарастает в любой процессуальной отрасли, ибо там всегда присутствует носитель публичного интереса – суд. В уголовно-процессуальной сфере мера публичного нарастает сообразно присутствию в ней наряду с судом, прокурора, органа предварительного расследования,

---

¹ См.: Попондопуло В.Ф. Договор – средство частноправового регулирования. С. 141.

² См.: Братусь, С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. Москва, 1947. С. 12.

³ См.: Попондопуло, В.Ф. Договор – средство частноправового регулирования. С. 141.

действующих в публичных интересах – противодействия преступности в том числе.

Значит, в уголовно-процессуальном договоре налицо не два совершенно равноправных субъекта и не отношения полного равенства, а отчасти и властные отношения, ибо процесс продолжается, и общая расстановка в нем субъектов не отменяется договором. Поэтому в уголовно-процессуальном договоре и в уголовно-процессуальных договорных отношениях продолжает иметь свое определяющее значение государственная публично-властная воля. Поэтому прокурор, другой орган, ведущий уголовное дело, вступая в договор, согласует свою волю не только с волей обвиняемого, но и с общей волей – закона, государства. При этом выполняемая лицом воля государства в основе своей превращается (трансформируется) в его собственную волю¹.

Публичные органы, субъекты уголовного процесса, ведущие уголовное дело могут быть субъектами договора и субъектами уголовно-процессуальных отношений, но не для защиты своих личных интересов, а для защиты интересов публичных, защита которых обеспечена общим назначением уголовного судопроизводства. Таким образом, договорное уголовно-процессуальное право не частное, а публичное право, в котором присутствует свобода распоряжения участниками процесса своими правами на вступление в договор и достижение через него как частных, так и публично-правовых целей.

Далее обозначим свою позицию по принципиальному вопросу, чтобы быть правильно понятыми в своих последующих рассуждениях, а именно: о значении договорного уголовно-процессуального права в общем механизме уголовно-процессуального регулирования и в правовой организации противодействия преступности.

Разумеется, принимаем аксиому о том, что в уголовно-правовой сфере центральное обязательство возникает у субъекта не из договора, а из деликта

---

¹ См.: Попондопуло, В.Ф. Договор – средство частноправового регулирования. С. 144.

– совершенного им преступления. Уголовно-правовая обязанность понести уголовную ответственность в соответствии с Уголовным кодексом за совершение деяния первична. И публично-правовая обязанность государства противодействовать преступлениям также оказывает глобальное влияние на все части уголовно-процессуальной системы, включая и анализируемую нами – договорную подотрасль.

Поэтому договорное уголовно-процессуальное право, разумеется, не может оцениваться как самодостаточная альтернатива, а тем более как конкурент «основному» бездоговорному, а императивному механизму уголовно-процессуального регулирования.

Впрочем, если брать сегмент преступности, образуемый преступлениями небольшой и средней тяжести, то данная аксиома выглядит уже не столь категоричной. Однако, опять же из соображения сохранения единства уголовно-процессуального механизма правового регулирования, мы должны смириться с тем, что договорное право в нем имеет вспомогательное значение.

Уголовно-процессуальный договор между субъектом уголовной ответственности и государством в лице его органа, ведущего уголовное дело, может только изменить реализацию уголовной ответственности. Но не отменить ее и не создать иное основание таковой. Само заключение уголовно-процессуального договора возможно только на основании установленного преступления и обязанности обвиняемого понести ответственность за него.

Надо исходить из того, что в уголовно-правовой-процессуальной сфере полное равенство сторон и свобода заключения договора между ними априори невозможны. Любой уголовно-процессуальный договор происходит из обязанности обвиняемого понести наказание, порожденной преступлением.

Утверждаемое неравенство сторон в уголовно-процессуальном отношении есть неустранимая реальность договорного способа разрешения уголовного дела.

В некотором смысле для всех уголовно-процессуальных договоров характерна «кабальность»¹. Уголовно-процессуальный договор может быть признан только ограниченно свободным и добровольным, поскольку, как уже отмечалось выше, он исходит из факта признания совершения преступления и наличия у обвиняемого обязанности нести ответственность за содеянное преступление. Однако, квалифицировать его как кабальную сделку² в негативном смысле этого понятия мы бы не стали. Известная принудительность при заключении сделки обвиняемым со стороны обвинения не исключает добровольности выбора обвиняемым подобного способа разрешения дела.

Добровольность уголовно-процессуальной сделки в том, ограниченном смысле, что лицо совершившее преступление добровольно, осознанно, с пониманием последствий занимает позицию самоизобличения – признания в совершении преступления и согласие нести уголовную ответственность на условиях, предусмотренных законом и зафиксированных в соглашении.

Однако, в отличие от других авторов³, усматриваем в неравенстве сторон, несвободе обвиняемого, и даже очевидной невыгодности для него уголовно-процессуальной сделки, естественное свойство этого вида сделок, вытекающих из обязанности лица понести ответственность за неправомерное поведение.

Смягчить кабальность анализируемых уголовно-процессуальных договоров возможно через, во-первых, закрепление условий сделки сторон в письменном договоре, во-вторых, фиксацию в договоре обязанности

---

¹ См.: Савранская, Д. Д. Кабальные сделки (часть первая) // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 5. С. 110–130.

² См.: Ковтун, Н. Н. Кабальная сделка (о фактической сути института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2020. № 2. С. 18–24.

³ См.: Ковтун, Н.Н. Указ. соч. С. 23, 24.

прокурора прекратить уголовное преследование при полном выполнении всех условий соглашения обвиняемым, в-третьих, максимальную конкретизацию обязательств сторон по договору. Самое главное, это связать правоприменителя обязанностью прекратить дело, если обвиняемым или другими лицами, действующими в пользу обвиняемого, были полностью выполнены взятые на себя обязательства.

Повышению правовой определенности и обеспечению прав стороны защиты должно способствовать введение правового положения о двусторонней обязательной связанности сторон условиями договора, введения запрета на произвольный выход из соглашения – органа, ведущего производство по делу, а также введение процессуальной и материально-правовой ответственности за невыполнение обязательств по договору. Составление предварительного письменного соглашения об окончании дела по тому или иному согласительному основанию, закрепление обязательств сторон в досудебном соглашении и аналогичные меры способствовали бы, по нашему мнению, эффективности договорного уголовно-процессуального регулирования.

Таким образом, идея договора как правового инструмента определения договаривающими субъектами своих прав и обязанностей для достижения правового результата имеет ограниченное действие в публично-правовой – уголовно-процессуальной сфере.

Этим обусловлена и специфика метода регулирования анализируемой нами подотрасли современного российского уголовно-процессуального права.

Наличие своего метода – важнейший отличительный признак отрасли права. О методе правового регулирования договорного уголовно-процессуального права можно предварительно сказать, что он является диспозитивным.

Общепринято считать, что диспозитивным является такой метод регулирования правоотношений, участники которых выступают

равноправные стороны. Диспозитивный метод строится на началах координации, равенства сторон и представляет собой воздействие при помощи дозволений. У субъекта права имеется возможность выбора модели правомерного поведения в пределах, установленных правовыми нормами. Диспозитивность означает, что стороны обладают правом вступать в эти отношения, но могут и не делать этого¹.

Диспозитивность допускает свободу распоряжения сторонами своими материальными и процессуальными правами. Под диспозитивностью в уголовном праве следует понимать нормативно закрепленный способ регулирования уголовно-правовых отношений, регламентирующий возможность согласования их субъектами объема прав и обязанностей, а также выбора вариантов определенного поведения под контролем государства².

В трактовке большинства представителей уголовно-процессуальной науки³ диспозитивность как метод регулирования уголовно-процессуальных отношений имеет исключительное применение. В диспозитивном методе заложена свобода воли сторон в управлении процессом и его исходом.

Полагаем, что сферой действия диспозитивности являются договорные уголовно-процессуальные отношения. Процессуальная сделка сторон есть один из возможных вариантов распоряжения сторонами своими правами на разрешение уголовного дела и отдельного вопроса уголовного дела.

Представитель государства в уголовном процессе может принять на себя диспозитивный правовой статус и войти в соглашение со стороной защиты. Но он в силу уже указанной специфики уголовно-процессуального

---

¹ См., напр.: Бошно, С. В. Способы и методы правового регулирования // Право и современные государства. 2014. № 3. С. 52–60.

² См.: Сумачев, А. В. Диспозитивность в уголовном праве: автореферат диссертации ... доктора юридических наук. Екатеринбург : Уральская гос. юрид. акад. 2006. С. 21–22; Сидоренко, Э.Л., Карабут М.А. Частные начала в уголовном праве. Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2007. 7-9, 11 и др.

³ См.: Дикарев, И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России: монография. Волгоград: ВолГУ, 2005. С. 3–6, 15–19; Касаткина, С. А. Публичность и диспозитивность в Российском уголовном процессе: монография. Ставрополь: Сервисшкола, 2006. С. 8–9.

статуса государственного органа вправе выйти из соглашения в любой момент до его реализации и вернуть себе императивно-правовой статус органа, ведущего уголовное дело, управляющего уголовным процессом исключительно во исполнение воли закона.

В этой не связанности – угроза для срабатывания диспозитивного метода правового регулирования договорного уголовно-процессуального права. Формализация договорных отношений и распространение на договор силы средства правового регулирования, возложение на обе стороны обязанностей по выполнению совместно выработанных условий, способствуют эффективности анализируемого средства уголовно-процессуального регулирования.

Сделаем последнее замечание, характеризующее в целом механизм договорного уголовно-процессуального регулирования. Уголовно-процессуальные договоры в общем можно подвести к такой разновидности договоров, как мировые соглашения, которые регулируются, в частности, статьей 153.9 ГПК РФ. В целом допустимо сказать, что это правовое средство урегулирования уголовно-правовых споров и отдельных процессуальных вопросов на основе совместного разрешения сторонами вопросов, составляющих предмет уголовного процесса и выработки решения, являющегося процессуальным средством защиты публичного интереса и интересов лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела¹.

Определившись с исходными положениями, по аналогии с гражданско-правовым образцом, попытаемся дать дефиницию уголовно-процессуального договорного права.

---

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 1-О «О прекращении производства по жалобе закрытого акционерного общества «Энергопромкомплект» на нарушение конституционных прав и свобод частью пятой статьи 11 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 5. вобод частью пятой статьи 11 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» //

Договорное уголовно-процессуальное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих процессуально-правовые обязательства сторон обвинения и защиты, других участников процесса, возникающие из различного вида договоров, заключаемых сторонами в деле в рамках разнообразных уголовно-процессуальных производств¹.

Признание существования договорного уголовно-процессуального права требует развития представления о нем.

При этом вполне уместно использовать понятийный аппарат, сформировавшийся в науках об отраслях частного права для исследования уголовно-процессуального явления, которое мы склонны считать договорным. Это позволяет нам прибегнуть к приемам рецепции, аналогии из гражданского права с тем, чтобы сформировать базовый категориальный аппарат для оперирования в намеченной сфере.

Надо сказать о понятии «подотрасль права» применительно к анализируемому правовому явлению. Из общей теории права следует, что подотрасль права – это система однородных институтов в составе отрасли права, нормы которых регулируют отношения определённого вида с помощью однородных правовых средств, способов².

Исходя из уже проведенного исследования, включаем в состав к подотрасли договорного уголовно-процессуального права комплекс институтов и правовых норм, входящих в ст. 20, ст. 25, 25.1, п. 3 части 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1, 427, главы 32.1, 40, 40.1, 51.1 УПК РФ, которые мы квалифицируем как договорно-упрощенные.

Договорное уголовно-процессуальное право распространяется как на дела частного, так публичного и частно-публичного обвинения.

---

¹ См.: Брагинский, М. И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. 4-е изд. Москва : Статут, 2020. С. 22.

² См., напр.: Малько, А.В. Теория государства и права. Москва : КНОРУС, 2007. С. 171; Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства. Москва : ИнфраМ, 1999. 431.

Остановимся на структуре анализируемой подотрасли уголовно-процессуального права и видах входящих в него уголовно-процессуальных производств.

В настоящее время полагаем, можно выделить несколько разновидностей уголовно-процессуальных договоров и связанных с ним институтов, входящих в договорное уголовно-процессуальное право, что было сделано во второй главе диссертации. Однако, в идеале договорного уголовно-процессуального права усматривается иная структура, а именно:

- суммарные или приказные уголовно-процессуальные производства;
- соглашение о признании вины: простое соглашение и соглашение о сотрудничестве;
- примирительные производства по разрешению уголовно-правового спора через применение выработанного в процессе медиации средства уголовно-право-процессуального воздействия.

Через подведение под общий правовой стандарт выработки процессуально-правовой основы всех этих производств – договора (соглашения) усматривается возможность унификации этих процедур, повышение их эффективности и что немаловажно – укоренение их в отечественной правовой культуре, правосознании.

Своей, не противоречащей основам уголовного судопроизводства, должна быть принята и идея о том, что из сделки – соглашения может родиться средство уголовно-правового воздействия, преобразоваться основание уголовной ответственности.

Этому, на наш взгляд, может способствовать прагматизм, которым проникнуто частное право и который концентрированно выражен в принципах¹ договорного права, как инструменте правотворчества.

Но прежде обозначим ключевые дискуссионные моменты в разрабатываемой авторской концепции, которые, на наш взгляд, могут быть

---

¹ О которых мы скажем далее, в отдельном параграфе.

разрешены через принятие тезиса о самостоятельности при всей ее относительности договорной подотрасли уголовно-процессуального права.

Первая ключевая проблема, к которой мы обращались многократно в ходе проводимого нами исследования, состоит в возможном предмете договора, предмете договорных уголовно-процессуальных отношений. В свете договорного уголовно-процессуального права она, с нашей точки зрения, имеет наиболее полное разрешение. Это позволяет сделать само признание самостоятельности, пусть и относительной, договорного уголовно-процессуального регулирования.

Ранее уже был обозначен ряд принципиальных моментов нашей позиции по вопросу о возможности включения в предмет уголовно-процессуального договора – обвинения. Теперь это необходимо развить в контексте понятия договорного уголовно-процессуального права.

Относительно предмета соглашения сторон господствует точка зрения, согласно которой в него входят вопросы, касающиеся совершения обвиняемым позитивных посткриминальных действий, связанных, прежде всего, с возмещением причиненного вреда, примирения с потерпевшим и пр.

Большинством авторов избегаются темы об обвинении как предмете соглашения, хотя выработка условий прекращения дела всегда связывается с обвинением, поскольку признание вины по предъявленному обвинению необходимо для прекращения уголовного дела по данным основаниям. Вопрос о полноте признания обвиняемым обвинения является спорным, но однозначно то, что отрицание своей причастности к инкриминируемому обвиняемому преступлению исключает возможность как примирения, так и какого-либо соглашения сторон о мирном исходе дела.

При этом, если и можно говорить о «распоряжении» сторонами обвинением, то только в форме односторонней деятельности обвиняемого, демонстрирующей его деятельное раскаяние. Отказ обвиняемого, стороны защиты от использования своего права на защиту от обвинения увязывается законом с возможным принятием органа правоприменения решения о

прекращении уголовного преследования (дела) по одному из указанных выше нереабилитирующих оснований.

Видится весьма условной свобода «сторон» в заключении договора о прекращении уголовного дела, которая помимо закона сковывается и дискреционным усмотрением правоприменителя, который не связан полностью установлением основания для прекращения уголовного дела.

Ставить же вопрос о наличии некоей универсальной договорной модели в уголовно-процессуальном праве, через которую стороны могли решать вопросы о смягчении уголовной ответственности или даже о полном освобождении обвиняемого от таковой взамен выполнения условий, выдвинутых обвинителем, пока не приходится.

Можно констатировать, что на доктринальном уровне имеет место весьма ограниченное признание договорной модели как способа разрешения отдельных уголовно-процессуальных вопросов, и как способа разрешения уголовно-правового конфликта в целом.

В существующих договорно-упрощенных производствах этого делать однозначно нельзя. В позитивно-правовой форме закреплена ограниченная модель договора в виде односторонней уступки стороны защиты своего права на защиту от обвинения и дискреционного усмотрения участника процесса, ведущего уголовное дело, применить поощрительную уголовно-правовую санкцию в рамках определенной уголовно-процессуальной формы.

Однако, вышеуказанное ограничение противно идее договора и, с нашей точки зрения, ослабляет регулятивный потенциал договорного уголовно-процессуального права.

Нашей целью является содействие сдвигу доктрины в сторону признания договора как вполне обычного способа разрешения уголовно-процессуальных вопросов и уголовного дела.

В этой связи наметим ряд критических пунктов, по которым считаем необходимым обозначить свою позицию.

Ключевое значение для доктринального сдвига имеет обсуждение проблемы о правовой сущности обвинения и возможности включения его в предмет соглашения, о степени его изменения в результате соглашения сторон.

Общепринятая трактовка обвинения, при которой в него включают под названием «материальной составляющей» само совершенное преступление, его уголовно-правовую квалификацию этого преступления или и то, и другое вместе¹, препятствует такому ходу рассуждений. Однако, при понимании обвинения как уголовного иска², основанием которого являются доказательства, представляемые суду в его обоснование, такое уже возможно³.

Заметим, что предметом «соглашения» сторон о прекращении уголовного дела по «согласительно-договорным» основаниям, предусмотренным действующим законом, обвинение выступает косвенно, поскольку по общему правилу требуется предъявление обвинения или формулирование подозрения и согласие с ним обвиняемого (подозреваемого). При этом «обвинение» трактуется нами широко – как любое утверждение, делаемое органом уголовного преследования о совершении подозреваемым, обвиняемым преступления, которое формулируется в том или ином процессуальном документе и тем самым уголовно-преследуемому лицу предоставляется право согласиться с этим утверждением. Согласие с «обвинением», признание вины по

---

¹ См.: Барабаш, А. С. Обвинение как двигатель уголовного процесса // Адвокатская практика. 2006. № 5. С. 44–47; Кудин, Ф. М., Зубенко Е.И. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса // Общество и право. 2010. № 2 (29). С. 159–168; Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и изменение его в суде. Казань, 1965. С. 7, 23 и след.

² См.: Круглов, И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 7–9, 14 и след.

³ См.: Александрова, И.А., Круглов И.В., Кучин А.Ф., Смолин А.Г. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска. Нижний Новгород, 2007. С. 15 и след.

предъявленному обвинению создает исходную предпосылку для согласования сторонами иных условий прекращения уголовного дела.

Для систематизации и выработки общих единообразных правовых стандартов – договорных (согласительных) форм досудебного разрешения уголовных дел проследуем от вышеизложенного концептуального положения, в котором мы зафиксировали свою приверженность замыслу «уголовный иск» к другим понятиям, составляющим концептуальную основу института договорных способов прекращения уголовных дел.

Необходимо решить онтологический вопрос о происхождении основания у всех этих договорных способов прекращения уголовного дела. По данному вопросу существует достаточно спорная позиция, занятая В.Б. Шерстневым, за которым надо признать приоритет в разработке многих пунктов учения о договорных способах прекращения уголовного дела.

По мнению В.Б. Шерстнева, это основание буквально «создается» сторонами в результате достигнутого соглашения¹. Именно здесь у нас намечилось главное противоречие с позицией этого исследователя, которую в целом оцениваем достаточно высоко.

Указанный ученый утверждает, что при работе уголовно-процессуального механизма, то есть в той правовой среде, что создана процессом, стороны, взаимодействуя, творят основание, правовое средство для разрешения спора и тем самым для достижения их интересов. Речь идет о буквальном «сотворении средства уголовно-правового воздействия» в рамках договорного производства². Более того, по мнению В.Б. Шерстнева, этот договорной уголовно-процессуальный механизм способен даже на частно-конкретную декриминализацию деяния, ставшего предметом уголовно-правового спора. Эта декриминализация, снятие общественной опасности деяния, формально подпадающего под действие уголовного закона, якобы происходит под позитивным, декриминализирующим влиянием

---

¹ См.: Шерстнев, В.Б. Указ. соч. С. 48.

² См.: Там же. С. 52–56.

посткриминального поведения обвиняемого, оговоренного соглашением; прежде всего в результате возмещения причиненного вреда¹.

Трудно согласиться с подобными утверждениями. Придерживаемся традиционных представлений на то, что средство уголовно-правового воздействия есть продукт законодательства, но никак не процессуального взаимодействия, а тем более договоренности сторон. Последнее объективно невозможно: пересматривать, отрицать факты реальности нельзя. Разумеется, никакой договорной декриминализации совершенного преступления также быть не может. Но что, на наш взгляд, следует действительно признать на доктринальном уровне так это то, что к договору может быть отнесен предмет обвинения. При неизменности положения о том, что основанием уголовной ответственности, от которой происходит освобождение в ходе анализируемых процедур, является событие преступления², можно говорить об изменчивости его процессуальной проекции в виде обвинения.

Самый острый вопрос состоит в допустимости некоего соглашения сторон относительно предмета обвинения в ходе выработки условий окончания уголовного дела. Нами допускается возможность изменения обвинения в лучшую для обвиняемого сторону по сравнению с первоначально выдвинутым обвинением и даже реально совершенным преступлением. Очевидно, что в рамках выше указанных производств это маловероятно, так как изменение обвинения не критично для них. Оно может потребоваться только как предварительный шаг для изменения категории преступления: небольшой или средней тяжести, через изменение обвинения в лучшую для обвиняемого сторону.

Принципиально важно на доктринальном уровне допустить возможность включения в предмет соглашения сторон вопросы об изменении обвинения: (1) его предмета, то есть уголовно-правовой квалификации

---

¹ См.: Там же. С. 91.

² Оно не может быть никаким образом вычеркнуто из правовой действительности: ни через декриминализацию, ни через отрицание его присутствия в объективной реальности.

инкриминируемого обвиняемому общественно опасного деяния, (2) эпизодов преступной деятельности, (3) обвинительных доказательств, которыми подтверждается выдвинутое обвинение.

На наш взгляд, указанный шаг назрел в отечественном уголовно-процессуальном праве. На доктринальном уровне должна быть признана возможность через изменение обвинения в лучшую сторону, не затрагивая реальность события преступления, и не искажая объективную истину, договорного перехода на новую материально-правовую основу процесса.

Снятие запрета на включение предмета обвинения в предмет договора сторон откроет новые возможности по совершенствованию позитивного права, прежде всего, по анализируемому нами направлению, но и шире, где потребность в этом гораздо больше, а именно в институтах досудебного соглашения о сотрудничестве, особого порядка судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ).

Пока в существующей договорной уголовно-процессуальной форме подобный вопрос может быть поставлен прокурором только неформально. Между тем, когда обвинительная власть находится в рамках досудебного соглашения, такой вопрос может стать предметом сделки. И в случае оказания обвиняемым особых заслуг в защите конституционно-правового строя, публичный обвинитель может отказаться от выдвижения обвинения против него в суде и прекратить дело.

В этой связи предлагаем восстановить ранее существовавшее основание прекращения уголовного дела ввиду изменения обстановки, утраты обвиняемым социальной опасности: как элемент процедуры, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ. Кроме того, предлагаем ввести норму в статью 221 УПК РФ, которая предусматривала бы право прокурора прекратить уголовное дело вследствие изменения обстановки и утраты обвиняемым социальной опасности.

Такое решение возлагает на лицо, в отношении которого дело прекращено, оказывать содействие и сотрудничать с правоохранительными

органами в раскрытии и изобличении иных лиц в совершении тяжких или особо тяжких преступлений.

Предметом уголовно-процессуального договора (в том числе и мирового соглашения) в теории могут быть как уголовно-процессуальные, так и уголовно-правовые вопросы, включая исход уголовного дела, вид, меру уголовно-правового воздействия, а также позитивные пост-криминальные действия обвиняемого, подлежащие совершению в обмен на поворот к лучшему для него обвинения, уголовно-правовых и процессуальных последствий от этого.

Выступаем за то, чтобы в предмет уголовно-процессуального договора входило обвинение и обязательство обвинителя не изменять его в худшую сторону при выполнении обязательств, принятых обвиняемым по договору. В этом и видится распространение уголовно-процессуального договора на уголовно-правовое воздействие. В перспективе не исключаем, что отечественная доктрина, а затем и законодатель допустят включать в предмет уголовно-процессуального соглашения сторон и вопрос о смягчении обвинения. По крайней мере являемся сторонниками такого развития договорного уголовно-процессуального права, что отвечало бы его природе.

Поясним пункт нашей позиции о позитивном заряде договорной концепции развития не только уголовно-процессуального, но уголовно-правового отношения. Он состоит в том, что заключение договора создает уверенность у субъектов правоотношений (уголовно-процессуальных и уголовно-правового), в том, что их интересы будут защищены, а цели достигнуты. Считаем уголовно-процессуальный договор дополнительным процессуальным средством обеспечения правовой определенности, гарантией достижения уголовным судопроизводством своего назначения по конкретному делу. В широком смысле усматриваем в нем потенциал расширения пределов свободы лица в уголовно-процессуальном пространстве, уравнивания человека в споре с государством, что

соответствует критерию справедливости, понятию «правовое государство», ограниченного не только законом, но и договором с человеком.

В завершение развития нашей позиции о предмете договорного уголовно-процессуального регулирования надо сказать о таком понятии как средство уголовно-право-процессуального воздействия. Все наши предыдущие суждения, сделанные на этот счет, надо свести в окончательную формулировку относительно мыслимого нами «средства уголовно-право-процессуального воздействия».

В отличие от большинства ученых, придерживающихся мнения о самодостаточности уголовно-правового механизма при выработке средства уголовно-правового воздействия¹, в который невозможно включить договорной элемент в процесс формирования средства уголовно-правового воздействия, присоединяемся к мнению тех авторов, сторонников концепции процессуального детерминизма, которые поддерживают позицию о творении уголовно-правового средства в процессе. Наш подход по данному пункту основывается на том теоретическом положении, что материальные, уголовно-правовые последствия в виде «средства уголовно-правового воздействия» порождаются обвинением – публичным уголовным иском, выдвигаемым перед судом – в случае удовлетворения этого иском судом².

Добавим к этому главному положению еще два соображения: во-первых, результатом подобного процессуального уголовно-правового творчества может быть не только собственно уголовно-правовое средство – санкция уголовного закона, но и процессуальное средство. К таковым можно отнести, начиная от судебного штрафа, меры принудительного воспитательного воздействия, до постановления о прекращении уголовного дела по одному из нереабилитирующих оснований, которое предполагает

---

¹ См. об этом: Власова, С.В. Указ. соч. С. 79-80.

² См.: Александров, А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

выполнение обязанности по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Можно дать следующее определение средству материально-процессуального воздействия, вырабатываемому в ходе договорно-упрощенного производства – это предусмотренное нормами уголовного и уголовно-процессуального права и назначаемое итоговым процессуальным решением по уголовному делу мера уголовной или иной правовой ответственности, применяемая к виновнику преступления.

Таким образом, можно утверждать о наличии договорной подотрасли не только уголовно-процессуального, но и уголовного права.

Поддерживаем сторонников концепции договорного способа формирования не только меры, но и преобразования основания уголовной ответственности, о чем уже неоднократно писали ранее¹.

Допускаем распространение уголовно-процессуального договора на уголовно-правовую сферу, хотя и в ограниченном виде. Как уже отмечалось, уголовно-процессуальный договор возможен только на базе уголовно-правового отношения между государством и лицом, совершившим преступление. Само согласие обвиняемого вступить в договорные отношения с органом, ведущим уголовный процесс, означает де-юре наличие этого уголовно-правового отношения.

И наконец, окончательный ответ в свете договорного уголовно-процессуального права надо дать на вопрос о субъекте договорного отношения со стороны государства.

Как уже отмечалось в третьем параграфе первой главы диссертации, современные последователи огосударствления субъектного состава уголовно-правового отношения настаивают на том, что обвинитель по должности, то есть прокурор, как представитель государства, выступает

---

¹ См.: Колесник, В.В. Комплекс договорных уголовно-процессуальных форм окончания уголовного дела // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия экономика и право. 2023 Том 33 № 1. С. 141–147; Колесник, В. В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 42–48.

субъектом публичного субъективного права на обвинение, которое, в свою очередь, является иском (уголовным) о признании наличия у государства права на уголовно-правовое воздействие на лицо, вина которого в совершении преступления, будет признана судом¹. И если обвиняемый признает совершение преступления, то уголовно-правовое отношение возникает между ним и прокурором.

Доводя до логического завершения тезис о право-субъектном составе договорного уголовно-процессуального отношения надо добавить позицию о прокуроре как субъекте уголовного иска, об обвинительной власти прокурора². В суммирующем свете этой позиции в окончательном виде можно констатировать следующее.

Во-первых, обвинительная власть государства должна принадлежать прокуратуре, которая уполномочена через обвинение добиваться применения мер уголовно-правового и уголовно-процессуального воздействия к нарушителю уголовного закона.

Во-вторых, можно разделить точку зрения, согласно которой прокурор является субъектом материально-процессуального отношения, а не государство в целом. Сходную точку зрения имеют и другие авторы, которые полагают, что в уголовном процессе конкретизируются и индивидуализируются субъекты правоотношений, обвиняемый имеет дело не с абстрактным государством, а с прокурором и находящими под его процессуальным руководством правоохранительными органами³.

Это позволяет утверждать, что именно прокурор должен быть субъектом всех договорных уголовно-процессуальных отношений, которые возникают между сторонами по ходу процесса и при его исходе.

---

¹ См., напр.: Власова С.В. Указ. соч. С. 84-86.

² См.: Левченко, О. В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности: монография. Москва : Юрлитформ, 2021. С. 79–80.

³ См.: Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования) : монография. Москва, 2022. С. 44–46.

В-третьих, прокурор должен быть признан единственным субъектом права на публичное обвинение и ему должно быть позволено распоряжаться материальными и процессуальными составляющими обвинения при заключении уголовно-процессуального договора со стороной защиты.

В-четвертых, прокурор, выдвигающий и поддерживающий обвинение, и далее надзирающий за исполнением наказания является и субъектом материально-процессуального отношения. Именно прокурора видим в качестве субъекта договорного уголовно-правового и уголовно-процессуального отношений.

Современное положение прокурора в некоторых договорно-упрощенных процедурах считаем неудовлетворительным. Полностью разделяем тезис о том, что роль прокурора должна быть принципиально повышена в процедурах прекращения уголовных дел по договорно-согласительным основаниям¹. В этой связи, кстати, несистемным выглядит ограничение участия прокурора в процедуре, предусмотренной главой 51.1 УПК РФ. Оно должно быть устранено, но вначале аргументированно обсуждено на концептуальном уровне.

Если исходить из того, что именно прокурор является субъектом права на обвинение, то прокурор же должен быть признан и стороной договора со стороной защиты. Полагаем, что сторона обвинения в лице прокурора вправе включить в качестве условия соглашения о завершении уголовного дела прекращением вопрос о сотрудничестве обвиняемого со следствием.

Развивая далее тезис о главенстве прокурора со стороны органов публичного уголовного преследования, полагаем, что именно он должен (а) принимать согласие обвиняемого с обвинением и фиксировать получение от него соответствующих признательных показаний, (б) непосредственно

---

¹ См.: Левченко. О. В. Прокурор как ключевой участник компромиссной процедуры окончания уголовного дела // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов: сборник материалов Междунар.науч.-практ. видео-конф. (Чебоксары, 10 ноября 2020 г.). Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. С. 242–245.

вырабатывать условия соглашения или утверждать это соглашения, (в) принимать обязательства со стороны публичного обвинения, в том числе не изменять его в худшую сторону, (г) констатировать выполнение стороной защиты условий соглашения.

Завершая освещение нашей позиции относительно договорного уголовно-процессуального права и ввиду принципиальности предлагаемого сдвига особое значение приобретает вопрос о системе его принципов.

Полагаем, что наличие таковых надо говорить и применительно к уголовно-процессуальному договорному праву. Дадим общую характеристику этим принципам как части анализируемой подотрасли уголовно-процессуального права.

В теории гражданского права выделяют такие принципы договорного права: свободы договора, защиты слабой стороны, сотрудничества сторон, разумности участников договора¹. С учетом публичной, а тем более следственной специфики отечественного уголовного процесса можно их абсорбировать, но не превращать в самостоятельные единицы уголовно-процессуального регулирования.

Принципы – носители публичного начала, такие как принцип публичности, законности, объективной истины – враждебны укоренению согласительности в уголовно-процессуальной среде. Напротив, принцип состязательности, обеспечения прав личности в идеологическом плане благоприятны ей и анализируемому нами институту.

В свете новейших разработок по данной теме² можно заключить, что концептуальное признание договорного способа применения уголовного закона и разрешения уголовно-правового конфликта способствуют принципы

---

¹ См.: Бекленищева, И. В. Гражданско-правовой договор. Классическая традиция и современные тенденции. Москва : Статут. 2006. С. 61–80.

² См.: Горюнов, В. Ю. Особенности механизма правоприменения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2018. № 16. С. 55–56; Левченко, О. В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности // Международное уголовное право и уголовная юстиция. 2021. № 6. С. 6–9.

обвинения, целесообразности, диспозитивности, формальной (юридической) истины¹.

Как указывалось нами ранее², принципиальное ядро концепции договорных уголовно-процессуальных производств составляют принципы обвинения, целесообразности, диспозитивности и формальной истины, которые тяготеют к состязательной модели процесса. Каждый из этих принципов имеет оппонента из следственного ряда: публичность – диспозитивность, законность – целесообразность, объективная истина – формальная истина³.

Не повторяясь по поводу содержания каждого из выделяемых нами принципов уголовно-процессуальных производств с договорной природой, скажем, что не вполне разделяем тезис о конкуренции, борьбе этих мировоззренческих идей, который имеет разрушительный смысл. На наш взгляд, правильнее говорить о дополнительности как их сущностном качестве. Принципы договорного ряда представляют собой уголовно-процессуальные принципы, которые не отрицают, не подрывают основы позитивно-правовой модели, но смягчают крайности следственной уголовно-процессуальной организации применения уголовно-правовых норм, в которой господствует следственная власть в доказывании и выдвижении обвинения – определяющих ход процесса.

Отдельно надо выделить принцип диспозитивности, который может трактоваться «принципом дополнительности» к господствующему принципу публичности, в том значении, которое ему придается современной гносеологией, то есть допущении противоположной позиции наряду из господствующей для объяснения сложного явления⁴.

---

¹ См.: Шерстнев, В. Б. Указ. соч. С. 28.

² См.: Колесник, В. В. О принципах обвинения и целесообразности в договорных уголовно-процессуальных производствах // Власть закона. 2022. № 4(52). С. 69–81.

³ См.: Александров, А. С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 162–175.

⁴ См.: Принцип дополнительности. Википедия. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%>

Расширить систему принципов договорных уголовно-процессуальных производств следует еще двумя идеями, которые некоторые исследователи предлагают считать уголовно-процессуальными принципами.

Так, С.И. Салимов предлагает признать принципом российского уголовного судопроизводства обеспечение защиты лица от самоизобличения как гарантия законности проведения упрощенных процедур¹. Разделяем мысль о том, что обеспечение защиты от самоизобличения обвиняемого в договорных уголовно-процессуальных производствах является главной гарантией их обоснованности. Свобода от самоизобличения есть составляющая свободы вступления обвиняемого с соглашением с органом, ведущим уголовное дело. Полагаем уместным включить обеспечение свободы и защиты от самоизобличения в число принципов анализируемых нами договорных уголовно-процессуальных производств. С этим связано усиление гарантий свободы от самоизобличения, как составной части указанных процедур: запрет на принуждение, обязательное участие адвоката, подтверждение прокурором, фиксация посредством видеозаписи и др.

Полагаем возможным включить в набор принципов, составляющих основу договорного уголовно-процессуального права, еще одну идею. Речь идет о быстроте процесса. Некоторые ученые выступают за то, чтобы считать быстроту или срочность процесса его принципом².

BF_%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8

¹ См.: Салимов С.И. Свобода от самоизобличения как основа уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2(68). С. 35–38; Салимов С.И. Обеспечение защиты от самоизобличения в системе принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 324–327.

² См.: Калиновский К.Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства – есть принцип уголовно-процессуального права // Материалы международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития правовой науки», посвященной 75-летию Удмуртского государственного университета, Ижевск, 30-31 марта 2006 года. Ижевск, 2006. <https://www.iaaj.net/node/838>. (дата обращения: 22.05.2023).

На наш взгляд, более уместно говорить о быстроте как принципе именно применительно к договорным уголовно-процессуальным производствам, поскольку одной из публичных целей является переход на них именно для ускорения процесса по уголовному делу. Быстрота и экономия публичных средств и сил на ведение процесса являются одними из приоритетов анализируемых нами процедур, а потому их можно считать принципом данных процедур.

Такова общая, принципиальная характеристика новой договорной подотрасли российского уголовно-процессуального права.

Выводы по параграфу.

В российском уголовно-процессуальном праве сформировалась сумма уголовно-процессуальных норм, характеризующаяся признаками самостоятельности: по объекту, методу правового регулирования, субъектам правового воздействия и результату такового. Эту совокупность норм и институтов можно называть договорным уголовно-процессуальным правом.

Призываем признать существование договорного уголовно-процессуального права, как подотрасль современного российского уголовно-процессуального права. В его состав входят институты и нормы, включая ст. 25, 25.1, п. 3 части 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1, 427, главы 32.1, 40, 40.1, 51.1 УПК РФ.

Можно сказать, что объектом регулирования договорного уголовно-процессуального права являются правовые отношения, регулируемые указанными уголовно-процессуальными нормами, в которых присутствуют элементы соглашения между сторонами в деле.

Методом договорного уголовно-процессуального права является диспозитивный метод, действие которого ограничено общей – императивно-правовой, публично-правовой обстановкой, что проявляется в возможности выхода государственного органа, ведущего уголовное дело, из-под действия договорного права и заключенного соглашения со стороной защиты.

Формализация договорных отношений и распространение на договор силы средства правового регулирования, возложение на обе стороны обязанностей по выполнению совместно выработанных условий, поспособствовали эффективности анализируемого средства уголовно-процессуального регулирования.

Повышению правовой определенности и обеспечению прав стороны защиты должно способствовать введение правового положения о двусторонней обязательной связанности сторон условиями договора, введения запрета на произвольный выход из соглашения – органа, ведущего производство по делу, а также введение процессуальной и материально-правовой ответственности за невыполнение обязательств по договору. Предварительное согласие обвиняемого на замену наказания альтернативной мерой юридической ответственности и другие правовые обременения также важно заранее зафиксировать, что сделало бы обоснованным отказ прокурора от прекращения уголовного преследования в случае невыполнения обвиняемым таковых.

Составление предварительного письменного соглашения об окончании дела по тому или иному согласительному основанию, закрепление обязательств сторон в досудебном соглашении и аналогичные меры способствовали бы, по нашему мнению, эффективности договорного уголовно-процессуального регулирования.

Договорное уголовно-процессуальное право – это совокупность правовых норм, относящихся к заключению и приведению в исполнение соглашений между сторонами в деле: следственно-обвинительной властью, а также потерпевшим, и обвиняемым, его защитником, для достижения целей уголовного процесса. Договорное уголовно-процессуальное право регулирует процессуально-правовые обязательства сторон обвинения и защиты, других участников процесса, возникающие из различного вида договоров, заключаемых сторонами в деле в рамках договорно-упрощенных производств.

Юридикo-техническим оформлением состоявшегося договорного уголовно-процессуального права должна стать отдельная глава УПК «Договорно-упрощенные производства».

Уголовно-процессуальные производства, основу которых составляет соглашение сторон относительно исхода дела или его направления, образуют внутри этой подотрасли права отдельные структурные части. На наш взгляд, можно выделить три разновидности договорных уголовно-процессуальных производств, в каждой из которых соглашение сторон или определяет исход дела или дает ему новое направление к их взаимной выгоде.

Подотраслевое договорное уголовно-процессуальное право должно иметь, с нашей точки зрения, следующую структуру: (1) приказное – суммарное производство по очевидным преступлениям небольшой и средней тяжести, (2) примирительные (медиационные) производства, (3) соглашения о признании вины: простое и сложное, включающее соглашение о сотрудничестве обвиняемого с органом публичного уголовного преследования – прокурором.

В соответствии с этой модельной структурой надо развивать договорное уголовно-процессуальное право как относительно самостоятельное средство регулирования уголовно-процессуальных отношений.

Развитие правового явления, основанного на идее договора, не ведет к отрицанию общего порядка уголовного судопроизводства смешанного типа, который остается доминирующим способом применения уголовно-правовых норм, но является дополнением к нему.

В контексте договорного уголовно-процессуального права окончательное решение находят вопросы о предмете/объекте договорного уголовно-процессуального отношения. Таковым может быть признано средство материально-процессуального воздействия, вырабатываемое в ходе договорно-упрощенного производства на основе норм уголовного и уголовно-процессуального законов.

Договорной уголовно-процессуальный механизм служит дополнением к общему порядку производства по уголовным делам. Его назначением выступает достижение общих целей уголовного судопроизводства в ускоренном, упрощенном правовом режиме, экономией сил и средств публичной власти, а также гуманизация уголовно-правового воздействия.

Прокурор, выдвигающий и поддерживающий обвинение, и далее надзирающий за исполнением наказания является и субъектом уголовно-право-процессуального отношения. Именно прокурора видим в качестве субъекта договорного уголовно-правового и процессуального отношений.

Данная подотрасль права имеет в своем основании систему своих принципов. В их число входят принципы быстроты, диспозитивности, обвинения, целесообразности, свободы лица от самоизобличения, формальной истины. Основу договорного уголовно-процессуального права составляют принципы быстроты, диспозитивности, обвинения, целесообразности, свободы лица от самоизобличения, формальной истины.

Выступаем за то, чтобы в предмет уголовно-процессуального договора входило обвинение и обязательство обвинителя не изменять его в худшую сторону при выполнении обязательств, принятых обвиняемым по договору. В этом и видится распространение уголовно-процессуального договора на уголовно-правовое воздействие.

Уголовно-процессуальный договор служит дополнительным процессуальным средством обеспечения правовой определенности, гарантией достижения уголовным судопроизводством своего назначения по конкретному делу. В широком смысле усматриваем в нем потенциал расширения пределов свободы лица в уголовно-процессуальном пространстве, уравнивания человека в споре с государством, что соответствует критерию справедливости, понятию «правового государства»,

ограниченного не только законом, но и договором с человеком и гражданином¹.

§ 3.2 Принципы договорного уголовно-процессуального права

Подтверждением самостоятельной правовой природы у нового образования в российском уголовно-процессуальном праве, которое мы называем договорное уголовно-процессуальное право, должно быть наличие у него принципиального ядра. В нем, с одной стороны, проявляется его качественное отличие от других частей уголовно-процессуального права, а, с другой стороны, в концентрированном виде выражается его сущность, идеология и назначение.

Нашей целью в данном параграфе является выявление этого принципиального ядра договорной подотрасли уголовно-процессуального права в виде системы ее принципов и анализ отдельных принципов договорно-упрощенных уголовно-процессуальных производств, имеющих особое конструктивное значение для построения договорно-упрощенных производств.

Полагаем, что это необходимо для окончательного прояснения вопроса о юридической природе тех производств, которые допускают договорности между сторонами при реализации уголовной ответственности. Как уже неоднократно отмечалось, эти производства не укладываются в классическую доктрину и могут быть объяснены на основе только тех мировоззренческих идей, которые составляют систему уголовно-процессуальных принципов, закрепленных в главе 2 УПК РФ. Не менее важно и для того, чтобы прояснить перспективу развития договорной

---

¹ В тексте параграфа использовались ранее опубликованные работы автора: Колесник В. Договорное уголовно-процессуальное право, как подотрасль современного российского уголовно-процессуального права // *Ex Jure*. 2024. № 1. С. 139-150; Комплекс договорных уголовно-процессуальных форм окончания уголовного дела // *Вестник Удмуртского университета. Серия экономика и право*. 2023. № 1. С. 141-147.

составляющей уголовно-процессуального права и преобразования правовой системы противодействия преступности.

Некоторые авторы уже высказывали мнение о принципиальном значении этих новообразований в отечественном материальном и формальном уголовном праве, усматривая в них симптом перемен, которые назревают в основе правовой организации противодействия преступности¹.

Мы также относимся к числу тех, кто данные процедуры квалифицирует не просто как очередную новую уголовно-процессуальную форму, отпочковавшуюся от основного уголовно-процессуального древа, а как принципиально новое явление. Полагаем, что на их примере можно наблюдать переход количественных изменений отечественного уголовно-процессуального права к новому качественному состоянию – в соответствии с законом диалектики.

Разделяем мнение о том, что отечественная уголовно-процессуальная доктрина должна быть обновлена в связи с появлением процедур, которые не вполне могут быть разрешены действующей научной парадигмой.

Необходимым шагом в этом направлении, по нашему мнению, должно быть обновление базовых концептуальных единиц, которые выступают ценностным ядром нормативно-правовой конструкции, под которой подразумеваем уголовно-правовую и уголовно-процессуальную системы.

Тема о принципах в отечественной уголовно-процессуальной науке является, с одной стороны, глубоко развитой, с другой, весьма дискуссионной. На наш взгляд, на ней лежит глубокий отпечаток советской эпохи, с присущей ей следственно-публичной идеологией. Учение о принципах строится на основе главы второй УПК РФ и исключает начала иной уголовно-процессуальной правовой формации. Мы, разумеется, не призываем отказаться от принципов, закрепленных в УПК РФ, они отражают

---

¹ См.: Александров А.С., Александрова И.А., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке // Государство и право. 2019. № 9. С. 75–86.

природу большей части современного российского процесса. Однако, они не всегда объясняют природу целого блока новых – договорно-упрощенных уголовно-процессуальных производств, проникнутых иной – состязательной, договорной идеологией.

Не ставя под сомнение значимость официально закрепленных в главе второй УПК РФ принципов, полагаем возможным констатировать, что через них трудно объяснить природу согласительного-договорного производства в уголовном процессе. С принципами законности, требованиями публичности и объективной истины в их доктринальном – следственном понимании неразрывно срослось положение о неотвратимости уголовной ответственности за каждое преступление в точном соответствии с уголовным законом и отрицание каких-либо элементов соглашательства с преступным элементом.

Принципы публичности, законности и другие принципы, закрепленные в позитивном праве, не утрачивают своего значения, но они отрицают саму идею «сделки с преступником», на которую идет государство и потому являются недостаточными для объяснения всей полноты нового уголовно-процессуального мира, который стал гораздо многообразнее.

Учение об уголовно-процессуальных принципах должно быть обновлено, чтобы отражать во всей полноте как договорную, так и традиционную – бескомпромиссную часть уголовно-процессуальной организации противодействия преступности.

В нашем исследовании будем опираться на те наработки, которые имелись в отечественной классической уголовно-процессуальной доктрине периода действия Устава Уголовного Судопроизводства 1864 г., а не только и не столько на официальную доктрину о принципах в ее истолковании уголовно-процессуальной наукой.

В свое время идея о признании парных принципов, как носителей противоположных процессуальных подходов (состязательности и следственности) была распространена в русской уголовно-процессуальной

литературе¹. В дальнейшем эта идея была развита современными учеными-исследователями. В частности, А.С. Александров отмечает, что существуют две системы процессуальных принципов, входящих в разные гомологические ряды, которые происходят от противоположных начал – частного начала и публичного начала. Он выделил следующие пары противоположных принципов: публичность – диспозитивность, законность – целесообразность, объективная истина – судебная (процессуальная или юридическая) истина². Как отмечает И.В. Килина, начало целесообразности предполагает, что в каждом отдельном случае уполномоченное должностное лицо решает на основе анализа обстоятельств совершенного деяния, что соответствует публичному интересу в большей степени -уголовное преследование или отказ от него³. На этих парных принципиальных принципах и держится смешанный тип уголовного процесса. При этом принципы следственного ряда доминируют над своими состязательными конкурентами.

Воспользуемся идеей о сочетании принципов различной типовой принадлежности в системе принципов смешанного уголовного судопроизводства, каковым является современный российский процесс.

В частности, принципу законности предлагается противопоставить принцип целесообразности, принципу публичности – диспозитивность, объективной истины – судебную (относительную) истину.

Учение о принципах должно вмещать в себя противоположные начала, так как современное уголовно-процессуальное право неоднородно. Для договорного уголовно-процессуального права, как вместилища частного начала, логичным будет считать принципиальным ядром диспозитивность, целесообразность, процессуальную (юридическую) истину.

---

¹ См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пособие к лекциям. 3-е изд., пересмотр. Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. С. 44-47.

² См.: Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе: монография. С. 71–74.

³ Килина, И. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов : монография / И.В. Килина. — Москва : ИНФРА-М, 2024. С. 21.

Далее предлагаем ввести в систему принципов современного уголовно-процессуального права принцип обвинения. Это было бы правильным ввиду универсальности института обвинения, который существует в любом типе процесса; этот принцип может иметь как общую, так и переменную составляющие. В настоящее время господствует учение о следственном публичном, но также и частно-публичном, обвинении, которое на частное (субсидиарное) обвинение не распространяется. Пришло время более широко посмотреть как на само обвинение, так и его процессуальные формы.

Следует принять принцип обвинения в той трактовке, которая была распространена в классической русской уголовно-процессуальной науке периода действия Устава уголовного судопроизводства¹.

В современном научном обороте принято пользоваться понятием «состязательность». У определенной части научного сообщества сформировалось искаженное представление об «обвинительности» как негативном явлении, связанном с обвинительным уклоном. Между тем, если обратиться к дореволюционной русской уголовно-процессуальной науке, то атрибут «обвинительности» прилагался к тому типу процесса, который современные исследователи назвали бы состязательным.

Разделяем мысль о ведущем значении обвинения и процедуры его выдвижения, но также и последующего его изменения, отказа от обвинения, в том числе по причине, имеющей договорное происхождение.

Главное в принципе обвинения – это разделение обвинения и суда, которому запрещено прямо или косвенно выполнять функцию обвинения. Он разрешает дело на основе выдвинутого и поддержанного в суде обвинения.

Отсюда вторая составляющая этого принципа: обвинение двигает процесс.

---

¹ См.: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России: пособие для прокурорской службы. Т. 1. Москва: Унив. Тип., 1899. С. 10–17.

Субъект обвинения (прокурор, или частный обвинитель) распоряжается своим материальным правом на обвинение и процессуальными правами на средства его доказывания в публичных или своих частных интересах.

Субъект обвинения берет на себя бремя его доказывания. Он вправе распоряжаться обвинением, его предметом, но также обвинительными доказательствами. Публичный обвинитель как субъект права на уголовный иск (публичное обвинение) трактуется субъектом диспозитивности, который вправе заключить процессуальную сделку с обвиняемым по предмету обвинения, условиям отказа или изменения обвинения в лучшую сторону¹.

В этой увязке принципов обвинения, диспозитивности, состязательности видится способ развития договорно-упрощенных производств – по воле сторон, согласившихся на проведение той или иной из них.

Именно в представлении о том, что обвинитель определяет ход процесса, заключается исходная идея разрабатываемой концепции уголовно-процессуальных договорных отношений. Предмет судебного спора, в пределах которого суд рассматривает этот спор, определяется предметом обвинения. Соответственно, изменение обвинителем обвинения изменяет и предмет процесса в его материально- правовом измерении и его пределы, то есть в его фактическом доказательственном измерении. Принципиально важным здесь является понимание того, что материальные, уголовно-правовые последствия вытекают из процессуальных предмета и оснований обвинения. Обладая свободой распоряжения таковыми, обвинитель изначально определяет исход дела – в суде или альтернативный исход – в результате достижения соглашения со стороной защиты

Для концепции уголовно-процессуальных договорных отношений в уголовном судопроизводстве принципиально важно определиться с тем, что

---

¹ См.: Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска // Государство и право. 2006. № 2. С. 35–47.

представитель обвинительной власти (прокурор) или, с поправкой на современность, субъект обвинительно-следственной власти, под которым понимаем следователя и прокурора, обладает в пределах определенных законом свободой распоряжения обвинением во всех его составляющих: материально-правовой, фактической, процессуальной.

Субъект иска (обвинительного) является субъектом свободы распоряжения этим иском. Проводя хотя и не полную аналогию с обвинением, можно допустить, что субъект обвинения или субъект публичного субъективного права на уголовный иск определяет исход уголовного дела изменением позиции при отказе от обвинения полностью или в части.

Возможность соглашения заключается в мере дозволенности обвинителю распоряжаться обвинением, вплоть до отказа от обвинения при наличии к тому условий, в том числе предпосылок условий, искусственно созданных сторонами в ходе посткриминального сотрудничества в рамках уголовно-процессуального согласительного производства.

Не вдаваясь в крайности с предложением о предоставлении прокурору права распоряжаться предметом обвинения или обвинительными доказательствами по любому уголовному делу, можно первоначально ограничиться допущением подобного рода по некоторым категориям уголовных дел: по делам об уголовных проступках, экономических преступлениях, в отношении несовершеннолетних и возможно – некоторым другим.

Принципиально важно исходить из того, что прокурор вправе вступать в договорные отношения с обвиняемым, стороной защиты по вопросам определения исхода уголовного дела. В настоящее время здесь можно говорить о процедуре прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, которые называют согласительно-компенсаторными¹.

---

¹ См.: Шерстнев В.Б. Указ. соч. С. 16 и след.

Исходя из диспозитивной трактовки прав обвинителя по распоряжению обвинением, можно предположить о договорной природе не только частного, но и публичного обвинения. Изменение обвинения обвинителем в сторону смягчения может быть предметом соглашения сторон. На этом строится концепция уголовно-процессуальных договорных отношений.

Другое принципиальное положение концепции уголовно-процессуальных договорных отношений состоит в том, что материальные, уголовно-правовые последствия в виде «средства уголовно-правового воздействия» вытекают из обвинения¹.

С концепцией договорных уголовно-процессуальных отношений на принципе обвинения, который был описан выше, связано представление о обвинителе, как публичном, так и частом, как субъекте обвинения.

О диспозитивности в уголовном процессе существует довольно обширная литература². Хотя ученые редко признают за ней принципиальное значение, отводя ей роль исключения из принципа публичности, которое касается дел частного обвинения и некоторых других институтов. Кроме того, распространено смешивание диспозитивности с дискреционностью, в том числе свободой усмотрения суда³.

Мы полагаем, что диспозитивность, а не состязательность должна быть признана принципом процесса. Диспозитивность гарантирует свободу воли сторон в управлении процессом и его исходом. Состязательным же надо называть общее устройство процесса, основанном на принципах обвинительности и диспозитивности. В состязательном уголовном процессе сторона обвинения активна, она определяет предмет и направление развития процесса в ходе противостояния с защитой. Процессуальная сделка сторон

---

¹ См.: Власова С.В. Указ. Соч. С. 140.

² См.: Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: монография / под ред. А. П. Кругликова. Волгоград: ВолГУ, 2005. С. 3–6, 15–19; Касаткина С.А. Публичность и диспозитивность в Российском уголовном процессе: монография / науч. ред. И. Л. Петрухин. Ставрополь: Сервисшкола, 2006. С. 8–9 и др.

³ См.: Афанасьев А.Ю. Диспозитивность в системе принципов уголовного процесса // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 367–369.

есть один из возможных ходов или даже альтернативный исход состязательного процесса.

Далее скажем о принципе целесообразности, который был признаваем в русской уголовно-процессуальной доктрине, наряду с принципом законности деятельности прокурора как субъекта обвинения¹.

Принцип целесообразности был отвергнут позднесоветской теорией уголовно-процессуального права как «революционная целесообразность», с которой ассоциировались времена сталинских репрессий. Между тем такое понимание «целесообразности» и взаимосвязанное с ней «процессуальное упрощенчество» не имеет ничего общего с доктринальным противостоянием принципов целесообразности и законности, которые взаимно уравновешивали друг друга. Причем оба были адресованы прокурору, будучи в понимании того времени принципами его деятельности.

В романо-германской правовой доктрине принцип целесообразности был всегда признаваем как одна из детерминант деятельности прокуратуры². Присоединяемся к позиции о признании целесообразности одним из принципов уголовного процесса, который уравновешивается принципом законности.

В постсоветский период произошло возрождение принципа целесообразности в уголовно-процессуальной теории, хотя, на наш взгляд, в несколько искаженном виде.

В ряде исследований последнего времени, посвященных целесообразности в уголовном судопроизводстве, наряду с абсолютно верными рассуждениями о связи целесообразности с диспозитивностью, свободой распоряжения субъектами уголовного процесса своими процессуальными правами проводится и такая мысль, что целесообразность

---

¹ См.: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: Прокуратура на Западе и в России: пособие для прокурорской службы. С. 19–20.

² См.: Вилкова Т.Ю., Мазюк Р.В., Хохряков М.А. Целесообразность как принцип и как основание для принятия решений в уголовном судопроизводстве: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 1. С. 91–100.

есть усмотрение, которое характеризует любого правоприменителя: прокурора, судью, следователя и пр. К примеру, Н.Н. Апостолова пишет о принципе целесообразности (дискреционности) уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц органов расследования, прокуратуры, суда, то есть «органов юстиции» в ее трактовке¹.

Целесообразное сводится к упрощению и укладывается в возникшую еще в советское время концепцию дифференциации уголовно-процессуальных форм. Кроме того, целесообразность увязывается многими современными учеными с такими темами как эффективность, рационализация, упрощение уголовного процесса². Таким образом, целесообразность отождествляется с так называемой процессуальной экономией³. Процессуальная экономия в трактовке современных процессуалистов – это упрощение высокочрезвычайных следственно-судебных процедур⁴. В частности, производство, регулируемое главой 51.1 УПК РФ, объясняется как «результат процессуальной экономии»⁵.

Современные ученые-процессуалисты связывают целесообразность с эффективностью, прагматизмом, которые усматривают в упрощении обычных следственных и судебных процедур. Подразумевается, что экономится следственная форма, следственная деятельность, содержащаяся в этой форме, то есть опять же в такой интерпретации целесообразности проглядывается учение о дифференциации уголовно-процессуальной формы.

---

¹ См.: Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2010. М., 2010. С. 4 и след.

² См.: Томин В. Т., Поляков М. П., Попов А. В. Очерки теории эффективного уголовного процесса / Под ред. В. Т. Томина. Пятигорск, 2000. С. 23.

³ См.: Поляков М.П., Смолин А.Ю. Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве: монография. Н. Новгород, 2011. С. 41–42; Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 7–8.

⁴ См.: Бажанов С.В. Стоимость уголовного процесса: дисс. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

⁵ См.: Каматесов П.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма. С. 9.

При этом упускается самое важное, изначальное смысловое ядро, которое вкладывалось в принцип целесообразности его создателями.

Поэтому указанный аспект в понимании принципа целесообразности, с нашей точки зрения, может быть принят, только если принять его в качестве дополнения к главному, изначальному его пониманию: выбор прокурором, обвинителем такого варианта в развитии уголовного преследования, который является оптимальным и эффективным в плане защиты публичного интереса.

Характерным для современных ученых-процессуалистов является также отождествление целесообразности с дискреционностью¹. Ошибочной является трактовка целесообразности как проявление усмотрения правоприменителя, под которым наряду с прокурором понимается не только следователь, но и судья². Считаем такой подход искажением первоначального, правильного значения принципа целесообразности.

Если вспомнить дореволюционных ученых-исследователей, то они под принципом целесообразности (*Opportunitats-Prinzip*) понимали начало практического удобства обвинительной власти, где в каждом случае предоставляется возможность решить: находит ли она целесообразным проводить уголовное преследование или полагает удобным воздержаться от него полностью или частично³. В качестве противовеса принципу «*Opportunitats-Prinzip*» выступал принцип «*Legalitats-Prinzip*», в соответствии с которым обвинитель обязан был выдвигать обвинение против лица, совершившего преступление.

Но поскольку уголовное преследование всех преступников уже в то время считалось практически невозможным, публичной обвинительной власти предлагалось сосредоточиться на противодействии наиболее серьезным криминальным угрозам. Целесообразность, является

---

¹ См.: Апостолова Н.Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве. С. 9-11.

² См.: там же. С. 10.

³ См.: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Москва: университетская типография, 1899. М., 1889. Т. 1. С. 16, 17.

руководящим принципом деятельности обвинительной власти, в смысле принципа экономии энергии и сил обвинительной власти¹. Как писал Н.В. Муравьев, прокуратура имеет полное и законное право в публичном интересе оставлять без преследования известные формально преступные факты².

На наш взгляд, пора вернуться к этим хорошо забытым, но не потерявшим актуальность воззрениям. Как справедливо указывалось в юридической литературе, принцип целесообразности – это предусмотренная законом свобода правоусмотрения стороны в деле (в том числе обвинителя) предпринять то или иное процессуальное действие, использовать то или иное процессуальное право, сообразуясь с обстоятельствами дела и руководствуясь соображениями эффективности, экономии и выгоды при достижении публичного интереса и интересов потерпевшего, иных участников дела³.

Вступление прокурора в договор с обвиняемым, стороной защиты, надо понимать как проявление практического удобства для выполнения функции публичного преследования.

Итак, с учетом вышесказанного можно констатировать, что принцип целесообразности является принципом договорно-упрощенных производств и принципом договорного уголовно-процессуального права. Под этим принципом надо понимать проявление свободы правоусмотрения обвинителя в выборе процессуальных средств – обвинения и его доказательств, с учетом обстоятельств дела и соображений эффективности, экономии и выгоды при защите интересов публичного интереса, состоящего в применении мер

---

¹ См.: Полянский Н.Н. Очерки общей теории уголовного процесса. М.: «Право и жизнь», 1927. С. 46–50.

² См.: Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. Москва: университетская типография, 1899. М., 1889. Т. 1. С. 16, 17. С. 20.

³ См.: Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. 2003. № 5. С. 162–175.

уголовно-правового воздействия к виновнику, а также интересов потерпевшего.

Допущению подлежит взаимоприемлемый для сторон компромисс, оформленный приговором суда, который заключает в себе формальную (судебную) истину. Таким образом, видится связь принципа целесообразности с принципом формальной истины, а также и принципом диспозитивности¹. Кроме того, по мнению П.И. Люблинского, диспозитивность служит восполнением легального порядка с учетом целесообразности².

Целесообразность надо увязывать с обвинением и только с субъектом обвинения, а глобально в сочетании с принципами диспозитивности, судебной (юридической) истины она мыслится в контексте понятия «обвинительный уголовный процесс».

Целесообразность увязываем с обвинением и уже только косвенно – со стороной защиты, которая, вступая в договорные отношения со стороной обвинения в лице прокурора, также свободна в распоряжении своим правом на признание обвинения полностью или частично.

Целесообразность охватывает выбор субъекта при (а) вступлении в договорные отношения с процессуальным контрагентом, (б) реализации в рамках возникшего договорного отношения пунктов достигнутого соглашения, (в) выработке окончательного решения по делу.

Таким образом, в сочетании принципы обвинения и целесообразности создают благоприятную среду или, иначе говоря, концептуальную базу для правильного понимания договорной природы процессуальных соглашений сторон по отдельным вопросам, но также и об исходе дела.

Далее надо сказать о принципе формальной истины, которая завершает связку принципов двупарных оппозиций, могущих дать теоретическое обоснование концепции договорных уголовно-процессуальных отношений в

---

¹ Люблинский П.И. Новая теория уголовного процесса. Петроград, 1916. С. 37.

² См. там же. С. 37, 38.

рамках уголовного судопроизводства и сбалансировать систему принципов современного смешанного уголовного процесса России.

Не углубляясь в теорию доказательств, согласимся с выводом ученых-специалистов¹ о том, что смысл судебной истины, как истины относительной – субъективной, не исключающей возможность договорного способа установления фактов по делу, продолжает круг дополнительных принципов – принципов той части уголовного судопроизводства, которая пополняет его традиционную основу.

В отличие от смысла «объективной истины», который создает принципиальное препятствие для признания наличие договорно-упрощенных производств, смысл процессуальной истины делает их разумными и возможными с позиции доказывания, создания фактической основы для разрешения уголовного дела².

Развивая тематику о принципиальной основе договорного уголовно-процессуального механизма, нельзя не затронуть еще одну важную идею, которой проникнуты все договорные процедуры. Речь идет о свободе от самоизобличения лица, которое вступает в договорные отношения с органом, ведущим уголовное дело. Данное правовое положение является элементом главной характеристики любого договора – добровольности вступления в него субъекта права. Свобода вступления обвиняемого в соглашение с органом, ведущим уголовное дело, с прокурором, невозможна без обеспечения его свободы от самоизобличения. Уже только поэтому данное

---

¹ См.: Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе: монография. М.: Норма : ИНФРА-М. 2018. С. 7 и след.

² Как пишет Л.В. Головкин, отечественная доктрина с опаской относится к признанию обвиняемым собственной вины, специально не разбирая ее в виде «признания уголовного иска» как это принято приверженцами «истинной состязательности». Не важно, отрицает либо признает обвиняемый свою вину, компетентный государственный следственно-судебный орган обязан изучать все обстоятельства уголовного дела, не будучи связан позицией сторон процесса, а должны быть обязаны найти объективную истину по уголовному делу.

См.: Головкин Л.В. Сделки с правосудием: объективная тенденция или модное поветрие // Закон. 2009. № 9. С. 192.

правовое положение можно считать принципом договорного уголовно-процессуального права.

Между тем, обеспечению свободы от самоизобличения можно придавать и большее значение, а именно: принципа уголовного процесса. Именно так поступают ученые, трактующие свободу от самоизобличения в единстве с запретом на принуждение лица к самоизобличению, другими составляющими этой комплексной правовой конструкции, как принцип уголовного судопроизводства¹. В пользу такой позиции можно привести ряд аргументов.

В российском законодательстве свобода от самоизобличения закреплена в статье 51 Конституции России. Конституционно-правовая формула воспроизводится в статьях пункт 2 части 4 статьи 46, пункт 3 части четвертой статьи 47, пункт первый части четвертой статьи 56 УПК РФ. Таким образом, данное правовое положение имеет позитивно-правовую форму закрепления.

В Модельном уголовно-процессуальном кодексе для государств – участников СНГ (Рекомендательный международный акт от 17 февраля 1996 г.)² свобода от самоизобличения была закреплена в виде принципа уголовного процесса. В статье 25-ой указанного кодекса содержится следующее определение этого принципа: «1. Никто не обязан свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников. 2. Лицо, которому орган уголовного преследования предлагает сообщить или

---

¹ См.: Быков В.М. Принципы уголовного процесса по Конституции РФ 1993 года // Российская юстиция. 1994. № 8. С. 8–9; Гаспарян Н. Праву не свидетельствовать против себя нужны дополнительные гарантии // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 34–35; Вилкова Т.Ю. Привилегия против самоизобличения (*nemo tenetur se ipsum accusare*) в системе принципов уголовного судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 15–20; Салимов С.И. Обеспечение защиты от самоизобличения в системе принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 324–327.

² ГКД: <https://docs.cntd.ru/document/901914840>

предоставить сведения, изобличающие его или его близких родственников в совершении преступления, вправе отказать от дачи показаний и не может быть подвергнуто за это какому бы то ни было взысканию или наказанию».

Свобода от самоизобличения является международно-правовым стандартом и закреплена в законодательстве большинства государств с развитыми уголовно-процессуальными порядками¹.

Учеными отмечается неразрывная связь свободы лица от самоизобличения со многими принципами уголовного судопроизводства России. Так, указывается на связь свободы от самоизобличения с презумпцией невиновности², равенства прав сторон, состязательностью³, обеспечением права обвиняемого на защиту⁴. При этом создается впечатление, что данное положение является не столько самостоятельным принципом, а совокупным эффектом нескольких уголовно-процессуальных принципов, их составляющей.

Можно согласиться с выводами С.И. Салимова о том, что через обеспечение защиты от самоизобличения происходит формирование основания для правоприменения в упрощенной уголовно-процессуальной форме; соблюдение свободы от самоизобличения составляет определяющее

---

¹ См.: Салимов С.И. Процедура защиты от самоизобличения в международном уголовном процессе // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 345–348.

² См.: Ефимичев П.С. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве // Публичное и частное право. 2012. № 1 (XIII). С. 88–100.

³ См.: Волколуп О.В., Чупилкин Ю.Б. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и дополн. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. С. 58; Панько Н.К. Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности. Воронеж, 2000. С. 23.

⁴ См.: Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. Тюмень, 1999. С. 57; Трунов И.Л. Защита прав личности в уголовном процессе. М.: Юриспруденция, 2005. С. 47–48; Соловьев С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) / под ред. Л.Н. Масленниковой: монография. М.: Норма, 2021. С. 87; Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) и его проявление в современном уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 98, 112.

условие производств, в основе которых лежит согласие обвиняемого (подозреваемого) с обвинением (подозрением)¹.

Ввиду вышесказанного склоняемся к тому, что свобода от самоизобличения является не столько самостоятельным уголовно-процессуальным принципом обычного уголовного судопроизводства, сколько принципом договорных уголовно-процессуальных производств, входящим в договорное уголовно-процессуальное право.

В подтверждение данного тезиса можно привести несколько доводов.

Главный довод состоит в наличии уже упомянутой выше неразрывной связи свободы от самоизобличения со свободой вступления лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, в договорные отношения с органом, ведущим уголовное дело. Обеспечение свободы от самоизобличения гарантирует добровольность сделки, которая в ином случае должна быть признана ничтожной. При всей относительности, условности свободы и добровольности применительно к положению уголовно-преследуемого лица, эти атрибуты его договороспособности сохраняются, поскольку у него есть выбор между общим порядком и особым порядком привлечения уголовной ответственности.

В качестве второго довода можно указать на то, что свобода от самоизобличения составляют единство с принципом диспозитивности, как разные грани общей свободы лица на выбор своей позиции по делу, на использование своего права на защиту от обвинения или отказа от такового, на дачу согласия на применение особого порядка реализации уголовной ответственности или отказа дать такое согласие. Свобода от самоизобличения связана с принципом обвинительности в том, что соглашение свободно заключается обвиняемым, его защитником со стороны обвинения, а не судом, который обязан только подтвердить добровольность данного согласия и

---

¹ См.: Салимов С.И. Свобода от самоизобличения как основа уголовного судопроизводства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2(68). С. 35–38.

выполнение им условий соглашения. Свобода от самоизобличения связана с принципом целесообразности, так как обвиняемый, но также и сторона обвинения идут на соглашения, когда это целесообразно для каждой из сторон в плане достижения их целей в процессе. И наконец, свобода от самоизобличения гармонизирует с формальной истиной, которую можно трактовать как договорную, формальную истину, но никак не объективную в классическом ее понимании.

Третий довод в том, что обеспечение свободы от самоизобличения – это главная процессуальная гарантия не только интересов самоизобличающего себя обвиняемого, но и законности любого из договорных уголовно-процессуальных производств.

При возникновении сомнений в этом в суде сразу ставится под вопрос о прекращении соответствующего особого производства¹ и возвращении уголовного дела прокурору² или даже о прекращении уголовного дела или вынесении оправдательного приговора.

Как верно отмечается в уголовно-процессуальной литературе, защита от принудительного самоизобличения является условием для правомерного формирования согласительных нереабилитирующих оснований прекращения уголовных дел, предусмотренных, ст. 25, ст. 25¹, п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ³.

Далее можно сказать, основываясь на судебно-следственной практике, что состоялся правовой стандарт: отсутствие «оснований полагать о наличии самоговора подсудимого», в соответствии с которым суд

---

¹ См.: апелляционное постановление Тюменского областного суда № 22-893/2020 от 21 мая 2020 г. //sudact.ru/regular/doc/xowVTMmJEeJ8/

² См.: апелляционное постановление Ярославского областного суда № 22–2021/2021 от 20 октября 2021 г. по делу № 1-99/2021 //sudact.ru/regular/doc/ley7A7mKhIZx/; постановление Шарыповского районного суда № 1-74/2021 от 27 июля 2021 г. по делу № 1-74/2021 (Красноярский край) //sudact.ru/regular/doc/QH2E6eN7zUrA/; постановление Шимановского районного суда № 1-55/2021 от 10 марта 2021 г. по делу № 1-55/2021 (Амурская область) //sudact.ru/regular/doc/nhmIufSI7IZh/

³ См.: Салимов С.И. Свобода от самоизобличения как основа уголовного судопроизводства. С. 37.

положительно решает вопрос о возможности рассмотрения и разрешения уголовного в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ¹ или при производстве досудебного производства в форме сокращенного дознания².

Изучение практики показывает небольшое число отмен обвинительных приговоров судов по причине самоговора обвиняемого, сделанного в рамках той или иной из договорных процедур, которое выясняется к моменту принятия судом решения по делу. Такие случаи носят единичный характер, хотя каждый раз это, конечно, наносит удар по престижу правосудия³.

Судебная практика вполне подтверждает то, что свобода от самоизобличения и сопутствующий ей запрет на принуждение к нему принижает все особые производства договорной природы, о которых здесь идет речь. Это указывает на принципиальный уровень правового предписания относительно обеспечения свободы от самоизобличения в анализируемых нами уголовно-процессуальных производствах договорного характера.

Завершает систему принципов договорного уголовно-процессуального права запрет на поворот к худшему (*ne reformatio in pejus*).

---

¹ Такая формулировка стала стандартной в описательно-мотивировочной части приговоров, выносимы в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

См., напр.: обвинительный приговор Железнодорожного районного суда г. Читы № 1-295/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 1-295/2020 (Забайкальский край) //sudact.ru/regular/doc/EtchtJMmJPVc/; обвинительный приговор Вязниковского городского суда № 1-153/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-153/2020 (Владимирская область) //sudact.ru/regular/doc/NkCBmBnQKBNM/

² См.: обвинительный приговор Надеждинского районного суда № 1-228/2019 1-39/2020 от 6 февраля 2020 г. по делу № 1-228/2019 (Приморский край) //sudact.ru/regular/doc/Hhim3wDADT1P/; обвинительный приговор Белорецкого городского суда № 1-721/2019 от 13 декабря 2019 г. по делу № 1-721/2019 (Республика Башкортостан) //sudact.ru/regular/doc/Zwl0hO7SRNJC/

³ См.: определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) № 33-2976/12 от 27 августа 2012 г. по делу № 33-2976/12 (Республика Саха (Якутия)) //sudact.ru/regular/doc/Rk1LzzchtgxW/; апелляционное постановление Волгоградского областного суда № 22-3253/2020 от 3 сентября 2020 г. //sudact.ru/regular/doc/KHVFhCAyarZr/; апелляционное определение Хабаровского краевого суда № 22-1386/2014 от 8 мая 2014 г. по делу № 22-1386/2014 //sudact.ru/regular/doc/Kf7OYNiKScZC/

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине этот запрет чаще всего трактовался в качестве одного из общих свойств¹, условий² или принципа судебных стадий³, то есть, с одной стороны, признавалась принципиальная сторона данного правового запрета, но, с другой, постулировался ограниченный предел его действия – исключительно судебными стадиями. Его суть сводилась к запрету суду выходить за пределы требований стороны обвинения при принятии решения по делу.

На наш взгляд, совершенно оправданно данный уголовно-процессуальный запрет связывался с состязательностью⁴ в противовес принципу публичности, началу (общему условию) «ревизионности», в которых выражается публично-следственная идеология активности суда, органа предварительного расследования, прокурора, и вообще – «органа ведущего уголовное дело».

Для договорно-упрощенных производств эта проблема, как неоднократно подчеркивалось нами, является весьма актуальной, в связи с угрозой произвольного выхода из соглашения стороны обвинения в лице органа, ведущего уголовное дело или прокурора, а также аннулирование уголовно-процессуального договора сторон судом при разрешении уголовного дела по существу.

---

¹ См.: Потапов В. Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России : монография. М., 2012. С. 52.

² См.: Ивасенко К.В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2014. С. 7–8; Ринчинов Б.А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебного-правовой реформы: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2013. С. 10.

³ См.: Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Склад издания в книжном складе М.В. Крюкина 1910. С. 386–387; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1910. Т. 2. С. 488, 497, 500, 512–518.

⁴ См.: Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Выпуск 5. Статьи 854–892 / / под общ. ред. М.Н. Гернета. Москва: Изд. М.М. Зива. Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1916. С. 1468.

Некоторыми учеными усматривалось глобальное – «все-процессуальное» значение и действие данного запрета: как принципа уголовного процесса¹.

В последнее время именно с такой позиции в юридической литературе трактуется данное правовое предписание. В частности, Н.В. Будылин высказывается о том, что «сущность запрета на поворот к худшему заключается в превосходстве воли сторон над волей суда в развитии процесса»², «в нем имплицитно выражен императив о *тождестве* обвинения с предметом процесса»³. Кроме того, этот исследователь правомерно связывает исходную идею данного запрета с «принципом разделением властей и с самоограничением правового государства»⁴, а также с институтами обвинения и доказывания: и тот, и другой должны быть подчинены данному запрету⁵.

Мы также склонны выводить природу уголовно-процессуального запрета из процессуального положения о тождестве процесса и предмета обвинения - уголовного иска. Указанное положение выступает концептуально-правовым предписанием о связанности суда пределами требований сторон в деле, что имеет определяющее значение для всей системы договорно-упрощенных производств.

Оставляя за скобками вопрос о признании запрета на поворот к худшему принципом всего уголовного процесса, признаем запрет на поворот

---

¹ См.: Лазарева Л.И. Принцип недопустимости поворота к худшему // Правоведение. 1977. № 2. С. 101–104; Калинин В.Н. Принцип недопустимости ухудшения положения осужденного при пересмотре судебных решений // Следователь. 2004. № 5. С. 18; Ванян К.Д., Лысов Н.Н., Тацилин М.Т., Шуйский А.С., Гильманов И.Р., Костерин В.В. Принципиальное значение запрета на поворот к худшему для уголовно-процессуальной системы // Правоприменение. 2022. № 3. С.212-223.

² Будылин Н.В. Понятие и сущность запрета на поворот к худшему в уголовном процессе // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 49–54.

³ Будылин Н.В. Запрет на поворот к худшему как составляющая принципа обвинения в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2022. Т. 22, № 4. С. 7–12.

⁴ Будылин Н.В. Понятие и сущность запрета на поворот к худшему в уголовном процессе. С. 50.

⁵ См.: там же. С. 51.

к худшему принципом договорного уголовно-процессуального права. В этом контексте связываем содержание данного запрета, во-первых, с необходимостью введения связности с договором стороны обвинения и недопустимости ухудшения положения обвиняемого по сравнению с тем обвинением, что было зафиксировано в соглашении сторон; во-вторых, нельзя изменять обвинение против обвиняемого, заключившего соглашение с прокурором, в худшую сторону, без пересоставления нового соглашения; в-третьих, непозволительны немотивированное аннулирование судом уголовно-процессуального договора сторон и выход из договорно-упрощенного производства против их воли.

На наш взгляд, судебная практика¹ уже отчасти закрепила подобное понимание запрета на поворот к худшему применительно к согласительным производствам, регламентированным главами 40 и 40.1 УПК РФ. Полагаем, что необходимо распространить его и на другие договорно-упрощенные производства с учетом их особенностей.

В связи с тем, что многие ученые усматривают сущностное свойство тех производств, которые мы называем договорно-упрощенными, в ускорении, быстрота может быть признана их принципом.

Большинство ученых, которые признают данный принцип уголовного процесса² связывают его с институтом процессуальных сроков, срочностью уголовного процесса³.

---

¹ Проанализированная нами в третьем параграфе второй главы диссертации.

² См.: Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 39, 94; Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса / Науч. ред.: Соловьев А.Б., Халиулин А.Г. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 7; Сокол П.Я. Процессуальные средства обеспечения быстроты предварительного расследования. Хабаровск, 1993. С. 17; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 2. М., 1970. С. 63–64.

³ См.: Байтурина Н.Х. Принципы уголовного судопроизводства // Modern Science. 2019. № 12–1. С. 283–285; Калиновский К.Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства – есть принцип уголовно-процессуального права // Материалы международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития правовой науки», посвященной 75-летию Удмуртского государственного университета, Ижевск, 30–31 марта 2006 года. Ижевск, 2006. С. 32–39; Хасанова С.Г. К вопросу о понятии и значении принципов уголовного судопроизводства // Вестник Адыгейского государственного

Этот принцип нейтрален и не может быть отнесен ни к следственному, ни к состязательному пониманию. Любое государство заинтересовано в срочности, без ущерба для законности, своего уголовного процесса. Данное принципиальное положение в широком смысле состоит в требовании к соблюдению процессуальных сроков, недопустимости затягивания процесса, неправомерного продления сроков, в соблюдении правового стандарта разумности срока проведения процесса. Именно в таком качестве одного из институциональных начал, регламентирующих институт процессуальных сроков¹, принято в теории уголовно-процессуального права понимать данный принцип.

При этом, собственно, с ускорением производств, отнесенных нами в договорно-упрощенным, принцип быстроты связывают редко².

Особый смысловой оттенок принцип быстроты процесса приобретает в контексте договорно-упрощенных производства, а именно: большая быстрота этих производств имеет целью ускорить принятие окончательного решения по делу, по которому с обвиняемым заключено соглашение, а в согласительных производствах – еще и ускорить раскрытие преступлений, изобличение иных лиц, совершивших преступление.

В заключительной части параграфа выскажем свое мнение о значении формирования системы уголовно-процессуальных принципов договорно-упрощенных производств для становления авторской концепции договорных уголовно-процессуальных отношений.

На наш взгляд, выявление принципиального ядра договорного уголовно-процессуального права позволяет понять, с одной стороны, его системные связи с остальной – обычной частью уголовно-процессуального

университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. №4 (167). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-ponyatii-i-znachenie-printsipov-ugolovno-sudoproizvodstva> (дата обращения: 20.08.2023).

¹ См.: Калиновский К.Б. Указ. соч. С. 37.

² См., напр.: Качалова О.В. Истина и сокращенные производства в российском уголовном процессе // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. 2015. № 1. С. 48–51.

права, а с другой увидеть вполне его особенности, но не разрушительные, а дополняющие основную часть уголовно-процессуального механизма.

Согласимся с выводом об идейной близости принципов диспозитивности, целесообразности, процессуальной истины, и их противопоставлении принципам следственной доктрины, враждебной и договорным уголовно-процессуальным феноменам. Наиболее противостоит анализируемому нами институту принципы объективной истины и публичности, причем в ее следственном истолковании.

Центральным элементом создаваемой авторской концепции должна быть модель «сделки о признании уголовного иска». Сформировав эту модель, мы завершим уже ранее сделанные другими исследователями аналогичные выводы – о заключении сделки о признании частно-публичного, частного обвинения по отдельным категориям уголовных дел¹, как проявления принципов диспозитивности, целесообразности, процессуальной истины.

Подведение под систему договорно-упрощенных производств принципиальной основы в виде принципов обвинения, диспозитивности, целесообразности, юридической (формальной) истины и пр., является завершающим приемом по созданию авторской концепции договорных уголовно-процессуальных отношений.

Одновременно с этим предполагается доктринальный сдвиг по следующим направлениям: во-первых, переход от догматико-материалистического к процессуально-договорному способу объяснения природы материально-процессуальных явлений, во-вторых, отказ от следственного понимания таких принципов уголовного процесса, как законность, публичность; в-третьих, отказ от учения объективной истины,

---

¹ См.: Александров А.С., Александрова И.А. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики. М., 2017. С. 294; Власова С.В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху: монография. М., 2022. С. 197.

оправдывающей активность суда и допущение выполнения им функции обвинения.

Во всех упрощенных производствах усматривается договорная основа в виде изначального соглашения по предмету обвинения, которое предопределяет перевод дела в особый – «упрощенный» режим и во многом предопределяет его исход в виде обвинительного приговора или решения о применении альтернативной наказанию меры уголовной ответственности.

Предлагаем включить в современную доктрину уголовного процесса модель уголовно-процессуального договора, чтобы она была не исключением из императивно-правового – уголовно-правового метода, а равновеликим с ним диспозитивным методом установления и регулирования договорных отношений, возникающих в уголовном процессе, между обвинительной властью государства и обвиняемым, его защитником, другими заинтересованными в исходе уголовного дела лицами.

Конечной нашей целью является оправдание в рамках научного проекта уголовно-процессуальной сделки между прокурором и обвиняемым (защитой) по предмету обвинения (уголовного иска), включая вопросы уголовно-правовой квалификации, а также оснований обвинения, отказа от использования обвинительных доказательств, формирования признательных показаний, определения вида и размера средства уголовно-правового воздействия или отказа от такового и пр.

Выводы по параграфу.

Принципиальное ядро договорного уголовно-процессуального права составляют: принцип обвинения (состязательность), формальная (процессуальная) истина, диспозитивность, целесообразность, запрет на поворот к худшему, защита от самоизобличения, быстрота.

Эти принципы противоположны следственному мировоззрению. Их надо квалифицировать в качестве выразителей состязательной идеологии. Принципы договорного уголовно-процессуального права образуют подсистему альтернативных принципов, определяющих сущность только

особых – исключительных уголовно-процессуальных производств. Они являются принципами второго ряда по отношению к принципам «общего» уголовного процесса, проводимого по уголовным делам в общем порядке, являются дополнением к ним и не подрывают их приоритета. Они присутствуют в смешанном типе российского уголовного процесса, смягчая крайности его следственной природы и оправдывая особые уголовно-процессуальные формы применения мер альтернативного уголовно-правового воздействия.

Именно эти принципы договорного уголовно-процессуального права наряду с уголовно-процессуальными принципами, приведенными в главе 2 УПК РФ, образуют принципиальный фундамент договорно-упрощенных производств.

Из сочетания принципов различной мировоззренческой заряженности возникает баланс, необходимый для поддержания в состоянии уравновешенности уголовного процесса смешанного типа, каковым является современный российский уголовный процесс.

Особую значимость следует придавать трактовке некоторых из этих принципов в контексте системы договорно-упрощенных производств: целесообразности и запрету на поворот к худшему.

Под принципом целесообразности надо понимать проявление свободы правоусмотрения прокурора в выборе процессуальных средств – обвинения и его доказательств, с учетом обстоятельств дела и соображений эффективности, экономии и выгоды при защите интересов публичного интереса, состоящего в применении мер уголовно-правового воздействия к виновнику, а также интересов потерпевшего. Вступление прокурора в договор с обвиняемым, стороной защиты, надо понимать как избрание прокурором практического удобства для наилучшего выполнения функции публичного преследования.

Запрет на поворот к худшему надо понимать; во-первых, как связанность договором стороны обвинения и недопустимость ухудшения

положения обвиняемого по сравнению с тем обвинением, что было зафиксировано в договоре сторон; во-вторых, как запрет органу предварительного расследования предъявлять обвиняемому заключившего соглашение с прокурором, более тяжкое обвинение, без предварительного выхода из соглашения прокурора по уважительным причинам, связанным с невыполнением обвиняемым условий соглашения или пересоставления соглашения на новых условиях; в-третьих, непозволительны немотивированное аннулирование судом уголовно-процессуального договора сторон и выход из договорно-упрощенного производства против их воли.

В отличие от смысла «объективной истины», который создает принципиальное препятствие для признания наличие договорно-упрощенных производств, смысл процессуальной истины делает их разумными и возможными с позиции доказывания, создания фактической основы для разрешения уголовного дела¹.

§ 3.3 Перспективы развития договорных уголовно-процессуальных отношений и договорного уголовно-процессуального права

В соответствии с ранее намеченной структурой договорного уголовно-процессуального права следует выделить три направления развития: во-первых, создание отечественного суммарного – приказного производства, во-вторых, достижение соглашения о признании вины и отказ стороны защиты от опровержения обвинения и противо-доказывания, в-третьих, примирительные производства.

---

¹ В параграфе использованы ранее опубликованные статьи автора: Колесник В.В. О принципах обвинения и целесообразности в договорных уголовно-процессуальных производствах // Власть закона. 2022 № 4 (52). С. 69-81; Колесник В.В. Принципы договорных уголовно-процессуальных производств по разрешению уголовно-правовых споров // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14 № 4 С. 107-114; Колесник В.В. Свобода лиц от самоизобличения как принцип договорного уголовно-процессуального права // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2023. Т. 33. Вып. 4. С. 680-685.

Начнем с производств, которые называем суммарными, ускоренными производствами. Здесь исходим из того, что существующей на данный момент модель ускоренного производства является неудачной. Такой вывод вытекает из анализа двух производств: дознания в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ) и производства о замене наказания штрафом (глава 51.1, ст. 25.1 УПК РФ). В этой оценке мы не одиноки¹.

Известны разработки по созданию такого рода производств², большинство из которых носит общий характер и не имеет вида законопроекта; целостного проекта принципиально нового суммарного производства нам не встречалось. Хотя с некоторыми из предложений, сделанных исследователями упрощенных производств, следует согласиться и учесть их в нашем исследовании.

В частности, согласно одному из законопроектов предусмотрена «принципиально новая форма» упрощенного досудебного производства, которая, по словам его разработчиков, направлена на избавление современного досудебного производства «...от избыточных, дублирующих друг друга процедур по уголовным делам об очевидных преступлениях, не представляющих большой общественной опасности и сложности в

---

¹ Представление об оценке их эффективности практиками дают результаты проведенных нами соцопросов.

См.: ответы на вопросы №№ 12-13.1 Приложение № 1, №№ 12-13.1 Приложение № 2, №№ 12-13.1 Приложение № 3, №№ 12-13.1 Приложение № 4.

² См., напр.: Алимурзаев А.А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 10–12, 198–221; Гусева И.И. Сокращенные производства в российском уголовном процессе: генезис, становление и пути оптимизации на современном этапе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. №1 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sokraschennye-proizvodstva-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse-genezis-stanovlenie-i-puti-optimizatsii-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 22.08.2023); Никифорова Ю.Л. Советская модель производства по уголовным делам в дежурных камерах народного суда как основа создания современного суммарного производства // Вестник Краснодарского университета МВД России. С. 58–62; Руновский А. В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 7–9.

доказывании»¹. Можно констатировать полную солидарность с подобными намерениями.

Для подавляющего большинства инициатив по созданию суммарного производства характерна привязка к следственной модели, к существующей позитивно-правовой реальности. Их авторы попадают в ловушку следственной формы, следственной структуры досудебного производства, следственной технологии доказывания, следственной традиции мышления и потому ограничены в своих разработках.

В основе конструирования проекта нового суммарного производства должны лежать ранее существовавшие в отечественном уголовно-процессуальном праве модели: протокольной формы (глава 34 УПК РСФСР 1960), производства в обвинительной камере суда с вынесением судебного приказа (ст.ст. 104, 360-371 УПК РСФСР 1923 г.). Проект возрождения в том или ином виде протокольной модели поддерживают ведущие специалисты по ускоренным производствам². Исходя из указанных уголовно-процессуальных образцов и учитывая отечественный правовой и международно-правовой опыт³, а также современные правовые реалии, определимся с главными

---

¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» (подготовлен МВД России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 31.01.2015). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=128356#rE7icnTIImnzCcGok> (дата обращения: 28. 08.2023).

² См. об этом: Гирько С.И., Костылева Г. В., Осипов Д.В., Цоколова О.И. Проект федерального закона о протокольной форме расследования преступлений // Научный портал МВД России. 2014. № 3(27). С. 5–8; Качалова О.В., Герасенков В.М. Указ. соч. С. 113. Никифоренко Ю.Л. Новое – хорошо забытое старое: советская протокольная форма как перспективная модель суммарного производства по уголовным делам. С. 174–179; Селютин А.Н., Сапрыкин Н.Н. Протокольная форма досудебной подготовки материалов: Перспективы возвращения в уголовный процесс России // Досудебное производство: проблемы и перспективы: материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой. М.: Московский университет МВД России, 2007. С. 61–66; Власова С.В., Кесаева М.С. Указ. соч. С. 191.

³ Недостатка в его анализе нет, и он хорошо известен специалистам, поэтому еще раз напоминать его не будем.

См. об этом, напр.: Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003; Пинок А. В. Типология современного

параметрами моделируемой уголовно-процессуальной правовой конструкции.

Первый параметр проектируемого ускоренного производства относится к его предмету, материально-правовой составляющей. Таковым должны быть преступления небольшой тяжести. Это, на наш взгляд, бесспорная, общепринятая во всем мире, где есть суммарные производства, позиция.

Являемся сторонниками ведения в наше уголовное право такой категории как «уголовный проступок», что было предложено сделать в 2017 году Постановлением Пленума Верховного Суда России «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка»¹, а также процессуальной модели его применения, намеченной в проекте «Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 г. г.)»².

Мнение подавляющего большинства специалистов сводится к тому, что производство по уголовным делам от уголовных проступках должно проводиться в упрощенном порядке. Это производство может быть аналогичным производству по делам об административных правонарушениях.

уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2013; Качалова О.В., Герасенков В.М. Указ. соч. С. 103–121; Герасенков В.М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 116–121, 182–184.

¹ Пленум Верховного Суда РФ опубликовал данный законопроект об уголовном проступке в октябре 2017 года. В Государственной Думе он зарегистрирован как законопроект № 612292-7, и к настоящему времени движения по нему не происходило. Хотя сам Пленум Верховного Суда РФ уже доработал за это время свое предложение. Этот проект пользуется поддержкой значительной части научного сообщества. В его поддержку недавно высказалась Т. Москалькова (См.: Госдуму просят узаконить понятие уголовного проступка. URL: <https://pravo.ru/news/246606/>).

² Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков [и др.]. М.: ЦСР ИНСТИТУТЫ И ОБЩЕСТВО. URL: <http://csr.ru/wpcontent/uploads/2017/04/ReportCP.pdf> (дата обращения: 21.08.2023).

Как правильно указывают некоторые авторы¹ для уголовных проступков и административных правонарушений должна быть принципиально одинаковая процессуальная форма правоприменения².

Таково исходное основание проектируемой нами модели суммарного производства по уголовным проступкам.

Второй параметр моделируемой нами конструкции относится к процессуально-криминалистической, фактологической характеристике события преступления: оно должно быть очевидным и совершение преступления данным лицом не должно вызывать разумных сомнений.

Третье требование, учитываемой в мыслимой нами модели – это бесспорность ситуации, в которой подлежит применению данное производство. Это простота, несложность расследования – как оценка с позиции правоприменителя. Но еще важнее «бесспорность» должна быть в ее оценке самим нарушителем уголовного закона. Он отказывается от спора со стороной обвинения и официально признает свою вину в совершении преступления, что должно быть зафиксировано в процессуальном документе – протоколе³, под видеозапись. Надо признать за обвиняемым право на решение своей процессуальной участи и не нагромождать вокруг него процессуальные гарантии, не ускоряющие и не упрощающие достижение желаемого обеими сторонами окончания процесса.

---

¹ См.: Кесаева М.С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам. С. 12-15; Никифоренко Ю.Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика. С. 7-11.

² Как пишут М.С. Кесаева и Ю.Л. Никифоренко, размывание границы между уголовным и административным проступком правонарушениями объективно влечет за собой образование унифицированной формы упрощенного производства.

См.: Кесаева М.С., Никифоренко Ю.Л. Проект суммарного досудебного производства в контексте Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права России // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (41). С. 89–92.

³ Этот «протокол», по нашему замыслу, есть главный и, по существу, единственный процессуальный документ, составляемый дознавателем в ходе досудебного производства. Изготавливаемый в письменном виде и в виде электронного аналога он должен использоваться при переходе из досудебного в судебное производство и направляться участникам, заинтересованным в его исходе.

В случае отрицания обвиняемым своей причастности к совершению преступления, оспаривания им тех или иных обстоятельств совершения преступления вопрос о процессуальной форме привлечения к уголовной ответственности субъекта уголовного проступка решается руководителем следственного органа или прокурором.

При отсутствии видеофиксации события преступления, не оставляющей сомнений в личности правонарушителя, а также очевидцев уголовного проступка, которые его пресекли или сообщили о нем, прежде всего из числа сотрудников полиции, прокурор возбуждает уголовное дело и направляет его по подследственности для расследования.

Таковы три исходные позиции, которые надо положить в материальную и фактологическую основу предлагаемой нами новой правовой модели ускоренного приказного производства.

Очевидность преступления, бесспорность дела позволяют правоприменителю отказаться от доказывания – производства следственных действий, воспроизведения обычного следственного алгоритма удостоверения очевидных фактов. К этому сводится разрешение проблемы создания ускоренного производства, по мнению ряда исследователей¹.

Ответственность за законность принятия решения о проведении ускоренного производства и всю процедуру должен нести прокурор. И здесь надо подчеркнуть, что роль прокурора в этой, как и во всех прочих договорно-упрощенных производствах, должна быть решающей. Это ключевой момент в правовой организации досудебного производства должен проводиться неукоснительно ввиду важности фиксации позиции сторон по ключевым моментам развития ускоренного производства.

Обычным органом, ведущим данное производство, должен стать орган дознания, что не исключает возможности и следователю провести данную процедуру.

---

¹ См.: Власова С.В., Кесаева М.С. Указ. соч. С. 17.

Следующее решение, которое предлагается принять при конструировании отечественного модели суммарного уголовного производства, состоит в том, чтобы отказаться от общего порядка возбуждения уголовных дел в сокращенном производстве. Такое решение было принято в свое время советским законодателем при создании протокольной формы. Полагаем это правильным, если надо избавиться от воспроизведения общей – следственной формы и всех связанных с ней формальностей, что происходило, раз за разом, при попытках создания такого производства и обрекало их, в конечном счете, на неудачу.

Это еще одно концептуальное решение является, на наш взгляд, залогом успешного создания отечественного суммарного производства. На принятии его настаивают многие авторы¹.

Предлагаем радикально усовершенствовать ход предполагаемого производства, отказавшись от стадии возбуждения уголовного дела и всех связанных с ним процессуальных решений, действий, сроков и пр.

После задержания и доставления нарушителя в дежурную часть дознаватель или следователь составляет протокол совершения преступления, в котором отражает фактические обстоятельство совершенного преступления, в том числе показания самого правонарушителя, показания сотрудников полиции (другого правоохранительного органа), пресекших преступление, осуществивших задержание и доставление задержанного, а также показания потерпевшего, очевидцев преступления. По требованию задержанного ему должен быть предоставлен адвокат-защитник, который участвует в опросах лиц и других процессуальных действиях, проводимых с участием подозреваемого.

---

¹ См.: Алимйрзаев А.А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 12, 224; Никифоренко Ю.Л. Советская модель производства по уголовным делам в дежурных камерах народного суда как основа создания современного суммарного производства. С. 58–62; Руновский А. В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 7–9.

Статус подозреваемого лицо приобретает с момента его фактического задержания или доставления в дежурную часть органа внутренних дел (другого правоохранительного органа). Подозреваемый может удерживаться в камере для доставленных лиц, подозреваемых в совершении преступлений и уголовных проступков, дежурной части до полного оформления факта совершения уголовного проступка, но не более 12 часов. После этого с него берется обязательство о явке в суд для рассмотрения дела по существу, и он свободен.

Составленный протокол регистрируется в установленном порядке, тем самым происходит постановка на учет совершенного нарушения уголовного закона.

Одним из ускорителей и предпосылок завершения досудебного производства в новой протокольной форме является опора на техническую фиксацию уголовного проступка. Данные о событии уголовного проступка в объективной или виртуальной реальности, зафиксированные техническими средствами, должны составлять доказательственную базу по таким производствам. Это наилучшая гарантия законности объективности ускоренного производства.

Наше мнение относительно оптимального процессуального срока ускоренного производства по делам об уголовных проступках – трое суток. В этот срок орган дознания должен передать протокол с приложениями прокурору, который утверждает его и направляет в суд, а суд принимает решение о применении меры уголовно-правового воздействия к субъекту уголовного проступка. Полагаем, что в законе не следует в категоричной форме определять общий срок всего суммарного производства, он может варьировать на практике в разумных пределах. Правоприменитель должен исходить из указаний закона о временных границах, в которые следует укладывать те или иные элементы данного производства.

В частности, не позднее следующих суток после составления протокола о совершении уголовного проступка данный протокол с

приложениями в виде вещественных доказательств, электронного носителя информации, направляется органом дознания прокурору. Прокурор немедленно должен принять решение о дальнейшей судьбе производства: или утвердить протокол и направить его вместе с другими материалами производства с суд, ходатайствуя о рассмотрении дела в особом порядке, или перейти на общий порядок досудебного производства, или прекратить ускоренное производство по основанию об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела, которые ныне предусмотрены в УПК РФ.

Наиболее строго должен соблюдаться, установленный Конституцией РФ 48-часовой срок по делам, по которым к субъекту уголовного проступка, предполагается применение меры уголовного закона, связанной с лишением или ограничением свободы¹. Поэтому после задержания лица, совершившего уголовный проступок, за который предусмотрено лишение, ограничение свободы, принудительные работы, протокол и другие материалы не позднее следующих суток должны поступить в суд (дежурную камеру) на рассмотрение.

Судебное заседание должно быть назначено судьей в течение дежурных суток после поступления протокола и материалов производства в суд. Дело должно быть рассмотрено по общему правилу за одно судебное заседание. Решение судья принимает и оглашает также в этом же судебном заседании.

Полагаем возможным направлять протокол об уголовном проступке в суд в электронном виде по каналу телекоммуникационной связи, которую предстоит создать. Полагаем, что и между органом дознания и прокурором будет электронная система обмена информацией, что также поспособствует оперативности принятия решений и эффективности судебного надзора². Это

---

¹ Например, арест.

² Такая модель инсталлированного на цифровой платформе прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и других правоохранителей заложена в Проекте Указа Президента Российской Федерации «О государственной

техническая гарантия ускорения уголовно-процессуального производства, которая, разумеется, может рассматриваться только как поддержка решениям по процессуальному упрощению. К таковым относим возможность передачи функции государственного обвинения в суде органу дознания.

Обвинение в суде прокурор вправе поручить поддерживать представителю органа дознания. Вопрос об этом решается при утверждении протокола о совершении уголовного проступка в виде специальной резолюции прокурора на данном документе.

Судебную часть производства также предлагаем упростить, отказавшись от стадии назначения судебного разбирательства. Немедленно после поступления протокола и материалов ускоренного производства в суд¹, в том числе вместе с самим задержанным правонарушителем, дежурный судья обязан назначить судебное заседание и рассмотреть дело по существу. Вынесение судьей постановления о назначении судебного заседания по рассмотрению материалов ускоренного производства в протокольной форме означает возбуждение уголовного дела. Судья вправе отказаться от принятия такого решения при наличии правовых препятствий для этого² и вернуть материалы производства прокурору.

Судебное заседание проводится по общим правилам за теми изъятиями, которое должны быть предусмотрены для ускоренного

автоматизированной системе правовой статистики» (подготовлен Минюстом России 11.10.2016). Текст : электронный // СПС Гарант : [сайт]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc> (дата обращения: 14.05.2023).

См. подробнее об этом: Потапов Д.В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: диссертация ... кандидата юридических наук. Мосеква, 2019. С. 94–100, 196–211.

¹ Предлагаем вернуть в наше право понятие «дежурная камера» суда, под которой следует понимать несколько дежурных судей, которые должны в течение дежурных суток принимать решения по поступающим из органа дознания материалам ускоренных производств.

² К этим препятствиям надо отнести основания отказа в возбуждении уголовного дела, основания прекращения уголовного дела и заявление подозреваемого, его защитника о несогласии с подозрением и рассмотрением дела в упрощенном порядке.

производства¹. Дело рассматривается с участием сторон. Участие обвиняемого по общему правилу должно быть обязательным. Заочное рассмотрение дела возможно допустить по его ходатайству, в случае заболевания или другой уважительной причины. В таком случае его интересы должен представлять в суде адвокат-защитник.

Принципиальное структурное упрощение по нашему замыслу состоит в том, чтобы после подготовительной части судебного заседания состоялось предъявление обвинения публичным обвинителем (прокурором или представителем органа дознания) и немедленная реакция на него стороны защиты. Предлагаем локализовать в той части судопроизводства официальное выдвижение обвинения и формулирование стороной защиты позиции по отношению к обвинению и разрешению дела в ускоренном порядке².

После подготовительной части судебного заседания, проводимому по общим правилам, судья предлагает обвинителю изложить обвинение, а затем выясняет позицию защиты. Если сторона защиты признает вину обвиняемого в совершении преступления и не возражает против немедленного принятия решения по делу, суд предлагает сторонам изложить свои позиции относительно предлагаемого решения о мере уголовно-правового воздействия. Выслушав мнения сторон, суд удаляется в совещательную комнату для принятия решения и приняв его немедленно оглашает и разъясняет порядок его обжалования.

Решение суда по делу об уголовном проступке предлагаем назвать судебным приказом: обвинительным или оправдательным. Что касается обжалования такого судебного приказа, то рекомендуется исключить его обжалование в апелляционном порядке, допуская возможность его отмены

---

¹ Полагаем, что образцом здесь могут служить несколько ныне существующих процедур, предусмотренных статьями 108, 316, 234, 427, 446.1 части 4-8 УПК РФ.

² Участие адвоката-защитника по требованию обвиняемого должно быть обеспечено судьей. Поэтому при обвинительной камере районного суда должны находиться несколько дежурных адвокатов, чтобы немедленно выполнить свою функцию по решению судьи.

или изменения только в кассационном порядке при обнаружении фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть уголовного правосудия и подрывающих конституционные права и свободы человека и гражданина.

Добавим, что предлагаемая модель ускоренного производства по уголовным проступкам предполагает возможность сжатия, и вмещаться в 48 часов, если сторона обвинения не предполагает освобождать задержанного за совершения уголовного проступка человека. Судебный приказ в отношении такого правонарушителя должен быть вынесен не позднее следующих суток после фактического задержания. Разумеется, право на защиту в таких случаях должно быть обеспечено в соответствии с общим процессуальным стандартом.

Вторая разновидность предлагаемого нами суммарного производства должна иметь своим предметом преступления средней тяжести. С учетом того, что здесь уголовно-правовые последствия, включая судимость, значительно серьезнее для виновного в нарушении уголовного закона, поскольку главным условием для его проведения является согласие подозреваемого, привлекаемого к уголовному преследованию, со сформулированным в отношении него подозрением.

Мы предлагаем в отношении данной категории лиц проводить ускоренное производство по тем же правилам, что и производство по уголовным проступкам.

При заявлении ходатайства или даче согласия на ускоренное производство дознаватель, не возбуждая уголовное дело, составляет протокол о совершении преступления средней тяжести, о чем немедленно ставится в известность прокурор. Это факт регистрируется, тем самым происходит постановка на учет раскрытого совершенного преступления.

Еще одно отличие этой разновидности должно, на наш взгляд, состоять в том, чтобы окончательное решение суда называлось приговором, вынесенном в приказном порядке. Правовые последствия такого решения в

плане проверки и пересмотра, полагаем, должны быть такими же как для судебного приказа, о чем мы писали выше.

Таков наш проект суммарного – ускоренного производства, который излагаем в виде проекта отдельной главы задуманного нами раздела будущего УПК РФ¹.

Обратимся к проекту второго вида договорно-упрощенных производств, которые мы назвали согласительными.

В третьем параграфе предыдущей главы диссертации были выделены в отдельную разновидность договорно-упрощенных производств два согласительных производства: «простое» – это соглашение сторон об особом порядке судебного разбирательства, предусмотренного главой 40 УПК РФ и сложное – это соглашение сторон о досудебном сотрудничестве и особом порядке судебного разбирательства, регулируемое нормами глав 40.1 и 40 УПК РФ.

Правовая сущность данных производств состоит в разрешении через соглашение основного вопроса уголовного дела – установления вины обвиняемого в совершении преступления в обмен за обещание, закрепленное в уголовном и уголовно-процессуальном законах, смягчить ему меру уголовной ответственности.

Вероятно, что российский законодатель, как это сделано в романо-германской правовой системе, взял за образец американскую модель сделки о признании вины в двух ее основных разновидностях, приспособив ее к местным правовым условиям.

Положительно оцениваем как саму идею создания таких договорно-упрощенных производств, так и форму ее воплощения в позитивно-правовую форму и опыт применения на практике. Не согласны с теми, кто выступает за их сворачивание по причине несоответствия духу и общему смыслу российского уголовно-процессуального права. И соответственно, против предложений ученых-исследователей по их «совершенствованию» в виде

---

¹ Этот проект содержится в Приложении № 5.

приведения к следственному правовому стандарту¹, в том числе, под предлогом обеспечения прав личности.

Негативно оцениваются нами проекты изменения сложной согласительной модели – досудебное соглашение о сотрудничестве, которыми была усилена активность суда в этой процедуре. Первоначальная редакции главы 40.1 УПК РФ, по нашему мнению, была лучше, чем сложившаяся к настоящему времени.

Полагаем, что дальнейшее развитие согласительных производств должно развиваться в направлении более полного, если угодно, то «естественного» развития их договорной сущности и освобождения от тех ограничений, которые наложили на них следственная традиция и, очевидно, опасения законодателя открыто закрепить в законе правую реальность - то, что происходит на самом деле: торг сторон и обвинения по всему комплексу процессуальных и материально-правовых вопросов при поиске оптимального выхода из уголовно-правового конфликта².

Наша исходная позиция состоит в том, чтобы каждое из данных производств получили самостоятельное развитие, но при этом они были дополнены третьим видом согласительной процедуры, о которой скажем ниже.

Главный запрет, который необходимо снять при развитии этих договорно-упрощенных производств, касается изменения двух институтов: обвинения и доказывания. Как уже неоднократно отмечалось, отечественное уголовно-процессуальное право умалчивает, но подразумевает то, что предметом торга сторон не могут быть факты, то есть доказательства, а вместе с ним и предмет обвинения. Не может быть условием соглашения и

---

¹ См., напр.: Маркелов, А. Г. Идея уголовно-процессуального компромисса при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. С. 21–23, 55 и др.

² Отношение к этому (достаточно сдержанное) показывают результаты опросов практиков.

См.: ответы на вопросы №№ 22, 23 Приложение № 1, ответы на вопросы №№ 25-28 Приложение № 2, ответы на вопросы №№ 25-28 Приложение № 3, ответы на вопросы №№ 25-28 Приложение № 4.

обязательство органа публичного обвинения предложение освободить от уголовной ответственности обвиняемого, вступившего в соглашение. Подход к конструированию согласительных производств должен быть проникнут целесообразностью.

Еще одно концептуальное препятствие – это активность суда, который по традиции не связан позицией сторон, активностью прокурора, а в целом – органа, в чьем производстве находится уголовное дело, которые свободны в выходе из соглашения. Современная правовая доктрина допускает выход государства из соглашения, игнорирование им соглашения во благо публичного интереса. Выступаем за усиление регулятивного характера соглашения, установления обязательности соглашения для обеих сторон, в том числе, для стороны обвинения в лице прокуратуры, а также и для суда.

При этом для всех согласительных процедур должно неизменно соблюдаться ограничение для проведения по следующим категориям уголовных дел: во-первых, по делам в отношении несовершеннолетних, во-вторых, по делам о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, но в состоянии невменяемости, или же лица, у которого после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение.

Субъекты, в отношении которых ведутся перечисленные уголовно-процессуальные производства, не могут выступать стороной соглашения о признании вины с прокурором, сотрудничать с органом, ведущим уголовный процесс.

Остается еще вопрос о материально-правовой, уголовно-правовой составляющей данного правового механизма и одновременно – о границе его действия. Ее предлагается расширить за счет включения тяжких преступлений.

В то же время считаем, что обе ныне существующие согласительные процедуры должны применяться только по делам публичного и частно-

публичного обвинения¹. По делам же частного обвинения предлагаем допускать применение только той, новой согласительной процедуры, о которой далее пойдет речь.

Далее разовьем свои предложения относительно перспективы развития каждой из существующих согласительных процедур. Но вначале скажем о желаемом нововведении, которое предлагаем считать третьей разновидностью согласительных производств.

Имеется в виду судебное соглашение сторон об отказе от судебного доказывания, частичного или полного отказа от проведения судебного следствия, в следствие признания подсудимым вины по предъявленному обвинению и наличия в деле обвинительных доказательств, не оставляющих разумных сомнений в виновности подсудимого.

Данный институт не является новым для нашего права. Он ранее присутствовал в статье 446 УПК РФ. Предлагаем вернуть его в УПК РФ².

Основная идея состоит в том, что если в суде подсудимый и его защитник заявляют ходатайство об отказе от доказывания и участия в судебном следствии в виде признания вины по предъявленному обвинению, и государственный обвинитель, а также потерпевший поддерживают данное ходатайство, то судья вправе завершить процесс представления и исследования доказательств или вообще отказаться от судебного следствия и перейти к судебным прениям. Расчет стороны защиты от заявления подобного ходатайства состоит не столько и не только в том, чтобы побыстрее завершить процесс, а в том, чтобы добиться применения к подсудимому норм статьи 61 УК РФ, используя аргумент «чистосердечного раскаяния».

---

¹ В принципе и сам законодатель, судя по смыслу статьи 315 УПК и общему смыслу главы 40 УПК РФ, исходит из публичной модели обвинения, которая является двигателем процесса, включающего согласительную процедуру.

² Аналогичное предложение делалось и другими авторами. См., например : Машовец, А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России : теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты : монография. Москва, 2016. С. 239, 240; Сердюков, С. В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспективы. Москва : ЮРКНИГА, 2006. С. 9 и др.

Данная разновидность согласительной модели может определяться следующими отличительными чертами.

1. Досудебное производство по делу происходит в общем порядке, в любой из существующих форм.

2. Позиция стороны защиты к обвинению может быть различной, вплоть до непризнания вины по предъявленному обвинению, до судебного разбирательства.

3. Никаких предварительных соглашений между сторонами относительно исхода дела не заключается.

4. В суде подсудимый должен полностью признать свою вину в совершении преступления, по которому обвиняется. Проявление деятельного раскаяния, в виде, например, выплаты денежной компенсации потерпевшему и пр., может служить дополнительным аргументом к заключению соглашения.

5. Заявление о желании вступить в соглашение со стороной обвинения в виде соответствующего ходатайства заявляется подсудимым вначале или в ходе судебного следствия вместе с защитником при полном признании вины в инкриминируемом ему преступлении.

6. Председательствующий судья вправе предложить сторонам заключить соглашение об отказе от проведения судебного следствия по делу ввиду очевидности преступления, бесспорности дела, отсутствия разумных сомнений в виновности подсудимого.

7. Прокурор вправе, но не обязан поддержать ходатайство стороны защиты или не возражать против его удовлетворения судом. В случае отказа государственного обвинителя от поддержки ходатайства стороны защиты, судебного следствие проводится с поправкой на то, что государственный обвинитель распоряжается представлением обвинительных доказательств. Прокурор вправе через судью предложить стороне защиты отказаться от проведения судебного следствия.

8. Председательствующий вправе удовлетворить ходатайство стороны защиты и тем самым соглашение сторон вступает в действие. Отказ судьи в удовлетворении ходатайства должен быть мотивирован. В данном случае считаем оправданным проявление дискреционного правоусмотрения судьи.

9. В случае удовлетворения ходатайства по решению председательствующего судебное следствие или не проводится вообще или проводятся только отдельные процессуальные действия, направленные на выяснение обстоятельств, которые должны быть учтены при принятии решения судом о виде и размере наказания¹.

10. Государственный обвинитель вправе в заключительной речи просить суд смягчить наказание подсудимому или освободить его от наказания, принять иные решения в его пользу с учетом его позиции в суде.

11. Суд вправе признать смягчающим вину обстоятельством действия подсудимого и учесть позицию государственного обвинителя в пользу подсудимого при вынесении приговора. В случае отказа сделать это он должен мотивировать свое решение.

Данные положения полагаем возможным закрепить в законе средствами юридической техники в виде отдельной статьи, проект которой мы изложили в Приложении № 5 к диссертации.

И последнее, полагаем возможным допустить данную разновидность соглашения сторон по уголовным делам о любых преступлениях, особо тяжких общественно опасных деяний.

Разумеется, если дело слушается в суде с участием присяжных заседателей, отказ от проведения судебного следствия неприемлем.

---

¹ За образец здесь может быть взята норма из части второй статьи 446 УПК РСФСР: «В случае, когда сделанные признания не оспариваются какой-либо из сторон и не вызывает у судьи сомнений, председательствующий вправе, если с этим согласны все участники процесса, ограничиться исследованием лишь тех доказательств, на которые они укажут, либо объявить судебное следствие оконченным и перейти к выслушиванию прений сторон».

Такова наша позиция по первому виду согласительного производства, предлагаемую нами, законопроект которой излагается в Приложении № 5 к диссертации.

Перейдем теперь ко второй модели согласительного производства, которая ныне существует в форме главы 40 УПК РФ. Здесь будем исходить из того, что это простое соглашение о признании обвиняемым своей вины и смягчении ему уголовной ответственности по обвинительному приговору суда, который будет вынесен без исследования полученных по делу доказательств.

Предметом уголовно-процессуальных отношений, складывающихся между сторонами, в данной процедуре, равно как и в ее усложненном варианте, включающем досудебное сотрудничество обвиняемого с органом публичного уголовного преследования, являются, во-первых, разрешение вопроса об отказе от проведения судебного следствия, во-вторых, применение к подсудимому поощрительной уголовно-правовой нормы. Остальные вопросы и связанные с их решением правовые последствия, уже вторичны и вытекают из первых двух.

На наш взгляд, согласительная модель, предусмотренная главой 40 УПК РФ, это самая удачная и оптимальная согласительная процедура, из ныне существующих, которая показала свою эффективность на практике и нуждается только в небольших корректировках.

Прежде всего, предлагаем снять ограничение по степени тяжести преступлений, по уголовным делам о которых может заключаться простое соглашение сторон о признании вины обвиняемым и проведении судебном разбирательства в особом – сокращенном порядке.

Предлагаем допустить возможность заключения такого соглашения и по уголовным делам о тяжких преступлениях¹. Не совместимо данное

---

¹ Его поддерживают и опрошенные нами практики.

См.: ответы на вопрос № 16 Приложение № 1, ответы на вопрос № 16 Приложение № 2, ответы на вопрос № 16 Приложение № 3, ответы на вопрос № 16 Приложение № 4.

соглашение с рассмотрением уголовного дела в суде с участием присяжных заседателей.

Усиление договорной сущности этой процедуры предлагаем провести по следующим направлениям:

- связать прокурора соглашением и ограничить его произвольность при выходе из соглашения о проведении данной процедуры вынесения решения по делу;

- формализовать данное соглашение, которое ныне носит неформальный характер, что позволяет прокурору проигнорировать позицию стороны защиты в суде;

- установить основания для суда для изменения позиций сторон, сделать более определенными и вескими причины принятия судом решения о переходе на общий порядок судебного разбирательства;

- обязать прокурора дать оценку позиции и поведения обвиняемого в связи с заключенным с ним соглашением.

Полностью наш проект оптимизации данной процедуры изложен в виде нескольких статей в Приложении № 5 к диссертации.

Обратимся теперь к сложной модели соглашения сторон, включающей наряду с соглашением о признании обвиняемым вины, специальное досудебное соглашение обвиняемого с прокурором о сотрудничестве обвиняемого с органом предварительного следствия.

По сути, здесь, как и в простом соглашении сторон, все ускорение-упрощение процедуры сводится к отказу от проведения судебного следствия. Это прямо вытекает из статьи 316 УПК РФ. Хотя за этим стоит отказ стороны защиты от спора с обвинением, что приводит, конечно, и к прохождению в ускоренном режиме всех остальных этапов судебного разбирательства, которое превращается в своего рода «ритуал».

Как некоторые другие исследователи¹, видим здесь резерв для большего упрощения процедуры.

Уголовно-правовой «бонус», предлагаемый уголовным и уголовно-процессуальным законом обвиняемому за право-поощряемое поведение, который главным образом и стимулирует его в создавшейся ситуации угрозы наказания к заключению соглашения, состоит в установлении максимально возможной меры наказания: не более двух третей максимального наказания в случае применения простой согласительной процедуры и не более половины – в случае реализации сложной модели.

В этой части применительно к сложному согласительному уголовно-процессуальному производству полагаем необходимым расширить ассортимент предложения со стороны публичного обвинения, который может стать предметом торга при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве между прокурором и стороной защиты.

Главное наше предложение по совершенствованию этой вполне одобряемой нами процедуре состоит в том, чтобы закон, во-первых, разрешил сделать предметом соглашения сторон предмет обвинения и доказывание согласованного предмета обвинения, а, во-вторых, допустить договариваться сторонам о полном освобождении обвиняемого от уголовной ответственности в связи с утратой им или совершенного им деяния общественной опасности при оказании содействия органам публичного уголовного преследования в изобличении иных лиц в совершении особо тяжких преступлений и (или) в обнаружении и изъятии преступного дохода, полученного этими лицами.

В юридико-техническом отношении полагаем полезным сделать следующие изменения и дополнения существующей правовой конструкции сложного согласительного производства¹.

---

¹ См., напр.: Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников. С. 8-12, 221-228; Маркелов А.Г. Идея уголовно-процессуального компромисса при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. С. 5-7, 167-172.

Следует расширить круг лиц, которые могут вступить в соглашение с прокурором о сотрудничестве в противодействии опасным и особо опасным преступлениям. Процессуальный статус подозреваемого или обвиняемого не должен быть правовым ограничителем для вступления в соглашение с публичным обвинением любого, привлеченного к уголовному преследованию или уголовной ответственности лица.

В уголовно-процессуальной науке², в том числе и нами³, ставился вопрос о возможности заключения соглашения о сотрудничестве не только по возбужденному уголовному делу, но и до возбуждения уголовного дела, в том числе в ходе проведения оперативно-розыскной деятельности.

Предлагаем снять формальные ограничения по процессуальному статусу лица, у которого есть конфликт с уголовным законом, которое изъявляет желание оказать содействие публичному органу уголовного преследования, в раскрытии тяжких, особо тяжких преступлений, избобличению лиц, их совершивших или совершающих или намеревающихся совершить, в обмен за смягчение своей уголовной ответственности.

Еще одной мерой, которая может повысить эффективность данного согласительного производства, мы видим в придании нормативно-правовой формы соглашению о сотрудничестве, заключаемому прокурором со стороной защиты. Разумеется, абсолютная конкретизация и формализация не уместна. Однако, с нашей точки зрения, закрепление в законе требований к предмету соглашения сделает его обоюдно обязательным, а не односторонне обязательным только для стороны защиты.

---

¹ Некоторые из этих предложений делались другими авторами, работы которых были проанализированы в третьем параграфе второй главы диссертации.

² См., напр.: Баев О.Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения. С. 155; Багаутдинов К.Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников. С. 11–12, 107–109.

³ См.: Колесник В.В. Новое в понимании норм, регулирующих заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 1 (90). С. 139–144.

Необходимо разрешить вопрос о связанности заключенным между публичной обвинительной властью государства и обвиняемым договором самого суда, что, полагаем, создаст больше гарантий прав обвиняемого и сделает более честной процедуру.

Предлагаем легализовать такие пункты соглашения сторон, которые в настоящее время только негласно практикуются, но должны быть официально закреплены как предмет договорных уголовно-процессуальных отношений сторон.

По нашему мнению, должны быть прописаны в законе такие пункты соглашения сторон: (1) полное освобождение от уголовной ответственности; (2) фиксация предмета обвинения в соглашении и недопустимость его изменения к худшему при выполнении своих обязательств обвиняемым и соблюдения им условий заключенного соглашения; (3) разрешение в законе возможности изменения обвинения в сторону смягчения при выполнении обвиняемым своего обязательства по оказанию содействия в изобличении других лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления;

Таким образом, выступаем за то, чтобы снять все ограничения о предмете соглашения, за расширение пределов, в которых лицо, фактически привлеченное к уголовному преследованию, вправе ходатайствовать о заключении соглашения о сотрудничестве с прокурором.

В развитие тезиса о руководящей роли прокурора в этой процедуре предлагаем снять существующие препоны по выходу стороны защиты на прокурора с предложением о заключении соглашения о сотрудничестве и признании вины. Следователь, равно как и орган дознания обязаны передать ходатайство лица о заключении соглашения о сотрудничестве с прокурором его прямому адресату. Следователь, дознаватель, другие субъекты органов предварительного расследования не должны обладать какими бы то ни было отлагательными полномочиями в связи заключением соглашения между стороной защиты и прокурором. Поэтому выступаем за лишение следователя, руководителя следственного органа прав на отказ в

удовлетворении ходатайства обвиняемого о заключении соглашения о сотрудничестве с прокурором и передаче этого ходатайства прокурору. Свою позицию по данному вопросу они могут изложить в представлении относительно целесообразности сотрудничества с этим лицом.

Действие мер безопасности в отношении обвиняемого должно по его требованию быть распространено за пределы производства по данному делу, но распространяться на исполнение обвинительного приговора в отношении него, но также и в последующем. Этот пункт может быть предметом соглашения сторон.

Наиболее сложная в исполнении, но тем не менее неотложная мера направлена на то, чтобы максимально снизить активность суда при участии в данной согласительной процедуры. Наша позиция в том, что суд не должен входить в оценку выполнения подсудимым условий соглашения по своей инициативе и тем самым брать на себя выполнение функции обвинения. Соглашение заключается не с ним, и не ему привлекать подсудимого к процессуальной ответственности за то, что он не оказал надлежащего содействия органу публичного уголовного преследования.

В отсутствие требования стороны суд не вправе входить в разрешение вопросов, касающихся выполнения той или иной стороной условий соглашения.

Такова наша позиция по данному виду согласительного производства, предлагаемого нами, законопроект которой мы излагаем в Приложении № 5 к диссертации.

Перейдем к проектированию другой договорно-упрощенной процедуры, намеченной нами – примирительной, точнее – двух примирительных процедур, которые предлагаем объединить в одной главе под названием «Примирительные производства».

Мы пришли к выводу, что примирительные договорно-упрощенные производства можно свести к двум базовым моделям: (1) примирение обвиняемого с потерпевшим и (2) деятельное раскаяние.

К настоящему времени в их число входят процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным статьями 25, 25.1, п. 3 ч. 1 ст. 27, статьями 28, 28.1, 427 УПК РФ. Это достаточно разношерстные процедуры, созданные законодателем в различное время по различным причинам, не проникнутые единой идеей, стратегией. Поэтому оставляет желать лучшего, как механизм каждой из них, так и в целом механизм разрешения уголовно-правового спора посредством мирового соглашения сторон.

Ранее, в первом параграфе второй главы диссертации, мы изложили исходные позиции, которые обозначились в теории относительно их и перспектив развития. Основываясь на них, изложим свой проект оптимизации примирительных уголовно-процессуальных производств.

Оставив дела частного обвинения, для которых существующая модель примирительного производства должна остаться в существующем виде, сосредоточимся на механизме примирения по делам публичного и частно-публичного обвинения.

Первой предлагаемой мерой является их унификация – приведение к стандарту, определяющему их сущность – примирение. На этой основе надо предпринять первые усилия – выявить главное, что их объединяет и различает, и это заложить в моделируемую конструкцию.

Второе предложение сводится к дифференциации примирительных оснований. Они уже есть в действующем законодательстве, ее просто надо последовательно развить далее и выделить два базовых юридических состава: примирение обвиняемого с потерпевшим и деятельное раскаяние.

В первой модели объединим основания, предусмотренные статьями 25, 25.1 и 427 УПК РФ. Здесь основой является примирение потерпевшего с обвиняемым. Ко второй модели – деятельного раскаяния – отнесем процедуры, предусмотренные статьями 28, 28.1, 27 УПК РФ. Несмотря на сложный юридический состав классического «деятельного раскаяния» выделяем в нем главную – право-восстановительную идею – возмещение

вреда, причиненного преступлением – потерпевшему, то есть частному физическому или юридическому лицу, или государству. Главным здесь является не столько отношение обвиняемого к обвинению, примирение, хотя в широком смысле она здесь присутствует, как и положено в примирительной процедуре, сколько материальная компенсация, выплачиваемая обвиняемым за совершенное преступление¹.

Присоединяемся к мнению о том, что создание еще одной системной меры по упорядочиванию и развитию примирительных процедур должно привести к образованию прокурорской и судебной моделей их реализации². Судебная модель, на наш взгляд, должна быть задействована в двух случаях. Во-первых, это когда уголовное дело находится в производстве у суда, здесь по существу меняется только субъект правоприменения. А вот в том случае, когда одного примирения или деятельного раскаяния недостаточно для исчерпания конфликта, и требуется применение к нарушителю уголовного закона дополнительное уголовно-право-процессуальное воздействие – судебный штраф – тогда дело должно направляться суду – следственному судье. Решение о направлении дела в суд должен принимать прокурор.

Разделяем мнение о том, что должен быть специальный судебный орган и соответствующий процессуальный механизм для реализации судебной модификации двух базовых моделей примирительных договорно-упрощенных производств.

Таким образом, должно быть две разновидности примирительных уголовно-процессуальных производств, которые мы предлагаем изложить в двух статьях, размещенных в отдельной главе³.

Важным считаем подведение под одну правовую основу процедуры прекращения уголовных дел в отношении специальных субъектов: субъектов

---

¹ Это должно быть преступление небольшой или средней тяжести. Хотя по налоговым и экономическим преступлениям, очевидно, это требование не является обязательным.

² См.: Шерстнев В.Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме. С. 109.

³ Законопроект этой главы изложен в Приложении № 5.

предпринимательской деятельности и несовершеннолетних. При этом, специфика их правового статуса и уголовно-правовой и процессуальной фактуры дел должна быть учтена.

Такова общая схема, по которой мы смоделировали два уголовно-процессуальных примирительных механизма разрешения уголовных дел.

Однако, последние события, отмеченные проведением специальной военной операцией на Украине, требуют совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части регламентации порядка освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время.

Предлагаем ее решение на основе общеправового института договора и модернизации модели деятельного раскаяния в составе примирительной договорно-упрощенной процедуры. Некоторые правовые инструменты, которые были созданы и активно развивались в последние годы, могут на наш взгляд, получить новую сферу применения, получив соответствующую тонкую переналадку.

Итак, первое, что констатируем: нужен договорной уголовно-процессуальный механизм освобождения от уголовной ответственности лиц, готовых воевать за интересы России. Это будет уголовно-правовым и уголовно-процессуальным обеспечением интересов лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, военного положения или в военное время.

В этой связи надо вспомнить и возродить, но уже на обновленной – на договорной основе еще один уголовно-процессуальный механизм, который существовал в отечественной уголовно-процессуальном праве.

В Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР с 1983 года была статья шестая, которая в редакции Федерального закона от 21.12.1996 № 160-ФЗ¹ просуществовала до момента вступления в действие УПК РФ. Она предусматривала возможность освобождения от уголовной ответственности совершивших преступления небольшой и средней тяжести лица в связи с изменением обстановки или утраты этим лицом общественной опасности.

В части первой статьи 50 УК РСФСР существовала норма, предусматривавшая соответствующее основание освобождения от уголовной ответственности. После принятия УК РФ аналогичная норма содержалась в статье 77 этого кодекса.

Конституционность такого механизма освобождения от уголовной ответственности, несмотря на его оспаривание, была подтверждена Конституционным Судом России в специальном постановлении. В нем Конституционный Суд России признал статью 6 УПК РСФСР. Хотя основной акцент был сделан на разъяснение того, что решение о прекращении уголовного дела по данному нереабилитирующему основанию, как и прочим нереабилитирующим основаниям, не подменяет собой приговор суда и не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого².

Отмена статьи 77 статьи в 2003 году³ сопровождалась введением статьи 80.1 УК РФ, предусматривающей возможность освобождения судом лица от наказания если это лицо, впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести, и судом будет установлено,

---

¹ Федеральный закон от 21.12.1996 № 160-ФЗ (ред. от 26.02.1997, с изм. от 18.12.2001) «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 52. Ст. 5881 (утратил силу) / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.08.2023).

² См.: Постановление Конституционного Суда от 28.10.96 г. № 18-п «По делу о проверке конституционности ст. 6 УПК РСФСР в связи с жалобой гр-на О.В. Сушкова» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Ст. 5203.

³ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

что вследствие изменения обстановки оно или совершенное им преступление перестали быть общественно опасными.

Таким образом, данное основание освобождения от уголовной ответственности, как таковое, не вызывает сомнений ни в конституционной, ни материально-правовой составляющих. Несмотря на то, что в УПК РФ этот механизм прямо не прописан, де факто в силу статьи 80.1 УК РФ он также имеет ограниченное применение.

Пришло время не просто возродить этот материально-процессуальный механизм, но подвести под него договорную основу и сделать максимально широким его применение в интересах как личности, так и государства.

И первый шаг в данном направлении законодателем уже сделан. В частности, принят Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции». Данным законом введены правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих в них военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное время.

В частности, Федеральным законом № 270-ФЗ определены категории лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции, на которые распространяется действие особенностей уголовной ответственности за совершение преступлений; установлены основания освобождения этих лиц от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а также в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Кроме того, Федеральным законом № 270-ФЗ определены основания освобождения

от наказания лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключивших в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы, и условия погашения у данных лиц судимости¹.

В целях реализации вышеуказанного закона Министерством юстиции Российской Федерации разработан проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В частности, законопроектом предлагается:

а) дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации:

– статьей 78¹ «Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время», предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности:

- лиц, совершивших преступления небольшой или средней тяжести до дня вступления в силу Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – Федеральный закон № 270-ФЗ), в отношении которых осуществляется предварительное расследование;

- лиц, проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, совершивших преступления, в отношении которых осуществляется предварительное расследование;

---

¹ Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.06.2023.

б) дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации:

– статьей 28² «Прекращение уголовного преследования в связи с призывом на военную службу по мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время», предусматривающей возможность прекращения уголовного преследования обвиняемых (подозреваемых), в отношении которых предварительное расследование было приостановлено.

Мы поддерживаем эту инициативу. Однако, считаем ее недостаточной. Ее главные недостатки – это ограниченность применения ее преступлениями, степень тяжести которых не превышает среднюю, прохождение лицом военной службы в воинских формированиях. Самый же главный недостаток – это отсутствие в предлагаемой нормативно-правовой конструкции должного процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности лица в связи с изменением обстановки и(или) утраты им общественной опасности.

Полагаем возможным дополнить уголовно-процессуальный примирительный механизм процедурой освобождения от уголовной ответственности вследствие изменения обстановки. Полагаем, что этот механизм мог бы стать составной частью сложносоставного уголовно-процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности (но также и от отбывания наказания) в связи с деятельным раскаянием, под которым можно понимать участие в боевых действиях по защите суверенитета России.

Предлагаем две новые процедуры: ординарную, которая бы воспроизводила ранее существовавшую модель по статье 6 УПК РСФСР и неординарную – договорную модель, нацеленную на достижение, прежде всего, публичных целей. Применение материально-процессуального

механизма второго рода, на наш взгляд, не должно быть ограничено тяжестью совершенного преступления, другими ограничителями, обычными для ординарного деятельного раскаяния, потому что сложившаяся ситуация является неординарной.

На наш взгляд, в статью, регулирующую порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, должны войти нормы, определяющие, во-первых, порядок прекращения уголовного преследования лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести в связи с заключением контракта с Министерством обороны Российской Федерации или иным федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрен порядок прохождения военной службы, предполагающей обязательное участие в боевых действиях, а во-вторых, условного освобождения осужденного за совершение любого преступления от отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с аналогичным изменением обстановки.

В первом случае суд или прокурор по ходатайству органа предварительного следствия или орган дознания прекращают уголовное дело или уголовное преследование обвиняемого на любой стадии уголовного процесса. Во втором случае суд освобождает осужденного за совершение преступления любой тяжести в порядке, аналогичном тому, который предусмотрен статьей 333 УПК РФ.

Таким образом, под действие предлагаемого уголовно-процессуального механизма предлагаем подвести две категории лиц: во-первых, привлекаемых к уголовному преследованию на любой стадии процесса, и во-вторых, осужденных к (а) лишению свободы, (б) иной мере наказания, связанной с ограничением свободы.

Условия контракта вырабатываются и устанавливаются сторонами в соответствии с действующим законодательством. Предметом контракта может быть полное освобождение лица от уголовной ответственности при

выполнении лицом обязательств по контракту, а также освобождение его от возмещения причиненного вреда.

В течение установленного контрактом срока лицо, проходящее службу по контракту в зоне боевых действий, признается условно освобожденным от уголовной ответственности или отбывания наказания.

При выполнении лицом своих обязательств по заключенному контракту лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с утратой общественной опасности. Решение об освобождении от уголовной ответственности принимается военным судом, по месту заключения контракта или указом Верховного главнокомандующего вооруженными силами России, если выполняются обязательства по прохождению службы лицом по контракту в интересах государства.

Суд рассматривает вопрос об освобождении от уголовной ответственности и обязанности возмещения вреда в порядке, предусмотренном статьей 108 УПК РФ, по письменному ходатайству уполномоченного на то должностного лица. В ходатайстве, направляемом в суд, должно быть подтверждено выполнение лицом обязательств, предусмотренных контрактом.

Решение об освобождении от уголовной ответственности до истечения срока контракта может быть принято по ходатайству уполномоченных субъектов, если будет установлено, что лицо проявило особый героизм и было представлено к государственной награде, или погибло или получило тяжкие телесные повреждения при участии в боевых действиях.

Возмещение вреда, причиненного преступными действиями этого лица другим лицам, может быть осуществлено по его ходатайству решением суда за счет средств федерального бюджета или средств специального фонда.

Принципиальным, на наш взгляд, в предлагаемой процедуре должно быть то, чтобы это было реабилитирующее основание, с ликвидацией в базе данных всех сведений о факте (фактах) привлечения этого лица к уголовной ответственности или уголовному преследованию.

Предлагаемая нами правовая модель требует внесения изменений в нормы других отраслей российского законодательства, включая уголовное и уголовно-исполнительное право, что выходит за рамки нашего исследования¹, поэтому мы не будем входить в их рассмотрение.

В целом наша позиция по проблеме расширения понятия деятельного раскаяния, как основания освобождения от уголовной ответственности или отбывания наказания, состоит в том, что надо приводить наше право в соответствии со сложившимися реалиями.

И последнее замечание по поводу предложенного варианта уголовно-процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности (отбывания наказания) лица в связи с утратой им общественной опасности, состоит в том, что может быть и экономическая разновидность предлагаемого механизма. Имеется в виду потребность восполнения нехватки трудовых ресурсов для выполнения намечаемых масштабных работ по строительству объектов в экстремальных для проживания условиях.

Выводы по параграфу.

Разработанный проект создания ускоренных (суммарных) производств основывается на имевшейся в советском прошлом протокольной форме, а также существующего производства об административных правонарушениях.

В материальную и фактологическую основу предлагаемой модели ускоренного (приказного) производства заложены три исходных момента, из

---

¹ Как минимум, законодательному решению подлежит следующий круг вопросов. В-первых, должен быть решен вопрос об источниках формирования особого фонда финансирования причиненного вреда лицами, освобождаемыми от уголовной ответственности на рассматриваемом основании. На наш взгляд, он должен формироваться из конфискованного имущества физических и юридических лиц, чья деятельность была признана враждебной российскому государству. Во-вторых, надлежит изменить редакцию статьи 80.1 УК РФ, согласовав ее предлагаемым уголовно-процессуальным механизмом освобождения от уголовной ответственности в связи с изменением обстановки. В-третьих, необходимо дополнить статью 79 УК РФ частью восьмой, предусматривающей новый правовой инструмент «освобождения от уголовной ответственности и условно-досрочного освобождения от отбывания наказания». Аналогичные поправки внести в соответствующие статьи УИК РФ.

которых два обязательных: (1) небольшая тяжесть и (2) очевидность преступления, и факультативный – (3) бесспорность случая, согласие подозреваемого с утверждением о совершении им деяния, запрещенного законом.

Предметом ускоренного производства должны быть очевидные преступления небольшой тяжести (уголовные проступки) и преступления средней тяжести, очевидные и потому не представляющие сложности в установлении главного доказываемого факта, в том числе, ввиду его фиксации техническими средствами.

Бесспорность ситуации, то есть если не признание, то не отрицание своей вины нарушителем уголовного закона, является обычным, но не обязательным слагаемым фактологической основы ускоренного производства. В случае отрицания подозреваемым своей причастности к совершению уголовного проступка (преступления) вопрос о процессуальной форме привлечения его к уголовной ответственности субъекта уголовного проступка решается прокурором. По решению прокурора, убедившегося в факте совершения преступления (проступка) подозреваемым, досудебная подготовка материалов может быть проведена дознавателем в ускоренном порядке – протокольной форме. Прокурор должен занимать ведущую процессуальную роль в этом производстве и определять саму возможность его проведения.

Очевидность преступления, бесспорность дела позволяют отказаться от доказывания, воспроизводства следственной технологии для удостоверения очевидных фактов. Концептуально должен быть легализован отказ от следственного стандарта при создании ускоренного производства.

Главными мерами по упрощению и ускорению производства являются следующие:

- отказ от стадии возбуждения уголовного дела и всех сопровождающих ее процессуальных атрибутов;

- замена «уголовного дела» одним «протоколом об уголовном проступке (преступлении)»;
- отказ от производства следственных действий при досудебной подготовке материалов¹;
- опора на технические средства фиксации преступного события и субъективное отношение подозреваемого к нему, результаты которых прилагаются к протоколу в виде электронного носителя информации;
- сведения общего срока ускоренного производства к трем суткам через введение временных ограничений каждой из его слагаемых, ведущие которых должны руководствоваться указаниями закона: «немедленно», «не позднее ...» и пр.;
- поручение прокурором поддержания гособвинения представителю органа дознания;
- введение обвинительной камеры на уровне районного суда, как особой инстанции, которой будут подсудны материалы ускоренного уголовного производства;
- совмещение стадии назначения судебного заседания и судебного разбирательства; выдвижение обвинения одновременно с возбуждением уголовного дела в судебном заседании;
- наделение прокурора решающими дискреционными полномочиями при решении вопросов, возникающих при осуществлении производства; в том числе, предложение подозреваемому реальных, выполнимым мер по смягчению меры уголовно-правового воздействия в обмен на признание вины в суде;
- вынесение судом приговора в приказном порядке;
- пересмотр приговора, вынесенного в приказном порядке, только в кассационном порядке при обнаружении фундаментальных нарушений

---

¹ Однако этот отказ не носит характер категорического запрета. В случае крайней необходимости следственные действия могут быть проведены: из числа тех, что перечислены в части первой статьи 144 УПК РФ.

уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть уголовного правосудия и подрывающих конституционные права и свободы человека и гражданина.

Предлагаются три разновидности ускоренного производства: (1) по очевидным уголовным проступкам, в том числе, при отрицании правонарушителем своей вины, (2) по очевидным бесспорным преступлениям средней тяжести, (3) особое ускоренно (48-часовое) производство в отношении задержанных по подозрению в нарушении уголовного закона, в отношении которых прокурор требует применение меры уголовно-правового воздействия, связанного с лишением или ограничением свободы.

Проект развития согласительных производств строится на идее о наиболее полном раскрытии их договорной сущности и освобождения от тех ограничений, которые наложила на них следственная традиция.

В основу каждого из этой разновидности договорно-упрощенных производств заложено соглашение о признании вины обвиняемым и наступлении, предусмотренных законом уголовно-процессуальных и уголовно-правовых последствий. Главный из уголовно-процессуальных результатов, к достижению которого стремятся стороны – это признание доказанными фактические обстоятельства и отказ от судебного следствия. Уголовно-правовой результат соглашения, в котором заинтересован обвиняемый, состоит в виде смягчения меры уголовно-правового воздействия на одну треть или не менее чем на половину максимального вида и размера наказания, которое должно быть назначено виновному.

Общий замысел состоит в том, чтобы, во-первых, расширить пределы соглашения сторон по всему комплексу процессуальных и материально-правовых вопросов при поиске и нахождении оптимального выхода из уголовно-правового конфликта, во-вторых, ограничить активность суда и его полномочия по прекращению согласительного производства по своей инициативе, в-третьих, усилить регулятивное, обязательное значение

соглашения, связать обязанностью его выполнения прокурора и исключить произвольный выход его из соглашения со стороной защиты.

Предлагается внедрить в отечественное уголовно-процессуальное право три вида согласительных производств:

- соглашение об отказе от проведения судебного следствия в связи с признанием подсудимым вины, предполагающее смягчение уголовной ответственности подсудимого;

- простое соглашение о признании вины обвиняемым и вынесении обвинительного приговора в особом порядке со смягчением на одну треть максимально возможного наказания;

- большое или сложное соглашение о досудебном сотрудничестве и смягчении наказания не менее, чем на половину или об освобождении от наказания.

Первая разновидность согласительных производств должна допускаться по любым уголовным делам, в том числе по делам частного обвинения. Две другие согласительные процедуры должны применяться только по делам публичного и частно-публичного обвинения.

Проект развития простого согласительного производства о признании вины обвиняемым и проведении судебном разбирательства в особом – сокращенном порядке включает себя принятие следующих мер:

- расширить пределы его применения за счет включения тяжких преступлений, в совершении которых обвиняется лицо, с которым прокурор заключает соглашение о вынесении обвинительного приговора в особом порядке.

- связать прокурора соглашением, которое предлагается составлять в письменном виде, и ограничить произвольность выхода прокуратуры из соглашения о проведении данной процедуры вынесения решения по делу;

- формализовать данное соглашение сторон, которое ныне носит неформальный характер, что позволяет прокурору проигнорировать позицию стороны защиты в суде и выйти из соглашения;

- допустить выход государственного обвинителя из соглашения только при отказе подсудимого от признания вины по предъявленному обвинению или выявлению новых фактов его преступной деятельности к началу судебного заседания или по обоснованному требованию потерпевшего;

- усилить зависимость суда от позиции сторон и сделать конкретными и исчерпывающими причины, по которым судом вправе по собственной инициативе принять решения о переходе на общий порядок судебного разбирательства;

- обязать прокурора дать в прениях сторон оценку позиции и поведения обвиняемого в связи с заключенным с ним соглашением и предложить меру наказания, которую суд не вправе превысить в обвинительном приговоре.

Проект совершенствования большой или сложной согласительной процедуры включает следующие предложения:

- ограничить его применение только уголовными делами о тяжких и особо тяжких преступлениях;

- расширить круг лиц, которые могут вступить в соглашение с прокурором о сотрудничестве в противодействии особо опасным и сложным преступлениям; процессуальный статус лица не должен быть правовым ограничителем для вступления в соглашение с публичным обвинением;

- обязательная фиксация предмета обвинения в досудебном соглашении о сотрудничестве и недопустимость его изменения к худшему без заключения нового соглашения о сотрудничестве;

- допустить возможность заключения соглашения по фиксации предмета обвинения и обязательства прокурора не изменять его к худшему для обвиняемого при выполнении им своих обязательств и соблюдения условий заключенного соглашения;

- сделать возможным заключение соглашения сторон о полном освобождении от уголовной ответственности обвиняемого и отказе прокурора от его публичного уголовного преследования в связи с утратой им или совершенного им деяния общественной опасности при оказании

содействия органам публичного уголовного преследования в изобличении иных лиц в совершении особо тяжких преступлений и (или) в обнаружении и изъятии преступного дохода, полученного этим лицами;

- разрешить соглашение сторон относительно круга доказательств, подлежащих представлению стороной обвинения в суд, согласование ими предмета доказывания в суде;

- допустить возможность запроса и получения прокурором предварительного неформального мнения суда о мере наказания для обвиняемого в случае выполнения им всех условий соглашения;

- сделать прокуратуру и прокурора единственным представителем договаривающейся стороны обвинения, исключив возможность вмешательства со стороны иных органов публичного уголовного преследования;

- действие мер безопасности в отношении лица, заключившего и исполнившего досудебное соглашение о сотрудничестве, должно быть по его требованию распространено за пределы производства по данному делу, в том числе на исполнение обвинительного приговора в отношении него, но также и в последующем;

- концептуально должна быть ограничена активность суда по участию данном согласительном производстве: во-первых, суд не должен входить в оценку выполнения подсудимым условий соглашения по своей инициативе и тем самым брать на себя выполнение функции обвинения; во-вторых, суд не должен по своей инициативе переходить на общий порядок судебного разбирательства, тем самым обнуляя предварительное соглашение о применении к подсудимому поощрительных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм и смягчении меры уголовно-правового воздействия, предусмотренной законом.

Исключением для публично-правового вмешательства суда и прекращения им большой согласительной процедуры должно быть признано установление в судебном заседании факта фундаментального

нарушения уголовно-процессуального закона, которые искажает саму сущность правосудия и основы уголовно-процессуального регулирования.

Примирительные договорно-упрощенные производства можно свести к двум базовым моделям: (1) примирение обвиняемого с потерпевшим и (2) деятельное раскаяние.

На их основе могут быть смоделированы два уголовно-процессуальных примирительных механизма разрешения уголовных дел, в которые должны быть включены и процедуры прекращения уголовных дел в отношении специальных субъектов: субъектов предпринимательской деятельности и несовершеннолетних. Этого требует принцип равенства всех лиц перед законом и судом. При том, что специфика этих двух категорий лиц и их преступных деяний должна быть учтена.

Еще одной системной мерой по упорядочиванию и развитию примирительных процедур должно привести к созданию прокурорской и судебной моделей их реализации. В прокурорской модели примирительных процедур прокурор наделяется решающими полномочиями как на их начатие, так и завершение. Судебная модель примирительных процедур реализуется, во-первых, когда уголовное дело находится в производстве суда, во-вторых, когда уголовное дело после прекращения передается прокурором в суд (следственному судье) для применения к нарушителю уголовного закона дополнительного уголовно-право-процессуального воздействия – судебного штрафа.

Таким образом, должно быть четыре разновидности примирительных уголовно-процессуальных производств, которые мы предлагаем изложить в двух статьях, размещенных в отдельной главе.

Последние события, отмеченные проведением специальной военной операцией на Украине, породили потребность в создании еще одного правового инструмента, который необходим нам на обозримую перспективу организации материально-процессуального противодействия криминальным угрозам – внутренним и внешним.

Данный материально-процессуальный механизм можно включить в общую уголовно-процессуальную модель освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, но придав ему черты исключительности, оправданной изменением обстановки, которая декриминализирует совершенное деяние и ведет к утрате общественной опасности обвиняемого или осужденного. Единственным и решающим фактором данных позитивно-правовых преобразований является участие данного лица в военных действиях по защите суверенитета России.

В этой связи предлагается создание двух новых процедур:

- прекращение уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, в связи с утратой им общественной опасности при участии в военных действиях по защите России

- условное освобождение от отбывания наказания лица, осужденного за совершение любого преступления, в связи с заключением им контракта о прохождении военной службы и участии в военных действиях по защите России, с последующим полным освобождением как от наказания, так и всех прочих правоограничений, включая снятие судимости, после выполнения контракта. Под действие указанного уголовно-процессуального механизма предлагаем подвести две категории лиц: во-первых, привлекаемых к уголовному преследованию на любой стадии процесса, и во-вторых, осужденных к (а) лишению свободы, (б) иной мере наказания, связанной с ограничением свободы.

Полагаем, что в таком виде договорной уголовно-процессуальный механизм должен стать необходимой частью правовой организации противодействия внешним и внутренним криминальным угрозам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объединение наук уголовно-правового цикла в одну специальность дает предпосылку для новых подходов к рассмотрению вопросов, которые традиционно решались в свете учения о дифференции уголовно-процессуальной формы.

Догмы классического правоведения не могут вполне определять перспективу развития правовой системы противодействия преступлениям в современный период времени, который характеризуется с одной стороны, усилением технического – цифрового фактора, а с другой – антропологического, гуманитарного, национального.

Всегда есть выбор в определении пути развития отечественного уголовно-процессуального права. За теоретическими спорами стоит ценностный выбор между двумя типами процесса: состязательным и следственным, как формами правовой организации защиты публичного (государственного) и частного интересов от преступлений. Вопрос о мере допустимости договорного, диспозитивного начала в уголовном процессе является наиболее показательным в этом противостоянии.

Необходим новый концептуальный взгляд на перспективы развития отечественного уголовно-процессуального права. Нужны новые решения, качественно новые подходы к правовой организации противодействия преступности в условиях возникающих внешних и внутренних угроз государственной и общественной безопасности, в целях повышения защищенности прав и законных интересов каждого лица, вовлеченного в сферу уголовного судопроизводства.

Проблема повышения эффективности уголовного судопроизводства через упрощение его базовой, типологической формы является одной из системных проблем. Противоречивость теоретических подходов к пониманию правовой природы ускоренного производства,

непоследовательность и противоречивость регулирования возникающих при этом уголовно-процессуальных правоотношений, неоднозначное развитие правоприменительной практики в данной сфере требуют глубокого теоретического осмысления не только феномена ускорения и упрощения производства, как такового, но и выявления того, что остается за рамками следственной парадигмы и нормативистского подхода.

На переломных этапах истории России, в начале и в конце 20 века, в отечественной уголовно-процессуальной науке появлялись разного рода теории, позволявшие по-новому ответить на старые вопросы, на которые господствующая доктрина дала вроде бы раз и навсегда верные ответы.

Результаты проведенного исследования получены на основе ранее проведенных фундаментальных теоретических разработок и находок ученых, предложивших новаторские решения традиционных для любой правовой системы проблем. Авторская концепция уголовно-процессуальных договорных отношений основана на синтезе целого ряда теоретических конструкций, разработанных выдающимися отечественными учеными-юристами в различные исторические периоды. Она призвана внести вклад в развитие теории дифференции уголовно-процессуальных форм через привнесение в нее договорного направления. По нашему мнению, полученные результаты являются совершенно необходимыми для того, что сделать отечественную теорию уголовно-процессуального права более разнообразной, объективной, всесторонней, то есть богатой во всех отношениях.

Именно в свете договорного направления заключался замысел исследования юридической природы и назначения различного рода уголовно-процессуальных производств, которые принято называть «упрощенными», «сокращенными», «поощрительными» и пр. Через призму смысла «договор» был сделан анализ отдельных видов этих производств в целях определения допустимых пределов упрощения и ускорения процесса по большинству уголовных дел, оптимизации из регулирования.

На субъективный взгляд автора, основные его достижения в теоретическом плане состоят в разработке двуединого материально-процессуального договорного отношения, договорного уголовно-процессуального права, принципов этого права, а также понятия и системы договорно-упрощенных производств.

Любая теория сильна связью с практикой. И авторская концепция уголовно-процессуальных договорных отношений создавалась не столько для того, чтобы в очередной раз объяснить существующий уголовно-процессуальный мир, принимая его как неизменный и разумный, а для того, чтобы изменить его в лучшую сторону.

Общепризнано, что пока не удалось создать оптимальную систему упрощенных, договорных производств. В диссертации учтены уроки из многочисленных во многом неудачных и непоследовательных попыток создания отечественной модели суммарного производства и в целом системы упрощенных уголовно-процессуальных производств, почти во всех из которых, усматриваются договорные отношения сторон.

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

1. Договорные уголовно-процессуальные отношения – это особая разновидность уголовно-процессуальных отношений, регулируемых диспозитивными уголовно-процессуальными правовыми нормами, между субъектами которых (несмотря на то, что один из них является «компетентным государственным органом») выдерживается правовое равенство. Выравнивание ассиметричности «обычного» уголовно-процессуального отношения, возникшего после возбуждения уголовного дела публичного обвинения, и превращение его в договорное происходит по решению участника процесса, осуществляющего предварительное расследование или судебное разбирательство.

Договорные отношения относятся к условно диспозитивному типу правоотношений, потому что их процессуальная судьба (возникновение,

развитие и окончание) зависит от усмотрения – добровольного акта самоограничения государства, частичным отказом от полновластия на обязательное применение уголовного закона к виновнику преступления.

Императивно-правовое основание этого отношения, представляющее собой преступление, обуславливает свободу выхода из него органа, в производстве которого находится уголовное дело. В этом свойстве обратного хода договорного, равноправного отношения сторон в одностороннее уголовно-процессуальное отношение проявляется непостоянство и условность договорного уголовно-процессуального отношения.

Предметом договорных уголовно-процессуальных отношений являются желаемые обеими сторонами процессуальные и материально-правовые «блага»: процессуальные решения отдельных вопросов, окончательное решение по делу о виде и мере уголовно-правового воздействия.

Субъектами договорных уголовно-процессуальных отношений выступают сторона обвинения и сторона защиты. Прокурору надлежит быть субъектом всех договорных уголовно-процессуальных отношений, которые возникают между сторонами в деле; ему должна принадлежать решающая процессуальная роль во всех договорно-упрощенных производствах. Не следует наделять органы предварительного расследования правом самостоятельного вхождения в договорные уголовно-процессуальные отношения; они должны выступать только в роли процессуальных «помощников» прокурора как субъекта диспозитивного права на вхождение в договорные уголовно-процессуальные отношения со стороной защиты.

2. Правовым основанием перехода уголовно-процессуального отношения из обычного в договорное является уголовно-процессуальный договор, который представляет собой соглашение стороны обвинения и стороны защиты об изменении или прекращении прав и обязанностей, и даже, возможно, об установлении таковых, включая материально-правовые.

Уголовно-процессуальный договор имеет целью упрощение достижения целей участников судопроизводства, являющимися сторонами в деле, что укладывается в основное назначение процесса. Не может быть правового упрощения без договора, который первичен, а упрощение – вторично (а не наоборот). Через договор могут решаться как отдельные вопросы, возникающие по ходу уголовного процесса, так и судьба уголовного дела, а значит и определение виновнику преступления меры уголовно-правового воздействия.

Уголовно-процессуальный договор способен быть дополнительным процессуальным средством обеспечения правовой определенности, гарантией достижения уголовным судопроизводством своего назначения по конкретному делу.

3. Договорные уголовно-процессуальные отношения сторон присутствуют в следующих современных процедурах: особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ); досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ); дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ); замена наказания судебным штрафом (ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ); прекращение уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, ст. 25, пунктом 3 части 1 ст. 27, ч. 1 ст. 28, ст. 28.1, 427 УПК РФ. Мера договорности, заложенная в них законом, различна, отсюда и степень развитости договорных уголовно-процессуальных отношений при их реализации.

Договорные отношения неравномерно представлены в системе уголовно-процессуальных отношений и наибольшую тенденцию к росту демонстрируют в «экономическом уголовном судопроизводстве», где опережающими темпами происходит развитие партнерских отношений государства с субъектами предпринимательской деятельности. Отсюда особое развитие договорных отношений в рамках процедуры, регулируемой статьей 28.1 УПК РФ.

4. Конвергенция частного и публичного права утверждается как объективная закономерность общеправового развития, включая развитие уголовно-процессуального права. Она служит главным источником формирования договорных отношений в уголовно-процессуальной сфере, что можно расценить как разумную степень «приватизации» отдельных институтов уголовно-процессуального права, унификации гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных правовых стандартов в определении предмета, субъектов, способа развития и разрешения уголовного дела.

Развитие договорных уголовно-процессуальных отношений является показателем процессуальной свободы, меры состязательности, возможности влияния воли равноправных сторон на процесс. Поскольку основой всего правового является договор, постольку увеличение договорного начала в уголовно-процессуальном праве является возвращением к исходной – частно-исковой судебной модели, что в современный период времени может быть представлено в виде уголовно-исковой самозащиты лиц своих прав, нарушенных преступлением, при посредничестве прокурора и суда.

В свете конвергенции частного и публичного права, увеличения доли частного начала в публично-правовой уголовно-процессуальной сфере может быть пересмотрен концептуальный предел уступчивости обвинительной власти государства (прокуратуры), готовности субъекта публичного обвинения вступать в договорные отношения с участниками уголовно-правового конфликта по всему кругу юридических и иных вопросов, представляющих интерес для сторон. Знаковым является распространение договора на два важных института уголовно-процессуального права: обвинение и доказывание. В свете конвергенции частного и публичного права допустимо распространение договорной модели на оба эти института.

Теория конвергенции частного и публичного права создает задел для конструирования центрального звена авторской концепции – договорное уголовно-процессуальное отношение, как средства превзойти доктринальное

ограничение в определении меры развития договорных уголовно-процессуальных отношений.

5. Предложен авторский подход к пониманию договорного уголовно-право-процессуального отношения как идеального совмещенного «материально-процессуального отношения», все элементы которого из договорной природы, мыслятся в контексте состязательного (обвинительного) процесса. Слияние уголовно-правового и уголовно-процессуального отношений в комплексное материально-процессуальное отношение, триединое в своей фактической, материальной (уголовно-правовой) и процессуальной составляющих, позволяет рассуждать о разумной и действительной мере договорных уголовно-процессуальных отношений в механизме уголовно-процессуального регулирования и возможности их увеличения.

6. Объектом материально-правового отношения мыслится преступление в совокупности с обвинением, а также обосновывающие доказательства, получаемые в ходе уголовного процесса. Данный объект и определяемое им в желаемом сторонами итоговом процессуальном решении по делу средство материально-процессуального воздействия, может быть предметом договора. Это означает включение в материально-процессуальное соглашение между прокурором и стороной защиты предмета обвинения, в том числе уголовно-правовую квалификацию, размер и вид возможного наказания, а также замены его альтернативной юридической ответственностью. При этом утверждается, что изменение обвинения допускается только в пользу обвиняемого в обмен на его позитивные посткриминальные действия. Процессуальная фикция превращается в правовую реальность по договоренности сторон.

7. Сделан вывод о том, что ограничения на возможность заключения соглашения с любым обвиняемым по любым вопросам должны быть сняты, если это выгодно не только обвинительной власти, потерпевшему, обвиняемому, но и не идет против фундаментальных интересов правосудия.

Согласно авторской концепции двуединого материально-процессуального отношения, средства уголовно-правового воздействия являются производными от процесса и потому могут образовываться уголовно-процессуальным соглашением сторон.

9. Сформулировано авторское понятие «средство материально-процессуального воздействия» как (а) содержание договорного уголовно-процессуального отношения; (б) предмет соглашения сторон; (в) правовой результат реализации договоренности сторон о судьбе обвиняемого и уголовного дела.

10. В обобщенном понятии «договорно-упрощенные производства» соединены две взаимосвязанные сущностные черты этих производств: договорность и упрощенность. Первым атрибутом этих процедур является договор, который позволяет определить сущность многообразных, различающих между собой альтернативных общему порядку ведения уголовных дел процедур производства по несложным уголовным делам, в отсутствие спора сторон, согласных на принятие определенного процессуального решения. Вторым атрибутом указанных процедур является их упрощение ввиду избыточности некоторых элементов процессуальной (следственной) деятельности по выяснению фактических обстоятельств бесспорного дела и установлению основания для применения альтернативной меры уголовно-правового воздействия к лицу, согласившему с обвинением и на такой исход.

11. Договорно-упрощенные производства – это различные упрощенные производства, имеющие договорную природу, которая в той или иной мере затрагивает доказывание и уголовное преследование. Помимо договорно-упрощенных производств по уголовному делу могут быть бездоговорные упрощенные производства, в которых бесспорность вызвана не отказом стороны защиты от оспаривания обвинения, а очевидность преступления, не требующая доказательств.

Современные договорно-упрощенные производства по мере развитости в них договорных отношений можно расположить в следующей последовательности: (а) ускоренные производства; (б) примирительные производства; (в) согласительные производства.

Под понятие ускоренного договорно-упрощенного или «суммарного» производства подпадают две современные процедуры: дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ), предполагающее рассмотрение дела судом в порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, и производство по замене наказания штрафом (ст. 25.1, глава 51.1 УПК РФ).

В первой позитивно-правовой модели ускоренного производства суммированы два сокращенных производства: досудебное и судебное. Итоговым эффектом данной модели является ускорение разрешения уголовного дела по существу. Вторая позитивно-правовая форма ускоренного производства также включает в себя досудебную и судебную составляющие. Досудебную составляющую могут представлять сокращенное дознание, так и дознание или даже следствие, ход которого на определенном этапе прерывается (прекращается) решением органа предварительного расследования о возбуждении ходатайства перед судом о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в отношении подозреваемого или обвиняемого и назначении этому лицу судебного штрафа (ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ). Судебная часть данного ускоренного производства представляет собой процедуру, предусмотренную частями 4–8 ст. 446.2, ст. 446.3 УПК РФ.

Им присущи базовые свойства всех договорно-упрощенных производств: договорность и упрощенность. К ним плюсятся в качестве видовых еще два качества: ускорение и правоусмотрение. Ускорение есть эффект суммирования, сложения отдельных элементов процедуры в более простые сущности. Суть ускорения – срочность, то есть возможно более быстрое применение меры уголовно-правового воздействия к нарушителям уголовного закона, которая выражена в этих двух ускоренных производствах

умеренно. Другое качество ускоренной процедуры – это преобладание правоусмотрения государственного компетентного органа над двусторонней диспозитивностью, договорной моделью, как при переходе на ускоренную процедуру, так и при окончательном разрешении дела.

В перспективе более приемлемой является национальная модель суммарного производства в виде полицейского дознания, как досудебного производства, и рассмотрения уголовного дела мировым судьей с участием в качестве публичного обвинителя – представителя органа полицейского дознания.

12. Разработана авторская теоретическая модель современной конструкции ускоренного производства и ее структурных элементов. Она включает в себя: уголовно-правовую ее составляющую в двух проявлениях: (а) преступления небольшой или средней тяжести («уголовные проступки») и (б) смягченный вариант уголовно-правового воздействия, вплоть до замены наказания судебным штрафом или освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию; двухсоставную структуру, состоящую из досудебной и судебной части, где суммирование происходит за счет упрощения досудебного и судебного производства; согласительную позицию обвиняемого как минимум по следующим пунктам позиции сторон относительно предмета процесса: во-первых, согласие с утверждением о том, что им совершено преступление, сформулированное в подозрении или обвинении; во-вторых, согласие с решением органа предварительного расследования о переводе дела в режим ускоренного производства и предполагаемым им исходом дела, в-третьих, признание обвиняемым (подсудимым) своей вины в совершении инкриминируемого ему преступления в суде, в-четвертых, согласие с окончательным решением по делу; фактическая составляющая этой процессуально-правовой конструкции, которая состоит в очевидности преступления, обуславливающей бесспорность дела и установление главного доказываемого факта, что делает возможным суммирование доказывания по

усмотрению органа, в чьем производстве находится уголовное дело; субъектный состав, образуемый со стороны защиты обвиняемым, его защитником, а со стороны обвинения - прокурором, субъектами дознания или предварительного следствия; участие потерпевшего – субсидиарное и становится значимым по решению органа, ведущего уголовное дело; обвинительная составляющая представлена «свернутой процедурой» выдвижения обвинения вплоть до замены ее привлечением к уголовному преследованию подозреваемого без предъявления обвинения; обязательное участие прокурора в судебной части ускоренного судебного разбирательства.

13. К примирительным процедурам отнесены процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 20, статьей 25, п. 3 ч. 1 ст. 27, ч. 2 ст. 28, 28.1, 427 УПК РФ. Вместе с уголовно-правовыми нормами (ст. 75-76.1 УК РФ) они образуют материально-процессуальный механизм разрешения уголовных дел через достижения сторонами примирения, которое утверждается решением правоприменительного органа об освобождении от уголовной ответственности.

Примирительные договорно-упрощенные производства – это различные упрощенные производства, имеющие средне-выраженную, сдержанную договорную природу, включающие ту или иную разновидность согласия сторон и реализуемые в режиме упрощения к освобождению от уголовной ответственности наряду с подтверждением факта совершения преступления обвиняемым и вытекающими из этого неблагоприятными для него правовыми последствиями.

14. Представлена авторская позиция относительно квалифицирующих признаков примирительных договорно-упрощенных производств. Главным квалифицирующим признаком примирительных договорно-упрощенных производств является то, что они служат инструментом досрочного, в том числе досудебного, разрешения уголовного дела (спора) по существу, без вынесения приговора судом. Ограниченность ее договорной сущности состоит в решающем значении дискреционного правоусмотрения органа

предварительного расследования, в производстве которого находится уголовное дело.

Отличительными чертами примирительных договорно-упрощенных производств являются следующие материально-правовые и процессуальные моменты: такой исход уголовного дела уместен только тогда, когда предметом выдвинутого обвинения является преступление небольшой или средней тяжести (уголовный проступок); основой данной процедуры служит примирение между потерпевшим и обвиняемым, представляющее собой правовое ядро диспозитивного уголовно-процессуального отношения между частными лицами, воля которых для органа, в чьем производстве находится уголовное дело, не является обязательной; субъектом примирения со стороны обвинения выступает частное лицо, а именно потерпевший или частный обвинитель, но не «государство» в лице правоохранительных органов; примирение сторон создает возможность для прекращения уголовного дела, но не обязывает к такому решению правоприменителя; возмещение вреда, причиненного преступлением, является важным, а иногда и главным условием прекращения уголовного дела; примирительная процедура обязательно включает согласие обвиняемого с (а) обвинением и (б) прекращением дела по данному основанию; судебная составляющая является факультативной, не обязательной конструктивной частью этих производств, которые состоятельны и в рамках предварительного расследования.

15. Разработана авторская теоретическая модель современной конструкции примирительных договорно-упрощенных производств, базирующаяся на их разделении на медиационные и компенсаторно-штрафные производства. Сообразно выделенной двучленной модели примирительных производств, предлагается выстраивать и их перспективную модель.

К медиационной разновидности примирительных производств надо отнести процедуры, предусмотренные ч. 2 ст. 20, ст. 25 УПК РФ. Вторая

разновидность примирительных уголовно-процессуальных производств – «компенсаторно-штрафная» – близка к модели деятельного раскаяния. Ядром этой разновидности примирительных производств являются процедуры, регулируемые статьями 28, 28.1 УПК РФ. К ним примыкают процедуры прекращения уголовных дел по основаниям, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 27, ст. 427 УПК РФ.

Отличительными ее признаками являются: необязательность примирения сторон; возможность ее применения по делам, в которых нет потерпевшего; главным условием прекращения дела (уголовного преследования) является возмещение вреда в денежно-материальном выражении; наряду с возмещением вреда на обвиняемого могут быть наложены штрафные санкции во внесудебном порядке; раскаяние, как минимум, должно проявиться в признании вины по предъявленному обвинению, как максимум – развернуться (по решению правоприменителя) в юридический состав полного «деятельного раскаяния».

Необходимо обеспечить общедоступность компенсаторно-штрафной процедуры, регулируемой статьей 28.1 УПК РФ, для всех лиц, уголовно-преследуемых за совершение преступлений небольшой и средней тяжести.

16. Представлена авторская трактовка согласительных договорно-упрощенных производств двух видов: (а) «простое» соглашение о признании вины» (глава 40 УК РФ) и (б) «сложное» или «большое» согласительное производство, основанное на заключении соглашения о сотрудничестве, регулируемое нормами глав 40.1 и 40 УПК РФ.

Материально-фактическим основанием соглашения сторон (и большого-сложного и малого-простого) является факт совершения преступления, представленный участникам в процессуальной оболочке обвинения и доказательств. Вся остальная правовая конструкция, выстраиваемая на нем, в той или иной мере договорная, то есть «творится» сторонами – в соответствии с предписаниями закона.

В основе обоих производств заложена модель договора между обвинительной властью государства и обвиняемым в совершении преступления лицом. В обоих случаях складываются договорные уголовно-процессуальные отношения между сторонами обвинения и защиты.

«Простое соглашение сторон» имеет предметом желаемое сторонами решение, каковым является обвинительный приговор суда с назначением наказания не выше максимума, указанного в части седьмой статьи 316 УПК РФ. Иные варианты исхода дела варьируются в пределах запрета на поворот к худшему. «Сложное соглашение» имеет своим предметом сотрудничество, которое должен осуществить обвиняемый с органом предварительного следствия и в суде – с государственным обвинителем для изобличения иных лиц в совершении преступлений.

По смыслу статьи 317 УПК РФ, в системной связи с п. 4 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ, пунктом соглашения является признание обвиняемым, подозреваемым факта совершения им определенного преступления, хотя согласие по данному пункту является вторичным.

Главное, что объединяет, но и различает данные производства – это мера «согласительности» в уголовно-процессуальных отношениях непосредственно между государством в лице прокурора и обвиняемым. Данная мера наибольшая в «сложном» уголовно-процессуальном договоре и в процедурной конструкции «досудебное соглашение плюс особый порядок судебного разбирательства». Причина большей «согласительности» сложной согласительной процедуры обусловлена прагматикой ее назначения – нахождение через договор средства противодействия наиболее тяжким преступлениям, организованной преступности.

Обусловленные главным различием второго порядка состоят в следующем: а) ограниченностью малого соглашения уголовно-правовым фактором (часть 1 ст. 314 УПК РФ) и отвязку от него большого, б) обязательное участие потерпевшего в малом соглашении и его субсидиарное

участие во втором, в) более ярко выраженную решающую роль прокурора в полной согласительной процедуре.

17. Обоснован вывод об относительной добровольности вхождения сторон в соглашение. Мера добровольности вхождения обвиняемого как в малое (простое), так и большое (сложное) соглашение с прокурором обусловлена фактом совершения им преступления. Обе стороны относительно свободны в заключении соглашения, хотя обвиняемый делает это в своих частных интересах, а прокурор - в публичных. Нельзя принудить к заключению сделки ни одну из сторон уголовного процесса. Обвиняемый является субъектом диспозитивного права на заявление ходатайства как о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 315 УПК РФ), так и о рассмотрении уголовного дела в особом порядке (ст. 317.1 УПК РФ). Само заявление ходатайства о заключении соглашения со стороной обвинения исходит из презумпции совершения этим лицом преступления. Поэтому вступление в соглашение со стороной обвинения надо трактовать как способ распоряжения обвиняемым своим правом на защиту. Для прокурора свобода заключения досудебного соглашения, а шире – вступление в любое соглашение со стороной защиты, обусловлена его положением должностного лица в органе прокуратуры.

Со стороны государства субъектом уголовно-процессуального договора выступает прокурор, остальные органы публичного уголовного преследования выступают вспомогательными – содействующими прокурору субъектами. Следовательно, равно как и руководитель следственного органа, не являются субъектами договорных отношений со стороной защиты.

18. Разработан вывод о необходимости соблюдения запрета на поворот к худшему при проведении «полной» согласительной процедуры. Изменение обвинения в худшую сторону является изменением договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения положения одного из участников соглашения по сравнению с зафиксированными в соглашении условиями, что противоречит юридической природе соглашения о

сотрудничестве как договора и потому недопустимо. Соглашение о сотрудничестве должно содержать то обвинение, которое было окончательно сформулировано по делу, направленному прокурором в суд. Изменение обвинения в худшую сторону влечет за собой перезаключение соглашения о сотрудничестве или отказ от него.

Несмотря на то, что закон не предусматривает процедуру пересоставления досудебного соглашения, прокурор должен сделать это в случае, если следователем было обвинение отягчено. В случае предъявления следователем нового обвинения, прокурор должен быть поставлен об этом в известность. Прокурор должен вынести постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения. В случае вынесения прокурором постановления об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве составляется новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, предусмотренном статьей 317.3 УПК РФ.

Редакцию части 5 ст. 317.4 УПК РФ следует изложить с учетом того принципиального положения, что окончательная формула обвинения должна быть идентичной той, что зафиксирована в досудебном соглашении о сотрудничестве, которое прокурор представляет суду в качестве предложения для проведения судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

19. Представлена авторская позиция, согласно которой последовательное и системное развитие договорных уголовно-процессуальных отношений возможно в виде системного образования – подотрасли права. Договорное уголовно-процессуальное право определяется как совокупность диспозитивных уголовно-процессуальных правовых норм, относящихся к заключению и приведению в исполнение соглашений между сторонами в деле: следственно-обвинительной властью, а также потерпевшим, и обвиняемым, его защитником, для достижения назначения уголовного судопроизводства. Его методом является диспозитивный метод

правового регулирования, объектом – договорные диспозитивные уголовно-процессуальные отношения сторон.

Нормы договорного уголовно-процессуального права регулируют процессуально-правовые обязательства сторон обвинения и защиты, других участников процесса, возникающие из различного вида договоров, заключаемых сторонами в деле в рамках договорно-упрощенных производств.

Юридино-техническим оформлением состоявшегося договорного уголовно-процессуального права должен стать отдельный раздел УПК «Договорно-упрощенные производства», включающий три главы сообразно трем видам договорно-упрощенных производств.

20. В контексте договорного уголовно-процессуального права находит завершение трактовка понятия «средство материально-процессуального воздействия», а именно: как средства, вырабатываемого сторонами в ходе договорно-упрощенного производства на основе норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Договорной уголовно-процессуальный механизм служит дополнением к общему порядку производства по уголовным делам. Его назначением выступает достижение на договорной основе общих целей уголовного судопроизводства в ускоренном, упрощенном правовом режиме, экономией сил и средств публичной власти, а также гуманизация уголовно-правового воздействия.

21. В авторской трактовке будущее договорное уголовно-процессуальное право должно иметь следующую структуру: (а) приказное – суммарное производство по очевидным преступлениям небольшой и средней тяжести, (б) примирительные (медиационные) производства, (в) соглашения о признании вины: простое и сложное, включающее соглашение о сотрудничестве обвиняемого с органом публичного уголовного преследования – прокурором.

22. Основное ядро договорного уголовно-процессуального права составляют: принцип обвинения, формальная (процессуальная) истина, диспозитивность, целесообразность, запрет на поворот к худшему, защита от самоизобличения, быстрота. Эти принципы образуют подсистему альтернативных, дополнительных принципов, определяющих сущность только договорно-упрощенных производств. Они являются принципами второго ряда по отношению к принципам «общего» уголовного процесса, осуществляемого по уголовным делам в общем порядке, являются дополнением к ним и не подрывают их приоритета. В «свернутом виде» они присутствуют в смешанном типе российского уголовного процесса, смягчая крайности его следственной природы и оправдывая особые уголовно-процессуальные формы применения мер альтернативного уголовно-правового воздействия.

23. Обоснован авторский проект создания ускоренных (суммарных) производств основывается на имевшейся в советском прошлом протокольной форме, а также существующего производства об административных правонарушениях.

Исходный посыл состоит в том, что суммарное производство может состояться как правовое явление только в справедливом – обвинительном уголовном процессе. Предметом российского упрощенного – суммарного производства должны будут выступать «уголовные проступки» и преступления средней тяжести.

Основными условиями создания современной модели ускоренного производства предложены следующие: отказ от стадии возбуждения уголовного дела и всех сопровождающих ее процессуальных атрибутов; замена «уголовного дела» одним «протоколом об уголовном проступке (преступлении)»; отказ от производства следственных действий при досудебной подготовке материалов; опора на технические средства фиксации преступного события и субъективное отношение подозреваемого к нему, результаты которых прилагаются к протоколу в виде электронного носителя

информации; сведение общего срока ускоренного производства к трем суткам через введение временных ограничений каждой из его слагаемых, ведущие которых должны руководствоваться указаниями закона: «немедленно», «не позднее ...» и пр.; поручение прокурором поддержания государственного обвинения представителю органа дознания; введение обвинительной камеры на уровне районного суда, как особой инстанции, которой будут подсудны материалы ускоренных уголовных производства; совмещение стадии назначения судебного заседания и судебного разбирательства; выдвижение обвинения одновременно с возбуждением уголовного дела в судебном заседании; наделение прокурора решающими дискреционными полномочиями при решении вопросов, возникающих при осуществлении производства (в том числе, предложение подозреваемому реально выполнимых мер по смягчению меры уголовно-правового воздействия в обмен на признание вины в суде); вынесение судом приговора в приказном порядке; пересмотр приговора, вынесенного в приказном порядке, только в кассационном порядке при обнаружении фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона, искажающих саму суть уголовного правосудия и подрывающих конституционные права и свободы человека и гражданина.

24. Предложена авторская модель трех разновидностей ускоренного производства: по очевидным уголовным проступкам, в том числе, при отрицании правонарушителем своей вины; по очевидным бесспорным преступлениям средней тяжести; в отношении задержанных по подозрению в нарушении уголовного закона, к которым прокурор требует применение меры уголовно-правового воздействия, связанного с лишением или ограничением свободы.

25. Разработан авторский проект развития согласительных производств, который строится на идее о наиболее полном раскрытии их договорной сущности и освобождения от тех ограничений, которые наложила на них следственная традиция. В основу каждой из этой

разновидности договорно-упрощенных производств заложено соглашение о признании вины обвиняемым и наступлении предусмотренных законом уголовно-процессуальных и уголовно-правовых последствий.

Главными уголовно-процессуальными результатами, к достижению которых стремятся стороны уголовного судопроизводства – это признание установленным главным доказываемого факта и отказ от судебного следствия. Уголовно-правовой результат соглашения, в котором заинтересован обвиняемый, состоит в смягчении меры уголовно-правового воздействия к нему на одну треть или не менее чем на половину максимального вида и размера наказания, которое должно быть назначено виновному в общем порядке.

Общий замысел проекта состоит в том, чтобы, во-первых, расширить пределы соглашения сторон по всему комплексу процессуальных и материально-правовых вопросов при поиске и нахождении оптимального выхода из уголовно-правового конфликта, во-вторых, ограничить активность суда и его полномочия по прекращению согласительного производства по своей инициативе, в-третьих, усилить регулятивное, обязательное значение соглашения, связать обязанностью его выполнения прокурора и исключить произвольный выход его из соглашения со стороной защиты.

26. Предлагается внедрить в отечественное уголовно-процессуальное право три вида согласительных производств: (а) соглашение об отказе от проведения судебного следствия в связи с признанием подсудимым вины, предполагающее смягчение уголовной ответственности подсудимого; (б) простое соглашение о признании вины обвиняемым и вынесении обвинительного приговора в особом порядке со смягчением на одну треть максимально возможного наказания; (в) большое или сложное соглашение о досудебном сотрудничестве и смягчении наказания не менее, чем на половину или об освобождении от уголовной ответственности.

27. Предлагаемый проект новых примирительных договорно-упрощенных производств включает две базовые модели: (а) примирение

обвиняемого с потерпевшим и (б) деятельное раскаяние. На их основе могут быть смоделированы два уголовно-процессуальных примирительных механизма разрешения уголовных дел, в которые должны быть включены и процедуры прекращения уголовных дел в отношении специальных субъектов: субъектов предпринимательской деятельности и несовершеннолетних. При том, что специфика этих двух категорий лиц и их преступных деяний должна быть учтена.

К упорядочиванию и развитию примирительных процедур должно привести создание прокурорской и судебной моделей их реализации. В прокурорской модели примирительных процедур прокурор наделяется решающими полномочиями как на их начатие, так и завершение. Судебная модель примирительных процедур реализуется, во-первых, когда уголовное дело находится в производстве суда, во-вторых, когда уголовное дело после прекращения передается прокурором в суд (следственному судье) для применения к нарушителю уголовного закона дополнительного уголовно-право-процессуального воздействия – судебного штрафа.

28. Последние события, отмеченные проведением специальной военной операцией на Украине, породили потребность в создании еще одного правового инструмента, который необходим нам на обозримую перспективу организации материально-процессуального противодействия криминальным угрозам – внутренним и внешним.

Данный материально-процессуальный механизм следует включить в общую уголовно-процессуальную модель освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, но придав ему черты исключительности, оправданной изменением обстановки, которая декриминализирует совершенное деяние и ведет к утрате общественной опасности обвиняемого или осужденного. Единственным и решающим фактором данных позитивно-правовых преобразований является участие данного лица в военных действиях по защите суверенитета России.

В этой связи предлагается создание двух новых процедур:

- прекращение уголовного дела в отношении лица, совершившего преступление небольшой или средней тяжести, в связи с утратой им общественной опасности при участии в военных действиях по защите России

- условное освобождение от отбывания наказания лица, осужденного за совершение любого преступления, в связи с заключением им контракта о прохождении военной службы и участии в военных действиях по защите России, с последующим полным освобождением как от наказания, так и всех прочих правоограничений, включая снятие судимости, после выполнения контракта. Под действие указанного уголовно-процессуального механизма предлагаем подвести две категории лиц: во-первых, привлекаемых к уголовному преследованию на любой стадии процесса, и во-вторых, осужденных к (а) лишению свободы, (б) иной мере наказания, связанной с ограничением свободы.

Согласно авторскому замыслу, его теоретическая концепция договорных уголовно-процессуальных отношений должна послужить научным обоснованием для преобразования всех имеющихся разновидностей упрощенных уголовно-процессуальных производств. Но особенно, конечно, в замысел входило удовлетворить потребность в настоящем отечественном «суммарном производстве», которого так не хватает правоприменителю.

В практическом, самом главном значении авторская концепция договорных уголовно-процессуальных отношений направлена на создание действительно простой и эффективной процедуры применения уголовного закона к не представляющим общественной опасности нарушителям уголовного закона, притом гарантирующая соблюдение достигнутых стандартов обеспечения прав и законных интересов личности.

СПИСОК ЮРИДИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921 ; 2024. - № 1 (часть I). - Ст. 53.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954; 2023. - № 52. - Ст. 9522.

4. Федеральный закон от 12.08.1995 N 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) "Об оперативно-розыскной деятельности" // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 33. - Ст. 3349 ; 2023. - № 1 (часть I). - Ст. 85.

5. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 25.12.2023) "О прокуратуре Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 1995. - № 47. - Ст. 4472 ; 2024. - № 1 (часть I).- Ст. 40.

6. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 31. - Ст. 4162 ; 2019. - №30. - Ст. 4099.

7. Федеральный закон от 03.07.2016 N 323-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" //Собрание законодательства РФ. - 2016. - № 27 (часть II). - Ст. 4256.

8. Федеральный закон от 04.03.2013 N 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) "О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 9. - Ст. 875 ; 2013. - № 52 (часть I). - Ст. 6997.

9. Федеральный закон от 24.06.2023 N 270-ФЗ "Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции" //Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 24.06.2023.

10. Постановление ВЦИК от 25.05.1922 "Об Уголовно-Процессуальном Кодексе" (вместе с "Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.") // СУ РСФСР. -1922. - № 20–21.- Ст. 230.

11. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 44. - Ст. 1435.

Нормативно-правовые акты, утратившие силу

12. Закон СССР от 25.12.1958 (ред. от 28.11.1989) "Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик" //Ведомости ВС СССР. - 1959. - № 1. - Ст. 15.

13. Закон РФ от 29.05.1992 N 2869-1 (ред. от 14.11.2002) "О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судоустройстве РСФСР", Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР" // Российская газета. - 1992. - № 151. - 3 июля.

14. Федеральный закон от 21.12.1996 N 160-ФЗ (ред. от 26.02.1997, с изм. от 18.12.2001) "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации" // Российская газета. - 1996. - № 246. - 25 декабря.

15. Указ Президиума ВС РСФСР от 24.01.1985 "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР"// Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1985. - № 5. - Ст. 163.

Ведомственные нормативные правовые акты

16. Приказ Генпрокуратуры России N 39, МВД России N 1070, МЧС России N 1021, Минюста России N 253, ФСБ России N 780, Минэкономразвития России N 353, ФСКН России N 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) "О едином учете преступлений" (вместе с "Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях", "Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений", "Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов") (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 N 7339). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/

17. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» // Законность. - 2008. - № 2.

18. Приказ Генерального прокурора РФ от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам» // Законность. - 2010. - № 6. - С. 55–66.

19. Указание Генпрокуратуры России от 01.12.2017 № 815/36 «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и при осуществлении оперативно-розыскной

деятельности» – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс» : [сайт]. - URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=0XekOnShYkQsrhrZ&cacheid=6E3A99DA57A26EBBFC070FB9867D2984&mode=splus&base=LAW&n=318151&rnd=0.4266619308928925#UwQdQnSpMorOLk76> (Дата обращения:10.05.2021).

20. Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 : «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» // Российская газета. - 2013. - 13 декабря.

21. Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376. «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства». – Текст : электронный // СПС КонсультантПлюс»: [сайт]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389969/. (Дата обращения:10.05.2021).

Проекты, концепции и другие документы программного характер

22. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». - Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. - URL : [/https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6](https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6) (Дата обращения : 23.06.2023).

23. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной

ответственности». - Текст : электронный // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. - URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6>Дата обращения : 23.06.2023).

24. Проект Указа Президента Российской Федерации «О государственной автоматизированной системе правовой статистики» (подготовлен Минюстом России 11.10.2016). - Текст : электронный // СПС Гарант : [сайт]. - URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc> (дата обращения: 14.05.2023).

Книги (монографии, научные, учебные и справочные пособия)

25. Абшилава, Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография / Г. В. Абшилава ; под ред. О.А. Зайцева. - Москва: Юрлитинформ, 2012. - 456 с.

26. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе / А. С. Александров. - Нижний Новгород : НЮИ МВД РФ, 1997. - 209 с.

27. Александров, А. С. Участие дознавателя в судебном производстве. Методическое пособие / А. С. Александров. Нижний Новгород : Управление по организации дознания МОБ ГУВД Нижегородской области, 2002. - 59 с.

28. Александров, А. С. Современная уголовная политика обеспечения экономической безопасности путем противодействия преступности в сфере экономики /А. С. Александров, И. А. Александрова. - Москва : Юрлитинформ, 2017. - 607 с.

29. Александров, А. С. Применение мер принуждения в отношении несовершеннолетних лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений : монография /А. С. Александров, Х. В. Бопхоев, А. А. Кухта. - Нижний Новгород : Нижегородская академия, 2008. - 188 с.

30. Александров, А. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в российском уголовном судопроизводстве: монография / А. С. Александров, В. В. Колесник. - Москва : Юрлитинформ, 2018. - 216 с.
31. Александрова, И. А. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты сделки о признании уголовного иска / И. А. Александрова, И. В. Круглов, А. Ф. Кучин, А. Г. Смолин. - Нижний Новгород : Нижегородская акад. МВД России, 2007. - 224 с.
32. Алексеев, С. С. Частное право: научно-публицистический очерк // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. - Москва : Статут, 2010. - С. 323-445.
33. Аликперов, Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности: уголовно-правовые аспекты / Х. Д. Аликперов. - Москва, 1999. - 126 с.
34. Аликперов, Х. Д. Преступность и компромисс / Х. Д. Аликперов. - Баку : Элм, 1992. - 196 с.
35. Андреева, О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве / О. И. Андреева. - Томск : Издательство ТГУ, 2000. - 136 с.
36. Арутюнян, А. А. Медиация в уголовном процессе / А. А. Арутюнян. - Москва : Инфотропик Медиа, 2013. - 200 с.
37. Бабаев, М. М., Проблемы российской уголовной политики / М. М. Бабаев, Ю. Е. Пудовочкин. - Москва : Проспект, 2014. - 296 с.
38. Баев, О. Я. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения / О. Я. Бабаев. - Москва : Норма, Инфра-М, 2013. - 208 с.
39. Барабаш, А. С. Отечественный уголовный процесс в свете национального менталитета / А. С. Барабаш. - Москва : Юрлитинформ, 2022. - 176 с.
40. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. - Москва : Проспект, 2021. - 640 с.

41. Бекленищева, И. В. Гражданско-правовой договор. Классическая традиция и современные тенденции / И. В. Бекленищева. - Москва : Статут, 2006. - 204 с.
42. Белкин, А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве: в 2 ч. Часть 1 / А. Р. Белкин. - 2-е изд., испр. и доп.- Москва : Юрайт, 2017. - 231 с.
43. Благов, Е. В. Общая теория применения уголовного права: монография / Е. В. Благов. - Ярославль : Ярославский университет, 2003. - 260 с.
44. Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В. П. Божьев. - Москва : Юрид. лит., 1975. - 176 с.
45. Боруленков, Ю. П. Юридическое познание и судебное доказывание (риторическая модель): монография / Ю. П. Боруленков ; под ред. проф. В.Н. Карташова. - Москва : Юрлитинформ, 2023. - 368 с.
46. Бравилова, Е. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и порядка применения : монография /Е. А. Бравиловча, Е. Л. Федосеева. - Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2011. - 82 с.
47. Брагинский, М. И. Договорное право : общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. - 4-е изд. - Москва : Статут, 2020.- 845 с.
48. Братусь, С. Н. Юридические лица в советском гражданском праве : (Понятие, виды, гос. юрид. лица) / С. Н. Братусь. - Москва : Юрид. изд-во, 1947. - 364 с.
49. Варяник, А. А. Прекращение публичного уголовного преследования и уголовного дела по нереабилитирующим основаниям : монография / А. А. Варяник. - Ростов-на-Дону : б/и, 2005. - 117 с.
50. Власова, С. В. Уголовно-право-процессуальная организация противодействия экономической преступности в новую эпоху : монография / С. В. Власова. - Москва : Юрлитинформ, 2022. - 592 с.

51. Власова, С. В. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам : монография /С. В. Власова, М. С. Кесаева.- Москва : Юрлитинформ, 2019. - 200 с.
52. Волколуп, О. В. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства Российской Федерации : учебное пособие /О. В. Волколуп, Ю. Б. Чупилкин. - 2-е изд., испр. и дополн. - Краснодар : Кубанский государственный университет, 2005. - 160 с.
53. Володина, Л. М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе / Л. М. Володина. - Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. - 171 с.
54. Волынская, О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы / О. В. Волынская. - Москва : Юнити-Дана, 2012. - 351 с.
55. Волынская, О. В. Ускоренное производство в уголовном процессе: учебное пособие/ О. В. Волынская. - Москва : ВНИИ МВД РФ, 1994. - 96 с.
56. Галимова, М. А. Уголовно-процессуальное примирение: монография / М. А. Галимова. - Красноярск, 2006. - 172 с.
57. Головинская, И. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве / И. В. Головинская, М.М. Головинский. - Владимир : ВИТ-принт, 2011. - 192 с.
58. Головкин, Л. В. Государство и его уголовное судопроизводство / Л. В. Головкин. - Москва : Городец, 2022. - 464 с.
59. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / Л. В. Головкин. - Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. - 544 с.
60. Гольмстен, А. Х. Принцип тождества в гражданском процессе: исследование Гольмстена А.Х. – Санкт-Петербург : типография В.С. Балашева, 1886. - 262 с.

61. Григорьев, В. Н. Уголовный процесс: учебник / В. Н. Григорьев, А.В. Победин, В.Н. Ямин ; под ред. В.Н. Григорьева. – Москва : Изд-во Эксмо, 2004. - 832 с.
62. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. – Москва : Юрид. лит., 1981. - 192 с.
63. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б. А. Филимонов. – Москва : Зерцало-М, 2001. - 480 с.
64. Дикарев, И. С. Диспозитивность в уголовном процессе России : монография / И. С. Дикарев. - Волгоград : ВолГУ, 2005. - 162 с.
65. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней. Москва : Юрлитинформ, 2015. - 304 с.
66. Долопчевъ, В. Участие полиции в производстве гражданских дел. Руководство для полиции / В. Долопчевъ. - Варшава : тип. С. Немиры сыновей, 1914. - 192 с.
67. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс / М. В. Духовский. - Москва : Склад издания в книжном складе М.В. Крюкина 1910. - 448 с.
68. Елистратов, А. И. Понятие о публичном субъективном праве. II. «Теория субъективных публичных прав» А.А. Рождественского / А. И. Елистратов. - Москва : Печатня А. Снегиревой, 1913. - 21 с.
69. Ендольцева, А. В. Институт освобождения от уголовной ответственности: проблемы и пути их решения : монография / А. В. Ендольцева. - Москва : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. - 231 с.
70. Есаков, Г. А. Экономическое уголовное право. Общая часть / Г. А. Есаков. – Москва : Издательский Дом ВШЭ, 2019. - 360 с.
71. Жалинский, А. Э. Избранные труды : в 4 томах. Том 2. Уголовное право / А. Э. Жалинский. - Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. - 591 с.

72. Забоев, К. И. Правовые и философские аспекты гражданско-правового договора. – Санкт-Петербург :Юрид. центр Пресс, 2003. - 278 с.
73. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса / Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г., Якубович Н.А.; Науч. ред.: Соловьев А.Б., Халиулин А.Г. М. - Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. -162 с.
74. Касаткина, С. А. Публичность и диспозитивность в Российском уголовном процессе : монография / С. А. Касаткина. - Ставрополь : Сервисшкола, 2006. - 188 с.
75. Качалова, О. В. Виды ускоренного производства в российском уголовном процессе : монография / О. В. Качалова. - Москва : Юрлитинформ, 2016. - 248 с.
76. Качалова, О. В. Теоретические основы ускоренного производства в российском уголовном процессе : монография / О. В. Качалова. - Москва : Юрлитинформ, 2015. - 208 с.
77. Клепицкий, И. Новое экономическое уголовное право: монография / И. Клепицкий. – Москва : Проспект, 2021. - 984 с.
78. Килина, И. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов : монография / И. В. Килина. — Москва : ИНФРА-М, 2024. - 232 с.
79. Колесник, В.В. Средства стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом : монография / В.В. Колесник. – Москва : Проспект, 2021. – 264 с.
80. Колесник, В. В. Концепция стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом: теоретические основы / В. В. Колесник. – Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2020. – 144 с. - Сер. Уголовный процесс.
81. Колесник, В. В. Медиативное соглашение в рамках уголовно-процессуального законодательства : монография / В.В. Колесник, Н.Ф. Федоренко. – Ростов-на-Дону : АзовПринт, 2018. – 91 с.
82. Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон

в российском уголовном судопроизводстве : монография / А.С. Александров, В.В. Колесник. – Москва : Издательство «Юрлитформ», 2018. – 216 с. – Сер. Уголовный процесс.

83. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. - 7-е изд., перераб. и доп. - Москва: Юрайт, 2014. - 1087 с.

84. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (научно-практическое издание) / под общ. ред. В. В. Мозякова, С.И. Гирько, Г.В. Мальцева, И.Н. Барцица. - Москва : Книга-Сервис, 2003. 1280 с.

85. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова. - Москва : Издательство «Экзамен 21», 2002. 8- 64 с.

86. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. - Санкт-Петербург : Питер, 2003.-1008 с.

87. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.И. Радченко. - Москва : ЗАО «Юридический Дом «Юстицинформ», 2003. - 1040 с.

88. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации в редакции закона от 29 мая 2002 года / под общ. и научн. ред. А.Я. Сухарева. - Москва: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА - ИНФРА-М), 2002. - 896 с.

89. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Г. Коваленко. - Москва : Изд-во Эксмо, 2003. - 1264 с.

90. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. И.Л. Петрухина. - Москва: ООО «ТК Велби», 2002. - 896 с.

91. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Н.А. Петухова, Г.И. Загорского. - 3-е изд., перераб. и

доп. - Москва : ИКФ «ЭКМОС», 2002. - 768 с.

92. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / Отв. ред. В.И. Радченко; научн. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. - 2-е изд. перераб. и доп. - Москва: Юрайт-Издат, 2006. - 1124 с.

93. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. В.И. Радченко; под ред. В.Т. Томина. - 3-е изд. перераб. и доп.- Москва : Юрайт, 1999. - 742 с.

94. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. И.Л. Петрухина. - 2-е изд., перераб. и доп. - Москва : ПБОЮ Д. Грачев С.М., 2000.- 672 с.

95. Концепция судебной реформы в Российской Федерации / под ред. С.А. Пашина. – Москва : Верховный Совет Рос. Федерации : Республика, 1992. - 110 с.

96. Коршунов, Н. М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики / Н. М. Коршунов. - Москва: Норма, 2011. -240 с.

97. Кудряшова, Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве : монография / Е. С. Кудряшова. - Москва : Юрлитинформ, 2022. - 184 с.

98. Курс советского уголовного права. - Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968-. - Т. 1: Часть общая. Т. 1 / М. Д. Шаргородский, И. И. Солодкин, С. А. Домахин и др. - 1968. - 646 с.

99. Кухта, А. А. Доказывание истины в уголовном процессе: монография / А. А. Кухта. - Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2009. - 569 с.

100. Левченко, О. В. Обвинительная власть государства в ее правовой организации и уголовно-процессуальной деятельности : монография / О. В. Левченко. – Москва : Юрлитиформ, 2021. - 176 с.

101. Левченко, О. В. Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу (опыт сравнительно-правового исследования): монография / О. В. Левченко. – Москва : Юрлитинформ, 2022. - 176 с.
102. Лонь, С.Л. Протокольное производство в уголовном процессе / С. Л. Лонь. - Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. - 340 с.
103. Лопашенко, Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н. А. Лопашенко. - Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. - 339 с.
104. Люблинский, П. И. Новая теория уголовного процесса (оттиск статьи) / П. И. Люблинский. - Петроград : Сенат. тип., 1916. - 44 с.
105. Малько, А. В. Теория государства и права : учебник / А. В. Малько. - Москва : КНОРУС, 2007. - 400 с.
106. Мальцев, В. В. Введение в уголовное право : учебник / А. В. Малько. - Волгоград : Волгогр. юрид. ин-т МВД России, 2002. - 202 с.
107. Маркелов, А. Г. Идея уголовно-процессуального компромисса при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : монография / А. Г. Мальцев, М.П. Поляков. - Москва : Изд-во Проспект, 2023. - 192 с.
108. Машовец, А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / А. О. Машовец. - Москва : Юрлитинформ, 2016. - 456 с.
109. Мельникова, Э. Б. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная /Э. Б. Мельникова, Л. М. Карнозова. - Москва : Проспект, 2002. -163 с.
110. Мизулина, Е. Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства / Е. Б. Мизулина. - Тарту, 1991. - 147 с.
111. Михайлов, А. М. Генезис континентальной юридической догматики / А. М. Михайлов. - Москва : Юрлитинформ, 2012. - 496 с.

112. Михеенкова, М. А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе / М. А. Михеенкова. - Москва: Юрлитинформ, 2014. - 232 с.
113. Муравьев, Н. В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы / Н. В. Муравьев. - Москва : университетская типография, 1899. - Т. 1. - 568 с.
114. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. - Москва : Спарк, 2002. - 1007 с.
115. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. д.ю.н., проф., Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. - Москва : Норма, 2004. - 448 с.
116. Неклюдов Н.А. Руководство для мировых судей : [В 5 т.]/ [соч.] магистра прав, с.-п.-б. столич. мирового судьи Н. Неклюдова. - Санкт-Петербург: В тип. Н. Тиблена и К° (Н. Неклюдова). 1872. - 857 с.
117. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства / В. С. Нерсесянц. - Москва: ИнфраМ, 1999. - 552 с.
118. Осипов Д.В., Особенности производства дознания в сокращенной форме : научно-практическое пособие /Д. В. Осипов, Н. А.Кузнецова, Е.А. Нагаев. - Москва : б/и, 2015. - 68 с.
119. Панько, Н.К. Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности / Н. К. Панько. - Воронеж : б/и, 2000. - 145 с.
120. Пастухов, П. С. Теоретическая модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : монография / П. С. Пастухов. – Москва : Московская академия экономики и права, 2014. - 296 с.
121. Пастухов, П. С. Доктринальная модель совершенствования уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : монография / П. С. Пастухов. – Москва : Юрлитинформ, 2015. - 352 с.

122. Петрухин, И. Л., Теоретические основы эффективности правосудия / И. Л. Иетрухин, Т.Г. Морщакова, Г.П. Батуров. - Москва : Наука, 1979. -392 с.

123. Пиюк, А. В. Типология современного уголовного процесса и проблемы применения упрощенных форм разрешения уголовных дел в судопроизводстве Российской Федерации / А. В. Пиюк. - Москва : Юрлитинформ, 2013. - 264 с.

124. Поляков, М. П., Принцип процессуальной экономии в уголовном судопроизводстве : монография /М. П. Поляков, А. Ю. Смолин. - Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2011. - 152 с.

125. Полянский, Н. Н. Очерки общей теории уголовного процесса Петрухин, И. Л., Теоретические основы эффективности правосудия / И. Л. Иетрухин, Т.Г. Морщакова - Москва : Право и жизнь, 1927. -127 с.

126. Пудовочкин, Ю. Е. Уголовное право: понятие, предмет, метод, система и задачи // Энциклопедия уголовного права. -Том 1. – Санкт-петербург : Издание профессора Малинина, 2005. - С. 143-235.

127. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство : пособие к лекциям / Н. Н. Розин. - 3-е пересмотр.- Петроград : Издание юридического книжного склада «Право», 1916. - 603 с.

128. Рыбалов, К. А. Особый порядок судебного разбирательства в Российской Федерации и проблемы его реализации / К. А. Рыбалов. – Москва : Юрлитинформ, 2004. - 152 с.

129. Санталов, А. И. Теоретические вопросы уголовной ответственности / А. И. Санталов. - Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1982. - 96 с.

130. Свиридов, М. К., Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации / М. К. Свиридов, А.В. Пиюк. – Томск : Издательский Дом ТГУ, 2019. - 348 с.

131. Сердюков, С. В. Ускоренное судебное разбирательство: необходимость, реальность, перспективы / С. В. Сердюков. – Москва : ЮРКНИГА, 2006. - 128 с.

132. Сидоренко, Э. Л. Частные начала в уголовном праве / Э. Л. Сидоренко, М. А. Карабут. – Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2007. - 212 с.

133. Смирнов, А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе : монография / А. В. Смирнов. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2018. - 240 с.

134. Смирнов, В. Г. Функции советского уголовного права. Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования / А. В. Смирнов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. - 188 с.

135. Смирнов, А. В. Уголовный процесс : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению подготовки "Юриспруденция" / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под. общ. ред. А. В. Смирнова. - 7-е изд., перераб. - Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. - 751 с.

136. Сокол, П. Я. Процессуальные средства обеспечения быстроты предварительного расследования : лекция / П. Я. Сокол. – Хабаровск : Изд-во ВШ МВД РФ, 1993.- 34 с.

137. Соловьев, С. А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) : монография / С. А. Соловьев ; под ред. Л.Н. Масленниковой. – Москва : Норма, 2021. - 296 с.

138. Сорокин, П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / П. А. Сорокин ; Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – Сыктывкар : ООО «Анбур», 2018. - 640 с.

139. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Основные положения науки советского уголовного процесса / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. - Т. 1. - 470 с.

140. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1970. - Т. 2. - 516 с.

141. Сычев, П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности : монография / П. Г. Сычев. – Москва : Юрлитинформ, 2020. - 336 с.
142. Таубер, Л. Я. Жалоба потерпевшего при преступлениях неофициальных / Л. Я. Таубер. – Харьков : Тип. и лит. М. Зильберберг и с-вья, 1909. - 413 с.
143. Тихомиров, Ю. А. Публичное право / Ю. А. Тихомиров. – Москва : Издательство БЕК, 1995. - 496 с.
144. Тисен, О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве / О. Н. Тисен. – Москва : Юрлитинформ, 2016. - 336 с.
145. Ткачев, В. Н., Ювенальный суд и социальные службы: механизм взаимодействия / В. Н. Ткачев, Е. Л. Воронова. - Ростов-на-Дону : ЗАО «Книга», 2005. - 240 с.
146. Томин, В. Т. Очерки теории эффективного уголовного процесса / В. Т. Томин, М. П. Поляков, А. В. Попов под ред. В.Т. Томина. - Пятигорск, 2000. - 239 с.
147. Трунов, И. Л. Защита прав личности в уголовном процессе / И. Л. Трунов. – Москва : Юриспруденция, 2005. - 304 с.
148. Уголовно-процессуальное законодательство Союза ССР и РСФСР : Теоретическая модель / под ред. В.М. Савицкого. – Москва : Изд-во ИГПАН СССР, 1990. - 317 с.
149. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А Лупинская. - Москва: Юристъ, 2004. - 800 с.
150. Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата, специалитета, магистратуры и аспирантуры (адъюнктуры) / под общ. ред. В.М. Лебедева. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Норма : ИНФРА-М, 2023. - 936 с.

151. Уголовно-процессуальный кодекс : научно-популярный, практический комментарий / проф. П.И. Люблинского и Н.Н. Полянского. - Москва : Изд-во «Право и Жизнь», 1928. -104 с.
152. Уголовное право России. Общая часть : учеб. - 3-е изд. – Санкт-Петербург : Изд-во С-Петерб. ун-та, 2018. - 628 с.
153. Уголовное право. Общая часть / под ред. Л. Д. Гаухмана, Л. М. Колодкина. – Москва : Юриспруденция, 1999. - 784 с.
154. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс [Текст] : в 10 т. / [Наумов А. В. и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. - Москва : Юрлитинформ, 2016. - Т. 1: Понятие уголовного права. Механизм уголовно правового регулирования. - 2016. - 711 с.
155. Уголовный процесс : учебник / [Б.Т. Безлепкин, С.В. Бородин, М.В. Боровский и др.]; Под ред. И.Л. Петрухина; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. - Москва : Проспект, 2001. - 517 с.
156. Уголовный процесс России : учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; Научн. ред. В.Т. Томин. – Москва : Юрайт-Издат, 2003.- 821 с.
157. Уголовный процесс: сборник учебных пособий. Общая часть. Вып. 1. – Москва : ИМЦ ГУК МВД России, 2002. - 304 с.
158. Уголовный процесс : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / [Буробин В. Н. и др. ; под общ. ред. А. С. Кобликова]. - Москва : Норма (Изд. группа Норма-Инфра-М), 2001. - 373 с.
159. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.П. Божьева. – Москва : Спарк, 2002. -704 с.
160. Уголовный процесс : учебник для вузов / под ред. В.П. Божьева. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Спарк, 2000. - 574 с.
161. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под общ. ред. В. М. Лебедева. – Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2003. - 776 с.

162. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К. Ф. Гуценко. - 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : ИКД «ЗЕРЦАЛО-М», 2004. - 704 с.

163. Уголовный процесс: учебник для юридических высших учебных заведений / под общ. ред. В. И. Радченко. – Москва : «Юридический Дом «Юстицинформ», 2003. - 752 с.

164. Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. проф. М.Н. Гернета. Москва: Изд. М.М. Зива, 1914. - Вып. 1. Ст. ст. 1-84. - 306 с.

165. Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. М. Н. Гернета. – Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. - Вып. 2. Ст. ст. 85–248. - С. 307-582.

166. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. - Москва : Изд. М.М. Зива, 1914. - Вып. 3. Статьи 249-594. - С. 583-944.

167. Устав уголовного судопроизводства. Систематизированный комментарий / под общ. ред. М.Н. Гернета. – Москва : Изд. М.М. Зива. Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1916. - Вып. 5. Ст. 765-999. – С. 1279-1594.

168. Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и изменение его в суде / Ф. Н. Ваткуллин. - Казань, 1965. - 171 с.

169. Филимонов, В. Д., Правоотношения. Уголовно-правовые отношения. Уголовно-исполнительные правоотношения /В. Д. Филимонов, О.В. Филимонов. – Москва : Юр-ИнфоР-Пресс, 2007. - 335 с.

170. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2-х томах. Санкт-Петербург: Сенаторская типография, 1910. - Т. II. - 573 с.

171. Хлебницына, Е. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа / Е. А. Хлебницына. – Москва : Юрлитинформ, 2000. - 144 с.

172. Частноправовые и публично-правовые проблемы современной юриспруденции : монография / отв. ред. С.Ю. Морозов, О.А. Зайцев. – Москва : Проспект, 2022. - 640 с.
173. Чучаев, А. И. Уголовно-правовое воздействие. Понятие, объект, механизм, классификация : монография / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова. – Москва : РГ-Пресс, 2021. - 320 с.
174. Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации : монография / В. Б. Шерстнев. – Москва : Юрлитинформ, 2023. - 208 с.
175. Шестакова, Л. А. Медиация в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Л. А. Шестакова. – Самара : Издательство Самарского университета, 2021. - 120 с.
176. Элькинд, П. С. Сущность уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. - 172 с.
177. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. - 143 с.
178. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: криминологические проблемы развития : [монография] / [Мелешко Н. П. и др.]. - Ростов-на-Дону; Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. – 743 с.
179. Ювенальная юстиция. Правовой и образовательный аспекты (опыт Ростовской области) / под ред. А. И. Бедрика и А. А. Резванова. - Ростов-на-Дону : б/и, 2004. - 89 с.
180. Якимович, Ю. К. Дифференциация уголовного процесса / Ю. К. Якимович, А.В. Ленский, Т. В. Трубникова ; под ред. М.К. Свиридова. - Томск, 2001. - 300 с.

181. Абдуллаев, Я. Д. К вопросу об оперативном сопровождении поддержания государственного обвинения по наиболее сложным уголовным делам / Я. Д. Абдуллаев // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2010. - №1 (12). – С. 68-72.

182. Абшилава, Г. В. Деятельное раскаяние как составная часть досудебного сотрудничества обвиняемого с органом следствия / Г. В. Абшилава // Вестник Южно-Уральского государственного университета. - Серия: Право. - 2011. - № 27 (244). - С. 30–35.

183. Абшилава, Г. В. К вопросу о предмете досудебного соглашения о сотрудничестве сторон в уголовном процессе / Г. В. Абшилава // Уголовно-процессуальный закон : состояние и направления совершенствования: Материалы межведомственной научно-практической конференции. – Москва : Московский ун-т МВД России. 2011. - С. 7-10.

184. Агаев, З. Р. Процессуальный институт сделки о признании вины: мировой опыт и Российская действительность / З. Р. Агаев // Актуальные проблемы российского права. - 2009. - № 4. - С. 269–278.

185. Александров, А. С. Основание и условия для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением / А. С. Александров // Государство и право. - 2003. - № 12. - С. 43–52.

186. Александров, А. С. Подход к преодолению противоречия в законе, регламентирующего заключение и реализацию досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовному делу/ А. С. Александров // Уголовное право. - 2011. - № 1.- С. 54–57.

187. Александров, А. С. Понятие и сущность уголовного иска / А. С. Александров // Государство и право. - 2006. - № 2. - С. 35–47.

188. Александров, А. С. Новеллы УК и УПК РФ о прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономики / А.

С. Александров, И. А. Александрова // Уголовный процесс. - 2012. - № 2. - С. 10-18.

189. Александров А.С., Александрова И.А. Уголовно-процессуальные формы разрешения бесспорных уголовных дел мировым соглашением / А. С. Александров, И. А. Александрова // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе : сборник трудов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (22–23 апреля 2022 года, г. Кострома) / сост. Н. В. Ганжа [и др.] ; отв. ред. В. В. Груздев, Г. Г. Бриль. - Кострома : Костромской государственной университет, 2022. - С. 239-242.

190. Александров А.С. О перспективах развития российского уголовного судопроизводства в условиях цифровизации / А. С. Александров, О. И. Андреева, О. А. Зайцев // Вестник Томского государственного университета. - 2019. - № 448. - С. 199-207.

191. Александров А.С., Прекращение публичного уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием обвиняемого / А. С. Александров, А. А. Варяник // Сборник научных статей ученых-юристов. Выпуск 4. / под ред. Ляха. - Ростов-на-Дону: РГУ, 2004. - С. 11-14.

192. Александров, А. С. Перспективы развития договорных механизмов в «экономическом уголовном судопроизводстве» / А. С. Александров, О. А. Зайцев // Устойчивый экономический рост и право: сборник материалов к XVI Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. кол.: В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – Москва : ИД «Юриспруденция», 2021. - С. 236–245.

193. Александров, А. С., Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России /А. С. Александров, В. В. Колесник // Российский следователь. - 2013. - № 19. - С. 16–22.

194. Александров, А. С. «Сделка о признании» как уголовно-процессуальный инструмент разрешения уголовно-правового спора и восстановления правовых отношений в сфере экономики, нарушенных преступлением / А. С. Александров, И. В. Круглов, А. Г. Смолин // Экономическая безопасность России: ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. - 2005. - № 4. - С. 83–85.

195. Александров, А. С. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения / А. С. Александров, М. В. Лапатников // Уголовный процесс. - 2013.- № 4. - С. 12–19.

196. Александров, А.С. К вопросу о создании сокращенной формы досудебного производства по уголовному делу / А. С. Александров, Р. Р. Сафин, Р. Р. Юнусов // Актуальные проблемы экономики и права. - 2012. - № 4. - С. 264–265.

197. Александров, Н. Г. К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений / Н. Г. Александров // Ученые записки ВШЮН. - Москва, 1947. - Вып. VI. - С. 68–70.

198. Александрова, И. А. «Договорной» способ разрешения дел об экономических преступлениях / И. А. Александрова // Уголовный процесс. - 2012. - № 9. - С. 16-17.

199. Александрова, И.А. Правовой институт прекращения уголовного преследования в связи с возмещением ущерба: вопросы теории и практики / И. А. Александрова, Р. С. Алаев // Российский правовой журнал. - 2019. - № 1. - 94-98.

200. Аликперов, Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим /Х. Д. Аликперов // Законность. - 1999. - № 6. - С. 14–21.

201. Аликперов, Х.Д. Социальная обусловленность компромисса в концепции уголовной политики /Х. Д. Аликперов // Советское государство и право. - 1991. - № 12. - С. 79-86.

202. Аналитический доклад о состоянии уголовной политики в Российской Федерации // О законодательном обеспечении уголовно-правовой политики в Российской Федерации : сборник материалов / под общ. ред. А.И. Александрова. – Москва : Издание Совета Федерации, 2018. – 259 с.

203. Андреева, О. И. Проблемы производства дознания в сокращенной форме / О. И. Андреева // Вестник Томского гос. ун-та. Право. - 2014. - № 4 (14). - С. 5-13.

204. Анциферов, К. Д. Наблюдение над уголовной практикой нашей провинциальной мировой юстиции / К. Д. Анциферов // Юридический вестник. - 1883. - Кн.1. - С. 124–125.

205. Апостолова, Н. Н. Медиация (посредничество) по уголовным делам / Н. Н. Апостолова // Российская юстиция. - 2010. - Вып. 3. - С. 55–58.

206. Апостолова, Н. Н. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве необходимо совершенствовать/ Н. Н. Апостолова // Российский судья. - 2010. - № 1. - С. 14-17.

207. Артамонова, Е. А. О соблюдении прав потерпевшего при принятии решения о производстве дознания в сокращенной форме / Е. А. Артамонова // Юридические исследования. - 2013.- № 2. - С. 39-42.

208. Артамонова, Е. А. Проблемы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / Е. А. Артамонова // Вестник Самарского государственного университета. - 2014. - № 11/2 (122). - С. 39-45.

209. Астафьев, Ю. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: законодательные новеллы и практические проблемы / Ю. В. Астафьев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право.- 2009. - № 2. - С. 356–362.

210. Афанасьев, А. Ю. Диспозитивность в системе принципов уголовного процесса / Ю. В. Астафьев // Юридическая техника. - 2020. - № 14. - С. 367–369.

211. Аширбекова, М. Т. О расширении частного-публичного обвинения / М. Т. Аширбекова // Вопросы правоведения. - 2013. - № 1. - С. 233-238.

212. Аширбекова, М. Т. О сокращенной форме дознания / М. Т. Аширбекова // Актуальные проблемы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика : материалы Международ. науч.-практ. конф. / ред. кол. В.Н. Тронева и др. – Волгоград : Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2013. - С. 8-13.

213. Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки / К. Ф. Багаутдинов // Юрист-Правовед. - 2018. - № 3 (86). – С. 114-118.

214. Багмет, А. М. К вопросу о сбалансированности процессуального контроля и прокурорского надзора при окончании производства с назначением судебного штрафа / А. М. Багмет, Н. В. Османова // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. - 2018. - № 3 (17). - С. 28–33.

215. Багмет, А.М. Кому мешает следственная власть? / А. М. Багмет, Ю.А. Цветков // Российский следователь. - 2016. -№ 23. - С. 3–9.

216. Байтурина, Н. Х. Принципы уголовного судопроизводства / Н. Х. Байтурина // Modern Science. - 2019. - № 12–1.- С. 283-285.

217. Барабаш, А. С. Обвинение как двигатель уголовного процесса / А. С. Барабаш // Адвокатская практика. - 2006. -№ 5. - С. 44–47.

218. Беседин, Г. Е. Новое основание освобождения от уголовной ответственности: очередной конфуз российского законодателя? / Г. Е. Беседин // Евразийская адвокатура. - 2016. - № 6 (25). - С. 114–118.

219. Божьев, В. П. Уголовно-правовые и процессуальные отношения / В. П. Божьев, Е. А. Фролов // Советское государство и право. - 1974. - № 1. - С. 87–95.

220. Борисевич, Г. Я. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / Г. Я. Борисевич // Доказывание и принятие решений в

современном уголовном судопроизводстве : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской : сборник научных трудов. – Москва : 000 «Изд-во «Элит», 2011. - С. 351- 356.

221. Борисевич, Г. Я. Обеспечение реализации законного интереса подозреваемого (обвиняемого), предусмотренной главой 40.1 УПК РФ / Г. Я. Борисевич // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - 2011. - Выпуск 2(12). ПГУ. -бС. 209 – 224.

222. Борисевич, Г.Я. О применении на предварительном следствии и в судебном разбирательстве уголовных дел положений главы 40.1 УПК Российской Федерации / Г. Я. Борисевич // Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами : пособие /Прокуратура Пермского края. – Пермь, 2011. - С. 174- 204.

223. Бошно, С. В. Способы и методы правового регулирования / С. В. Бошно // Право и современные государства. - 2014. -№ 3. - С. 52–60.

224. Боярская, А. В. Упрощенное уголовно-процессуальное производство: понятие и способы образования / А. В. Боярская // Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2021. - № 2. – С.99–108.

225. Брусницын, Л. В. Сотрудничество со следствием: какие трудности в реализации новых норм УПК РФ ожидают правоприменителя / Л. В. Брусницын // Уголовный процесс. - 2009. - № 12 (60). - С. 13–18.

226. Будылин. Н. В. Действие запрета на поворот к худшему при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции / Н. В. Будылин // Общество и право. - 2022. - № 1 (79). - С. 52–58.

227. Бурцев, А. С. Судебный штраф: критический очерк / А. С. Бурцев, И.В. Миронюк // Науки и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2017. - № 2 (81). - С. 126–129.

228. Быков, В. М. Защищает ли уголовно-процессуальный закон права потерпевших? / В. М. Быков // Российская юстиция. - 2012. - № 12. - С. 47–50.

229. Быков, В. М. Принципы уголовного процесса по Конституции РФ 1993 года / В. М. Быков // Российская юстиция. - 1994. - № 8. - С. 8–9.
230. Василенко, Л. А. Дознание в сокращенной форме и его эффективность в досудебном производстве / Л. А. Василенко, О. А. Науменко // Общество и право. -2013. -№2 (44). – С. 143-146.
231. Васяев, А. А. Сделка с правосудием или сделка с обвинением / А. А. Васяев // Современное право. - 2010. - № 2. - С. 88-94.
232. Великий, Д. П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / Д. П. Великий // Журнал российского права. - 2010. - № 2 (158). - С. 84–90.
233. Великий, Д. П. Особый порядок судебного разбирательства: теория и практика / Д. П. Великий // Журнал российского права. -2005. - № 6 (102). - С. 74–80.
234. Ветрова, Г. Субсидиарное обвинение и принцип состязательности / Г. Ветрова // Известия Алтайского государственного университета.- 2017.- № 3(95). - С. 32-36.
235. Вилкова, Т. Ю. Привилегия против самоизобличения (*non tenetur se ibsem accusare*) в системе принципов уголовного судопроизводства / Т. Ю. Вилкова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 15–20.
236. Вилкова, Т. Ю. Целесообразность как принцип и как основание для принятия решений в уголовном судопроизводстве: зарубежный опыт и перспективы применения в России / Т. Ю. Вилкова, Р. В. Мазюк, М. А. Хохряков // Всероссийский криминологический журнал. - 2022. - № 1. - С. 91–100.
237. Власенко, В. В. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) / В. В. Власенко // Уголовное право. - 2017. - № 1. - С. 52–59.

238. Власов, А. Г. Освобождение от уголовной ответственности с применением судебного штрафа: проблемы прокурорского надзора / А. Г. Власов // Законность. - 2017. - № 1. - С. 30–33.

239. Волеводз, А. Г. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы / А. Г. Волеводз, П. А. Литвишко // Российская юстиция. - 2010. - № 10. - С. 38-41.

240. Володина, Л. М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям / Л. М. Володина // Судебная власть и уголовный процесс. - 2017. - № 1.- С. 74-79.

241. Ворожцов, С. А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / С. А. Ворожцов // Мировой судья. - 2017. - № 11. - С. 15–23.

242. Воскобитова, Л. А. Правовое регулирование процедуры примирения в уголовном судопроизводстве / Л. А. Воскобитова // Государство и право на рубеже веков. Криминология. Уголовное право. Судебное право. - 2001. - С. 125–131.

243. Гаврилов, Б. Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения / Б. Я. Гаврилов // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы Международ. науч.-практ. конф. / Иркутск, 25-26 сент. 2014 г. - Иркутск: БГУЭП, 2014. - С. 57–63.

244. Гаврилов, Б. Я. Институт предъявления обвинения: правовые реалии и мифы / Б. Я. Гаврилов // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. - Самара: Издательство «Самарский университет», 2010. - Вып. 5. - С. 329–335.

245. Гаврицкий, А. В. Возможности медиации в уголовном процессе / А. В. Гаврицкий, М. М. Коблева // Мировой судья. -2019. - № 7. - С. 26–29.

246. Галимова, М. А. Примирительные процедуры в судопроизводстве Российской Федерации / М. А. Галимов, О.Х. Галимов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. - 2019. - № 3 (36). - С. 16–23.

247. Гаспарян, Н. Праву не свидетельствовать против себя нужны дополнительные гарантии / Н. Гаспарян // Российская юстиция.- 2000. - № 12. - С. 34–35.

248. Генрих, Н. В. Объект как элемент структуры уголовно-правового отношения / Н. В. Генрих // Ленинградский юридический журнал. - 2010. - № 3. - С. 14-25.

249. Герасенков, В. М. Вопросы совершенствования ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе / В. М. Герасенков // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 12 (204).- С. 275-279.

250. Гирько, С. И., Проект федерального закона о протокольной форме расследования преступлений /С. И. Гирько, Г. В. Костылева, Д. В. Осипов, О. И. Цоколова // Научный портал МВД России. - 2014. - № 3(27). - С. 5–8.

251. Гирько, С. И. Стандарты ускоренного досудебного производства в полицейской практике за рубежом и возможности их комплектации в Российской Федерации / С. И. Гирько, Н.А. Власова // Труды ВНИИ МВД России. - 2007. - № 10. - С. 3-13.

252. Головкин, Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л. В. Головкин // Закон. - 2009. - № 4. - С. 127-135.

253. Головкин, Л. В. Мировое соглашение в уголовном процессе и его гражданско-правовая природа / Л. В. Головкин // Законодательство. - 1999. - № 10.- С. 64-75.

254. Головкин, Л. В. Можно приветствовать наших судей, которые не хотят упрощения правосудия / Л. В. Головкин // Уголовный процесс. - 2017.- № 1. - С. 38–45.

255. Головкин, Л. В. Сделки с правосудием: объективная тенденция или модное поветрие / Л. В. Головкин // Закон. - 2009. - № 9. - С. 187-196.
256. Гольмстен, А. Х. В защиту процессуальной теории Бюлова / А. Х. Гольмстен // Журнал министерства юстиции. - 1916. - Кн. 9. - С. 319-329.
257. Горбань, А. В. Уголовно-правовое воздействие сегодня: возможные альтернативы / А. В. Горбань // Российский следователь. - 2018. - № 10. - С. 34–37.
258. Горкина, Е. В. Институт сокращенного дознания – новая форма упрощенного производства в российском уголовном процессе / Е. В. Горкина, И. В. Похлебаев // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2013. - № 4. - С. 95-99.
259. Горюнов, В. Ю. Об оптимизации частно-публичного порядка уголовного преследования субъектов преступлений против собственности в сфере предпринимательской деятельности / В. Ю. Горюнов // Вестник Российского университета кооперации. - 2018. - № 4 (34). - С. 99-103.
260. Горюнов, В. Ю. Особенности механизма правоприменения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности / В. Ю. Горюнов // Вестник Нижегородской правовой академии. - 2018. - № 16. - С. 55-59.
261. Горюнов, В. Ю. Частно-публичное обвинение как уголовно-процессуальная основа применения уголовного закона в сфере экономической деятельности / В. Ю. Горюнов // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2020. - № 1. - С. 43-48.
262. Гриненко, А. В. Судебный штраф и реалии его применения в уголовном судопроизводстве / А. В. Гриненко // Российская юстиция. - 2017. - № 1. - С. 30-39.
263. Гричаниченко, А. В. Особый порядок судебного решения: сравнительный анализ содержания главы 40 и главы 40.1 УПК РФ, проблемы их применения / А. В. Гричаниченко // Уголовное право. - 2010. - № 1. - С. 81-85.

264. Гусева, И. И. Сокращенные производства в российском уголовном процессе: генезис, становление и пути оптимизации на современном этапе / И. И. Гусева // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения.- 2018.- №1 (19). - С. 32–40.

265. Гуськова, А. П. Медиация в уголовном процессе / А. П. Гуськова, Д. В. Маткина // Российский судья. - 2009. - №2. - С. 34–37.

266. Давлетов, А. А. Новое особое производство в уголовном процессе - прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа /А. А. Давлетов // Вестник ОмГУ. Серия. Право. - 2017.- № 3(52). - С. 163-169.

267. Даев, В. Г. К понятию обвинения в советском уголовном процессе / В. Г. Даев // Правоведение. - 1970.- № 1.- С. 76-86.

268. Дикарев, И. С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие / И. С. Дикарев // Российская юстиция. - 2013. - № 12. - С. 18-21.

269. Дикарев, И. С. Дознание в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат / И. С. Дикарев // Дознание в сокращенной форме : вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения. - Волгоград, 2013. - С. 22-34.

270. Днепровская, М. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: некоторые проблемные аспекты и достоинства/ М. А. Днепровская, С.А. Абрамитов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2019. - № 4 (26). - С. 60–67.

271. Доклад Генерального прокурора России И.В. Краснова на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 17 марта 2020 года // Прокурор. - 2020. - № 1. - С. 11–20.

272. Доклад Генерального прокурора России Ю.Я. Чайки на расширенном заседании коллегии Генпрокуратуры 15 февраля 2018 года // Прокурор. - 2018. - № 1. - С. 19.

273. Доля, Е. А. Особенности доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / Е. А. Доля // Российский судья. - 2013. - № 6. - С. 43–46.

274. Дорошков, В. В. Разумное сочетание публичного и частного в уголовном судопроизводстве / В. В. Дорошков // Журнал российского права.- 2023. - Т. 27, № 1.- С. 31–41.

275. Дудина, Н. А. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве - право следователя или прокурора? / Н. А. Дудина // Российский следователь. - 2019. - № 10. - С. 13–16.

276. Дудоров, Т. Д. Проблемы дифференциации форм предварительного расследования / Т. Д. Дудоров, Е. И. Ломаченко // Центральный научный вестник. - 2016. - Т. 1, № 4 (4). - С. 39-42.

277. Елфимова, Е. И. Пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / Е. И. Елфимова // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения : сборник статей. - Волгоград, 2013. - С. 35–37.

278. Епихин, А. Ю. Становление и развитие межотраслевого института безопасности личности в уголовном процессе России / А. Ю. Епихин // Вестник. Государство и право. – 2023. – № 2(37). – С. 68-74;

279. Епихин, А. Ю. Взаимосвязь уголовно-процессуального и криминалистического механизмов государственной защиты участников производства по уголовному делу / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 142-144.

280. Ефимичев, П. С. Презумпция невиновности в российском уголовном судопроизводстве / П. С. Ефимичев // Публичное и частное право. - 2012. - № 1 (XIII). - С. 88–100.

281. Жалинский, А. Э. Уголовная политология и уголовная политика: необходимость нового подхода / А. Э. Жалинский // Уголовная политика и право в эпоху перемен: материалы международной научно-практической

конференции, посвященной памяти профессора П.С. Дагеля. - Владивосток: Издательство Владивостокского университета, 2010. - С. 8-27.

282. Жариков, Ю. С. Реализация прав потерпевшего на заключительном этапе производства дознания / Ю. С. Жариков // Российский следователь. - 2017. - № 23. - С. 23-25.

283. Журавлева, Н. М. Актуальные проблемы сокращенного дознания и возможные пути их решения / Н. М. Журавлева // Актуальные проблемы юридической науки и судебной практики : сборник науч. тр. по материалам всероссийской научно-практической конференции. – Хабаровск : ДВЮИ МВД России. 2019. - С. 93-97.

284. Журавлева, Н. М. Институт дознания в сокращенной форме: некоторые вопросы законодательного регулирования и практики применения / Н. М. Журавлева // Алтайский юридический вестник. - 2018. - № 1(21). - С. 109–113.

285. Зайцев, О. А. Тенденции развития договорных отношений в российском уголовно-процессуальном праве / О. А. Зайцев // Журнал российского права. -2019.- № 1 (265).- С. 73–81.

286. Зайцева, Е.А. Новый «Закон о сокращенном дознании» и регламентация использования специальных познаний в досудебном производстве по уголовным делам, или «хотели как лучше, а получилось как всегда...» / О. А. Зайцев // Российский судья. - 2013.- № 4. - С. 36–39.

287. Заключение Комитета конституционного надзора СССР «О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека» от 13 сентября 1990 г. № 2-8 // Ведомости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1990. - № 39. - Ст. 775.

288. Закотянский, А. С. Анализ практики дознания в сокращенной форме (по материалам Самарской области) / А. С. Закотянский // Вестник Нижегородской правовой академии. -2015. - № 5. - С. 38-41.

289. Иванов, А. А. Проблемы защиты прав потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / А. А. Иванова // Перспективы науки. - 2012. - № 35.- С. 146–149.

290. Иванова, А. С. Дознание в сокращенной форме: проблемы и перспективы / А. С. Иванова // Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2013. - № 23. - С. 179-182.

291. Ильяшевич, Т. А. Проблемы реализации прав потерпевшего при производстве дознания в сокращенной форме / Т. А. Ильяшевич // Российский следователь. - 2019. - № 4. - С. 20-22.

292. Калинин, В. Н. Принцип недопустимости ухудшения положения осужденного при пересмотре судебных решений / В. Н. Калинин // Следователь. - 2004. - № 5. - С. 18-22.

293. Калугин, А. Г. Проблемы доказывания при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах / А. Г. Калугин // Обвинение и защита по уголовным делам: история, опыт и современность : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Н.С. Алексеева / Санкт-Петербургский гос. ун-т.; под редакцией Н.Г. Стойко. - Санкт-Петербург, 2015. - С. 329–330.

294. Кальницкий В. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования / В. Кальницкий, К. Муравьев, Д. Воронов // Уголовное право. - 2013.- № 3. - С. 81–85.

295. Кальницкий, В. В. Порядок прекращения судом уголовного дела (преследования) в связи с назначением судебного штрафа / В. Кальницкий // Законодательство и практика. - 2016. - № 2 (37). - С. 12–19.

296. Карлов, А. Л. Обеспечение интересов потерпевшего при реализации положений главы 40.1 УПК РФ / А. Л. Карлов // Юридическая

наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2011. - № 2–15. - С. 222–224.

297. Карнозова, Л., Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России / Л. Карнозова, Р. Максудов, М. Флямер // Российская юстиция. - 2000. - № 11. - С. 19–21.

298. Касаткина, С. А. Соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / С. А. Касаткина // Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса: труды Института государства и права РАН. - 2009. - № 6. - С. 161-178.

299. Качалова, О. В. Доказывание при сокращенной форме дознания / О. В. Качалова // Уголовный процесс. - 2013. - № 6. - С. 32–36.

300. Качалова, О. В. Ускоренное досудебное производство по уголовным делам: перспективы развития / О. В. Качалова // Актуальные проблемы российского права.- 2018. -№ 4 (89). –С.176-180.

301. Качалова, О. В. Ускоренное досудебное производство в российском уголовном процессе: формирование оптимальных моделей / О. В. Качалова, В. М. Герасенков // Правосудие. - 2022. - № 1. – С.113-121.

302. Кесаева, М. С. Дифференциация форм досудебного производства по уголовным делам : доктринальный, законодательный и правоприменительный аспекты / М. С. Кесаева // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей : сборник научных трудов / под ред. М.П. Полякова и Д.В. Наметкина. - Нижний Новгород : НА МВД России, 2015.- Вып. 21. - С. 46–51.

303. Кесаева, М. С. К вопросу о поиске оптимальной формы дознания по уголовным делам / М. С. Кесаева // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии. - 2017. - № 37(1). - С. 112–115.

304. Килина, И. В. Система альтернативных оснований освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела (уголовного преследования): современное состояние и перспективы реформирования / И. В. Килина // Поощрение как метод уголовно-процессуального регулирования

: сборник материалов Всероссийского круглого стола с международным участием, Санкт-Петербург, 04 февраля 2023 года. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2023. – С. 125-135.

305. Килина, И. В. Поворот к худшему при пересмотре приговора, вынесенного в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве / И. В. Килина // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8(93). – С. 155-163.

306. Ковтун, Н. Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования / Н. Н. Ковтун // Российская юстиция. - 2013. - № 12. - С. 47–49.

307. Ковтун, Н. Н. Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессуализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России / Н. Н. Ковтун // Российский журнал правовых исследований. - 2020. - Т. 7, № 1.- С. 98-105.

308. Ковтун, Н. Н. Кабальная сделка (о фактической сути института, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ) / Н. Н. Ковтун // Уголовное судопроизводство. - 2020. - № 2. - С. 18–24.

309. Колесник, В. В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России / В. В. Колесник, А. С. Александров // Российский следователь.- 2013. - № 19. - С. 16–22.

310. Колесник, В. В. Проблемы трансформации особого порядка принятия судебного решения в системе мер оптимизации уголовного процесса / В. В. Колесник // Юридическое образование и наука. – 2023. – № 12. – С.27-30.

311. Колесник, В. В. Принципы договорных уголовно-процессуальных производств по разрешению уголовно-правовых споров / В.В. Колесник // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – Т. 14. – № 4. - С.107-114.

312. Колесник, В. В. К вопросу о мере частного начала в уголовно-процессуальном праве / В. В. Колесник // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 491. – С. 171 – 176.

313. Колесник, В. В. Свобода лиц от самоизобличения как принцип договорного уголовно-процессуального права / В. В. Колесни // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33. – Вып. 4. – С. 680-685.

314. Колесник, В. В. Теоретико-доктринальный аспект договорных уголовно-процессуальных форм по производству «альтернативных» средств уголовно-правового воздействия / В. В. Колесник // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 223-228.

315. Колесник, В. В. Правовые отношения в сфере уголовного судопроизводства : договорной аспект / В. В. Колесник // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – № 2. – С. 33-60.

316. Колесник, В. В. Примирительные производства в уголовном процессе / В. В. Колесник // Мировой судья. – 2023. – № 7. – С. 8-14.

317. Колесник, В. В. Уголовно-процессуальные и уголовно-правовые договорные отношения: концептуальный аспект / В. В. Колесник // Вестник Томского государственного университета. – 2023. – № 486. – С. 235-241.

318. Колесник, В.В. Конвергенция частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства / В. В. Колесник // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2023. – № 2. – С. 19-28.

319. Колесник, В. В. Комплекс договорных уголовно-процессуальных форм окончания уголовного дела / В. В. Колесник // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2023. – Т. 33. – № 1. – С. 141-147.

320. Колесник, В. В. О принципах обвинения и целесообразности в договорных уголовно-процессуальных производствах / В. В. Колесник // Власть закона. – 2022. – № 4. – С. 69-81.

321. Колесник, В. В. Концепция договорных уголовно-процессуальных производств / В. В. Колесник // Уголовная юстиция. – 2022. – № 20. – С. 42-48.

322. Колесник, В. В. К вопросу о возможных направлениях модернизации примирительных уголовно-процессуальных процедур / В. В. Колесник // Вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 4. – С. 74-81.

323. Колесник, В. В. Полномочия прокурора при несогласии с выполнением условий досудебного соглашения о сотрудничестве / В. В. Колесник // *Ex jure*. – 2022. – № 4. – С. 134-144.

324. Колесник, В. В. Обеспечение безопасности содействия расследованию как самостоятельное условие заключения досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым / В. В. Колесник // Юридический вестник ДГУ. – 2022. – Т. 43, № 3. – С. 153-159.

325. Колесник, В. В. Согласительные (примирительные) процедуры в уголовно-процессуальном законодательстве России и отдельных зарубежных стран / В.В. Колесник // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2022. – № 5. – С. 13-17.

326. Колесник, В. В. Проблемы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве как формы согласительных процедур / В. В. Колесник // Общество и право. – 2021. – № 3 (77). – С. 48-53.

327. Колесник, В. В. Обеспечение безопасности заключившего досудебное соглашение лица как гарантия реализации согласительной процедуры / В.В. Колесник // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 3 (93). – С. 68-72.

328. Колесник, В. В. Виды неформальных средств стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом / В. В. Колесник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России – 2021. – № 1 (53). – С.125-129.

329. Колесник, В. В. Цель уголовного процесса в концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом / В. В. Колесник // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 3 (35). – С. 132-138.

330. Колесник, В. В. Стимулирование участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом: постановка проблемы / В. В. Колесник // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 5-1. – С. 35-45.

331. Колесник, В. В. Исходные предпосылки формирования системы средств стимулирования дачи признательных показаний участниками уголовного процесса / В. В. Колесник // Право и практика. – 2020. – № 2. – С. 82-86.

332. Колесник, В. В. Методологический анализ концепции стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом / В. В. Колесник // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 3 (128). – С.189-198.

333. Колесник, В. В. Об оптимизации формы уголовно-процессуального доказывания с использованием цифровых технологий / В. В. Колесник // Вестник Российского университета кооперации. – 2018. – № 4 (34). – С.112-115.

334. Колесник, В. В. Критический обзор предложений по оптимизации правовой основы противодействия преступности в цифровом обществе / В.В. Колесник // Юридическая наука и правоохранительная практика – 2018. – № 3 (45). – С.193-200.

335. Колесник, В. В. Продолжение совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном праве / В. В. Колесник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – №4 (36). – С. 100-104.

336. Колесник, В. В. Актуальные вопросы процедуры совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном праве / В.В. Колесник // Юридическая мысль. 2016 – № 6 (98). – С. 105-111.

337. Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в содержательном и технико-юридическом ракурсе. Рецензия на монографию Баева О.Я. «Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения» / В.В. Колесник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 24. – С. 215-218.

338. Колесник, В. В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России / А. С. Александров, В.В. Колесник // Российский следователь. – 2013. – № 19. – С. 16-22.

339. Колесник, В. В. О качестве законодательного института досудебного соглашения / В. В. Колесник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 219-220.

340. Колесник, В. В. К вопросу о порядке заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам / В. В. Колесник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. – С. 103-106.

341. Колесник, В. В. Новое в понимании норм, регулирующих заключение досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам / В.В. Колесник // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 1 (90). – С. 139-144.

342. Конин, В. В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей / В. В. Конин // Российская юстиция. - 2010. - Вып. 7. - С. 42–43.

343. Корчаго, Е. В. Соглашение государства с правонарушителем о сотрудничестве : разновидность договорного и обязательственного права / Е. В. Корчаго // Уголовное судопроизводство.- 2019. - № 4. - С. 37–42.

344. Кропачев, Н. М. Принципы применения мер ответственности за преступление / Н. М. Кропачев // Правоведение. - 1990. - № 6. - С. 71-76.

345. Кудин, Ф. М. Понятие обвинения в науке и законодательстве российского уголовного процесса / Ф. М. Кудин, Е. И. Зубенко // Общество и право. - 2010. - № 2 (29). - С. 159–168.

346. Кудряшова, Е. С. Реализация принципа законности в уголовно-процессуальной деятельности органов дознания / Е. С. Кудряшова // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2015. - №1 (29). – С. 280-283.

347. Лазарева, Л. И. Принцип недопустимости поворота к худшему / Л. И. Лазарева // Правоведение. -1977. - № 2. - С. 101–104.

348. Лазарева В. А. Полицейское дознание как базовая модель упрощённого досудебного производства / Л. И. Лазарева, Л. А. Ярыгина // Уголовное право.- 2016. - № 4. - С. 101–109.

349. Лазарева, В. А. Сокращенная форма дознания: предмет и пределы доказывания / Л. И. Лазарева, Л. А. Ярыгина // Уголовное судопроизводство. - 2017. - № 3. - С. 20-26.

350. Ларкина, Е. В. Дознание в сокращенной форме: практика применения в Санкт - Петербурге и Ленинградской области / Е. В. Ларкина// Криминалисть. - 2014. - № 1 (14). - С. 109–116.

351. Левченко, О. В. Прокурор как ключевой участник компромиссной процедуры окончания уголовного дела / О. В. Левченко // Вторые Чебоксарские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения, посвященные применению технологий компромисса в системе средств обеспечения правоприменительной деятельности правоохранительных органов : сборник материалов Междунар.науч.-практ.

видео-конф. (Чебоксары, 10 ноября 2020 г.). – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. - С. 242–245.

352. Левченко, О. В. Согласительно-компенсаторный способ разрешения уголовных дел о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности / О. В. Левченко // Международное уголовное право и уголовная юстиция. - 2021. - № 6.- С. 6–9.

353. Лопашенко, Н. А. Уголовно-правовое воздействие: понятие и механизм (в порядке инициирования дискуссии) / Н. А. Лопашенко // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности): сборник статей / под ред. Н.А. Лопашенко. - Саратов, 2016. - С. 9-20.

354. Лубин, А. Ф. «Грехи» криминалистики: тайна происхождения / А. Ф. Лубин // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. -2011. - № 2 (15). - С. 295–299.

355. Любенко, В. В. К вопросу об использовании судебного контроля в процедуре, предусмотренной главой 40.1 УПК РФ / В. В. Любенко // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. -2012. - № 1 (17). - С. 297–300.

356. Люблинский, П. И. Процесс, как судебный порядок и процесс, как правоотношение. / П. И. Люблинский //Журнал Министерства юстиции. - 1917. - № 1 (Январь).

357. Магомедова, З. А. Актуальные проблемы производства дознания в сокращенной форме / З. А. Магомедова // Norwegian Journal of Development of the International Science. - 2019.- №36-3 sokraschennoy-forme (дата обращения: 03.08.2023).- С.68-70.

358. Малофеев. И. В. Сокращенная форма дознания: сложности реализации на практике / И. В. Малофеев // Уголовный процесс. - 2013. - № 7.- С. 37-39.

359. Манова, Н. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы законодательной регламентации и практики заключения / Н. С. Манова // Крымские юридические чтения. Правонарушение и

ответственность: сборник материалов научно-практической конференции (Симферополь, 8 июня 2017 г.). - Симферополь, 2017. - С. 196–201.

360. Марковичева, Е. В. Реалии и перспективы ускоренного производства в российском уголовном процессе / Е. В. Марковичева // Российская юстиция.- 2011.- № 7. - С. 49–50.

361. Марковичева, Е.В. Роль института медиации в ускорении уголовного судопроизводства / Е. В. Марковичева // Российский судья.- 2010. - № 3. - С. 26–28.

362. Мартыненко, Н. Э. Значение досудебного соглашения о сотрудничестве для защиты интересов потерпевшего / Н. Э. Мартыненко // Научный портал МВД России. - 2012. - № 3.- С. 22-29.

363. Марчук, В. В. Когнитивные аспекты уголовно-правового отношения / В. В. Марчук // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 2011. - № 4. - С. 199–210.

364. Матвеева. Ю., Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием/ Ю. Матвеева, А. Сумин // Российская юстиция. - 2001.- № 9. - С. 23–24.

365. Маткина, Д. В. Договорная (конвенциональная) форма достижения социального умиротворения сторон уголовно-правового конфликта / Д. В. Маткина // В мире научных открытий. - 2010. - № 2-2(8). - С. 118-120.

366. Мельникова, Е. Ф. Реалии применения законодательства о государственной защите участников уголовного судопроизводства / Е. Ф. Мельникова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2018. - №3 (43). – С.253-258.

367. Меркулов, М. А. К вопросу об актуальных проблемах производства дознания в сокращенной форме / М. А. Меркулов, И. И. Абросимов // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 8 (176). - С. 108-110.

368. Мичурина, О. В. О возможных негативных последствиях необоснованного сужения предмета доказывания по уголовному делу / О. В.

Мичурина, В. А. Герасимова // Вестник Московского университета МВД России. - 2016. - № 4. - С. 90-93.

369. Мичурина, О. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме: замысел законодателя и практический результат / О. В. Мичурина, О. В. Химичева // Российский следователь. - 2016. - № 5. - С. 18–22.

370. Муравьев, К. В. Дознание в сокращенной форме: комментарий главы 321 УПК / К. В. Муравьев // Законодательство и практика. - 2013. - № 1 (30). - С. 15-19.

371. Муравьев, К. В. Направления оптимизации процессуальной формы применения уголовного закона при производстве «сокращенного» дознания / К. В. Муравьев // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2015.- № 1(32). - С. 165-169.

372. Муратова, Н. Г. О проблемах уголовно-процессуальных договоров / Н. Г. Муратова // Правосудие в Татарстане.- 2011. - № 4 (48). - С. 36–38.

373. Насонова, И. А. Условия дознания в сокращенной форме и проблемы их совершенствования И. А. Насонова, М.В. Зотова // Общество и право. - 2017. - № 2 (60). - С. 141-148.

374. Науменко, О. А. Защита прав потерпевшего при сокращенной форме дознания / О. А. Науменко // Общество и право.- 2015. - № 4 (54).- С. 209–212.

375. Никифоренко, Ю. Л. К вопросу о возможной модели суммарного производства по уголовному делу для уголовного процесса России / Ю. Л. Никифоренко // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей : сборник научных трудов / под ред. М.П. Полякова, Д.В. Наметкина. - Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2016. - Вып. 22. - С. 128–132.

376. Никифоренко, Ю. Л. К вопросу о создании оптимальной уголовно-процессуальной формы досудебного производства / Ю. Л.

Никифоренко // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. Нижний Новгород. - 2016.- № 2. - С. 508–510.

377. Никифоренко, Ю. Л. Новое – хорошо забытое старое: советская протокольная форма как перспективная модель суммарного производства по уголовным делам / Ю. Л. Никифоренко // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2016. - № 3 (35). - С. 174–179.

378. Никифоренко, Ю. Л. Советская модель производства по уголовным делам в дежурных камерах народного суда как основа создания современного суммарного производства / Ю. Л. Никифоренко // Вестник Краснодарского университета МВД России. Краснодар.- 2016. - № 4 (34). - С. 58–62.

379. Нудель, С. Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования / С. Л. Нудель // Журнал российского права. - 2023. - Т. 27, № 1. - С. 5–22.

380. Обидина, О. Б. Применение судами принудительных мер воспитательного воздействия: проблемы практики / О. Б. Обидина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. Выпуск 2(4). Государство и право: итоги XX века. - Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. - С. 183–189.

381. Овсянников, И. В. Допустимо ли заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с несовершеннолетним? / И. В. Овсянников // Законность.- 2016.- № 6 (980). - С. 57–60.

382. Павлов, В. И. К вопросу об антропологическом типе правопонимания / В. И. Павлов // Правоведение. - 2015. - № 4 (321). - С. 71–97.

383. Панокин, А. М. Дознание в сокращенной форме / А. М. Панокин // Актуальные проблемы российского права.- 2014. - № 5. - С. 914-918.

384. Панько, Н. К. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в

виде судебного штрафа: условия применения и спорные моменты / Н. К. Панько // Судебная власть и уголовный процесс. - 2017. - № 3. - С. 120–127.

385. Папков, С. В. Роль, место и характерные черты дифференцированных форм досудебного производства в наиболее экономически развитых западных государствах и отдельных государствах СНГ (США, Великобритания, Германия, Франция, Р. Беларусь, Р. Казахстан) // Вестник Академии права и управления. 2017. №3 (48). С.82-89.

386. Перекрестов, В. Н. Признание вины как условие сокращенного порядка дознания / В. Н. Перекрестов // Дознание в сокращенной форме: вопросы законодательной регламентации и проблемы правоприменения: сборник статей / под общ. ред. И.С. Дикарева. - Волгоград, 2013. - С. 80-86.

387. Петрова, Г. О. Понятие объекта уголовно-правового отношения / Г. О. Петрова // Вестник ННГУ. -2013. - № 3-2. - С. 160-162.

388. Петрухин, И. Л. Об упрощенной (протокольной) форме расследования преступлений / И. Л. Петрухин // Проблемы правосудия и уголовного права. – Москва : Изд-во ИГиП АН СССР, 1978. - С. 50-62.

389. Петрухин, И.Л. Оптимальная уголовно-процессуальная форма / И. Л. Петрухин // XXV съезд КПСС и дальнейшее укрепление социалистической законности: 40 лет военно-юридического образования в СССР : сборник статей. – Москва : Изд-во Воен.ин-та, 1977. - С. 104–113.

390. Пиюк, А. В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве / А. В. Пиюк // Законность. - 2016. - № 12 (986). - С. 54–56.

391. Пиюк, А. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы и вопросы совершенствования / А. В. Пиюк // Российский следователь. - 2016. - № 19. - С. 12–15.

392. Подковырова, Ю. С. Сокращенная форма дознания - пределы доказывания / Ю. С. Подковырова // Законность. - 2018. - № 3. - С. 57-59.

393. Полянский, Н. Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом / Н. Н. Полянский // Правоведение. - 1960. - № 1.- С. 105-115.

394. Полянский, Н. Н. К вопросу об участии частных лиц в публичном обвинении / Н. Н. Полянский // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. - 1915. - Кн. 9.- С. 104-142.

395. Полянский, Н. Н. Понятие уголовного иска / Н. Н. Полянский // Право и жизнь.- 1926. - Кн. 4–5.- С. 75–87.

396. Полянский, Н. Н. Право обществ на уголовный иск / Н. Н. Полянский // Вопросы права. - 1911. - Кн. 6(2). - С. 110-122.

397. Полянский, Н. Н. Спор о юридической природе уголовного процесса / Н. Н. Полянский // Юридический Вестник. - 1916. - Кн. 15. - 8 с.

398. Полянский, Н. Н. Суд в правовом государстве и наука уголовного процесса / Н. Н. Полянский // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. - 1916. - № 16 (4). - С. 79-97.

399. Поппе, К. О дознаниях производимых Полициею, и порядке их рассмотрения / К. Поппе // Журнал министерства юстиции. - 1861. - Т. 10. - Кн.2.- С. 22–36.

Попандопуло, В.Ф. Договор – средство частноправового регулирования / В. Ф. Попандопуло // Правоведение. - 2009. - № 4. - С. 142–143.

400. Принципиальное значение запрета на поворот к худшему для уголовно-процессуальной системы / К.Д. Ванян [и др.] // Правоприменение. - 2022.- № 3. - С. 212–223.

401. Рамазанов, Т. Б. Сокращенное судебное доказывание в уголовном процессе / Т. Б. Рамазанов // Юридический вестник ДГУ.- 2014.- № 4. - С. 130-134.

402. Романова, А. В. Предмет и пределы доказывания при производстве дознания в сокращенной форме / А. В. Романова // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2014.- № 2 (12). - С. 83-87.

403. Рукавишникова, А. А. Виды решений, принимаемых судом в порядке гл. 51.1 УПК РФ: возможность злоупотребления дискреционными

полномочиями / А. А. Рукавишников // Вестник Томского государственного университета. Право.- 2017. - № 24. - С. 92–101.

404. Руновский, А. В. К вопросу о создании сокращенного дознания / А. В. Руновский // «Черные дыры» в российском законодательстве. - 2011. - № 6. - С. 123-126.

405. Рябина, Т. К. Дознание – самостоятельная форма досудебного производства / Т. К. Рябина // Российский следователь. - 2013. - № 19. - С. 44–48.

406. Савранская, Д. Д. Кабальные сделки (часть первая) / Д. Д. Савранская // Вестник гражданского права. - 2016. - Т. 16, № 5. - С. 110–130.

407. Савченко, А. Н. Медиация в уголовном процессе / А. Н. Савченко, О. В. Уренева // Вестник ЧелГУ. - 2015. - № 25 (380). - С. 131–135.

408. Салимов, С. И. Обеспечение защиты от самоизобличения в системе принципов уголовного судопроизводства Российской Федерации / С. И. Салимов // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 02 декабря 2022 года. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. - С. 324–327.

409. Салимов, С. И. Процедура защиты от самоизобличения в международном уголовном процессе / С. И. Салимов // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 ноября 2021 года. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. - С. 345–348.

410. Салимов, С. И. Свобода от самоизобличения как основа уголовного судопроизводства / С. И. Салимов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2022. - № 2 (68). - С. 35–38.

411. Селютин, А. Н., Протокольная форма досудебной подготовки материалов: Перспективы возвращения в уголовный процесс России / А. Н. Селютин, Н.Н. Сапрыкин // Досудебное производство: проблемы и перспективы : материалы межведомственной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой. – Москва : Московский университет МВД России, 2007. - С. 61–66.

412. Сергеев, А. Б. Состояние и перспективы научного разрешения проблем дифференциации и унификации форм уголовно-процессуальных производств / А. Б. Сергеев // Вестник Челябинского государственного университета. -2014. - № 20 (349). - С. 119-124.

413. Сидоренко, Э. Л. Институт частного и частно-публичного обвинения в свете перспектив кодификации российского уголовного законодательства / Э. Л. Сидоренко // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 100-летию проекта Уголовного уложения 1913 года) : материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30-31 мая 2013 г. / отв. ред. В.С. Комиссаров. - Москва: Юрлитинформ, 2013. - С. 207-210.

414. Сильверстов, П. С. Проблемы правоприменения при производстве дознания в сокращенной форме / П. С. Сильверстов, П. Г. Марфицин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. - 2015.- № 5-6. - С. 312-314.

415. Смирнов, А. В. Дознание в сокращенной форме: еще раз о духе законов / А. В. Смирнов // Уголовный процесс. - 2013. - № 6 (102). - С. 22-31.

416. Смирнов, А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / А. В. Смирнов // Уголовный процесс. - 2009. - № 10.- С. 8-10.

417. Смирнов, А. В. Российский уголовный процесс: необходима новая модель / А. В. Смирнов // Аппарат власти следственной / под ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. - С. 283-284.

418. Смирнов, А. М. О возможности имплементации альтернативной процедуры урегулирования споров с участием посредника в сферу российских уголовно-правовых отношений в свете рекомендации Комитета министров Совета Европы по медиации в уголовных делах / А. В. Смирнов / Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление.- 2016. - № 2. - С. 30–32.

419. Соловьев, А. Б. Соотношение дознания и предварительного следствия по УПК РФ / А. Б. Соловьев, М. Е. Токарева // Уголовное право. - 2003. - № 3.- С. 97-99.

420. Степушов, М. Ю. Технология формирования в досудебном производстве процедурного знания о преступлениях, связанных с незаконной банковской деятельностью / М. Ю. Степушов // Юридический вестник Кубанского государственного университета. - 2023. - № 1 (15). - С. 109–118.

421. Строганова, Т. Ю. Соблюдение интересов потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / Т. Ю. Строганова // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2013. - № 2. - С. 75–83.

422. Строгович, М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации / М. С. Строгович // Социалистическая законность. - 1974. - № 8. - С. 65–66.

423. Сумин, А. А. Сокращенное дознание: мертворожденное дитя реформаторов уголовного процесса / А. А. Сумин // Адвокат. - 2013.- № 10.- С. 5–8.

424. Сычѳв, П. Г. Об отдельной главе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации о производстве по уголовным делам в отношении предпринимателей / П. Г. Сычѳв // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. -2019. - № 2 (46). - С. 170–175.

425. Сычёв, П. Г. Проблематика уголовно-правовой защиты имущественных отношений хозяйствующих субъектов России / П. Г. Сычёв // Имущественные отношения в РФ. - 2013. - № 2 (137). - С.81–87.

426. Сычев, П. Г. Становление и понятие теории дифференциации уголовного судопроизводства / П. Г. Сычёв // Российская юстиция. - 2015. - № 9. - С. 31-35.

427. Тарасов, А. А. Международные стандарты справедливой процедуры судебного разбирательства - «западные ценности» или здравый смысл? / А. А. Тарасов // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка : XX Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. – С. 596-598.

428. Тарасов, А. А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное судопроизводство / А. А. Тарасов // ООН и вызовы современного мира в XXI веке : коллективная монография. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. – С. 112-126.

429. Тарасов, А. А. Международные стандарты прав человека и российское уголовное правосудие / А. А. Тарасов // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 4. – С. 61-66.

430. Татьяна Л.Г. Защита прав сторон при производстве дознания в сокращенной форме / Л. Г. Татьяна // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». - 2016. - Т. 26, № 3. - С. 129-132.

431. Терехов, Е. В. Полномочия прокурора по разрешению уголовного дела в Австрийской Республике / Е. В. Терехов // Законность. - 2011. - № 3. - С. 65–69.

432. Титова, К.А. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве / К. А. Титова, Т.В. Топчиева // Общество и право. - 2018.- № 4 (66).- С.75-79.

433. Тогушова, И. С. Особенности производства дознания в сокращенной форме / И. С. Тогушева // Центральный научный вестник. - 2016. - Т. 1, № 16. - С. 54-57.

434. Федотова, Д. В. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве Д. В. Федотова // Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2012.- № 1.- С. 67–72.

435. Фоменко, А. Н. Субсидиарное обвинение как форма защиты прав потерпевшего в уголовном процессе / А. Н. Фоменко // Проблемы экономики и юридической практики. - 2009. - № 5. - С. 167-170.

436. Хайдаров, А. А. Принятие судом процессуального решения об отказе в удовлетворении ходатайства следователя о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) и назначении этому лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / А. А. Хайдаров, Н.С. Диденко // Юристъ-Правоведь.- 2018. - № 1 (84). - С. 69–74.

437. Хасанова, С. Г. К вопросу о понятии и значении принципов уголовного судопроизводства / С. Г. Хасанова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.- 2015.- №4 (167). – С. 191-195.

438. Хупсергенов, Х. М. Протокольная форма досудебной подготовки материалов по уголовным делам: взгляд в прошлое /Х. М. Хупсергенов// Теория и практика общественного развития. - 2015. - № 8. - С. 97–100.

439. Цветков, Ю. А. Становление следственной власти на постсоветском пространстве / Ю. А. Цветков // Российский следователь.- 2015. - № 11. - С. 9–12.

440. Цинова, М. В., О субъектах обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и некоторых особенностях их процессуальных

возможностей при производстве дознания в сокращенной форме / М. В. Цинова, А. А. Насонова // Общество и право. - 2015. - № 4 (54). - С. 236-241.

441. Чернова, С. С. К вопросу о доказывании при производстве дознания в сокращенной форме / С. С. Чернова // Современные научные исследования и разработки. - 2016.- № 6 (6). - С. 519–521.

442. Чернышева, И. В. Проблемы дифференциации форм российского уголовного судопроизводства / И. В. Чернышова // Пробелы в российском законодательстве. - 2010. - № 4. - С. 235-238.

443. Чурилов, Ю. Ю. Использование примирительных процедур в уголовном судопроизводстве вопреки интересам сторон / Ю. Ю. Чурилов // Уголовное судопроизводство. - 2009. - № 2. - С. 9–10.

444. Шараева, Я. А. Некоторые проблемные аспекты производства дознания в сокращенной форме / Я. А. Шараева // Философия права. - 2021.- № 2 (97). - С. 136–139.

445. Шарипова, А. Р. Конвергенция в процессуальных отраслях права: перспективы судебного права и уголовного процесса / А. Р. Шарипова // Государство и право. - 2021. - № 7.- С. 115-124.

446. Шерстнев, В. Б. Оптимизация процедуры прекращения уголовного дела (преследования) в связи с возмещением ущерба в полном объеме / В. Б. Шерстнев // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2020. - № 1 (51). - С. 103–110.

447. Шерстнев, В. Б. Правовая организация досудебного урегулирования уголовно-правовых споров / В. Б. Шерстнев // Уголовно-правовые аспекты выявления, раскрытия и расследования преступлений. Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской полиции. - Белгород, 2018. - С. 134–137.

448. Шерстнев, В. Б. Прекращение уголовного дела (преследования) в связи с досудебным урегулированием уголовно-правового спора как альтернативный исход уголовного процесса / В. Б. Шерстнев // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях : сборник статей

Международной научно-практической конференции (Уфа, 17 октября 2021 г.). - Уфа : OMEGA SCIENCE, 2021. - С. 106–109.

449. Шерстнев, В. Б. Проблемы правовой регламентации прекращения уголовных дел за примирением сторон / В. Б. Шерстнев // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) : сборник трудов XIV Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (14–16 декабря 2017 г., г. Кострома) / сост. Д.Н. Лукоянов, А.С. Евстегнеев, И.Н. Мельников, О.В. Плюснина, А.Г. Сироткин, О.А. Тетерина ; отв. ред. Г.Г. Бриль, В.В. Груздев. - Кострома : Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. - С. 434-439.

450. Шерстнев В.Б. Уголовно-процессуальный механизм досудебного урегулирование простых уголовно-правовых споров: современное состояние и направление совершенствования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3 (47). С. 207–210.

451. Шмоллер, К. Реформа уголовного судопроизводства Австрии
Статья 2. Новое в дознании / К. Шмоллер// Уголовное судопроизводство. - 2017.- № 1. - С. 37–42.

452. Шумилин, С. Ф. Механизм реализации полномочий следователя на разрешение ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве нуждается в совершенствовании / С. Ф. Шумилин // Российский следователь. - 2010. - № 5.- С. 9–11.

453. Щегловитов, И. О прекращении уголовного преследования / И. О. Щегловитов // Журнал гражданского и уголовного права. - 1887.- № 10. - С. 37–81.

454. Якимович, Ю. К. Дифференциация уголовного судопроизводства должна иметь разумные пределы и не приводить к упрощенчеству / Ю. К. Якимович // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2014.- № 2 (12). - С. 106–112.

455. Якимович, Ю. К. О некоторых вопросах дальнейшей дифференциации уголовного процесса России / Ю. К. Якимович // Уголовная юстиция. - 2013. - № 1. - С. 59–64

456. Якубова, С. М. О прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / С. М. Якубова // Академическая мысль. - 2019. - №3 (8). - С. 35–39.

Диссертации и авторефераты диссертаций

457. Александров, А. С. Диспозитивность в уголовном процессе : диссертация ... кандидата юридических наук / А. С. Александров. - Нижний Новгород, 1995. - 243 с.

458. Аликперов, Х. Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью : диссертация ... доктора юридических наук / Х. Д. Аликперов ; Академия МВД. - Москва, 1992. - 300 с.

459. Алимйрзаев, А. А. Доказывание в сокращенных формах уголовного судопроизводства по делам публичного обвинения : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / А. А. Алимйрзаев ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. - Москва, 2014. - 36 с.

460. Апостолова, Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : диссертация ... доктора юридических наук / Н. Н. Апостолова ; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2010. - 369 с.

461. Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : диссертация ... кандидата юридических наук / К. Ф. Багаутдинов ; [Место защиты: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации]. - Нижний Новгород, 2020. - 224 с.

462. Бажанов, С. В. Стоимость уголовного процесса : диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.09 / С. В. Бажанов. - Нижний Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002. - 585 с.

463. Благов, Е. В. Теория применения уголовного права : диссертация ... доктора юридических наук / Е. В. Благов. - Санкт-Петербург, 2005. - 415 с.

464. Бопхоев, Х. В. Принудительные меры в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений: проблемы совершенствования законодательного урегулирования и практики правоприменения : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / Х. В. Бопхоев. - Нижний Новгород: Нижегор. акад. МВД России, 2006. - 271 с.

465. Варяник, А. А. Прекращение публичного уголовного преследования (дела) по нереабилитирующим основаниям : проблемы нормативного регулирования и правоприменения : диссертация ... кандидата юридических наук / А. А. Варяник ; Нижегор. акад. МВД России. - Нижний Новгород, 2005. - 237 с.

466. Герасенков, В. М. Модели ускоренного досудебного производства в российском уголовном процессе : диссертация ... кандидата юридических наук / В. М. Герасенков ; [Место защиты: Университет прокуратуры Российской Федерации]. - Москва, 2020. - 232 с.

467. Головизнин, М. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : диссертация ... кандидата юридических наук / М. В. Головизнин ; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2012. - 250 с.

468. Долгов, А. М. Дознание как форма предварительного расследования : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / А. М. Долгов ; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар : Кубанский государственный университет, 2016. - 222 с.

469. Дубовик, Н. П. Особый порядок судебного разбирательства и его место в системе упрощенных производств по уголовным делам: диссертация ... кандидата юридических наук / Н. П. Дубовик. - Москва, 2004. - 174 с.

470. Дудина, Н. А. Порядок производства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как процессуальная форма деятельного раскаяния : диссертация ... кандидата юридических наук / Н. А. Дудина ; Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. - Томск, 2015. - 212 с.

471. Журавлева, Н. М. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: проблемы законодательного регулирования, теории и правоприменения : диссертация ... кандидата юридических наук / Н. М. Журавлева ; [Место защиты: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации]. - Екатеринбург, 2020. - 246 с.

472. Зотова, М. В. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе : диссертация ... кандидата юридических наук / М. В. Зотова ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. - Москва, 2016. - 237 с.

473. Иванов, А. А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук / А. А. Иванов ; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. - Челябинск, 2013. - 265 с.

474. Ивасенко, К. В. Пределы прав вышестоящих инстанций при проверке судебных решений в апелляционном, кассационном и надзорном производствах : диссертация ... кандидата юридических наук / К. В. Ивасенко ; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2014. - 265 с.

475. Каматесов, П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма: диссертация ... кандидата юридических наук / П. А. Каматесов ; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». - Санкт -Петербург, 2022. - 507 с.

476. Качалова, О. В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе : автореферат диссертации ... доктора юридических наук / О. В. Качалова ; [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. Москва, 2016. - 55 с.

477. Кищенко, А. В. Упрощённые производства: проблемы теории, законодательного регулирования и правоприменения : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / А. В. Кищенко ; [Место защиты: Дальневост. гос. ун-т]. - Владивосток, 2010. - 31 с.

478. Климанова, О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений: диссертация ... кандидата юридических наук / О. В. Климанова ; [Место защиты: Сам. нац. исслед. ун-т им. С.П. Королева]. - Самара, 2017. - 296 с.

479. Ковалев, Р. Р. Правовое регулирование досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии предварительного расследования : диссертация ... кандидата юридических наук / Р. Р. Ковалев ; [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ]. - Москва, 2015. - 193 с.

480. Колесник, В. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе Российской Федерации : доктрина, законодательная техника, толкование и практика : диссертация ... кандидата юридических наук / В. В. Колесник. - Нижний Новгород, 2013. - 234 с.

481. Корчаго, Е. В. Развитие института соглашения о признании вины в России и «Plea Bargaining» в уголовном судопроизводстве США : диссертация ... кандидата юридических наук / Е. В. Корчаго. - Москва, 2023. - 177 с.

482. Костенко, Н. С. Досудебное соглашение о сотрудничестве в уголовном процессе: правовые и организационные вопросы заключения и реализации: диссертация ... кандидата юридических наук / Н. С. Костенко ; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т].- Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2013. - 238 с.

483. Кропачев, Н. М. Механизм уголовно-правового регулирования : диссертация ... доктора юридических наук в форме научного доклада / Н. М. Кропачев. – Санкт-Петербург, 2000. - 59 с.

484. Круглов, И. В. Уголовный иск и механизм его доказывания : диссертация... кандидата юридических наук / И. В. Кропачев. - Нижний Новгород, 2001. - 177 с.

485. Кубрикова, М. Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве : диссертация... кандидата юридических наук / М. Е. Кубрикова ; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. - Челябинск, 2013. - 262 с.

486. Кувалдина, Ю. В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России : диссертация... кандидата юридических наук / Ю. В. Кувалдина ; [Место защиты: Сам. гос. ун-т]. - Самара : СамГУ, 2011. - 272 с.

487. Кудайбергенова, Е. А. Правовое регулирование и практика применения процессуального соглашения в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан: диссертация... кандидата юридических наук / Е. А. Кудайбергенова. - Волгоград, 2023. - 256 с.

488. Кудряшова, Е. С. Обеспечение качества дознания в уголовном судопроизводстве : диссертация... кандидата юридических наук / Е. С. Кудряшова ; [Место защиты: Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации]. - Нижний Новгород, 2020. - 262 с.

489. Лесников, Г. Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): диссертация ... доктора юридических наук / Г. Ю. Лесников ; Акад. упр. МВД РФ. - Москва, 2005. - 350 с.

490. Лошкобанова, Я. В. Обеспечение прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук /

Я. В. Лошкобанова ; [Место защиты: Волгогр. акад. МВД России]. - Краснодар, 2015. - 228 с.

491. Малышева, О. А. Досудебное производство в российском уголовном процессе: проблемы реализации и правового регулирования): диссертация ... доктора юридических наук / О. А. Малышева ; [Место защиты: Акад. упр. МВД РФ].-Москва, 2013. - 508 с.

492. Манова, Н. С. Теоретические проблемы уголовно-процессуальных производств и дифференциация их форм : диссертация ... доктора юридических наук / Н. С. Манова ; Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка при Генер. прокуратуре РФ. - Москва, 2005. - 443 с.

493. Мичурина, О. В. Концепция дознания в уголовном процессе Российской Федерации и проблемы ее реализации в органах внутренних дел : диссертация ... доктора юридических наук / О. В. Мичурина ; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. – Москва : Моск. ун-т МВД РФ, 2008. - 581 с.

494. Мищенко, Е. В. Проблемы дифференциации и унификации уголовно-процессуальных форм производств по отдельным категориям уголовных дел : диссертация ... кандидата юридических наук / Е. В. Мищенко ; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2014. - 458 с.

495. Никаноров, С. А. Процессуальное положение прокурора в сокращенных процедурах уголовного судопроизводства : диссертация... кандидата юридических наук / С. А. Никаноров. - Москва, 2017. - 192 с.

496. Никифоренко Ю.Л. Осуществление уголовного преследования в упрощенных формах: доктрина, законодательная техника и правоприменительная практика: диссертация ... кандидата юридических наук / Ю. Л. Никифоренко ; [Место защиты: Нижегор. акад. МВД России]. - Нижний Новгород, 2018. - 274 с.

497. Панфилов, П. О. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской

деятельности: диссертация ... кандидата юридических наук /П. О. Панфилов, [Место защиты: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя]. - Москва : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. - 247 с.

498. Пастухов, П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: диссертация ... доктора юридических наук. 12.00.09 / П. С. Пастухов ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2015. - 454 с.

499. Пастухов, П. С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества : автореферат диссертации ... доктора юридических наук. 12.00.09 / П. С. Пастухов ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2015. - 66 с.

500. Перекрестов, В. Н. Уголовно-процессуальное значение признания вины в России: диссертация ... кандидата юридических наук / В. Н. Перекрестов Волгоград, 2013. 190 с.

501. Пестов, А. Д. Процессуальные полномочия прокурора при производстве дознания в сокращенной форме : диссертация ... кандидата юридических наук /А. Д. Пестов ; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2016. - 222 с.

502. Пиюк, А. В. Теоретические основы упрощения форм разрешения уголовных дел судом в Российской Федерации: типологический аспект: диссертация ... кандидата юридических наук / А. В. Пиюк ; [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. - Томск, 2017. - 469 с.

503. Полуэктов, А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: диссертация ... кандидата юридических наук / А, Г. Полуэктов ; [Место защиты: Ун-т прокуратуры РФ]. - Москва, 2018. - 210 с.

504. Попова, Л. В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской

деятельности: диссертация ... кандидата юридических наук / Л. В. Попова ; [Место защиты: Волгоградская академия МВД России]. - Волгоград: Волгоградская академия МВД РФ, 2019. - 278 с.

505. Потапов, Д. В. Проблемы взаимодействия следователя, руководителя следственного органа и прокурора в досудебном производстве по уголовному делу: диссертация ... кандидата юридических наук / Д. В. Потапов ; [Место защиты: Акад. упр. МВД РФ]. - Москва, 2019. - 206 с.

506. Ринчинов, Б. А. Производство по уголовным делам в суде апелляционной инстанции в период судебно-правовой реформы: диссертация ... кандидата юридических наук / Б. А. Ринчинов ; [Место защиты: Акад. Генер. прокуратуры РФ]. - Москва : Акад. Генер. прокуратуры РФ, 2013. - 256 с.

507. Рудич, В. В. Справедливость в уголовном судопроизводстве: теоретический и прикладной аспекты : диссертация ... кандидата юридических наук / В. В. Рудич ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. - Москва, 2013. - 274 с.

508. Руновский, А. В. Дифференциация уголовно-процессуальных форм досудебного производства по делам публичного производства: диссертация ... кандидата юридических наук / А. В. Руновский ; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. - Москва, 2012. - 277 с.

509. Саркисян, Т. Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: диссертация ... кандидата юридических наук / Т. Б. Саркисян ; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. - Краснодар, 2012. - 201 с.

510. Сидоренко, Э. Л. Диспозитивность как режим уголовно-правового регулирования: диссертация ... кандидата юридических наук / Э. Л. Сидоренко ; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. - Москва, 2013. - 418 с.

511. Скобкарева, Е. А. Упрощенная форма досудебного производства по уголовному делу: вопросы теории, законодательства и практики:

диссертация ... кандидата юридических наук /Е. А. Скобкарева ; [Место защиты: Волгогр. акад. МВД России]. - Волгоград, 2018. - 259 с.

512. Смолин, А. Г. Особый порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ: проблемы нормативного регулирования и дальнейшего развития : диссертация ... кандидата юридических наук /А. Г. Смолин ; Нижегород. акад. МВД России. - Нижний Новгород, 2005. - 257 с.

513. Степанова, И. А. Протокольная форма досудебной подготовки материалов в советском уголовном процессе : автореферат диссертации ... кандидата юридических наук / И. А. Степанова ; Акад. М-ва внутр. дел СССР. - Москва, 1989. - 20 с.

514. Сумачев, А. В. Диспозитивность в уголовном праве : автореферат диссертации ... доктора юридических наук / А. В. Сумачев. - Екатеринбург: Уральская гос. юрид. акад, 2006. - 51 с.

515. Сыдыгалиев, М. А. Дифференциация формы досудебного производства в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики и Российской Федерации : диссертация ... кандидата юридических наук / М. А. Сыдыгалиев ; [Место защиты: Нижегород. акад. МВД России]. - Нижний Новгород, 2016. - 226 с.

516. Тертышная. О. А. Уголовно-процессуальный механизм досудебного соглашения о сотрудничестве : диссертация ... кандидата юридических наук / О. А. Тертышная. - Воронеж, 2014. - 206 с.

517. Топчиева, Т. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: диссертация ... кандидата юридических наук /Т. В. Топчиева. – Санкт-Петербург, 2013. - 605 с.

518. Третьякова, О. Д. Юридическая конвергенция : диссертация ... доктора юридических наук / О. Д. Третьякова. - Владимир: Владимирский юридический институт, 2012.- 445 с.

519. Трубникова, Т. В. Упрощенные судебные производства в уголовном процессе России : диссертация ... кандидата юридических наук / Т. В. Трубникова. - Томск, 1998. - 264 с.

520. Федосеева, Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве: диссертация ... кандидата юридических наук / Е. Л. Федосеева. - Екатеринбург, 2014. - 253 с.

521. Ченцов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением судебного штрафа: теория, законодательство, правоприменение: диссертация ... кандидата юридических наук / В. В. Ченцов. - Москва, 2018. - 224 с.

522. Шерстнев, В. Б. Уголовно-процессуальный порядок досудебного урегулирования уголовно-правовых споров: современное состояние и концепция оптимизации: диссертация ... кандидата юридических наук / В. Б. Шерстнев. - Нижний Новгород, 2021. - 313 с.

523. Шестакова, С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (Теоретико-правовое исследование) : диссертация ... доктора юридических наук / С. Д. Шестакова.- Санкт-Петербург: СУ МВД РФ, 2004. - 388 с.

524. Шишов, В. В. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в досудебном производстве: диссертация ... кандидата юридических наук / В. В. Шишов. - Москва, 2019. - 223 с.

525. Ярыгина, Л. А. Доказывание при производстве дознания в сокращенной форме : диссертация ... кандидата юридических наук / Л. А. Ярыгина. - Самара, 2017. - 252 с.

Информационно-телекоммуникационные ресурсы сети Интернет

526. Уголовная политика : дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков [и др.]. - Москва : ЦСР ИНСТИТУТЫ И ОБЩЕСТВО, 2017. – Текст :

- электронный // Яндекс.360 : [сайт]. - URL: <http://csr.ru/wpcontent/uploads/2017/04/ReportCP.pdf> (дата обращения: 18.04.2023).
527. Адвокаты обратились в Совфед, указав на проблемы в практике применения института досудебного соглашения : публикация от 1 июня 2023г. – Текст : электронный // Адвокатская газета : [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-obratilis-v-sovfed-ukazav-na-problemy-v-praktike-primeneniya-instituta-dosudebnogo-soglashe/> (дата обращения: 23.07. 2023).
528. Выступление президента России В.В. Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 28 февраля 2018 года. – Текст : электронный // Президент России : [сайт]. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56949> (дата обращения: 18.03.2023).
529. Выступление президента России В.В. Путина на расширенной коллегии Генеральной прокуратуры России 19 марта. 2019 года. – Текст : электронный // Президент России : [сайт]. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60100> (дата обращения: 18.03.2023).
530. Калиновский К.Б. Быстрота (срочность) уголовного судопроизводства – есть принцип уголовно-процессуального права // Материалы международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития правовой науки», посвященной 75-летию Удмуртского государственного университета, Ижевск, 30-31 марта 2006 года : публикация от 21.01.2010.- Ижевск, 2006. – Текст : электронный //Международная ассоциация содействия правосудию : [сайт]. - URL : <https://www.iuaj.net/node/838.?ysclid=ismz98e188380582803> (дата обращения: 22.05.2023).
531. Никольский, А. Дмитрий Медведев сократил сроки дознания : публикация от 11 марта 2012 / А. Никольский, Л. Бирюкова.-Текст : электронный // Ведомости : [сайт]. – URL:

- https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/03/11/ubrat_ponyatyh (Дата обращения 23.06.2023).
532. Поощрение как метод уголовно-процессуального регулирования : заседание Всероссийского круглого стола с международным участием 04 февраля 2023 г. в Северо-Западном филиале «Российского государственного университета правосудия» : публикация от 07.02.2023г. – Текст : электронный // Международная ассоциация содействия правосудию : [сайт]. - URL: <https://www.iaaj.net/node/3193?ysclid=ismz0atorr349633343> (Дата обращения : 22.06.2023).
533. Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года. – Текст : электронный // Президент России : [сайт]. - URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/page/4> (дата обращения: 14.03.2023).
534. Путин, В. В. Выступление на форуме АСИ «Сильные идеи для нового времени» 20 июля 2022 года. – Текст : электронный //Президент России : [сайт]. - URL: [http://kremlin.ru/events/president/news/page/:](http://kremlin.ru/events/president/news/page/) (Дата обращения: 01.10.2022).
535. Русман, Г. С. Поощрительные формы уголовного судопроизводства и правоприменительные проблемы их реализации : тезисы доклада. – Текст : электронный // Международная ассоциация содействия правосудию : [сайт]. - URL : [:https://www.iaaj.net/node/3193](https://www.iaaj.net/node/3193). (Дата обращения: 01.10.2022).
536. Circumcisio дознания : публикация от 22.12.11. – Текст : электронный //Международная Ассоциация содействия правосудию : [сайт]. - URL: <https://www.iaaj.net/node/1260> (Дата обращения : 22.06.2023).
537. Aleksandrov, A.S., Zaytsev O.A., Muraev P.P., Ruchkin V.A. (2021) The Institutional Basis for Implementing “Smart Technologies” in the Legal System of Fighting Crimes. In: Popkova E.G., Sergi B.S. (eds) "Smart Technologies" for Society, State and Economy. ISC 2020. Lecture Notes in Networks and

Systems, vol 155. Springer, Cham. Pp. 1195-1203. - The text is electronic // URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_130 (дата обращения: 01.10.2022).

Судебная и иная правоприменительная практика

Постановления и определения Конституционного Суда РФ

538. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.12.2014 № 2951-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Караваева Александра Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47, 56, 278 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Текст : электронный // СПС «Гарант» : [сайт]. - URL: <https://base.garant.ru/70852410/> (Дата обращения : 12.03.2023).

539. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.04.2003 № 7-П По делу о проверке конституционности положения пункта 8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с жалобой гражданки Л.М. Запорожец» // Собрание законодательства РФ. -2003. - № 18. - Ст. 1748.

540. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» //Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 50. - Ст. 5679.

541. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.1996 № 19-П «По делу о проверке конституционности статьи 418 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с запросом Каратузского районного суда Красноярского края» // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 50. - Ст. 5679.

542. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.10.2018 № 36-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 24, части второй статьи 27, части первой статьи 239 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.И. Тихомоловой» // Собрание законодательства РФ. - 2018. - № 44. - Ст. 6821.

543. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 1-О «О прекращении производства по жалобе закрытого акционерного общества «Энергопромкомплект» на нарушение конституционных прав и свобод частью пятой статьи 11 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» // Вестник Конституционного Суда РФ. - 2004. - № 5.

544. Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1481–О–О «По жалобе граждан Ковальчука Владимира Степановича и Ковальчук Тамары Николаевны на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 317.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Текст : электронный // Конституционный суд РФ : [сайт]. - URL: <http://www.ksrf.ru/>(Дата обращения : 12.06.2023).

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации

545. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 31.07.2015 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Государственная Дума Федерального Собрания РФ.Официальный : [сайт]/ - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/953369-6> (Дата обращения : 12.06.2023).

546. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. - 2016. - 7 декабря.

547. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. - 2021. - № 159. - 16 июля.

548. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.05.2016 № 23 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. - 2016. - 1 июня.

549. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Российская газета. - 2010. - 7 июля.

550. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 (ред. от 29.06.2021) «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. - 2012. - 11 июля ; 2021. - № 159.

551. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 (ред. от 28.06.2022) «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ» // Российская газета. - 2009. - 18 февраля; 2022. - № 145.

552. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60
О применении судами особого порядка судебного разбирательства
уголовных дел: // Российская газета. - 2006. - № 286. - 20 декабря.

553. Постановление о прекращении уголовного дела и освобождении
от уголовной ответственности В.Е.В., обвиняемого в совершении
преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в соответствии со
ст. 25.1 УПК РФ, от 9 декабря 2019 г. по делу № 1-726/2019 (Пятигорский
городской суд (Ставропольский край) УИД 26RS0029-01-2019-008637-82).
Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт].- URL :
sudact.ru/regular/doc/ZBtTixgj9HUj/ (Дата обращения 12.03.2023).

554. Постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -
127/2019 от 16 мая 2019 года. – Текст : электронный //Судебные и
нормативные акты РФ : [сайт]. - URL : sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/
(Дата обращении : 22.06.2023).

555. Кассационное постановление Президиума Самарского
областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского
районного суда от 16 мая 2019 года. – Текст : электронный // Судебные и
нормативные акты РФ : [сайт]. URL : sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/
(Дата обращения : 22.06.2023).

556. Кассационное постановление Президиума Самарского
областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского
районного суда от 16 мая 2019 года. Текст : электронный // Судебные и
нормативные акты РФ : [сайт]. URL :
sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/(Дата обращения 22.06.2023).

557. Апелляционное определение № 22-4369/2014 от 26 июня 2014 г.
по делу № 22-4369/2014. - Текст : электронный // Судебные и нормативные
акты РФ : [сайт]. - URL :sudact.ru/regular/doc/tlJ3boXMmiNI/ (Дата обращения
: 22.06.2023).

558. Апелляционное постановление Пермского краевого суда по делу
№ 22К-788 от 8 февраля 2018 г.- Текст : электронный // Судебные и

нормативные акты РФ : [сайт]. - URL: sudact.ru/regular/doc/lAwR2MTKV66Y/ (Дата обращения : 22.06.2023).

559. Апелляционное определение Красноярского краевого суда № 22-4369/2014 от 26 июня 2014 г. по делу № 22-4369/2014 (Красноярский краевой суд (Красноярский край). -Текст : электронный //Судебные и нормативные акты РФ :[сайт]. - URL : sudact.ru/regular/doc/tlJ3boXMmiNI/ (Дата обращения 22.06.2023).

560. Постановление Кстовского городского суда от 4 апреля 2019 года о возвращении уголовного дела № 1-127/201 прокурору для соединения уголовным дел / Уголовное дело № 1-127/201 (№ 11801220089000138) по обвинению П.Э.О. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 172 ч. 2 п.п. «а,б» и 173.1 ч. 2 п. «б», 210 УК РФ. Т // Архив Кстовского городской суда Нижегородской области

561. Постановление Приокского районного суда г. Нижнего Новгорода о возвращении уголовного дела прокурору от 12.04.2022. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/bVsS2KHgNwLj/ (Дата обращения 22.03.2023).

562. Постановление Тигильского районного суда по делу № 1-10/2019 о возвращении уголовного дела прокурору (Камчатский край). -Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. - URL:sudact.ru/regular/doc/JEybGO37ppIW/ (Дата обращения 22.03.2023).

563. Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. -Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. - URL: [/sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/](http://sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/) (Дата обращения 22.03.2023).

564. Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года.- Текст : электронный // Судебные и

нормативные акты РФ : [сайт]. - URL: sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/
(Дата обращения 22.03.2023).

565. Приговор Московского районного суда г. Нижнего Новгорода по уголовному делу № 1 - 47/12 //Архив Московского районного суда г. Нижнего Новгорода.

566. Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года. Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/
(Дата обращения 22.03.2023)

567. Постановление Тигильского районного суда по делу № 1-10/2019 о возвращении уголовного дела прокурору (Камчатский край) Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: sudact.ru/regular/doc/JEybGO37pp1W/ (Дата обращения 22.03.2023)

568. Кассационное постановление Президиума Самарского областного суда № 44у -127/2019 об отмене приговора Октябрьского районного суда от 16 мая 2019 года.Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL : [//sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/](http://sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/)
(Дата обращения 22.03.2023).

569. Постановление Тигильского районного суда по делу № 1-10/2019 о возвращении уголовного дела прокурору (Камчатский край)Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : [сайт]. URL: [/sudact.ru/regular/doc/JEybGO37pp1W/](http://sudact.ru/regular/doc/JEybGO37pp1W/)(Дата обращения 22.03.2023)

Приложение № 1

Результаты анкетирования следователей Следственного комитета РФ, а также следователей и дознавателей органов внутренних дел РФ		
Вопросы	Варианты ответов	Итог
1. Является ли процесс российским уголовный процесс состязательным?	- да	30%
	- нет	43%
	- другое	14%
	- затрудняюсь сказать	13%
2. Присутствует ли в российском процессе свобода участников уголовно-процессуальных отношений?	- да	18%
	- нет	27%
	- другое	12%
	- затрудняюсь сказать	43%
3. Влияет ли воля участников уголовно-процессуальных отношений на развитие и исход процесса?	- да	21%
	- нет	28%
	- другое	13%
	- затрудняюсь сказать	28%
4. Считаете ли Вы верным то, что человек сам является хозяином своей судьбы, в том числе и в уголовном деле?	- да	24%
	- нет	34%
	- другое	13%
	- затрудняюсь сказать	29%
4.1. Если да, то допускаете ли вы свободу распоряжения обвиняемым своими правами на признание вины по предъявленному обвинению и согласие на ускоренную процедуру?	- да	57%
	- нет	12%
	- другое	8%
	- затрудняюсь сказать	23%
4.2. Если нет, и вы считаете, что государство определяет ход процесса, исход дела, также обеспечивает защиту интересов обвиняемого, то какие органы государства делают это:		
	- суд	13%

	- нет	87%
- прокурор	- да - нет	17% 83%
- следователь	- да - нет	10% 90%
- орган предварительного расследования	- да - нет	14% 30%
- все эти компетентные государственные органы, осуществляющих производство по делу	- да - нет	47% 53%
5. Есть ли правовые договорные уголовно-процессуальные отношения в современном уголовном процессе России?	- да - нет -другое - затрудняюсь сказать	23% 45% 6% 26%
5.1.Если да, то надо ли их развивать?	- да - нет -другое - затрудняюсь сказать	39% 46% 3% 13%
5.2. Если нет, то допустимо ли их возникновение в российском уголовном судопроизводстве?	- да - нет -другое - затрудняюсь сказать	17% 48% 7% 28%
6. Если договорные уголовно-процессуальные отношения существуют, то кто является их субъектами:		
- стороны в деле	- да - нет	31% 69%
- стороны в деле и суд	- да - нет	39% 61%
- государство и обвиняемый	- да - нет	30% 70%
7. Гарантией добровольности (свободы) вступления обвиняемого в договорные отношения с государством (стороной обвинения) выступает:		
- защитник (адвокат)	- да - нет	13% 87%
- суд (судебный контроль)	- да - нет	29% 71%

- прокурор (прокурорский надзор)	- да - нет	19% 81%
- государственный орган, ведущий уголовное дело (следователь, дознаватель и пр.)	- да - нет	26% 74%
- уголовно-процессуальная система (справедливая)	- да - нет	11% 89%
8. Может ли быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений обвинение?	- да - нет - затрудняюсь сказать	6% 91% 3%
9. Могут ли быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений доказательства, предмет доказывания?	- да - нет - затрудняюсь сказать	4% 88% 8%
10. Может ли стать предметом договорных уголовно-процессуальных отношений определение меры уголовно-правового воздействия (наказание)?	- да - нет - затрудняюсь сказать	4% 90% 6%
11. Является ли договорными (договорно-упрощенными) следующие процедуры:		
- особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ)	- да - нет	78% 22%
- досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ)	- да - нет	81% 19%
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ)	- да - нет	23% 77%
- замена наказания судебным штрафом, предусмотренная ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ	- да - нет	21% 79%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ	- да - нет	26% 74%
- прекращение уголовных	- да	18%

дел по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 1 ст. 27 УПК РФ	- нет	82%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 28 УПК РФ	- да - нет	17% 83%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ст. 28.1 УПК РФ	- да - нет	31% 69%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному 427 УПК РФ	- да - нет	8% 92%
12. Являются ли эффективными следующие ускоренные (упрощенные) производства:		
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ)	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	21% 53% 4% 22%
- замена наказания судебным штрафом, предусмотренная ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	33% 41% 8% 18%
13. Есть ли необходимость в создании нового упрощенного производства об очевидных преступлениях небольшой и средней тяжести?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	57% 16% 3% 24%
13.1. Если да, то поддерживаете ли вы в устройстве нового ускоренного (суммарного) производства следующего:		
- чтобы оно проводилось только по решению прокурора	- да - нет - затрудняюсь сказать	32% 43% 25%
- без возбуждения уголовного дела	- да - нет - затрудняюсь сказать	36% 38% 26%

- не независимо от того, признает ли лицо свою вину в совершении преступления, в котором его подозревают, или не признает	- да - нет - затрудняюсь сказать	41% 23% 34%
- вместо «уголовного дела» дознавателем составлялся только «протокол об уголовном проступке (преступлении)»	- да - нет - затрудняюсь сказать	73% 19% 8%
- без проведения следственных действий при досудебной подготовке материалов	- да - нет - затрудняюсь сказать	33% 43% 14%
- получение под протокол пояснений от нарушителя уголовного закона	- да - нет - затрудняюсь сказать	65% 17% 18%
- при (обязательной) видеофиксации события преступления, исключающей сомнения в его совершении этим лицом, которая прилагается к протоколу в виде электронного носителя информации	- да - нет - затрудняюсь сказать	71% 21% 8%
- завершение в трехсуточный срок всего производства	- да - нет - затрудняюсь сказать	12% 74% 14%
- разрешение дела в одно судебное заседание	- да - нет - затрудняюсь сказать	54% 29% 17%
- выдвижение обвинения после принятия дела судьей к производству одновременно с возбуждением уголовного дела в судебном заседании	- да - нет - затрудняюсь сказать	14% 68% 18%
- выдвижение и поддержание гособвинения в суде представителем органа дознания (по поручению прокурора)	- да - нет - затрудняюсь сказать	18% 55% 27%
- вынесение судом	- да	62%

приговора в приказном порядке немедленно после признание обвиняемым своей вины в преступлении по предъявленному обвинению	- нет - затрудняюсь сказать	23% 15%
- пересмотр приговора только в порядке кассации при наличии исключительных оснований	- да - нет - затрудняюсь сказать	21% 16% 63%
14. Разделяете ли Вы мнение о том, что порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ, можно применять во всех случаях признание вины обвиняемым (подсудимым)?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	27% 45% 13% 17%
15. Надо ли включить в российское уголовно-процессуальное право соглашение об отказе от проведения судебного следствия в связи с признанием подсудимым вины?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	12% 23% 7% 58%
16. Надо ли допустить заключение соглашения прокурора со стороной защиты о проведении судебного разбирательства в особом порядке по делам о тяжких преступлениях?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	58% 26% 3% 13%
17. Согласны ли Вы с тем, что досудебное соглашение о сотрудничестве должно заключаться только если обвиняемый может предложить органу предварительного следствия содействие в раскрытии тяжких, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, в	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	56% 25% 4% 15%

изобличении их, изъятии имущества, полученного этими лицами преступным путем в особо крупном размере?		
18. Известны ли Вам случаи заключения прокурором нового досудебного соглашения с обвиняемым о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	13% 73% 0% 14%
19. Связана ли сторона обвинения формулой обвинения, зафиксированной в досудебном соглашении о сотрудничестве, при выдвижении нового обвинения в ходе дальнейшего следствия?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	12% 57% 9% 22%
20. Надо ли запретить в законе произвольный выход прокурора из соглашения со стороной защиты и прерывать особый порядок разрешения дела судом?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	17% 48% 6% 29%
21. Следует ли допустить к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором любое лица, независимо от процессуального статуса, в том числе осужденного, «объекта ОРД»?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	47% 29% 6% 18%
22. Надо ли предусмотреть в законе возможность включения в соглашение о сотрудничестве обязательства прокурора не изменять к худшему выдвинутое обвинение при выполнении обвиняемым своих обязательств и соблюдении им условий	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	12% 33% 8% 47%

заключенного соглашения?		
23. Целесообразно ли позволить сторонам в рамках процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве включать в соглашение пункт о полном освобождении от уголовной ответственности обвиняемого и отказе прокурора от его публичного уголовного преследования за особые заслуги в защите суверенитета и конституционного строя России?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	26% 19% 13% 42%
24. Поддерживаете ли вы предложение о введении института независимых медиаторов для участия в примирительных досудебных производствах о прекращении уголовных дел?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	18% 51% 7% 34%
25. Будет ли полезным введение исключительно судебной процедуры решения вопроса о назначения штрафных санкций обвиняемому, освобождаемому от уголовной ответственности в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	12% 27% 8% 56%
26. Должна ли быть доступной процедура прекращения уголовного дела в связи с возмещением причиненного преступлением ущерба в полном объеме всем лицам, совершившим преступления	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	34% 18% 9% 39%

небольшой или средней тяжести?		
27. Надо ли ввести новый особый порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с утратой общественной опасности лицом, совершившим (любое) преступление, после того как оно, заключив контракт, не менее полугода провело в составе вооруженных сил России?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	43% 21% 10% 28%

Приложение № 2

Результаты анкетирования сотрудников прокуратуры		
Вопросы	Варианты ответов	Итог
1. Является процесс российским уголовный процесс состязательным?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	36% 19% 31% 14%
2. Присутствует ли в российском процессе свобода участников уголовно-процессуальных отношений?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	21% 32% 13% 24%
3. Влияет ли воля участников уголовно-процессуальных отношений на развитие и исход процесса?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	18% 29% 42% 11%
4. Считаете ли Вы верным то, что человек сам является хозяином своей судьбы, в том числе и в уголовном деле?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	19% 23% 27% 31%
4.1. Если да, то допускаете ли вы свободу распоряжения обвиняемым своими правами на признание вины по предъявленному обвинению и согласие на ускоренную процедуру?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	67% 11% 8% 14%
4.2. Если нет, и вы считаете, что государство определяет ход процесса, исход дела, также обеспечивает защиту интересов обвиняемого, то какие органы государства делают это:		

- суд	- да - нет	28% 66%
- прокурор	- да - нет	39% 61%
- следователь	- да - нет	0% 100%
- орган предварительного расследования	- да - нет	3% 97%
- все эти компетентные государственные органы, осуществляющих производство по делу	- да - нет	31% 69%
5. Есть ли правовые договорные уголовно-процессуальные отношения в современном уголовном процессе России	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	38% 45% 4% 8%
5.1. Если да, то надо ли их развивать?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	77% 7% 4% 12%
5.2. Если нет, то допустимо ли их возникновение в российском уголовном судопроизводстве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	31% 38% 8% 13%
6. Если договорные уголовно-процессуальные отношения существуют, то кто является их субъектами:		
- стороны в деле	- да - нет	76% 24%
- стороны в деле и суд	- да - нет	11% 89%
- государство и обвиняемый	- да - нет	16% 84%
7. Гарантией добровольности (свободы) вступления обвиняемого в договорные отношения с государством (стороной обвинения) выступает:		
- защитник (адвокат)	- да - нет	21% 79%

- суд (судебный контроль)	- да - нет	27% 73%
- прокурор (прокурорский надзор)	- да - нет	36% 64%
- государственный орган, ведущий уголовное дело (следователь, дознаватель и пр.)	- да - нет	4% 96%
- уголовно-процессуальная система (справедливая)	- да - нет	12% 88%
8. Может ли быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений обвинение?	- да - нет - затрудняюсь сказать	0% 94% 6%
9. Могут ли быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений доказательства, предмет доказывания?	- да - нет - затрудняюсь сказать	8% 90% 2%
10. Может ли стать предметом договорных уголовно-процессуальных отношений определение меры уголовно-правового воздействия (наказание)?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	7% 86% 2% 5%
11. Является ли договорными (договорно-упрощенными) следующие процедуры:		
- особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ)	- да - нет	76% 24%
- досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ)	- да - нет	88% 12%
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ)	- да - нет	9% 81%
- замена наказания судебным штрафом, предусмотренная ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ	- да - нет	4% 96%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ст. 25	- да - нет	12% 88%

УПК РФ		
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 1 ст. 27 УПК РФ	- да - нет	7% 93%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 28 УПК РФ	- да - нет	5% 95%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ст. 28.1 УПК РФ	- да - нет	17% 83%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному 427 УПК РФ	- да - нет	4% 96%
12. Являются ли эффективными следующие ускоренные (упрощенные) производства:		
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ)	- да - нет -другое - затрудняюсь сказать	21% 62% 3% 14%
- замена наказания судебным штрафом, предусмотренная ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ	- да - нет -другое - затрудняюсь сказать	15% 61% 14% 10%
13. Есть ли необходимость в создании нового упрощенного производства об очевидных преступлениях небольшой и средней тяжести?	- да - нет -другое - затрудняюсь сказать	73% 12% 4% 11%
13.1. Если да, то поддерживаете ли вы в устройстве нового ускоренного (суммарного) производства следующего:		
- чтобы оно проводилось только по решению прокурора	- да - нет - затрудняюсь сказать	69% 13% 18%
- без возбуждения	- да	17%

уголовного дела	- нет - затрудняюсь сказать	69% 14%
- не независимо от того, признает ли лицо свою вину в совершении преступления, в котором его подозревают, или не признает	- да - нет - затрудняюсь сказать	57% 27% 16%
- вместо «уголовного дела» дознавателем составлялся только «протокол об уголовном проступке (преступлении)»	- да - нет - затрудняюсь сказать	25% 47% 28%
- без проведения следственных действий при досудебной подготовке материалов	- да - нет - затрудняюсь сказать	11% 75% 14%
- получение под протокол пояснений от нарушителя уголовного закона	- да - нет - затрудняюсь сказать	24% 69% 7%
- при (обязательной) видеофиксации события преступления, исключающей сомнения в его совершении этим лицом, которая прилагается к протоколу в виде электронного носителя информации	- да - нет - затрудняюсь сказать	21% 56% 23%
- завершение в трехсуточный срок всего производства	- да - нет - затрудняюсь сказать	14% 57% 29%
- разрешение дела в одно судебное заседание	- да - нет - затрудняюсь сказать	43% 33% 24%
- выдвижение обвинения после принятия дела судьей к производству одновременно с возбуждением уголовного дела в судебном заседании	- да - нет - затрудняюсь сказать	6% 79% 13%
- выдвижение и поддержание гособвинения в суде представителем органа дознания (по	- да - нет - затрудняюсь сказать	4% 90% 6%

поручению прокурора)		
- вынесение судом приговора в приказном порядке немедленно после признание обвиняемым своей вины в преступлении по предъявленному обвинению	- да - нет - затрудняюсь сказать	23% 55% 22%
- пересмотр приговора только в порядке кассации при наличии исключительных оснований	- да - нет - затрудняюсь сказать	14% 74% 12%
14. Разделяете ли Вы мнение о том, что порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ, можно применять во всех случаях признание вины обвиняемым (подсудимым)?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	19% 65% 6% 10%
15. Надо ли включить в российское уголовно-процессуальное право соглашение об отказе от проведения судебного следствия в связи с признанием подсудимым вины?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	43% 38% 6% 13%
16. Надо ли допустить заключение соглашения прокурора со стороной защиты о проведении судебного разбирательства в особом порядке по делам о тяжких преступлениях?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	26% 48% 9% 17%
17. Согласны ли Вы с тем, что досудебное соглашение о сотрудничестве должно заключаться только если обвиняемый может предложить органу предварительного следствия содействие в раскрытии тяжких, особо тяжких	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	83% 11% 6%

преступлений, совершенных иными лицами, в изобличении их, изъятии имущества, полученного этими лицами преступным путем в особо крупном размере?		
18. Известны ли Вам случаи заключения прокурором нового досудебного соглашения с обвиняемым о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	77% 16% 4% 3%
19. Связана ли сторона обвинения формулой обвинения, зафиксированной в досудебном соглашении о сотрудничестве, при выдвижении нового обвинения в ходе дальнейшего следствия?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	4 91 5 1%
20. Надо ли запретить в законе произвольный выход прокурора из соглашения со стороной защиты и прерывать особый порядок разрешения дела судом?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	9% 58% 14% 16%
21. Согласны ли Вы с тем, чтобы закон допускал выход прокурора из соглашения со стороной защиты только при отказе подсудимого от признания вины по предъявленному обвинению или невыполнении им своих обязательств по соглашению?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	39% 45% 6% 10%
22. Поддерживаете ли вы предложение ограничить активность суда в доказывании при рассмотрении уголовного дела в особом порядке	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	14% 57% 7% 22%

пределами обвинения, поддержанным прокурором и проверкой добровольности заключения соглашения с прокурором подсудимым?		
23. Надо ли исключить требования закона о проверке судом исполнения обвиняемым обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	4% 81% 3% 12%
24. Следует ли допустить к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором любое лица, независимо от процессуального статуса, в том числе осужденного, «объекта ОРД»?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	22% 61% 6% 11%
25. Надо ли предусмотреть в законе возможность включения в соглашение о сотрудничестве обязательства прокурора не изменять к худшему выдвинутое обвинение при выполнении обвиняемым своих обязательств и соблюдении им условий заключенного соглашения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	19% 60% 4% 17%
26. Целесообразно ли позволить сторонам в рамках процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве включать в соглашение пункт о полном освобождении от уголовной ответственности обвиняемого и отказе прокурора от его публичного уголовного	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	6% 79% 4% 11%

преследования за особые заслуги в защите суверенитета и конституционного строя России?		
27. Возможно ли разрешить заключать прокурору и стороне защиты соглашение о смягчении выдвинутого обвинения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	3% 85% 4% 8%
28. Можно допустить заключение соглашения между прокурором и стороной защиты об исключении из дела обвинительных доказательств и смягчении обвинения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	0% 86% 5% 9%
29. Поддерживаете ли Вы предложение о том, чтобы допустить возможность направления прокурором при заключении соглашения о сотрудничестве с обвиняемым предварительного запроса у суда мнения о мере наказания для обвиняемого в случае выполнения им всех условий соглашения о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	14% 79% 2% 5%
30. Поддерживаете ли вы предложение о введении института независимых медиаторов для участия в примирительных досудебных производствах о прекращении уголовных дел?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	13% 72% 7% 8%
31. Будет ли полезным введение исключительно судебной процедуры решения вопроса о назначения штрафных	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	14% 49% 8% 27%

санкций обвиняемому, освобождаемому от уголовной ответственности в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием?		
32. Должна ли быть доступной процедура прекращения уголовного дела в связи с возмещением причиненного преступлением ущерба в полном объеме всем лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	48% 27% 9% 16%
33. Надо ли ввести новый особый порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с утратой общественной опасности лицом, совершившим (любое) преступление, после того как оно, заключив контракт, не менее полугода провело в составе вооруженных сил России?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	26% 29% 6% 39%

Приложение № 3

Результаты анкетирования судей		
Вопросы	Варианты ответов	Итог
1. Является процесс российским уголовный процесс состязательным?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	85% 8% 3% 4%
2. Присутствует ли в российском процессе свобода участников уголовно-процессуальных отношений?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	58% 19% 14% 9%
3. Влияет ли воля участников уголовно-процессуальных отношений на развитие и исход процесса?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	67% 19% 4% 10%
4. Считаете ли Вы верным то, что человек сам является хозяином своей судьбы, в том числе и в уголовном деле?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	66% 12% 16% 6%
4.1. Если да, то допускаете ли вы свободу распоряжения обвиняемым своими правами на признание вины по предъявленному обвинению и согласие на ускоренную процедуру?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	76% 9% 5% 10%
4.2. Если нет, и вы считаете, что государство определяет ход процесса, исход дела, также обеспечивает защиту интересов обвиняемого, то какие органы государства делают это:		

- суд	- да - нет	51% 49%
- прокурор	- да - нет	18% 82%
- следователь	- да - нет	3% 97%
- орган предварительного расследования	- да - нет	4% 96%
- все эти компетентные государственные органы, осуществляющих производство по делу	- да - нет	24% 76%
5. Есть ли правовые договорные уголовно-процессуальные отношения в современном уголовном процессе России?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	46% 23% 16% 15%
5.1. Если да, то надо ли их развивать?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	61% 28% 5% 6%
5.2. Если нет, то допустимо ли их возникновение в российском уголовном судопроизводстве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	24% 57% 8% 11%
6. Если договорные уголовно-процессуальные отношения существуют, то кто является их субъектами:		
- стороны в деле	- да - нет	32% 68%
- стороны в деле и суд	- да - нет	46% 54%
- государство и обвиняемый	- да - нет	22% 78%
7. Гарантией добровольности (свободы) вступления обвиняемого в договорные отношения с государством (стороной обвинения) выступает:		
- защитник (адвокат)	- да - нет	6% 94%

- суд (судебный контроль)	- да - нет	62% 38%
- прокурор (прокурорский надзор)	- да - нет	7% 93%
- государственный орган, ведущий уголовное дело (следователь, дознаватель и пр.)	- да - нет	3% 97%
- уголовно-процессуальная система (справедливая)	- да - нет	22% 78%
8. Может ли быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений обвинение?	- да - нет - затрудняюсь сказать	4% 87% 9%
9. Могут ли быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений доказательства, предмет доказывания?	- да - нет - затрудняюсь сказать	4% 87% 9%
10. Может ли стать предметом договорных уголовно-процессуальных отношений определение меры уголовно-правового воздействия (наказание)?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	4% 83% 6% 7%
11. Является ли договорными (договорно-упрощенными) следующие процедуры:		
- особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ)	- да - нет	83% 17%
- досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ)	- да - нет	92% 8%
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ)	- да - нет	16% 84%
- замена наказания судебным штрафом, предусмотренная ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ	- да - нет	14% 86%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ст. 25	- да - нет	23% 77%

УПК РФ		
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 1 ст. 27 УПК РФ	- да - нет	9% 81%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 28 УПК РФ	- да - нет	11% 89%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ст. 28.1 УПК РФ	- да - нет	26% 74%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному 427 УПК РФ	- да - нет	6% 84%
12. Являются ли эффективными следующие ускоренные (упрощенные) производства		
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ)	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	31% 47% 8% 14%
- замена наказания судебным штрафом, предусмотренная ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	46% 41% 4% 9%
13. Есть ли необходимость в создании нового упрощенного производства об очевидных преступлениях небольшой и средней тяжести?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	47% 24% 10% 19%
13.1. Если да, то поддерживаете ли вы в устройстве нового ускоренного (суммарного) производства следующего:		
- чтобы оно проводилось только по решению прокурора	- да - нет - затрудняюсь сказать	63% 22% 15%
- без возбуждения	- да	17%

уголовного дела	- нет - затрудняюсь сказать	68% 15%
- не независимо от того, признает ли лицо свою вину в совершении преступления, в котором его подозревают, или не признает	- да - нет - затрудняюсь сказать	18% 73% 9%
- вместо «уголовного дела» дознавателем составлялся только «протокол об уголовном проступке (преступлении)»	- да - нет - затрудняюсь сказать	19% 69% 12%
- без проведения следственных действий при досудебной подготовке материалов	- да - нет - затрудняюсь сказать	11% 72% 17%
- получение под протокол пояснений от нарушителя уголовного закона	- да - нет - затрудняюсь сказать	18% 73% 9%
- при (обязательной) видеофиксации события преступления, исключающей сомнения в его совершении этим лицом, которая прилагается к протоколу в виде электронного носителя информации	- да - нет - затрудняюсь сказать	19% 67% 14%
- завершение в трехсуточный срок всего производства	- да - нет - затрудняюсь сказать	12% 67% 21%
- разрешение дела в одно судебное заседание	- да - нет - затрудняюсь сказать	18% 63% 19%
- выдвижение обвинения после принятия дела судьей к производству одновременно с возбуждением уголовного дела в судебном заседании	- да - нет - затрудняюсь сказать	9% 76% 15%
- выдвижение и поддержание гособвинения в суде представителем органа дознания (по	- да - нет - затрудняюсь сказать	6% 78% 16%

поручению прокурора)		
- вынесение судом приговора в приказном порядке немедленно после признание обвиняемым своей вины в преступлении по предъявленному обвинению	- да - нет - затрудняюсь сказать	17% 69% 14%
- пересмотр приговора только в порядке кассации при наличии исключительных оснований	- да - нет - затрудняюсь сказать	12% 76% 12%
14. Разделяете ли Вы мнение о том, что порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ, можно применять во всех случаях признание вины обвиняемым (подсудимым)?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	14% 71% 3% 12%
15. Надо ли включить в российское уголовно-процессуальное право соглашение об отказе от проведения судебного следствия в связи с признанием подсудимым вины?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	36% 39% 9% 16%
16. Надо ли допустить заключение соглашения прокурора со стороной защиты о проведении судебного разбирательства в особом порядке по делам о тяжких преступлениях?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	33% 42% 8% 17%
17. Согласны ли Вы с тем, что досудебное соглашение о сотрудничестве должно заключаться только если обвиняемый может предложить органу предварительного следствия содействие в раскрытии тяжких, особо тяжких	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	46% 31% 14% 9%

преступлений, совершенных иными лицами, в изобличении их, изъятии имущества, полученного этими лицами преступным путем в особо крупном размере?		
18. Известны ли Вам случаи заключения прокурором нового досудебного соглашения с обвиняемым о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	28% 30% 8% 34%
19. Связана ли сторона обвинения формулой обвинения, зафиксированной в досудебном соглашении о сотрудничестве, при выдвижении нового обвинения в ходе дальнейшего следствия?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	68% 12% 3% 17%
20. Надо ли запретить в законе произвольный выход прокурора из соглашения со стороной защиты и прерывать особый порядок разрешения дела судом?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	22% 43% 11% 23%
21. Согласны ли Вы с тем, чтобы закон допускал выход прокурора из соглашения со стороной защиты только при отказе подсудимого от признания вины по предъявленному обвинению или невыполнении им своих обязательств по соглашению?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	14% 59% 10% 17%
22. Поддерживаете ли вы предложение ограничить активность суда в доказывании при рассмотрении уголовного дела в особом порядке	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	4% 79% 5% 12%

пределами обвинения, поддержанным прокурором и проверкой добровольности заключения соглашения с прокурором подсудимым?		
23. Надо ли исключить требования закона о проверке судом исполнения обвиняемым обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	8% 81% 5% 6%
24. Следует ли допустить к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором любое лица, независимо от процессуального статуса, в том числе осужденного, «объекта ОРД»?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	23% 54% 8% 15%
25. Надо ли предусмотреть в законе возможность включения в соглашение о сотрудничестве обязательства прокурора не изменять к худшему выдвинутое обвинение при выполнении обвиняемым своих обязательств и соблюдении им условий заключенного соглашения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	17% 62% 9% 12%
26. Целесообразно ли позволить сторонам в рамках процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве включать в соглашение пункт о полном освобождении от уголовной ответственности обвиняемого и отказе прокурора от его публичного уголовного	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	21% 57% 4% 18%

преследования за особые заслуги в защите суверенитета и конституционного строя России?		
27. Возможно ли разрешить заключать прокурору и стороне защиты соглашение о смягчении выдвинутого обвинения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	6% 73% 6% 15%
28. Можно допустить заключение соглашения между прокурором и стороной защиты об исключении из дела обвинительных доказательств и смягчении обвинения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	3% 84% 4% 9%
29. Поддерживаете ли Вы предложение о том, чтобы допустить возможность направления прокурором при заключении соглашения о сотрудничестве с обвиняемым предварительного запроса у суда мнения о мере наказания для обвиняемого в случае выполнения им всех условий соглашения о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	0% 92% 3% 5%
30. Поддерживаете ли вы предложение о введении института независимых медиаторов для участия в примирительных досудебных производствах о прекращении уголовных дел?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	23% 51% 3% 23%
31. Будет ли полезным введение исключительно судебной процедуры решения вопроса о назначения штрафных	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	46% 31% 6% 17%

санкций обвиняемому, освобождаемому от уголовной ответственности в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием?		
32. Должна ли быть доступной процедура прекращения уголовного дела в связи с возмещением причиненного преступлением ущерба в полном объеме всем лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	47% 18% 13% 32%
33. Надо ли ввести новый особый порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с утратой общественной опасности лицом, совершившим (любое) преступление, после того как оно, заключив контракт, не менее полугода провело в составе вооруженных сил России?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	12% 67% 3% 18%

Приложение 4

Результаты анкетирования адвокатов		
Вопросы	Варианты ответов	Итог
1. Является ли процесс российским уголовный процесс состязательным?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	21% 57% 14% 8%
2. Присутствует ли в российском процессе свобода участников уголовно-процессуальных отношений?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	26% 59% 7% 8%
3. Влияет ли воля участников уголовно-процессуальных отношений на развитие и исход процесса?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	21% 57% 12% 10%
4. Считаете ли Вы верным то, что человек сам является хозяином своей судьбы, в том числе и в уголовном деле?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	47% 29% 16% 8%
4.1. Если да, то допускаете ли вы свободу распоряжения обвиняемым своими правами на признание вины по предъявленному обвинению и согласие на ускоренную процедуру?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	62% 11% 9% 18%
4.2. Если нет, и вы считаете, что государство определяет ход процесса, исход дела, также обеспечивает защиту интересов обвиняемого, то какие органы государства делают это:		

- суд	- да - нет	23% 77%
- прокурор	- да - нет	15% 85%
- следователь	- да - нет	9% 81%
- орган предварительного расследования	- да - нет	21% 79%
- все эти компетентные государственные органы, осуществляющих производство по делу	- да - нет	32% 68%
5. Есть ли правовые договорные уголовно-процессуальные отношения в современном уголовном процессе России?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	33% 45% 8% 14%
5.1. Если да, то надо ли их развивать?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	64% 18% 5% 13%
5.2. Если нет, то допустимо ли их возникновение в российском уголовном судопроизводстве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	64% 8% 9% 19%
6. Если договорные уголовно-процессуальные отношения существуют, то кто является их субъектами:		
- стороны в деле	- да - нет	51% 49%
- стороны в деле и суд	- да - нет	34% 66%
- государство и обвиняемый	- да - нет	15% 85%
7. Гарантией добровольности (свободы) вступления обвиняемого в договорные отношения с государством (стороной обвинения) выступает:		
- защитник (адвокат)	- да - нет	68%

- суд (судебный контроль)	- да - нет	9%
- прокурор (прокурорский надзор)	- да - нет	8%
- государственный орган, ведущий уголовное дело (следователь, дознаватель и пр.)	- да - нет	4%
- уголовно-процессуальная система (справедливая)	- да - нет	11%
8. Может ли быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений обвинение?	- да - нет - затрудняюсь сказать	13% 68% 19%
9. Могут ли быть предметом договорных уголовно-процессуальных отношений доказательства, предмет доказывания?	- да - нет - затрудняюсь сказать	7% 76% 17%
10. Может ли стать предметом договорных уголовно-процессуальных отношений определение меры уголовно-правового воздействия (наказание)?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	18% 77% 4% 11%
11. Является ли договорными (договорно-упрощенными) следующие процедуры:		
- особый порядок судебного разбирательства (глава 40 УПК РФ)	- да - нет	86% 14%
- досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ)	- да - нет	88% 12%
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ)	- да - нет	22% 78%
- замена наказания судебным штрафом, предусмотренная ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ	- да - нет	17% 83%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ст. 25	- да - нет	12% 88%

УПК РФ		
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному пунктом 3 части 1 ст. 27 УПК РФ	- да - нет	16% 84%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ч. 1 ст. 28 УПК РФ	- да - нет	9% 81%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному ст. 28.1 УПК РФ	- да - нет	24% 76%
- прекращение уголовных дел по основанию, предусмотренному 427 УПК РФ	- да - нет	4% 96%
12. Являются ли эффективными следующие ускоренные (упрощенные) производства:		
- дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ)	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	13% 61% 7% 19%
- замена наказания судебным штрафом, предусмотренная ст.ст. 25.1, 446.1-446.5 УПК РФ	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	23% 48% 7% 22%
13. Есть ли необходимость в создании нового упрощенного производства об очевидных преступлениях небольшой и средней тяжести?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	38% 29% 7% 36%
13.1. Если да, то поддерживаете ли вы в устройстве нового ускоренного (суммарного) производства следующего:		
- чтобы оно проводилось только по решению прокурора	- да - нет - затрудняюсь сказать	23% 44% 33%
- без возбуждения	- да	23%

уголовного дела	- нет - затрудняюсь сказать	46% 31%
- не независимо от того, признает ли лицо свою вину в совершении преступления, в котором его подозревают, или не признает	- да - нет - затрудняюсь сказать	11% 73% 16%
- вместо «уголовного дела» дознавателем составлялся только «протокол об уголовном проступке (преступлении)»	- да - нет - затрудняюсь сказать	18% 61% 21%
- без проведения следственных действий при досудебной подготовке материалов	- да - нет - затрудняюсь сказать	18% 68% 14%
- получение под протокол пояснений от нарушителя уголовного закона	- да - нет - затрудняюсь сказать	14% 38% 48%
- при (обязательной) видеофиксации события преступления, исключающей сомнения в его совершении этим лицом, которая прилагается к протоколу в виде электронного носителя информации	- да - нет - затрудняюсь сказать	24% 44% 32%
- завершение в трехсуточный срок всего производства	- да - нет - затрудняюсь сказать	24% 56% 19%
- разрешение дела в одно судебное заседание	- да - нет - затрудняюсь сказать	28% 59% 13%
- выдвижение обвинения после принятия дела судьей к производству одновременно с возбуждением уголовного дела в судебном заседании	- да - нет - затрудняюсь сказать	13% 62% 25%
- выдвижение и поддержание гособвинения в суде представителем органа дознания (по	- да - нет - затрудняюсь сказать	32% 41% 27%

поручению прокурора)		
- вынесение судом приговора в приказном порядке немедленно после признания обвиняемым своей вины в преступлении по предъявленному обвинению	- да - нет - затрудняюсь сказать	12% 65% 23%
- пересмотр приговора только в порядке кассации при наличии исключительных оснований	- да - нет - затрудняюсь сказать	0% 77% 23%
14. Разделяете ли Вы мнение о том, что порядок судебного разбирательства, предусмотренный главой 40 УПК РФ, можно применять во всех случаях признания вины обвиняемым (подсудимым)?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	9% 79% 8% 14%
15. Надо ли включить в российское уголовно-процессуальное право соглашение об отказе от проведения судебного следствия в связи с признанием подсудимым вины?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	23% 51% 7% 19%
16. Надо ли допустить заключение соглашения прокурора со стороной защиты о проведении судебного разбирательства в особом порядке по делам о тяжких преступлениях?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	57% 36% 4% 12%
17. Согласны ли Вы с тем, что досудебное соглашение о сотрудничестве должно заключаться только если обвиняемый может предложить органу предварительного следствия содействие в раскрытии тяжких, особо тяжких	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	37% 25% 16% 22%

преступлений, совершенных иными лицами, в изобличении их, изъятии имущества, полученного этими лицами преступным путем в особо крупном размере?		
18. Известны ли Вам случаи заключения прокурором нового досудебного соглашения с обвиняемым о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	32% 51% 0% 23%
19. Связана ли сторона обвинения формулой обвинения, зафиксированной в досудебном соглашении о сотрудничестве, при выдвижении нового обвинения в ходе дальнейшего следствия?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	63% 23% 6% 8%
20. Надо ли запретить в законе произвольный выход прокурора из соглашения со стороной защиты и прерывать особый порядок разрешения дела судом?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	86% 4% 2% 8%
21. Согласны ли Вы с тем, чтобы закон допускал выход прокурора из соглашения со стороной защиты только при отказе подсудимого от признания вины по предъявленному обвинению или невыполнении им своих обязательств по соглашению?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	72% 7% 6% 15%
22. Поддерживаете ли вы предложение ограничить активность суда в доказывании при рассмотрении уголовного дела в особом порядке	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	76% 13% 3% 8%

пределами обвинения, поддержанным прокурором и проверкой добровольности заключения соглашения с прокурором подсудимым?		
23. Надо ли исключить требования закона о проверке судом исполнения обвиняемым обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	68% 29% 2% 11%
24. Следует ли допустить к заключению досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором любое лица, независимо от процессуального статуса, в том числе осужденного, «объекта ОРД»?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	52% 29% 3% 16%
25. Надо ли предусмотреть в законе возможность включения в соглашение о сотрудничестве обязательства прокурора не изменять к худшему выдвинутое обвинение при выполнении обвиняемым своих обязательств и соблюдении им условий заключенного соглашения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	80% 8% 2% 10%
26. Целесообразно ли позволить сторонам в рамках процедуры досудебного соглашения о сотрудничестве включать в соглашение пункт о полном освобождении от уголовной ответственности обвиняемого и отказе прокурора от его публичного уголовного	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	54% 24% 5% 17%

преследования за особые заслуги в защите суверенитета и конституционного строя России?		
27. Возможно ли разрешить заключать прокурору и стороне защиты соглашение о смягчении выдвинутого обвинения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	63% 21% 4% 12%
28. Можно допустить заключение соглашения между прокурором и стороной защиты об исключении из дела обвинительных доказательств и смягчении обвинения?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	51% 28% 7% 14%
29. Поддерживаете ли Вы предложение о том, чтобы допустить возможность направления прокурором при заключении соглашения о сотрудничестве с обвиняемым предварительного запроса у суда мнения о мере наказания для обвиняемого в случае выполнения им всех условий соглашения о сотрудничестве?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	21% 57% 6% 17%
30. Поддерживаете ли вы предложение о введении института независимых медиаторов для участия в примирительных досудебных производствах о прекращении уголовных дел?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	74% 11% 7% 8%
31. Будет ли полезным введение исключительно судебной процедуры решения вопроса о назначения штрафных	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	61% 23% 2% 14%

санкций обвиняемому, освобождаемому от уголовной ответственности в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием?		
32. Должна ли быть доступной процедура прекращения уголовного дела в связи с возмещением причиненного преступлением ущерба в полном объеме всем лицам, совершившим преступления небольшой или средней тяжести?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	72% 13% 4% 7%
33. Надо ли ввести новый особый порядок освобождения от уголовной ответственности в связи с утратой общественной опасности лицом, совершившим (любое) преступление, после того как оно, заключив контракт, не менее полугода провело в составе вооруженных сил России?	- да - нет - другое - затрудняюсь сказать	41% 23% 8% 28%

Приложение № 5

Законопроект договорно-упрощенных производств в УПК России

Раздел ** «Договорно-упрощенные производства»**

Глава ** «Ускоренные производства»**

Статья* О порядке ускоренного производства об уголовном проступке

1. Порядок производства об уголовном проступке определяется общими правилами настоящего Кодекса за изъятиями, установленными статьями настоящей главы.

2. Досудебное производство по уголовному поступку проводится органом дознания.

3. Судопроизводство осуществляется судьей обвинительной камеры районного суда.

4. Срок ускоренного производства не должен превышать трех суток с момента выявления уголовного проступка. Если подозреваемый задержан, то ускоренное производство должно быть проведено в течение 48 часов.

5. В случае оплаты правонарушителем штрафа в максимальном размере, предусмотренном уголовным законом, и возмещении причиненного уголовным проступком вреда, производство подлежит прекращению.

Статья Порядок досудебной подготовки материалов дознавателем**

1. С момента выявления уголовного проступка или фактического задержания лица его совершившего дознаватель в течение суток устанавливает обстоятельства совершения уголовного проступка правонарушителем и закрепляет их в протоколе.

2. В протоколе ускоренного производства указываются сообщения подозреваемого, потерпевшего от уголовного проступка, свидетелей, а также иные сведения. Видеозапись признания подозреваемого в совершении уголовного проступка приобщается к протоколу.

3. При наличии видеозаписи события уголовного проступка к протоколу она обязательно приобщается на электронном носителе информации.

4. В резолютивной части протокола дознаватель формулирует подозрение с указанием статьи уголовного закона, которую нарушил подозреваемый.

5. При опросе у правонарушителя отбирается обязательство явиться в суд для рассмотрения дела, а также определяется порядок и способ его оповещения.

6. После подписания дознавателем протокол с приложениями и другими материалами немедленно направляется начальнику органа дознания.

Статья* Решения органа дознания**

Начальник органа дознания, получив протокол и приложенные к нему материалы, принимает одно из следующих решений:

- 1) дает согласие на передачу протокола и материалов прокурору для направления в суд;
- 2) возбуждает уголовное дело и направляет его дознавателю для расследования;
- 3) отказывает в возбуждении уголовного дела при наличии оснований и прекращает ускоренное производство.

Статья** Действия прокурора по поступившему протоколу об уголовном проступке**

1. По поступившему протоколу о совершении подозреваемым уголовного проступка прокурор не позднее следующих суток, принимает одно из следующих решений:

- 1) о направлении протокола в суд;
- 2) о направлении протокола органу предварительного следствия или дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;
- 3) о возбуждении уголовного дела и направлении его по подследственности;
- 3) о прекращении производства в связи с наличием обстоятельств, препятствующих для возбуждения уголовного дела.

2. В случае согласия с решением о предъявлении обвинения лицу, совершившему уголовный проступок, прокурор утверждает протокол и назначает обвинителя для участия в судебном заседании.

3. Обвиняемому и его защитнику прокуратурой предоставляется, в том числе по сети интернет, копия протокола.

4. Прокурор представляет суду устное ходатайство о рассмотрении дела в ускоренном производстве и немедленно передает материалы ускоренного производства об уголовном проступке.

Статья*** Ускоренное производство об уголовном проступке в суде**

1. Производство об уголовном проступке ведется единолично судьей в соответствии с общими правилами судопроизводства и с учетом

особенностей ускоренного производства, предусмотренными настоящей статьей.

2. Приняв поступившие материалы о совершении лицом уголовного проступка, судья как можно быстрее принимает одно из следующих решений:

- 1) постановление о назначении судебного заседания;
- 2) постановление о возвращении материалов прокурору;
- 3) постановление прекращения производства при наличии оснований для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, а также в случае выплаты штрафа правонарушителем.

3. После принятия решения о назначении судебного заседания судья немедленно приступает к рассмотрению дела при наличии явки участников процесса.

4. Участников процесса, свидетелей вызывают в суд по предварительному согласованию суда с прокуратурой.

5. Сторону обвинения вправе представлять прокурор или представитель органа дознания по письменному разрешению прокурора.

6. Участие предполагаемого нарушителя уголовного закона в судебном заседании обязательно, за исключением случаев, признанных судьей уважительными. Заочное судебное разбирательство допускается по ходатайству привлекаемого к уголовному преследованию лица, с обязательным участием в таком случае его защитника в судебном заседании.

7. В судебном заседании вправе участвовать потерпевший, его представитель, законный представитель. Требование о возмещении вреда, причиненного преступлением, рассмотрению не подлежит.

8. Подготовительная часть судебного заседания проводится по общим правилам.

9. Председательствующий судья предлагает обвинителю изложить обвинение. После оглашения обвинителем обвинения, сформулированного в протоколе, судья разъясняет обвиняемому его права и выясняет его позицию по предъявленному обвинению.

10. Если судебное разбирательство по делу не может быть проведено немедленно по причине подготовки обвиняемого к защите и формулированию позиции, то судья назначает рассмотрение дела по существу на следующее судебное заседание, которое должно быть проведено не позднее следующего дня.

11. Если обвиняемый согласен с обвинением и стороны не возражают против рассмотрения дела в ускоренном порядке, то судья без проведения судебного следствия предлагает сторонам перейти к прениям.

12. В случае несогласия обвиняемого с обвинением судья вправе вынести постановление о переходе на общий порядок судебного разбирательства.

13. По завершению прений судья удаляется в совещательную комнату для вынесения судебного приказа по делу.

14. Судья вправе поставить:

- 1) обвинительный судебный приказ с назначением наказания или без назначения наказания;
- 2) оправдательный судебный приказ.

15. Судебный приказ сразу вступает в законную силу после оглашения и может быть обжалован только в кассационном порядке.

Статья*** Применение правил ускоренного производства об уголовном проступке в случае совершения преступления средней тяжести**

1. Правила ускоренного производства об уголовном проступке могут быть применены в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления средней тяжести, если он сразу признает себя виновным в совершении преступления и заявит ходатайство о проведении ускоренного производства в отношении него.

2. При очевидности преступления и отсутствии сомнений в добровольности согласия подозреваемого решение о проведении досудебного производства в протокольной форме принимает прокурор.

3. Суд по результатам рассмотрения уголовного дела в приказном порядке выносит по делу обвинительный или оправдательный приговор.

4. Приговор, вынесенный в приказном порядке, подлежит обжалованию в общем порядке.

Глава * Согласительные производства

Статья * Общие правила проведения согласительных производств

1. Заключение соглашений между прокурором и стороной защиты допускаются по делам публичного и частно-публичного обвинения по основаниям и в порядке, предусмотренным настоящим Кодексом.

2. Соглашения сторон запрещены по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера.

3. Соглашения сторон не применимы при рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

4. Суд и прокуратура обязаны обеспечить добровольность вступления в соглашение обвиняемого. Участие защитника в согласительных производствах обязательно.

5. Суд связан позицией сторон в соглашении и подтвержденной ими перед судом. Суд не вправе произвольно проигнорировать его.

6. Мотивированным решением в случае установления признаков существенного нарушения уголовно-процессуального закона, которые

подрывают основы правового регулирования, искажают суть правосудия и приговора как акта правосудия.

Статья Соглашение сторон об отказе от проведения судебного следствия в связи с признанием вины подсудимым**

1. Заключение данного соглашения между сторонами допустима по любым уголовным делам.

2. Если подсудимый, полностью признав свою вину в совершении преступления по выдвинутому обвинению и, заявляет ходатайство об отказе от проведения судебного следствия и государственный обвинитель поддерживает его, председательствующий судья вправе без исследования доказательств по делу предложить сторонам перейти к прениям.

3. При участии в деле нескольких подсудимых отказ суда от проведения судебного следствия возможен при признании каждым из подсудимых своей вины по предъявленному обвинению и их солидарной позиции относительно отказа от проведения судебного следствия. В случае несогласия одного из подсудимых судебное следствие проводится по общим правилам.

4. Суд вправе учесть позицию потерпевшего, гражданского истца, ответчика, их представителей и законных представителей, других лиц, заинтересованных в исходе дела относительно отказа от проведения судебного следствия.

5. Суд вправе учесть в качестве обстоятельства, смягчающего ответственность, полное признание вины подсудимым и его чистосердечное раскаяния.

Статья* соглашение сторон о проведении судебного разбирательства в особом порядке в связи с признанием вины обвиняемым**

(ст. 314 УПК РФ «Основания применения особого порядка принятия судебного решения»)

1. По уголовным делам любых преступлениях, кроме особо тяжких преступлений, обвиняемый, признав свою вину в совершении преступления, вправе заявить ходатайство о согласии с обвинением и о заключении соглашения с прокурором о вынесении судом обвинительного приговора без проведения судебного следствия в общем порядке.

2. В случае, предусмотренном частью первой настоящей статьи, суд вправе вынести обвинительный приговор без проведения судебного следствия, если удостоверится, что:

1) подсудимый осознает характер и последствия заявленного им ходатайства;

2) ходатайство было заявлено обвиняемым добровольно и подтверждается защитником;

3) прокурор и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства

4) вина подсудимого в совершении преступления по выдвинутому обвинению не вызывает разумных сомнений.

3. Если суд установит, что предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи условия, при которых обвиняемым было заявлено ходатайство, не соблюдены, то он принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке.

Статья (315). Порядок заключения соглашения сторон о признании вины и вынесении обвинительного приговора без проведения судебного следствия

1. Ходатайство о заключении соглашения с прокурором о вынесении обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства в связи с согласием с обвинением и признанием вины в совершении преступления обвиняемый заявляет в присутствии защитника. Если защитник не приглашен обвиняемым, то участие защитника в деле с момента заявления ходатайства о заключении соглашения должен обеспечить орган, в чьем производстве находится уголовное дело.

2. Обвиняемый вправе заявить ходатайство:

1) в момент ознакомления с материалами уголовного дела, о чем делается соответствующая запись в протоколе ознакомления с материалами уголовного дела в соответствии с частью второй статьи 218, частью второй ст. 225 настоящего Кодекса;

2) на предварительном слушании, когда оно является обязательным в соответствии со статьей 229 настоящего Кодекса.

3. Свое согласие на заключение соглашения с обвиняемым о признании обвиняемым вины и проведения судебного разбирательства без судебного следствия с вынесением обвинительного приговора прокуратура дает при утверждении прокурором обвинительного заключения или обвинительного акта.

4. Утвердивший обвинительное заключение или обвинительный акт прокурор в устном или письменном виде ходатайствует перед председателем суда, в который дело направляется по подсудности, о рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном статьей 316 настоящего кодекса.

5. О вступлении в соглашение прокурор немедленно ставит в известность обвиняемого и его защитника.

Статья (316). Порядок проведения судебного заседания, постановления обвинительного приговора или прекращения уголовного дела

1. Судебное заседание по соглашению сторон о вынесении судом обвинительного приговора без проведения судебного разбирательства в связи с признанием обвиняемым вины по предъявленному обвинению проводится в порядке, установленном главами 35, 36, 38 и 39 настоящего Кодекса, с учетом требований настоящей статьи.

2. Судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника.

3. Рассмотрение ходатайства подсудимого о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения и подтверждения им ходатайства стороны защиты об отказе от проведения судебного следствия по делу.

4. Судья опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением и поддерживает ли свое ходатайство о постановлении приговора без проведения судебного следствия, заявлено ли это ходатайство добровольно и после консультации с защитником, осознает ли он последствия постановления приговора в особом порядке.

При участии в судебном заседании потерпевшего судья разъясняет ему порядок и последствия разрешения уголовного дела по существу без проведения судебного разбирательства и выясняет у него отношение к ходатайству подсудимого.

5. Судья не проводит в общем порядке исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу. При этом могут быть исследованы отдельные обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, смягчающие или отягчающие наказание.

6. При возражении подсудимого, государственного обвинителя, потерпевшего против постановления приговора без проведения судебного следствия либо по собственной инициативе судья выносит постановление о прекращении особого порядка судебного разбирательства и назначении рассмотрения уголовного дела в общем порядке.

7. Судья вправе по собственной инициативе отказать сторонам в достижении соглашения при наличии разумных сомнений в виновности подсудимого, при установлении совершения им иных преступлений или при явной несправедливости смягчения ему наказания.

8. Если судья придет к выводу, что обвинение, по которому подсудимый признал свою вину в совершении преступления, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

9. С учетом обстоятельств дела суд может освободить осужденного от отбывания наказания.

Судья может вынести постановление о прекращении уголовного дела при установлении оснований, исключающих привлечение к уголовной ответственности.

10. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, с обвинением в совершении которого согласился подсудимый, а также выводы суда о соблюдении условий постановления приговора без проведения судебного следствия. Анализ доказательств и их оценка судьей в приговоре не отражаются.

11. После провозглашения приговора судья разъясняет сторонам право и порядок его обжалования, предусмотренные главой 45.1 настоящего Кодекса.

12. Процессуальные издержки, предусмотренные статьей 131 настоящего Кодекса, взысканию с подсудимого не подлежат.

Статья (317). Пределы обжалования обвинительного приговора, иного решения, постановленного в особом порядке

Обвинительный приговор, постановление о прекращении уголовного дела, вынесенные в соответствии со статьей 316 настоящего Кодекса, не могут быть обжалованы в апелляционном порядке по основанию, предусмотренному пунктом 1 статьи 389.15 настоящего Кодекса.

Статья* Общие положения о порядке производства по делу в связи с заключением и исполнением соглашения сторон о досудебном сотрудничестве

1. Соглашение о досудебном сотрудничестве заключается прокурором со стороной защиты по уголовным делам, по которым лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении любого преступления, реально способно оказать содействие в выявлении и раскрытии особо тяжких, тяжких преступлений, совершенных иными лицами или в розыске и изъятии имущества, полученным преступным путем этими лицами.

2. Стороны не ограничены в определении предмета, условий соглашения, а также определении круга прав и обязательств сторон, а также срока его действия, если это не противоречит общему смыслу законодательства и справедливости.

3. В случае необходимости соглашение о сотрудничестве сторон может быть сохранено в тайне.

4. Суд не вправе кроме случаев, когда соглашение сторон идет явно против интересов правосудия и основ законодательства, конституционного строя, нарушает права человека и гражданина, признать его юридически ничтожным и не закрепить

5. Прокуратура выступает стороной в соглашении с обвиняемым и является гарантом его законности и выполнения взятых на себя государством обязательств.

6. Позиция потерпевшего не имеет решающего значения, но его интересы могут быть учтены прокурором при заключении соглашения о сотрудничестве.

7. Положения об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу, по которому было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не применяются, если содействие подозреваемого или обвиняемого органу публичного уголовного преследования заключалось лишь в сообщении сведений о его собственном участии в преступной деятельности и не способствовало изобличению иных лиц в совершении тяжких, особо тяжких преступлений.

Статья (317.1). Порядок заявления ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с прокурором

1. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым, обвиняемым или лицом, фактически привлеченным к уголовному преследованию, в письменном виде на имя прокурора. Это ходатайство подписывается также защитником. Если защитник не приглашен самим подозреваемым или обвиняемым или по поручению подозреваемого или обвиняемого другими лицами, то участие защитника обеспечивается следователем, иным органом публичного досудебного уголовного преследования.

2. Лицо вправе заявить ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве с момента фактического начала его уголовного преследования до окончания предварительного следствия.

Такое ходатайство вправе подать осужденный.

3. В своем ходатайстве привлеченное к уголовному преследованию лицо указывает, какие действия оно обязуется совершить в целях содействия в раскрытии и расследовании совершенного им преступления, в изобличении, публичном уголовном преследовании соучастников преступления и иных лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, или розыске имущества, добытого им или иными лицами в результате совершения особо тяжких, тяжких преступлений.

4. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве представляется прокурору подозреваемым, обвиняемым, лицом, фактически привлеченным к уголовному преследованию, его защитником через орган предварительного следствия или орган дознания.

5. Следователь, дознаватель, оперуполномоченный, получив указанное ходатайство, в течение трех суток с момента его поступления обязан направить его прокурору вместе с согласованным с руководителем

следственного органа или начальником органа дознания представлением о целесообразности его заключения.

Статья (317.2). Порядок рассмотрения ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

1. Прокурор рассматривает ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и представление органа предварительного следствия, органа дознания о заключении со стороной защиты досудебного соглашения о сотрудничестве в течение трех суток с момента его поступления.

2. В переговорах прокурора со стороной защиты вправе принять участие представители органа предварительного следствия и органа дознания.

3. Прокурор вправе потребовать от обвиняемого подтверждения наличия у него возможности оказать реальное содействие органу публичного уголовного преследования.

4. По результатам рассмотрения ходатайства стороны защиты и мнения представителя органа досудебного публичного уголовного преследования прокурор выносит одно из следующих постановлений:

1) об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

5. Постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано стороной защиты вышестоящему прокурору.

Статья (317.3). Порядок составления досудебного соглашения о сотрудничестве

1. После вынесения постановления об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор приглашает представителя органа публичного досудебного уголовного преследования подозреваемого, обвиняемого или уголовно-преследуемое лицо и его защитника. С их участием прокурор составляет досудебное соглашение о сотрудничестве.

2. В досудебном соглашении о сотрудничестве должны быть указаны:

1) дата и место его составления;

2) должностное лицо органа прокуратуры, заключающее соглашение со стороны обвинения;

3) фамилия, имя и отчество лица, заключающего соглашение с прокурором, дата и место его рождения;

4) описание преступления, совершенного привлекаемого к уголовному преследованию лицом, с указанием времени, места его совершения, а также других обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии с пунктами 1 - 4 части первой статьи 73 настоящего Кодекса;

5) пункт, часть, статья Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за данное преступление;

6) обязательства, которые берет на себя защита и конкретные действия, которые привлекаемое к уголовному преследованию лицо, подозреваемый или обвиняемый обязуется совершить при выполнении взятых им обязательств;

7) нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также иные не запрещенные законом меры, которые могут быть применены в отношении обвиняемого, осужденного при соблюдении последним условий и выполнении обязательств, указанных в досудебном соглашении о сотрудничестве;

8) обязательства, которые берет на себя прокурор и орган публичного уголовного преследования в ходе досудебного производства; а также обязательства, которые берет на себя прокуратура при поддержании государственного обвинения в суде и после принятия судом решения по делу;

9) процессуальная ответственность сторон за невыполнение взятых на себя обязательств.

3. Прокурор разъясняет подозреваемому или обвиняемому, заявившим ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, что в случае отказа от дачи показаний в суде в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления, с учетом положений пункта 2 части четвертой статьи 46, пункта 3 части четвертой статьи 47 настоящего Кодекса его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу; что на основании статьи 317.8 настоящего Кодекса приговор может быть пересмотрен, если после назначения подсудимому наказания будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, им не соблюдены условия и не выполнены обязательства, предусмотренные досудебным соглашением о сотрудничестве; что после рассмотрения в порядке, предусмотренном статьей 317.7 настоящего Кодекса, уголовного дела, выделенного в отношении его в отдельное производство, он может быть привлечен к участию в уголовном деле в отношении соучастников преступления и иных лиц, совершивших преступления.

4. Досудебное соглашение о сотрудничестве подписывается прокурором, привлекаемым к уголовному преследованию лицом, подозреваемым или обвиняемым, его защитником.

Статья (317.4). Проведение предварительного следствия в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

1. Уголовное дело или иные материалы, где сторонами было заключено соглашение о сотрудничестве, должно быть как можно скорее принято в отдельное производство следователем.

2. Предварительное следствие по выделенному в отдельное производство в соответствии с пунктом 4 части первой статьи 154 настоящего Кодекса уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводится в порядке, установленном главами 22 - 27 и 30 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, предусмотренных настоящей статьей.

3. Ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, постановление прокурора об удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, досудебное соглашение о сотрудничестве приобщаются к уголовному делу.

4. В случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц следователь выносит постановление о хранении документов, указанных в части второй настоящей статьи, в опечатанном конверте.

5. Окончательное обвинение, выдвигаемое следователем не может быть более тяжким, чем то, что было закреплено в соглашении о сотрудничестве.

6. После окончания предварительного следствия уголовное дело в порядке, установленном статьей 220 настоящего Кодекса, направляется прокурору для утверждения обвинительного заключения и вынесения представления о соблюдении обвиняемым условий и выполнении обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

7. В случае сообщения подозреваемым или обвиняемым, с которыми заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, лишь сведений о собственном участии в совершенном деянии или сведений, уже известных органам предварительного расследования, в случае отказа от дачи показаний, избобличающих соучастников преступления и иных лиц, совершивших особо тяжкие или тяжкие преступления, либо в случае выявления других данных, свидетельствующих о несоблюдении подозреваемым или обвиняемым условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве, прокурор вправе вынести постановление об изменении или о прекращении действия такого соглашения.

8. В случае вынесения прокурором постановления об изменении досудебного соглашения о сотрудничестве составляется новое досудебное соглашение о сотрудничестве в порядке, предусмотренном статьей

317.3 настоящего Кодекса. В случае вынесения прокурором постановления о прекращении действия досудебного соглашения о сотрудничестве производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

9. Обвиняемый и его защитник вправе заявить ходатайство о расторжении соглашения о сотрудничестве с прокурором и отказаться от выполнения обвиняемым взятых на себя обязательств. Право принятия решения о соглашении и досудебном исходе дела принадлежит прокурору.

Статья (317.5). Представление прокурора об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

1. Прокурор в порядке и сроки, которые установлены статьей 221 настоящего Кодекса, рассматривает поступившее от следователя уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, а также материалы, подтверждающие соблюдение обвиняемым условий и выполнение обязательств, предусмотренных данным соглашением, и при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением в случае утверждения обвинительного заключения выносит представление об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по данному уголовному делу. В представлении указываются:

1) характер и пределы содействия обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании соучастников преступления или иных лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие преступления, розыске имущества, добытого в результате совершения тяжких, особо тяжких преступлений;

2) значение сотрудничества с обвиняемым для раскрытия и расследования преступления, изобличения и уголовного преследования других соучастников преступления и иных лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие преступления, розыске имущества, добытого в результате совершения тяжких, особо тяжких преступлений;

3) выявленные тяжкие, особо тяжкие преступления, уголовные дела, возбужденные в результате сотрудничества с обвиняемым, размеры изъятого и арестованного имущества, полученного преступным путем;

4) степень угрозы личной безопасности, которой подвергались обвиняемый в результате сотрудничества со стороной обвинения, его близкие родственники, родственники и близкие лица и необходимость принятия мер по обеспечению его безопасности;

5) способность обвиняемого выступить свидетелем обвинения в суде по другим уголовным делам с целью изобличения соучастников преступления, иных лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие преступления.

2. В представлении прокурор также удостоверяет полноту и правдивость сведений, сообщенных обвиняемым при выполнении им обязательств, предусмотренных заключенным с ним досудебным соглашением о сотрудничестве.

3. Копия вынесенного прокурором представления вручается обвиняемому и его защитнику, которые вправе представить свои замечания, учитываемые прокурором при наличии к тому оснований.

4. Не позднее трех дней с момента ознакомления обвиняемого и его защитника с представлением прокурор направляет уголовное дело и представление в суд.

Статья (317.6). Основания применения особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

1. Основанием для рассмотрения судом вопроса об особом порядке проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, является уголовное дело, поступившее в суд с представлением прокурора, указанным в статье 317.5 настоящего Кодекса.

2. Особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, применяется, если суд удостоверится, что:

- 1) подсудимый совершил преступление, в котором обвиняется;
- 2) досудебное соглашение о сотрудничестве было заключено обвиняемым добровольно и при участии защитника;
- 3) подсудимый и его защитник настаивают на рассмотрение уголовного дела в особом порядке;

4) государственный обвинитель подтвердил активное содействие обвиняемого следствию в раскрытии и расследовании, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления и иных лиц, совершивших тяжкие, особо тяжкие преступления, розыске имущества, добытого в результате совершения тяжких, особо тяжких преступлений, и настаивает

3. Суд принимает решение о назначении судебного разбирательства в общем порядке в случае, если реализация намерения сторон, закрепленных в соглашении о сотрудничестве, противоречит интересам правосудия, справедливости, существенно нарушает права третьих лиц.

4. Суд по своей инициативе не должен входить в оценку выполнения обвиняемым взятых на себя обязательств по соглашению и результативности оказанного им содействия органам публичного уголовного преследования.

Статья (317.7) Порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

1. Судебное заседание и постановление приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, проводятся в порядке, установленном статьей 316 настоящего Кодекса, с учетом требований настоящей статьи.

2. Судебное заседание проводится с обязательным участием подсудимого и его защитника.

3. Судебное заседание начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, после чего государственный обвинитель подтверждает содействие подсудимого следствию, разъясняет суду, в чем именно оно выразилось и подтверждает свою позицию о возможности рассмотрения дела без проведения судебного следствия.

4. Судья опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением, и предлагает подсудимому дать показания по существу предъявленного обвинения, после чего участвующие в рассмотрении дела защитник и государственный обвинитель вправе задать подсудимому вопросы.

5. Судья вправе выяснить, какое содействие следствию было оказано обвиняемым и в чем именно оно выразилось, а также обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание.

6. При отсутствии законных препятствий судья постановляет обвинительный приговор и с учетом положений частей второй и четвертой статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации назначает подсудимому наказание. По усмотрению суда подсудимому с учетом положений статей 64, 73 и 80.1 Уголовного кодекса Российской Федерации могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление, условное осуждение или он может быть освобожден от отбывания наказания.

7. Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора должна содержать описание преступного деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый.

8. После провозглашения приговора судья разъясняет сторонам право и порядок его обжалования, предусмотренные главой 45.1 настоящего Кодекса.

Статья (317.8). Пересмотр приговора, вынесенного в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

Если после назначения подсудимому наказания в соответствии с положениями, регулирующими особый порядок проведения судебного заседания и вынесения судебного решения по уголовному делу в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, будет обнаружено, что он умышленно сообщил ложные сведения или умышленно скрыл от следствия какие-либо существенные сведения, то приговор подлежит пересмотру в порядке, установленном разделом XV настоящего Кодекса.

Статья (317.9). Меры безопасности, применяемые в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве

1. При необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц применяются меры безопасности, предусмотренные статьей 11 и пунктом 4 части второй статьи 241 настоящего Кодекса.

2. На лицо, с которым прокурором было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, могут быть распространены меры государственной защиты участников уголовного судопроизводства, предусмотренные федеральным законом, в том числе и после его осуждения по приговору суда.

Глава * «Примирительные производства»

Статья (25-25.1-427) Освобождение совершившего преступление лица от уголовной ответственности в связи с примирением его с потерпевшим

1. Суд в любой момент производства по делу, но до удаления в совещательную комнату, вправе прекратить уголовное дело за примирением потерпевшего с подсудимым, обвиняемым в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом позиции государственного обвинителя, с назначением или без назначения судебного штрафа.

2. Орган дознания, орган предварительного следствия с согласия прокурора вправе на основании совместного заявления потерпевшего или его законного представителя и медиатора прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим.

3. Прокурор должен убедиться в согласии обвиняемого с обвинением и добровольном примирении потерпевшего и обвиняемым.

Медиатор, назначаемый прокурором, обязан провести предварительную процедуру примирения.

4. В случае повторного совершения преступления или при наличии других отягчающих обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого и его деяние, прокурор прекращает уголовное дело и направляет его следственному судье с ходатайством о назначении судебного штрафа.

5. В случае совершения преступления небольшой или средней тяжести несовершеннолетним лицом прокурор вправе после примирения обвиняемого с потерпевшим направить уголовное дело в ювенальный суд для применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетнему нарушителю уголовного закона.

6. Суд рассматривает уголовное дело и ходатайством прокурора о назначении лицу, совершившему преступление судебного штрафа, а несовершеннолетнему, совершившему преступление – принудительной меры воспитательно воздействия, в порядке, предусмотренном частями четвертой, шестой, восьмой, девятой и одиннадцатой статьи 108 настоящего Кодекса.

Статья (28-28.1). Освобождение совершившего преступление лица от уголовной ответственности или отбывания наказания в связи с возмещением ущерба в полном объеме, деятельным раскаянием

1. Суд, а также прокурор по ходатайству органа предварительного следствия или дознания вправе прекратить уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести связи с возмещением им ущерба в полном объеме, а также в случаях, предусмотренных частью первой статьи 75 Уголовного кодекса Российской Федерации.

2. Прекращение уголовного преследования лица по уголовному делу о преступлении иной категории при деятельном раскаянии лица в совершенном преступлении осуществляется судом или прокурором по ходатайству органа предварительного следствия или дознания в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. Суд или прокурор по ходатайству органа предварительного следствия или органа дознания прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 198-199.1, 199.3, 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии основания, предусмотренного частью первой статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, в случае, если ущерб, причиненный бюджетной

системе Российской Федерации в результате преступления, возмещен в полном объеме¹.

4. Суд или прокурор по ходатайству органа предварительного следствия или органа дознания прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьями 146 частями первой и второй, пунктом "в" части третьей, 147 частью первой, 159 частями пятой - седьмой, 159.1 частью первой, 159.2 частью первой, 159.3 частью первой, 159.5 частью первой, 159.6 частью первой, 160 частью первой, 165 частью первой и пунктом "б" части второй, 170.2, 171 частью первой и пунктом "б" части второй, 171.1 частями первой и первой.1, 171.5, 172 частью первой и пунктом "б" части второй, 176, 177, 178 частью первой и пунктом "в" части второй, 180 частями первой - третьей, 185 частями первой и второй, 185.1, 185.2 частью первой, 185.3 частью первой, 185.4 частью первой, 185.6, 191 частями второй и четвертой, 192, 193 частью первой и пунктом "а" части второй, 194 частями первой и второй, 195 - 197 и 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии основания, предусмотренного частью второй статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

5. Суд или прокурор по ходатайству органа предварительного следствия или органа дознания прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного статьей 193, частями первой и второй статьи 194, статьями 198-199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, при наличии оснований, предусмотренных частью третьей статьи 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

6. До прекращения уголовного преследования лицу должны быть разъяснены основания его прекращения в соответствии с частями первой-пятой настоящей статьи и право возражать против прекращения уголовного преследования.

7. Прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в частях первой-пятой настоящей статьи, не допускается, если лицо, в отношении которого прекращается уголовное преследование, против этого возражает. В данном случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке.

8. В случае повторного совершения преступления или при наличии других отягчающих обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого и его деяние, прокурор при наличии основания, предусмотренного в частях

---

¹ Под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации, понимается уплата в полном объеме недоимки, пеней и штрафов в порядке и размере, определяемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика расчета размера пеней и штрафов.

первой-пятой настоящей статьи, прекращает уголовное дело и направляет его следственному судье с ходатайством о назначении судебного штрафа.

9. Суд рассматривает ходатайство прокурора о назначении лицу, совершившему преступление, судебного штрафа, а несовершеннолетнему лицу, совершившему преступление – принудительной меры воспитательно-воздействия, в порядке, предусмотренном частями четвертой, шестой, восьмой, девятой и одиннадцатой статьи 108 настоящего Кодекса.

10. Суд по уголовному делу, находящему в его производстве, вправе прекратить уголовное дело по одному из оснований, указанных в частях первой-пятой настоящей статьи, с назначением или без назначения штрафа.

11. Суд или прокурор вправе прекратить уголовное дело в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести в связи с заключением данным лицом контракта с Министерством обороны Российской Федерации или иным федеральным органом исполнительной власти, в котором предусмотрено предусмотрена военная служба, или частной военной кампанией, о прохождении военной службы, предполагающим обязательное его участие в боевых действиях сроком не менее одного года.

12. Суд, орган предварительного расследования, в чьем производстве находится уголовное дело обязаны предоставить подозреваемому или обвиняемому возможность заключения контракта о прохождении военной службы с участием в боевых действиях.

13. Суд по месту отбывания наказания осужденным к лишению свободы обязан рассмотреть его ходатайство об условно-досрочном освобождении в связи с заключением им контракта о прохождении военной службы, предполагающим обязательное его участие в боевых действиях сроком не менее одного года. Суд рассматривает ходатайство осужденного и принимает решение в порядке, предусмотренном статьей 399 УПК РФ.

14. Администрация учреждения, исполняющего наказание, обязана предоставить осужденному возможность для заключения контракта о прохождении военной службы.

15. Окончательное решение об освобождении от уголовной ответственности обвиняемого, а осужденного от отбывания наказания в связи с деятельным раскаянием, свидетельствующим об утрате им общественной опасности в результате прохождения военной службы, а так же об освобождении его от обязанности по возмещению вреда, причиненного потерпевшему, принимается военным судом по месту исполнения лицом контракта.